

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

С.Г. КАРА-МУРЗА

ВЛАСТЬ МАНИПУЛЯЦИИ

КАДЕМИЧЕСКИЙ

ПРОЕКТ

С.Г. Кара-Мурза

**ВЛАСТЬ
МАНИПУЛЯЦИИ**

Москва
Академический Проект
2009

УДК 316
ББК 60.5
К21

Кара-Мурза С.Г.

К21   **Власть манипуляции.** — Изд. 2-е. — М.: Академический Проект, 2009. — 380 с. — (Социально-политические технологии).

ISBN 978-5-8291-1154-0

В книге всесторонне исследуются методы и формы манипуляции общественным сознанием, имеющей своей целью «зомбирование», роботизацию человека. Автор считает, что уже в настоящее время деятельность по манипуляции общественным сознанием «изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты», в особенности читателя и телезрителя. Занимая позицию неприятия технологий такого рода, автор утверждает, что именно через отношение к манипуляции сознанием (законна ли она и имеет ли моральные оправдания) определится цивилизационный и культурный выбор новой России: «это не выбор президента, партии и даже политического строя. Речь идет о выборе жизнеустройства».

УДК 316
ББК 60.5

© Кара-Мурза С.Г., 2007
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2009

ISBN 978-5-8291-1154-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
РАЗДЕЛ I. СУЩНОСТЬ И ДОКТРИНЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ ...	8
Глава 1. О чем идет речь.....	8
Глава 2. «Анатомия и физиология» манипуляции сознанием	12
Глава 3. Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием	30
Глава 4. Основные доктрины манипуляции сознанием.....	48
§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание.....	48
§ 2. Учение о гегемонии Антонио Грамши	52
§ 3. Психологическая доктрина	60
§ 4. Социодинамика культуры.....	72
РАЗДЕЛ II. ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ: ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ	77
Глава 5. Оснащение ума: язык слов	77
§ 1. Магическая сила слов	77
§ 2. Сотворение нового языка	80
§ 3. Манипулятивная семантика.....	90
Глава 6. Иные знаковые системы.....	98
§ 1. Язык чисел. Мера.....	98
§ 2. Язык образов	113
§ 3. Мир звуков и запахов.....	122
РАЗДЕЛ III. ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ: ДУХОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ	127
Глава 7. Мышление: его типы и оснащение	127
§ 1. Логическое мышление.....	127
§ 2. Некогерентность умозаключений.....	140
§ 3. Аутистическое сознание	146
§ 4. Ассоциативное мышление. Метафоры	157
§ 5. Манипуляция понятиями и категориями	171
§ 6. Стереотипы	191
Глава 8. Чувства	204
§ 1. Эмоциональное воздействие как предпосылка манипуляции ...	204
§ 2. Чувство юмора. Смех	208
§ 3. Страх.....	214
§ 4. Страхи и тип культуры	225
§ 5. Страхи «холодной войны»	229
§ 6. Страх терроризма.....	235

Глава 9. Манипуляция и воздействие на память.....	240
§ 1. Запоминание, узнавание и внушение.....	240
§ 2. Историческая память.....	244
§ 3. Краткосрочная память и манипуляция в политике.....	248
Глава 10. Общество спектакля.....	252
§ 1. Воображение и поведение.....	252
§ 2. Манипуляция вниманием.....	264
§ 3. Политический спектакль и манипуляция сознанием.....	267

РАЗДЕЛ IV. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И МАНИПУЛЯЦИЯ

СОЗНАНИЕМ.....	276
Глава 11. Массовая культура.....	276
§ 1. Толпа и ее искусственное создание.....	276
§ 2. Разрешение аморальности.....	284
§ 3. Стресс как фактор ослабления психологических защит.....	293
§ 4. Захват и присоединение аудитории.....	298
Глава 12. Средства массовой информации.....	303
§ 1. Цели, образ действия и место в культуре средств массовой информации.....	303
§ 2. Средства массовой информации: манипулятивная семантика и риторика.....	318
Глава 13. Телевидение.....	330
§ 1. Свобода сообщений — цензура — манипуляция сознанием.....	330
§ 2. Пещерные люди XXI в.....	333
§ 3. Телевидение как технология разрушения сознания.....	337
§ 4. Телевидение и создание реальности.....	344
§ 5. Телевидение и манипуляция сознанием в политике.....	353
Заключение.....	362

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга носит не технологический характер. Это не руководство по практике манипулирования сознанием и не наставление по защите от манипуляции («самообороне без оружия»). Главная цель книги — дать материал для того, чтобы каждый мог задуматься над тем выбором, перед которым сегодня стоит наша страна и наша культура. Это — не выбор президента, партии или даже политического строя. Речь идет о выборе жизнеустройства (типа цивилизации).

Нынешнее время нередко называют «переходным периодом». В этих словах скрыт большой смысл. Переход — от чего к чему? Сегодня мы застряли в пространстве между двумя разными типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет манипуляция сознанием. Это, разумеется, лишь один из множества элементов, определяющих образ жизни, но элемент исключительно важный и многое раскрывающий в сущности всей системы жизнеустройства. Получив об этом элементе хотя бы предварительное знание, мы лучше поймем и целое.

Для освоения этого знания мы довольно хорошо подготовлены эмпирически — в течение последних пятнадцати лет наше общество само было объектом очень интенсивной кампании по манипуляции сознанием. Благодаря этой кампании и удалось произвести огромную по масштабам и глубине революцию — осуществить смену общественного строя. Свежий опыт и повседневные наблюдения дают нам достаточно материала, чтобы каждый мог дополнить им краткие рассуждения учебного пособия.

Произведенная в СССР кампания по манипуляции сознанием была исключительно эффективна. Так, всего за два года (с 1989 по 1991 г.) идеологи рыночной реформы сумели внушить рабочим мысль, что приватизация промышленных предприятий и неизбежная при этом безработица соответствуют их интересам. Это — выдающееся достижение технологов манипуляции, если учесть, что за эти два года рабочие не получили никакого положительного опыта, который мог бы убедить их в благотворности приватизации и безработицы, и не могли получить никаких логических доводов или хотя бы доводов от здравого смысла. Имело место внушение.

Если считать, что мы представляем из себя народ (то есть связанную общей культурой общность с надличностным разумом и коллективной памятью), то надо признать: в ходе этой кампании наша народная мудрость почему-то дала осечку. В результате этого сбоя в общественном сознании мы переживаем не только глубокий экономический, но и культурный кризис. Преодоление его возможно лишь в том случае, если мы вновь обретем культурную идентичность, овладеем новой ситуацией в нашем духовном пространстве и восстановим присущие нашей национальной культуре координаты для ориентации в вопросах Добра и Зла.

Для этого требуется понимание тех методов, которыми воздействовали на наше сознание, и проведение анализа нашего собственного восприятия этих действий. Они носят скучное название — «манипуляция общественным сознанием». По своим масштабам, затратам, продолжительности и результатам эта программа манипуляции не имеет аналогов в истории. В ходе ее подготовки и выполнения сделано огромное количество находок и даже открытий, накоплено новое важное знание о человеке и обществе, об информации и языке, об экономике и экологии. Прежде чем начать решающие действия в СССР и России было получено ценное знание по этнографии и антропологии. Мир изменился не только из-за краха СССР. Сама невидимая деятельность по манипуляции общественным сознанием множества народов Земли изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты. И особенно «культурный слой человечества» — читателя и телезрителя.

Сегодня мировая пресса полна заявлений о принципиальной возможности полного контроля над поведением человека, причем с очень небольшими затратами. С другой стороны, множество тех, кто посчитал себя жертвами манипуляции, впали в уныние и уверовали в какое-то тайное оружие, разработанное спецслужбами, в какие-то психотропные средства, с помощью которых политики «зомбируют» людей. Вера в мистическую силу манипуляторов парализует волю, так что «создание» этой веры (путем слухов, статей, «обличений» и «признаний») — само по себе есть важное средство манипуляции общественным сознанием.

Люди, независимо от их идеологии и политических пристрастий, делятся на два типа. Одни считают, что, в принципе, человек — это большой ребенок, и манипуляция его сознанием (разумеется, «ради его собственного блага») просвещенными и мудрыми правителями — не только допустимое, но и предпочти-

тельное, «прогрессивное» средство. Например, многие специалисты и философы утверждают, что переход от принуждения, тем более с применением насилия, к манипуляции сознанием — огромный шаг в развитии человечества.

Другие считают, что свобода воли человека, предполагающая обладание незамутненным разумом и позволяющая делать ответственный выбор (пусть и ошибочный) — огромная ценность. Эта категория людей отвергает законность и моральное оправдание манипуляции сознанием. В пределе, эта часть граждан считает физическое насилие менее разрушительным (если и не для индивидуума, то для рода человеческого), чем «зомбирование», роботизация людей.

Эти две позиции определяются ценностями, идеалами человека. Значит, спорить о том, какая из позиций правильнее и лучше, бесполезно. Это все равно что спорить, что важнее — душа или тело. Рационально и даже логично можно рассуждать о том, какие последствия для общества и личности повлечет за собой превращение той или иной идеальной позиции в политическую доктрину. Влияет ли на жизнь человека воплощение этой доктрины линейно, или это влияние имеет критические пороговые уровни? То есть допустима ли «манипуляция в разумных пределах», или признание ее как оправданного средства управления означает перескок в качественно иное общество?

Поэтому в книге, которая предлагается читателю как матрица для рефлексии и диалога, мы постарались избежать обвинений и оценки идеалов. Будем говорить о делах — их можно и нужно оценивать с позиций совести, поскольку они затрагивают жизнь людей. Но и скрывать свои установки бесполезно и даже вредно. Поэтому хотел бы предупредить, что книга написана с позиций неприятия манипуляции и общественным, и личным сознанием. Я уверен, что на этом пути человека ждет беда — истощение культуры и угасание всего рода человеческого, включая касту жрецов, сидящих у пульта манипулирующей машины.

Но это — в туманной дали, об этом лучше читать у Достоевского. Мы же поговорим о вещах явных и осязаемых — о той технологии манипуляции сознанием, которая сложилась в наше время и которая была применена и применяется против обычных граждан во множестве стран.

Раздел I

СУЩНОСТЬ И ДОКТРИНЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Глава 1. О чем идет речь

Ограничим предмет нашего разговора, идя от общего к частному.

В живой природе человек — качественно новое явление. Он не просто социальное существо, которое может существовать, только интенсивно обмениваясь информацией с себе подобными (таков и муравей). Он обладает разумом, способным к абстрактному мышлению, и языком. Язык и мышление — большие сложные системы, на которые можно воздействовать с целью программирования поведения человека. Человек обладает сложной психикой, важной частью которой является воображение. Оно развито настолько, что жизнь протекает одновременно в двух измерениях, в двух «реальностях» — действительной и воображаемой. Воображаемый мир в большой степени (а у многих и в первую очередь) определяет поведение человека. Но он зыбок и податлив, на него можно воздействовать извне так, что это воздействие будет незаметно.

В общем, человек живет не только в объективно существующем физическом мире, но и в искусственно созданной им так называемой «ноосфере» — мире, созданном сознательной деятельностью рода человеческого. Сужая понятие, можно сказать, что человек живет в искусственно созданном мире культуры.

Таким образом, все живые существа воздействуют на поведение тех, с кем они сосуществуют в своей экологической нише, используя природные объекты и программы, записанные природой в виде инстинктов. Но человек в дополнение к этому воздействует на поведение других людей, оказывая влияние на сферу культуры.

Разумеется, можно программировать поведение человека и путем непосредственного внешнего воздействия на его био-

логические структуры и процессы, например, вживив электроды в мозг и стимулируя или блокируя те или иные управляющие поведением центры. При некоторой технической изоциренности можно воздействовать на высшую нервную систему человека на расстоянии с помощью физических полей или химических средств.

В свое время вызвали интерес опыты Хосе Дельгадо в университете Атланты (США), результаты которых потом были засекречены. Там испытывали так называемый «телестимулятор мозга». На электроды, вживленные в мозг обезьяны, сигнал подавался на расстоянии, с помощью радиопередатчика. По своему желанию экспериментатор мог вызывать у животного желания и эмоции: аппетит, страх, агрессивность и т. д. Более того, это можно было делать с помощью снабженной передатчиком ЭВМ — поведение «программировалось» в буквальном смысле слова.

И в прошлом, и сейчас применяют воздействие на поведение человека с помощью грубого хирургического вмешательства в его организм. В США долгое время широко использовалось лоботомирование — хирургическое удаление некоторых центров в лобной части головного мозга, после чего беспокойный человек утрачивает мятежный дух и становится всем довольным (кто-то наверняка смотрел фильм М. Формана «Пролетая над гнездом кукушки»).

Существенная доля женщин в бедных странах (а сегодня, в момент тяжелого культурного кризиса, и в бывшей ГДР) добровольно подвергается стерилизации. Это сильно меняет и психическую сферу, и некоторые стороны поведения. Еще недавно во многих странах видное место в обществе занимали евнухи. Кастрированные мужчины в некоторых важных вопросах также ведут себя вполне предсказуемо¹.

В этой книге мы не будем обсуждать ни применение электродов в «коррекции» поведения, ни лоботомирование, ни воздействие психотропными лучами или газами. Все это, по

---

¹ И речь идет не только о «тиранических обществах Востока». На Западе с его священными правами человека совсем недавно, в XX в., кастрировали множество мальчиков с хорошим голосом ради поддержания культуры вокала. Там и сегодня еще можно услышать прекрасное пение знаменитых сопранокастратов (кстати, стыдливость европейски образованного человека доходит до того, что большинство каким-то образом забыло, что само слово «сопрано» означает «кастрат»).

нашим меркам, является преступным вмешательством в организм человека и, хочется надеяться, в ближайшие годы открыто и в массовом масштабе использоваться не будет. А если эти средства и будут применяться, то это рано или поздно вскроется и какое-то возмездие преступников настигнет. История дает в этом отношении основания для оптимизма.

Конечно, бдительность необходима. Энтузиастов с тоталитарным мышлением хватает под любым знаменем, даже демократическим. В своей уверенности, будто им дано право искоренять пороки «отсталых» народов, они легко скатываются до идеи биологической переделки «человеческого материала». Ставший видным идеологом врач Н. Амосов писал в 1992 г.:

«Исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке — евгенике — улучшению человеческого рода. Изменится настороженное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников... Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и какое общество имеют право жить на земле».

Эти помыслы выражают тайное желание элиты иметь население, которое вело бы себя именно так, как выгодно, удобно и приятно именно ей, элите. Но мы, повторяю, не будем говорить ни о планах «улучшения человеческого рода» и лечении по суду электродами, ни о воздействии психотропными лучами.

Наш предмет — простая и реально существующая вещь, ставшая неотъемлемой частью нашей жизни в культуре. Это манипуляция сознанием и поведением человека с помощью законных и поддающихся изучению средств. Она представляет собой технологию, которую используют согласно своим служебным обязанностям и за небольшую зарплату сотни тысяч профессиональных работников независимо от их личной нравственности, идеологии и художественных вкусов. Это та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться, но он может изучить ее инструменты и приемы, а значит, создать свои индивидуальные и коллективные «средства защиты».

Получение знания об инструментах и приемах манипуляции сознанием является правом человека в мало-мальски демократическом обществе. Систематизация и распространение этого знания является моральным долгом образованного чело-

века и гражданина. Если такое знание станет доступным для достаточно большого числа людей, то станут возможны и совместные действия по защите против манипуляции, то есть более широкая реализация демократических прав и свобод человека.

Конечно, манипуляторы будут изобретать новые инструменты и новые приемы. Но это уже будет нелегкая и дорогостоящая борьба, а не подавление безоружного и беззащитного населения. И это будет борьба ничтожного меньшинства (хотя и обладающего деньгами и организацией) против огромной массы творчески мыслящих, изобретательных людей. Сам переход к борьбе будет означать важный поворот в судьбе нашего общества, а может быть, и всего человечества.

Знание о том, как посредством манипуляции сознанием одни люди воздействуют на поведение других, накапливается и в науке, и в художественном творчестве, и в обыденном опыте. Наука, которая обязана изучать реальность беспристрастно и нейтрально, не давая никому моральных оценок, в основном описывает структуру самого процесса манипуляции, ее технику, ее приемы и системы приемов. Это — технологический подход.

Литература, театр, кино копаются в душе человека, исследуют мотивы поступков, истоки доверчивости жертв манипуляции, угрызания совести манипуляторов — все это через призму нравственных норм той или иной культуры. Описывая внутренний мир всех участников акта манипуляции сознанием, художники порой создают сложные модели, которые потом надолго становятся уже предметом научных исследований. В «Братьях Карамазовых» Достоевский «расщепил» душу человека, представив каждую ее часть в виде отдельного участника сложного конфликта. Есть даже теория, что именно в совокупности всех членов семьи Карамазовых Достоевский представил душу человека, и ее свято-звериный характер, и изощренный, противоречивый ум, и жажду испытать всю низость падения, и соблазн предательства.

В художественном творчестве талант художника состоит именно в том, чтобы не выпятить модель («мораль») слишком сильно, чтобы «эксперимент», который ставит писатель над своими героями, не был надуманным, искусственным. Высшее достижение этого жанра, видимо, — убийство отца Карамазова. Это — *experimentum crucis* (критический эксперимент), поставленный и описанный Достоевским с удиви-

тельным мастерством. Недаром он освещается в литературе по истории и методологии науки. Но вообще произведения, посвященные тонкому воздействию на поведение человека, составляют очень большую часть литературы.

Отдельно сложился синтетический подход — описание конкретных случаев, наблюдаемых или вымышленных (*case studies*). В них реальность «вычищается» не слишком сильно, так что описание убеждает наличием жизненных деталей, но в то же время модель просвечивает достаточно сильно. Поэтому в завершение рассказа о модельном случае можно сделать довольно определенный вывод, и логика его понятна читателю.

Литература по новейшей истории полна описаниями того, как «партия Наполеона» во Франции приводила молодого генерала к власти так, чтобы влиятельные социальные силы буквально умоляли его эту власть принять. Недавно, почти на наших глазах, идеологи Запада провели блестящую кампанию по манипуляции общественным сознанием в Европе, убедив свой средний класс поддержать Мюнхенские соглашения и «разрешить» Гитлеру поход на Восток (хотя в тот момент остановить его не составляло труда — речь шла именно о разрешении или запрещении). Эта кампания также описана как «модельный случай». После Второй мировой войны усиленно изучаются все местные гражданские войны и национальные конфликты, выявляя в каждом случае технологию манипуляции общественным сознанием. «Бархатные революции» и перестройка в СССР дали обществоведам всего мира материала на сотню лет. Один «август 1991 года» уже перекрыл по главным параметрам самые блестящие провокации в истории.

В этой книге мы не будем следовать какому-то одному подходу, а постараемся выбрать полезные для нас идеи и сведения из запаса готового знания и применить их в практикуме для анализа тех слов и дел, которые нам приходится слышать, видеть и терпеть в нашей реальной жизни.

Глава 2. «Анатомия и физиология» манипуляции сознанием

«Человек — существо социальное. Только боги и звери могут жить вне общества», — утверждал Аристотель. Индивидуум — это абстракция, которая сложилась в XVII в. при возникновении современного западного общества. Само ла-

тинское слово «индивидуум» есть перевод греческого слова «атом», что по-русски означает неделимый. На практике миф об индивидууме неосуществим, человек возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием. Ребенок, воспитанный дикими животными (такие случаи известны и изучены), не становится красавцем Маугли. Он не человек и выжить не может. Не становится человеком даже ребенок, надолго изолированный матерью от других людей.

Заложенная в нас биологически программа поведения недостаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется программой, записанной в знаках культуры. И эта программа — коллективное произведение. Значит, наше поведение всегда находится под воздействием других людей, и защитить себя от этого воздействия каким-то жестким барьером мы в принципе не можем. Какой же вид воздействия на наше поведение во всем огромном спектре воздействий мы определим как манипуляцию?

Само это слово имеет отрицательную окраску. Им мы обозначаем то воздействие, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы, согласно последующей оценке, оказались в проигрыше. Если приятель на ипподроме уговорил вас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: «Он мной манипулировал». Нет, он дал вам дельный совет.

С другой стороны, не всякое воздействие, подчинясь которому вы оказались в убытке, вы назовете манипуляцией. Если в темном переулке вам приставили нож к животу и шепнули: «Деньги и часы — быстро», то ваше поведение очень эффективно программируется. Но обозвать незнакомца манипулятором в голову не приходит. Какой же смысл мы вкладываем в это понятие?

Само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово *manus* — рука (*manipulus* — пригоршня, горсть). В словарях европейских языков слово толкуется как обращение с объектами с определенной целью (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т. д.). Имеется в виду, что для таких действий требуется ловкость и сноровка. В технике те приспособления для управления механизмами, которые как бы являются продолжением рук (рычаги, рукоятки), называются манипуляторами.

Отсюда произошло и современное переносное значение слова — ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует мани-

пуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка». Изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которого он от них ожидает».

Одной из первых книг, прямо посвященных манипуляции сознанием, была книга социолога из ФРГ Герберта Франке «Манипулируемый человек» (1964). Он дает такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама».

Подчеркнем два важнейших признака манипуляции сознанием как способа программирования поведения людей — ловкость и скрытность. Так, что человек даже не должен знать, какого именно поведения хочет достичь от него манипулятор. Эти признаки сразу резко ограничивают понимаемый как манипуляция набор способов управления.

Таким образом, термин «манипуляция» есть метафора и употребляется в переносном смысле: ловкость рук в обращении с вещами перенесена в этой метафоре на ловкое управление людьми (и, конечно, уже не руками а специальными «манипуляторами»). Метафора манипуляции складывалась постепенно. Важным этапом в ее развитии было обозначение этим словом фокусников, работающих без сложных приспособлений, руками («фокусник-манипулятор»). Искусство этих артистов основано на свойствах человеческого восприятия и внимания — на знании психологии человека. Своих эффектов фокусник-манипулятор добивается, используя психологические стереотипы зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя их внимание, действуя на воображение, — создавая иллюзии восприятия. Если артист владеет мастерством, то заметить манипуляцию очень трудно, хотя дошлые скептики смотрят во все глаза.

Именно когда все эти принципы вошли в технологию управления поведением людей, возникла метафора манипуляции в ее современном смысле — как программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции.

Если выписать те определения, которые дают авторитетные исследователи манипуляции, то можно выделить ее главные, родовые признаки. Во-первых, это — вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности.

Во-вторых, манипуляция — это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. Один из ведущих специалистов по американским средствам массовой информации профессор Калифорнийского университета Г. Шиллер замечает: «Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться».

Эту «фальшивую действительность» создают СМИ. Они являются ретранслятором авторитетных мнений, которые усваиваются людьми, а затем воспринимаются ими как свои собственные выводы. Э. Фромм в книге «Бегство от свободы» различает две качественно разные категории — мысли, которые являются продуктом самостоятельного мышления, и усвоенные чужие мысли. Он пришел к такому выводу: «На самом деле людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил, внутренним или внешним условиям и “хотят” именно того, что им приходится делать».

Если попытка манипуляции вскрывается и разоблачение становится достаточно широко известным, акция обычно свертывается, поскольку раскрытый факт такой попытки наносит манипулятору значительный ущерб. Еще более тщательно скрывается главная цель — так, чтобы даже разоблачение самого факта попытки манипуляции не привело к выяснению дальних намерений. Поэтому сокрытие, утаивание информации — обязательный признак, хотя некоторые приемы манипуляции включают в себя игру в искренность, когда манипулятор рвет на груди рубаху и пускает по щеке скупую мужскую слезу.

В-третьих, манипуляция — это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. Встречаются, конечно, талантливые самородки с мощной интуицией, способные к манипуляции сознанием с помощью доморощенных

средств. Но размах их действий невелик, ограничивается личным воздействием — в семье, в бригаде, в воинском коллективе или банде. Если же речь идет об общественном сознании, о политике, пусть даже местного масштаба, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные знания, почерпнутые из литературы или инструкций. Поскольку манипуляция общественным сознанием стала технологией, появились профессиональные работники, владеющие этой технологией (полностью или частично). Возникла система подготовки кадров, научные учреждения, научная и научно-популярная литература. Правда, Нобелевской премии в явном виде в этой области пока что не учредили (хотя некоторые лауреаты Нобелевской премии мира или по литературе должны были бы идти по разряду манипуляторов сознанием).

Еще один важный, хотя и не столь очевидный, признак состоит в том, что к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам. Манипуляция — это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнера. Влюбленная женщина может вести очень тонкую игру, воздействуя на психику и поведение мужчины, чтобы разбудить ответные чувства. Если она умна и терпелива, то до определенного момента проводит свои маневры скрытно, и ее намерения «жертва» не обнаруживает. Это — ритуал любовных отношений, конкретный образ которого предписан каждой культурой. Если речь идет об искренней любви, мы не назовем это манипуляцией. Иное дело — если хитрая бабенка решила окрутить простофилю.

Не включаем мы в понятие манипуляции и этикет — воздействие на поведение окружающих с помощью иносказаний и умолчаний, языка знаков, понимаемых только в данной культуре. Если человек понимает знак, то смысл обращения ему ясен и намерения того, кто «воздействует на его поведение», для него секрета не составляют. Если англичанин спрашивает знакомого англичанина: «How do You do?» («Как вы поживаете?»), тот отвечает тем же вопросом, и они переходят к делу. А русский, как шутят англичане, в ответ на этот вопрос-приветствие начинает рассказывать, что у него жена заболела и сын, паршивец, стал плохо учиться.

Когда человек обращается к другому с использованием приемов этикета повышенного ранга (например, утонченно

вежливо), он, конечно, стремится повлиять на поведение партнера в свою пользу. Но это — не манипуляция, поскольку здесь не скрываются ни факт воздействия, ни намерения. Напротив, знаковый язык должен быть понятен, иначе попытка воздействия и не может быть удачной¹. Без этикета и условностей жить в обществе невозможно. Но, применяя правила этикета, мы вовсе не обращаемся с человеком как с вещью, мы его уважаем как личность. Этот вид «нас возвышающего обмана» мы в понятие манипуляции не включаем.

Да и вообще, простой обман, будучи одним из важных частных приемов во всей технологии манипуляции, сам по себе составить манипулятивное воздействие не может. Лисица, выманывая сыр у Вороны, даже не может быть названа обманщицей. Она же не говорит ей: брось, мол, мне сыр, а я тебе брошу сырокопченой колбасы. Она просит ее спеть. Ложная информация, воздействуя на поведение человека, нисколько не затрагивает его духа, его намерений и установок. Поэтому, например, понятие манипуляции неприложимо к младенцам, поскольку они не могут принимать самостоятельных решений и ощущать себя ответственным субъектом. Е.Л. Доценко в книге «Психология манипуляции» (М., 1996) поясняет: «Например, кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск — это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собиравшийся идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск».

В книге Г. Франке «Манипулируемый человек» подчеркивается эта особенность манипуляции как психического воздействия: «Оно не только побуждает человека, находящегося под таким воздействием, делать то, чего желают другие, оно заставляет его хотеть это сделать».

Отсюда становится ясной довольно неприятная сторона дела. Всякая манипуляция сознанием есть взаимодействие. Жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник. Только если человек

---

¹ Когда в Китае на дороге встречались процессии двух мандаринов, им предстояла долгая и сложная церемония взаимных приветствий. Если времени на это не было, то высылались вперед представители обеих сторон и они по обоюдному согласию договаривались, что обе свиты сделают вид, что не замечают друг друга. И процессии с носилками расходились по узенькой дорожке, а сановники свиты прикрывали лица веерами.

под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели — и начинает действовать по новой программе — манипуляция состоялась. А если он усомнился, уперся, защитил свою духовную программу — он жертвой не становится. Манипуляция — это не насилие, а соблазн. Каждому человеку дана свобода духа и свобода воли. Значит, он нагружен ответственностью — устоять, не впасть в соблазн. Один из надежных признаков того, что в какой-то момент осуществляется большая программа манипуляции сознанием состоит в том, что люди вдруг перестают внимать разумным доводам, они как будто желают быть одураченными. Уже А.И. Герцен удивлялся тому, «как мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться».

Для обсуждения нашей темы главную трудность создает та сторона манипуляции сознанием, которую мы обозначили как «скрытность», да еще при наличии мастерства и ловкости. Профессиональные манипуляторы, как и фокусники, своих секретов не раскрывают и в свои творческие лаборатории посторонних не допускают. Таким образом, действительный смысл слов и дел авторов и исполнителей важных акций по манипуляции всегда тщательно скрыт, и требуется специальная работа по его выявлению. Мы вынуждены исследовать интересующие нас случаи и ситуации.

Выявление реального смысла в словах и действиях людей, которые стремились этот смысл скрыть, есть интерпретация, толкование. Подходя к таким высказываниям или фактам как к объекту исследования, мы должны с самого начала принять, что предлагаемый нам явно смысл слов и действий есть лишь одна из возможных версий. И на этом первом этапе она не имеет никаких преимуществ перед другими возможными версиями, которые мы обязаны построить сами, без подсказки. То есть к любым словам и делам политиков и их идеологов мы должны подходить как следователь, выслушивающий первое объяснение подозреваемого. В этом нет никакого нарушения презумпции невиновности — ни следователь, ни мы не отбрасываем возможности того, что выслушанная версия истинна, не называем ее автора обманщиком. Но мы и не принимаем ее сразу за истину. Мы хотим установить истину.

Первое условие успешной манипуляции заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев подавляющее большинство граждан не желает тратить ни душевных и умственных

сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях. Пассивно окунуться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал. На это никаких сил не хватит, если человек не овладел до автоматизма некоторым набором контролирующих «умственных инструментов», которые как бы сами собой, без усилий сознания и воли, анализируют информацию по одному признаку: есть ли в ней симптомы манипуляции. Так опытный шофер может работать целый день не уставая, потому что его руки и ноги отвечают на все сигналы о состоянии машины и ситуации на дороге автоматически. Он не думает: «Что я буду делать, если тот малахольный тип, что покачивается на тротуаре, вдруг шагнет на проезжую часть?» Если будет надо, у такого шофера и руль будет повернут, и тормоз приведен в действие без напряженной работы мозга.

Так и человек, поднатюривший в том, чтобы искать разные смыслы слов и действий, сразу замечает сообщения, в которых есть симптомы наличия важного скрытого смысла — «уши торчат». При этом у него развито чувство меры. Ведь скрытый смысл есть во всех словах и всех действиях, потому так богата ткань человеческого общения. Но опытный человек «фильтрует» сообщения, выделяя те, которые превышают его порог «нюха на манипуляцию». Выработать правильный порог раздражения — условие победы в маленьких боях на этом невидимом фронте. Так глаз умелого шофера сразу отмечает даже в толпе малахольных типов, которые способны броситься под колеса. А всех остальных его глаз не фиксирует, отбрасывает — они «ниже» порога раздражения.

Разделим два вопроса. Одно дело — засечь то сообщение, из которого торчит слишком много «лапши», приготовленной, чтобы навесить вам на уши. Другое дело — быстро выстроить правдоподобные версии истинного замысла того повара, что эту лапшу готовил. Между этими задачами дистанция огромного размера. Вторая намного сложнее, и если уж ею заниматься, этому придется посвятить много сил и времени. Хороший интеллектуальный спорт, но дорогой. Для обычной жизни этого не требуется. Достаточно решить первую задачу — чують подвох и просто не верить таким сообщениям, не пытаюсь разгадать, а что же в действительности задумали манипуляторы. Если на вас бежит собака с помутненными глазами, которая шатается, а изо рта течет пена, то прежде всего надо посторониться. Решить, чем она больна и какие у нее в

слоне микробы, непросто. Это можно оставить профессионалам и любителям, а вот посторониться важно каждому.

Когда пресс-секретарь шефа ФСК Н. Степашина заявляет с окраины захваченного боевиками села Первомайске, что все заложники боевиками убиты и можно начинать массированную бомбардировку села, непросто понять, что за этим кроется. Ведь назавтра оказывается, что ни один заложник не убит, зато все до одного боевика вышли из окружения («босиком»). Каков истинный смысл этой легенды и этих действий? Понять трудно, но признаков того, что все это — часть политического спектакля, вполне достаточно.

Наука создала интеллектуальные инструменты, полезные для человека, который строит защиту против манипуляции. И даже не просто инструменты, а целый методологический подход, который называется герменевтика. В исходном смысле герменевтика (от греческого слова «разъясняю») — наука о толковании текстов.

Герменевтика имеет также прямое отношение к герметизму — религиозно-философскому учению, сложившемуся в эпоху античности. Герметизм означает закрытость (отсюда герметичность). Смысл понятия уходит к легендарному мудрецу Гермесу Трисмегисту («Трижды Величайшему»), магу и астрологу, основателю алхимии. Герметизм оказал большое влияние на мистическую традицию Средневековья и Возрождения, заложил основы оккультных учений Запада. В текстах, написанных в традиции герметизма, смысл передается с помощью сложной символики, доступной только посвященным. Трактаты алхимиков невозможно понять, не зная этой символики. Такие тексты приходится расшифровывать — интерпретировать. Этим и занимается герменевтика.

Эта наука и возникла уже в эпоху эллинизма для изучения и толкования старых текстов (например, Гомера). Кстати, уже тогда и в связи со слепотой Гомера было сказано о трудности правильно истолковать слова, если нет возможности самому увидеть, о чем идет речь. Гераклит писал: «Обмануты люди в познании видимого, подобно Гомеру. А он был всех эллинов мудрее! Именно, провели и его мальчишки, убивая вшей и приговаривая: все, что увидели и взяли — кинули, а чего не видим и не берем — это носим». Речь идет о шутке в одном из гимнов Гомера. Он вспоминает, как обратился к мальчишкам-рыбакам с острова Хиос: «Рыбаки-аркадцы, какой улов?».

А они отвечают: «Все, что выловили, бросили, а то, что не выловили, уносим»¹.

В Средние века главным предметом герменевтики стало Священное писание. Европа наполнилась богословами, которые вели нескончаемые диспуты и порождали еретические толкования. В эпоху Возрождения герменевтика стала важным приемом в зарождающихся «общественных науках». Ее активно применял Никколо Макиавелли — политик и мыслитель, заложивший основы нового учения о государстве. Для нашей темы он особенно важен потому, что первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии («макиавеллиевский кентавр»). Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию согласия подданных. Поэтому само явление манипуляции сознанием долго, вплоть до недавнего времени, обозначалось словом «макиавеллианизм». Считается, что в области политической философии Макиавелли превзошел деятельность якобинцев в Великой французской революции, которые осуществили грандиозную по своим масштабам манипуляцию массовым сознанием.

Нынешние исследования показали, что труды Макиавелли о государстве, которые воспринимались как исключительно оригинальные, есть плод его «герменевтических» изысканий старых авторов. Он по-новому «переписал» некоторые работы Платона, Теренция, Ливия и Данте, а также свои собственные. В XX в. Антонио Грамши обдумывал большой план — «переписать» книгу Макиавелли «Государь» с высоты нового опыта.

В своих откровениях Макиавелли высказал вещь, важную непосредственно для нашей темы: слова политиков всегда нуждаются в истолковании. Он заострил этот вопрос до предела, признавшись в одном письме от 17 мая 1521 г.: «Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю ее такой ложью, что ее трудно обнаружить».

---

¹ К этой проблеме возвращается и Ницше, вспоминая шутку о рыбаках. Но он смотрит на дело мрачнее, чем Гераклит: «Что требует самых основательных, самых упорных доказательств, так это очевидность. Ибо слишком многим недостает глаз, чтобы видеть ее».

В XIX в. герменевтика стала общепhilosophическим методом и расширила круг объектов. Она стала претендовать на то, чтобы научиться «вживаться» в текст так, чтобы «понять его смысл лучше, чем сам его автор». С помощью герменевтики историки пытались восстановить, реконструировать дух культуры и смысл событий прошлых эпох. Подходом герменевтики пользовались и пользуются крупные философы нашего времени (Хайдеггер, Хабермас, Фуко).

Более того, философы предупредили нас, что и гуманитарное знание (которое у нас по ошибке иногда называют научным) нуждается в истолковании, так как главное в нем вырастает из недосказанного. В своей книге о Канте (1929) Хайдеггер заявил: «Вообще говоря, то, что должно стать решающим в любом философском знании, содержится не в высказываемых предположениях, но в том, что, хотя и не проговаривается как таковое, предстает нашему взору через эти предположения».

Герменевтику широко используют в «археологии знания» — поиске истинных смыслов тех главных понятий, которые лежат в основе современной цивилизации Запада (например, «дух и тело», «индивидуум», «свобода», «деньги», «недвижимость», «преступность» и т. д.). Эта «археология» раскапывает совершенно поразительные, неведомые нам смыслы (и, кстати, позволяет нам понять, в чем реально заключается различие нашей страны и Запада как двух культур, двух цивилизаций).

Особое место занимает герменевтика в той части философии, которая занята критикой идеологии как главного средства господства и социальной власти в современном мире. Понятно, что язык идеологии, созданной как замена религии в атеистическом обществе промышленной цивилизации, для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы. Поэтому для герменевтики всякий идеологический текст является прекрасным полем приложения сил. Здесь мы уже вплотную приближаемся к нашей проблеме.

Сегодня сфера действия герменевтики как научного подхода резко расширилась. Слово (и текст) стали рассматривать лишь как частное выражение более широкого понятия — знака. Все мы знаем, что передаваемая информация может воплощаться в самых разных знаковых системах. Платье, поза, жест могут быть красноречивее слов, это — «невербальные тексты». По оценкам американских психологов (Дж. Руш), язык

жестов насчитывает 700 тысяч четко различимых сигналов, в то время как самые полные словари английского языка содержат не более 600 тысяч слов. Признанный мастер пропаганды Муссолини как-то сказал: «Вся жизнь есть жест». А ведь помимо жестов есть множество других знаковых систем.

Поэтому в принципе мы всегда должны интерпретировать, истолковывать любое сообщение, в какой бы знаковой системе оно ни было «упаковано». Даже при толковании, казалось бы, прозрачных и общепринятых знаков бывают досадные ошибки. Как горевала на базаре торговка, у которой вор вытащил спрятанный на груди кошелек! Она, видишь ли, думала, что он полез «с добрыми намерениями». А теперь плачет, как русский народ после приватизации общенародной собственности. Так что в общем случае герменевтикой можно считать всякую науку, изучающую интерпретацию, то есть «выявление скрытого смысла в смысле очевидном».

Наш объект — особая деятельность, манипуляция общественным сознанием. Каковы главные знаковые системы, к которым мы можем приложить инструменты герменевтики? Самыми главными для нашей темы можно считать сообщения, «упакованные» в слова, вербальные тексты (печатные тексты, речи, радио- и телепередачи). Сюда же относятся не менее важные, чем слова, элементы текста — промежутки между словами, паузы. А в политике это не менее важные сообщения, чем то, что выражено словами. Главное у политиков, манипулирующих сознанием, часто заключено в молчании, а слова — это отвлекающая «стрельба».

Очень важен смысл, скрытый в образах (картины, фотографии, кино, театр и т. д.). Разумеется, эффективнее всего действуют комбинации знаковых систем, и при наличии знания и искусства можно достичь огромного синергического (кооперативного) эффекта просто за счет соединения «языков», о чем мы поговорим ниже.

Наконец истолкованию должны подвергаться также действия. Если политик с огромным опытом и интуицией в важной зарубежной поездке выходит из самолета и на виду у всей высокопоставленной публики, которая встречает его с цветами, мочится на колесо шасси — как это надо понимать? Очевидный смысл, который подсовывается простодушным противникам этого политика, прост. Ах, он такой-сякой, хам некультурный, не мог дотерпеть до туалета! Но этот видимый смысл на самом

деле «смысла не имеет». В такого рода поездках целая куча режиссеров и психологов продумывает каждый жест, каждое движение. Действие, о котором мы упомянули, — это целый ритуал (надо признать, что новаторский), который несет в себе глубокий скрытый смысл. И всякий человек, который не увидел здесь холодного расчета, подпал под обаяние этого ритуала, как бы он им ни возмущался.

Любой жест, любой поступок имеет кроме очевидного, видимого смысла, множество подтекстов, в которых выражают себя разные ипостаси, разные «маски» человека. Общение людей — непрерывный театр, а иногда карнавал этих масок — «персон». Вспомним, кстати, что латинское слово «персона» происходит от названия маски в античном театре и буквально означает «то, через что проходит звук» (*per* — через, *sonus* — звук). У этих масок рот делался с раструбом, чтобы усиливать звук.

Вообще, действия, тем более необычные и сложные, можно уподобить текстам, написанным, с недомолвками и иносказаниями, на не вполне понятном языке. Видный специалист по герменевтике П. Рикер писал о действии как аналоге текста: «Как и в сфере письма, здесь то одерживает победу возможность быть прочитанным, то верх берет неясность и даже стремление все запутать».

Очень трудно правильно понять смысл сообщений, облеченных в слова и действия людей иной культуры. Апостол Павел в Послании коринфянам писал: «Говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования». Писатель Курт Воннегут, которого мучила проблема «некоммуникабельности», в одном из своих романов-притч («Завтрак для чемпионов») приводит сюжет рассказа своего героя — сумасшедшего писателя-фантаста:

«Существо по имени Зог прибыло на летающем блюде на нашу Землю, чтобы объяснить, как предотвратить войны и лечить рак. Принес он эту информацию с планеты Марго, где язык обитателей состоит из пуканья и отбивания чечетки. Зог приземлился ночью в штате Коннектикут. И только он вышел на землю, как увидел горящий дом. Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть предупреждая жильцов на своем языке о страшной опасности, грозящей им всем. И хозяин дома клюшкой от гольфа вышиб Зогу мозги».

Найти важный жест, который был бы правильно понят, — большое искусство. Вот — поцелуй. Кажется, истоки этого жеста куда как естественны, природны. Разве не наше биологическое естество к нему побуждает? Но нет, это тоже — феномен культуры. Японцам европейский поцелуй был неведом, а когда узнали, то долго был противен. На Кубе попытки Хрущева облобызать Фиделя Кастро вызвали шок и породили массу язвительных шуток. Миклухо-Маклай отправился один в воинственное племя папуасов. Придя в деревню, все жители которой тут же попрятались, он сел, разулся и заснул. Этот жест убедительно выразил его миролюбивые намерения.

Вообще, в приложении к человеку слово естественный («природный», «заложенный в генах» и т. п.) — в большинстве случаев не более чем метафора. Ее часто используют политики, чтобы придать видимость бесспорной, вытекающей из «законов природы» аргументации своим утверждениям (пример: «при коллективизации уничтожили кулаков, и потому произошло генетическое вырождение советского народа»). На самом деле человек — существо исключительно пластичное, и усвоенные им нормы культуры так входят в его «естество», что влияют даже на физиологию. Они действительно начинают казаться чем-то природным, биологически присутствующим человеку — и он свои сугубо культурные особенности, отсутствующие в других культурах, начинает искренне считать «общечеловеческими», единственно правильными.

Даже в рамках одной большой культуры истолкование слов и поступков людей иного круга, иного сословия (другой субкультуры) — непростая задача.

Каков же главный принцип герменевтики, на чем основано толкование текстов или событий? На том, что слово или жест встраиваются в их контекст. Уже текст, от латинского слова «ткань», «связь» (отсюда — текстура), есть общность мыслей и слов, сцепленная множеством связей, часть из которых скрыта, невидима. А контекст — гораздо более широкая общность, в которую вплетен текст и вплетен связями уже в основном скрытыми. И уровень нашего понимания текста зависит от того, как глубоко и широко мы смогли эти связи уловить. А значит, увидеть в тексте выражение сложной и невидимой действительности. М.М. Бахтин писал: «Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами».

Понятно, что шедевром становится тот текст, который поднимает главные вопросы бытия и потому может «встраиваться» в самые разные контексты места и времени. Действие трагедий Шекспира можно без натуги перенести в средневековую Японию или в современную Россию — мы увязываем их смыслы с контекстом любой цивилизации. Гоголь сегодня читается как пророк и учитель русского человека, а кто будет читать в десять раз более плодовитого Боборыкина? Потому что Боборыкин писал вещи, связанные простыми и явными связями с контекстом только своего места и времени.

Но для нас важнее вторая сторона проблемы связи текста (события, действия) с контекстом — та работа, которую производит «получатель сообщения», читатель, наблюдатель, историк или современник. Как писал теоретик герменевтики Ханс-Георг Гадамер, «лишь благодаря одному из участников герменевтического разговора, интерпретатору, другой участник, текст, вообще обретает голос. Лишь благодаря ему письменные обозначения вновь превращаются в смысл».

Интерпретация, толкование — это восстановление неявных или специально скрытых связей с контекстом. Успех этого дела определяется знанием, умением, волей и творческими способностями читателя или наблюдателя. Знания можно приобрести, умение — выработать. Мы на фотографии сразу узнаем человека и даже представляем его образ «как живой». А дикарь в джунглях, когда ему показывают фотографию даже знакомых предметов и людей, смотрит на нее совершенно равнодушно и ничего не видит — он не обучен воспринимать эти образы.

Но знаний и умений мало. Без работы ума, духа и воображения ничего не получится. Когда мы смотрим на пейзаж хорошего художника, мы так живо воспроизводим в нашем воображении картину, что кажется, будто художник выписал все детали, каждый листочек на дереве. Но ведь это невозможно. Листочков он выписал очень мало, и они непропорционально велики. Если бы художник изобразил детали точно, мы бы просто не узнали образа. Он, зная законы восприятия, только намекнул нам, дал знак, а картину мы создали (вместе с ним, с его умелыми знаками) в нашем воображении. Мы соавторы картины.

Какую же цель преследует тот, кто желает манипулировать нашим сознанием, когда посылает нам сообщения в виде

текстов или поступков? Его цель — дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив эти знаки в контекст, изменили образ этого контекста в нашем восприятии. Он подсказывает нам такие связи своего текста или поступка с реальностью, навязывает такое их истолкование, чтобы наше представление о действительности было искажено в желательном для манипулятора направлении. А значит, это окажет воздействие и на наше поведение, причем мы будем уверены, что поступаем в полном соответствии с нашими собственными желаниями.

Сказать слово или совершить действие, которые бы так затронули струны нашей души, чтобы мы вдруг увидели действительность в искаженном именно вопреки нашим интересам виде — большое «искусство». Такое слово и такой поступок не могут быть ясными, светлыми, понятными, они обязательно обращены к чему-то скрытому от разума:

Есть речи — значенье темно иль ничтожно,
Но им без волненья внимать невозможно.

Какова задача человека, который, не желая быть пассивной жертвой манипуляции, предпринимает маленькое исследование в духе герменевтики — пытается дать свою интерпретацию словам и поступкам? Его задача — воссоздать в уме, возможно полнее, реальный контекст сообщения и разными способами встроить в него услышанное или увиденное. Разумеется, совершенно полно воссоздать действительность невозможно, нужно провести отбор существенных ее сторон. Для этого герменевтика, как научный метод, как раз и дает полезные указания. Ясно, что особенно важно и трудно воссоздать специально скрываемые стороны действительности и их связи с сообщением. Например, интересы тех, кто «организует» сообщение (недаром еще древние римляне открыли важнейший принцип социальной герменевтики — «ищи, кому выгодно»).

Поиск скрытого смысла — психологически трудный процесс. Он требует мужества и свободы воли, ведь нужно на момент сбросить бремя авторитета, каким часто обладает отправитель сообщения. Власть имущие и «денежные мешки» — а в основном именно они нуждаются в манипуляции общественным сознанием — всегда имеют возможность нанять для передачи сообщений любимого артиста, уважаемого академика, неподкупного поэта-бунтаря или секс-бомбу, для каждой категории населения свой авторитет. С точки зрения

психологии умение интерпретации определяется способностью личности легко переходить от одного контекста к другому, соединяя разные «срезы» действительности в единые картины. Экспериментальными исследованиями психологов выявлено, что около 30 % испытуемых испытывают в этом сильные затруднения. Значит — тренироваться надо.

Считается, что люди в своем подходе к интерпретации делятся на два основных типа. Одни начинают с того, что стараются по мере возможности строго восстановить логику автора сообщения, до поры отставляя в сторону свои собственные версии. Если они находят в этой логике изъяны, и у автора сообщения «концы с концами не вяжутся», здесь они и начинают копать.

Другие не тратят времени на то, чтобы реконструировать «интеллектуальные инструменты» авторов сообщения. Они принимают готовый вывод сообщения как одну из допустимых версий, но лишь одну из нескольких возможных, и приступают к выработке набора своих версий. Они «конструируют контексты», примеряя к ним версию «подозреваемого» — автора сообщения.

На практике оба подхода применяются в той или иной комбинации. Важно усвоить главное указание герменевтики: «Множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации» (П. Рикер). И дело не в том, чтобы соглашательски составить из нескольких версий одну «усредненную». Только анализируя разные версии, можно приблизиться к истине, особенно когда действующие лица заинтересованы в ее сокрытии.

Эту проблему предельно заострил Акутагава в повести «Расёмон» (ее многие знают по фильму Куросавы). Судья опрашивает участников и свидетелей одного события — поединка самурая с разбойником, в котором самурай был убит. Показания дает даже дух убитого. Сходясь в описании «объективных фактов», какую же разную интерпретацию дают им участники!

Это явление типично. Венгерский историк А. Ковач изучил мнение большой группы людей, которые находились в одном помещении и наблюдали одно и то же событие (арест Имре Надя). Люди, в зависимости от своих установок, увидели настолько разные вещи, что историк назвал свой доклад на меж-

дународной конференции в 1990 г. «Похищение Имре Надя и эффект “Расёмона”».

А вот наша близкая история, о которой рассказали ее участники. 19 августа 1991 г. состоялось знаменитое заседание Совета Министров СССР, где министры определяли свою позицию по отношению к ГКЧП. После «поражения путча» министры, бывшие приятелями, собрались и сравнили те записи, которые каждый вел на том заседании 19 августа. Эти записи были абсолютно несовместимы, как будто речь шла о разных заседаниях. И в то же время каждый вел их для себя, ему не было нужды исказить услышанное. Просто каждый выхватывал из потока сообщений то, что считал важным согласно своим взглядам. Каждый видел происходящее через фильтр своих убеждений. Этот рассказ можно было бы назвать «Заседание Совета Министров СССР 19 августа 1991 г. и эффект “Расёмона”».

К несчастью, очень часто мы испытываем сужение сознания: получив сообщение, мы сразу же, с абсолютной уверенностью принимаем для себя одно-единственное его толкование. И оно служит для нас руководством к действию. Обычно это происходит потому, что мы из «экономики мышления» следуем стереотипам: привычным штампам, понятиям, укоренившимся предрассудкам. В начале 70-х гг. журнал американских экономистов и бизнесменов «Гарвард бизнес ревью» показал своим читателям, насколько сильны в них расовые стереотипы. На обложке журнала была дана картинка, в которую редакция просила внимательно всмотреться. Был нарисован салон автобуса, в котором поскандалили белый и негр. У одного в руке уже была открытая опасная бритва. Месяца через три картинку напечатали снова, но с одним изменением — бритвы не было. Редакция попросила читателей сделать над собой эксперимент: не отыскивая исходную картинку, вспомнить, у кого из участников скандала была в руке бритва. Потом были опубликованы поразительные результаты: большинство читателей (почти исключительно белые) считали, что бритва была в руке у негра. На самом деле она была у белого. Стереотип оказался сильнее памяти.

Из уости взгляда, подчинения хотя бы краткосрочному, на время возникшему стереотипу вытекают тяжелые ошибки и промахи в наших практических действиях. Неважно даже, верим ли мы безоговорочно лживому сообщению или выстраива-

ем собственную ложную его интерпретацию. В обоих случаях наше поведение неадекватно реальности, и нас ждет неудача.

Тот, кто хочет построить защиту против попыток манипуляции его сознанием, должен преодолеть заостренность ума, научиться строить в уме варианты объяснения. Как бы ни был защищен ум догматика его «принципами, которыми он не может поступиться», к нему после некоторых попыток находится ключик, ибо ход его мыслей предсказуем и потому поддается программированию. И догматик, сам того не подозревая, становится не просто жертвой, а инструментом манипуляции.

Спасти от манипуляции с помощью догматизма и упрямства, просто «упершись», невозможно. Можно лишь продержаться какое-то время, пока к тебе не подберут отмычку. Или не обойдут как не представляющее большой опасности препятствие (как обошли идеологи рыночной реформы в 90-е гг. крестьян, не пытаясь их соблазнить демократией и не тратя сил и денег на разработку специальных технологий и языка для манипуляции сознанием именно крестьян).

Овладеть действительностью можно, только изучив доктрину, тактику и оружие манипуляторов. Рассмотрим сначала, в каких условиях социального бытия манипуляция становится важнейшим средством господства и власти, в каких доктринах выражены главные принципы этого способа господства.

Глава 3. Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием

Как мы установили, манипуляция — способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении.

Уже из этого очень краткого определения становится ясно, что манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии. Это — «демократия западного типа», которая сегодня ошибочно воспринимается просто как демократия — антипод тотали-

таризму. На самом деле видов демократии множество (рабовладельческая, вечевая, военная, прямая, вайнахская и т. д.).

В западной демократии сувереном, то есть обладателем всей полноты власти, объявляется совокупность граждан (то есть тех жителей, которые обладают гражданскими правами¹). Эти граждане — индивиды, теоретически наделенные равными частицами власти в виде «голоса». Данная каждому частица власти осуществляется во время периодических выборов через опускание бюллетеня в урну. Равенство в этой демократии гарантируется принципом «один человек — один голос». Никто кроме индивидов не обладает голосом, не «отнимает» их частицы власти — ни коллектив, ни царь, ни вождь, ни мудрец, ни партия.

Но «равенство перед Законом не означает равенства перед фактом». Это разъяснили уже якобинцы, отправив на гильотину тех, кто требовал экономического равенства на основании того, что, мол, «свобода, равенство и братство». В имущественном смысле равные граждане в политическом отношении не равны. И даже обязательно должны быть не равны: именно страх перед бедными сплавливает благополучную часть в гражданское общество, делает их «сознательными и активными гражданами». На этом держится вся конструкция демократии — «общества двух третей».

Две трети — это «средний класс», сплоченный зрелищем бедности тех, кто оттеснен на обочину жизни. Голоса трети граждан, недовольных таким порядком, «омертвляются», множеством способов их побуждают не участвовать в голосовании. В последнее время демократия Запада сдвигается к «обществу двух половин» — реально в выборах отказывается участвовать половина граждан. В РФ выборы в Госдуму считаются действительными, если к урнам пришло всего 25% избирателей («общество одной четверти»).

Имущественное неравенство создает в обществе сильное неравновесие, которое может быть ликвидировано или устранено только с помощью политической власти. Основатель политэкономии Адам Смит так определил главную роль государ-

---

¹ Во многих странах Запада в правах урезаны обширные категории людей. Не будем вспоминать совсем недавнее рабство в США (хотя это принципиальный философский вопрос). Но вот в Бразилии, которая считается демократической страной, индейцы, коренное население страны, не имеют избирательных прав. Они жители страны, но не ее граждане.

ства в гражданском обществе: «Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Речь здесь идет именно о гражданском правительстве, то есть о правительстве в условиях гражданского общества. До этого, при «старом режиме», власть не распределялась частями между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего не подвергаемым сомнению правом на господство. В сословном обществе неравенство охранялось традицией, наглядно выражалось в разных правах перед законом и подтверждалось непререкаемым словом монарха.

Разумеется, как и в любом государстве, власть монарха (или, скажем, Генерального секретаря) нуждалась в легитимации — приобретении авторитета в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии — от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа — с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран повелевает, а не манипулирует.

Этот факт подчеркивают все исследователи манипуляции общественным сознанием, отличая способы воздействия на массы в демократических и авторитарных (или тоталитарных) режимах. Вот суждения видных американских ученых:

Специалист по СМИ З. Фрейре пишет: «До пробуждения народа нет манипуляции, а есть тотальное подавление. Пока угнетенные полностью задавлены действительностью, нет необходимости манипулировать ими».

Ведущие американские социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон так характеризуют отношения господства в США: «Те, кто контролируют взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие».

Известный специалист в области управления С. Паркинсон дал такое определение: «В динамичном обществе искусство управления сводится к умению направлять по нужному

руслу человеческие желания. Те, кто в совершенстве овладели этим искусством, смогут добиться небывалых успехов».

Э. Тоффлер в своей книге «Метаморфозы власти» пишет: «Государство изобрело новые формы контроля над умственной деятельностью, когда индустриальная революция привела к созданию СМИ, и оно станет искать новые средства и методики, которые помогли бы ему сохранить хотя бы некоторый контроль над образами, идеями, символами и идеологиями, доходящими до простых людей через новую электронную инфраструктуру».

Хотя идеология, эта замена религии для гражданского общества, возникла как продукт Научной революции и Просвещения в Европе, главным создателем концепции и технологии манипуляции массовым сознанием с самого начала стали США. Впрочем, как говорили уже в XVIII в., США — более Европа, чем сама Европа. Здесь на пространствах, свободных от традиций старых словесных культур, возник индивидуум в самом чистом и полном виде. У «отцов нации» и состоятельного слоя Соединенных Штатов Америки появилась острая потребность контролировать огромную толпу свободных индивидов, формально равных перед законом, не прибегая к государственному насилию (оно было попросту невозможно). В то же время не было возможности взывать к таким этическим нормам, как уважение к авторитетам — США заселили диссиденты Европы, отрицающие авторитеты. Так возник новый в истории тип социального управления, основанный на внушении. Поэт Гор Видал сказал, что «американскую политическую элиту с самого начала отличало завидное умение убеждать людей голосовать вопреки их собственным интересам».

В целом Г. Шиллер дает такое определение:

«Соединенные Штаты совершенно точно можно охарактеризовать как разделенное общество, где манипуляция служит одним из главных инструментов управления, находящегося в руках небольшой правящей группы корпоративных и правительственных боссов... С колониальных времен власть имущие эффективно манипулировали белым большинством и подавляли цветные меньшинства».

В США в кратчайший срок была создана новаторская технология управления обществом. То, что в других обществах складывалось тысячи лет, в США было сконструировано на го-

лом месте, по-новому, чисто научным и инженерным способом. Герберт Маркузе отмечает это огромное изменение: «Сегодня подчинение человека увековечивается и расширяется не только посредством технологии, но и как технология, что дает еще больше оснований для полной легитимации политической власти и ее экспансии, охватывающей все сферы культуры». Подчинение не посредством технологии, а как технология! Тиран создать технологию не мог, он всего лишь подчинял людей с ее помощью, причем используя весьма примитивные системы.

В США создавалась именно технология, и на это работал и работает большой отряд обученных, профессиональных интеллектуалов. Г. Шиллер отмечает: «Там, где манипуляция является основным средством социального контроля, как, например, в Соединенных Штатах, разработка и усовершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности».

В деле манипуляции специалисты США обращают на службу правящим кругам даже те общественные течения, которые, казалось бы, как раз находятся в оппозиции к власти этих кругов. В течение 80-х гг. правительству Рейгана и Буша в США удавалось проводить крайне правую социальную и милитаристскую политику при том, что в общественном мнении происходил сильный сдвиг в сторону социал-демократических принципов. При опросах подавляющее большинство поддерживало введение государственных гарантий полной занятости, государственное медицинское обслуживание и строительство детских садов, а соотношение сторонников и противников сокращения военных расходов было 3:1. Согласно данным опроса 1987 г., посвященного Конституции США, почти половина населения США была уверена, что фраза «от каждого по способностям, каждому по потребностям» — статья Конституции США, а вовсе не лозунг из Коммунистического манифеста Маркса.

Философы Адорно и Хоркхаймер в книге «Диалектика Просвещения» представили организацию всей жизни в США как «индустрию культуры, являющуюся, возможно, наиболее изощренной и злокачественной формой тоталитаризма». Так что речь, если на то пошло, идет не о выборе между демократией и тоталитаризмом, а между разными типами тоталитаризма (или разными типами демократии — название зависит от вкуса).

В самой западной философской мысли «демократических» иллюзий давно уже нет. Монтескье в своей теории гражданского

общества предложил идею разделения властей, считая, что это ограничит тиранию исполнительной власти. Эти надежды не сбылись. В конце XIX в. писатель Морис Жюли даже написал веселую книгу «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье», в которой тень Макиавелли, как теоретика циничной и жестокой исполнительной власти, в два счета объяснила Монтескье, как легко государь может манипулировать другими «ветвями власти» просто потому, что именно он контролирует финансы — даже не прибегая к более жестким средствам. А они тоже, когда надо, применяются.

Когда философы пишут всерьез, они отбрасывают ругательства вроде «тоталитаризма» или «культы личности», а говорят о двух типах деспотизма — восточном и западном. Современный французский философ С. Московичи видит главное отличие западного типа в том, что он опирается на контроль не над средствами производства, а над средствами информации и использует их как нервную систему:

«Они простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности. Восточный деспотизм отвечает экономической необходимости, ирригации и освоению трудовых мощностей. Западный же деспотизм отвечает прежде всего политической необходимости. Он предполагает захват орудий влияния или внушения, каковыми являются школа, пресса, радио и т. п... Все происходит так, как если бы шло развитие от одного к другому: внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого невозможно защититься».

Представление же, будто наличие «демократических механизмов» само по себе обеспечивает свободу человека, а их отсутствие ее подавляет — плод наивности. В какой-то мере эта наивность была еще прощительна русским в начале века, но и тогда уже Бердяев писал:

«Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, — она должна была принести великие блага, должна освободить личность. Во имя неко-

торой бесспорной правды демократии мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народо-властия... Инстинкты и навыки абсолютизма перешли в демократию, они господствуют во всех самых демократических революциях».

Строго говоря, как только манипуляция сознанием превратилась в технологию господства, само понятие «демократия» стало условным и употребляется лишь как идеологический штамп. В среде профессионалов этот штамп всерьез не принимают. В своей «Энциклопедии социальных наук» Г. Лассуэлл заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Говоря о демократии и тоталитаризме, надо на минуту отвлечься и выделить особый случай: что происходит, когда в обществе с «тоталитарными» представлениями о человеке и о власти вдруг революционным порядком внедряются «демократические» правила? Неважно, привозят ли демократию американские военные пехотинцы, как на Гаити или в Панаму, бельгийские парашютисты, как в Конго, или отечественные идеалисты, как весной 1917 г. в России. В любом случае это демократия, которая не вырастает из сложившегося в культуре «ощущения власти», а привносится как прекрасный заморский плод. Возникает гибрид, который, если работать тщательно и бережно, может быть вполне приемлемым (как японская «демократия», созданная после войны оккупационными властями США). Но в большинстве случаев этот гибрид ужасен, как Мобуту.

Для нас этот вариант важен потому, что вот уже больше десяти лет проблема демократии и тоталитаризма стала ключевой темой в манипуляции. Как известно, Россия никогда не была «гражданским обществом» свободных индивидов. Это было традиционное сословное общество (крестьяне,

дворяне, купцы да духовенство — не классы, не пролетарии и собственники). Либеральные социальные философы называют этот тип «теплое общество лицом к лицу». Идеологи выражаются грубее: тоталитаризм. Как ведут себя люди такого общества, когда им вдруг приходится создавать власть (их обязывают быть «демократами»)?

Это мы видим сегодня и поражаемся: выбирают в основном людей посредственных и очень часто уголовников. Этому есть объяснение низкое, бытовое, и есть высокое, идеальное. Согласно «идеальной» установке, бремя власти есть несчастье для человека! Власть всегда есть что-то внешнее по отношению к «теплому обществу», и принявший бремя власти человек неминуемо становится изгоем. Если же он поставит свои человеческие отношения выше государственного долга, он будет плохой, несправедливой властью. В таком положении очень трудно пройти по лезвию ножа и не загубить свою душу. Понятно, почему русский человек старается «послать во власть» того, кого не жалко, а лучше позвать чужого, немца. Если же обязывают, демократии ради, создать самоуправление, то уклонение от выполнения властных обязанностей и коррупция почти неизбежны.

Итак, есть, условно говоря, две «чистые» модели — демократия и тоталитаризм. И самый трудный случай, наш собственный, навязанная гибридизация чужеродной демократии, наложенной на культуру «теплого общества». В этом гибриде наши реформаторы делают вид, что надеются убить компоненту «тоталитаризма». Чуть ли не главным инструментом в их усилиях стала манипуляция сознанием.

Ее технология, созданная в США, применяется сегодня в более или менее широких пределах в других частях мира (в России — без всяких пределов). Она должна стать главным средством социального контроля в новом мировом порядке. Разумеется, дополняясь насилием в отношении «цветных». Правда, таковыми все более и более считаются бедные независимо от цвета кожи (например, японцы уже не считаются цветными, а русские уже почти считаются).

Почему способы жесткого духовного воздействия вне демократии не подпадают под понятие манипуляции? Ведь тираны не только головы рубили и «черным вороном» пугали — словом, музыкой и образом они действовали ничуть не меньше. Почему же литургия в храме или беседа политрука

в Красной Армии, побуждающие человека к определенному поведению, не манипуляция сознанием?

Воздействие на человека религии (не говорим пока о сектах) или «пропаганды» в идеократических обществах, какими были, например, царская Россия и СССР, отличается от манипуляции своими главными родовыми признаками. Вспомним первый признак — скрытность воздействия и внушение человеку желаний, заведомо противоречащих его главным ценностям и интересам.

Религия и официальная идеология идеократического общества не только не соответствуют этому признаку, они действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не только не скрывается — оно громогласно. Ориентиры и нормы поведения, к которым побуждали эти воздействия, декларировались совершенно открыто, и они были жестко и явно связаны с декларированными ценностями общества.

И отцы церкви, и «отцы коммунизма» считали, что то поведение, к которому они призывали, — в интересах спасения души или благоденствия их паствы. Поэтому и не могло стоять задачи внушить ложные желания и скрывать акцию духовного воздействия. Конечно, представления о благе и потребностях людей у власти у большей или меньшей части населения могли расходиться, вожди могли заблуждаться. Но они не «лезли под кожу», а дополняли власть Слова прямым подавлением. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь — поможем. Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим».

Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя заставлять, мы влезем к тебе в подсознание и сделаем так, что ты сам захочешь. В этом — главная разница и принципиальная несовместимость двух миров: религии или идеократии (в так называемом традиционном обществе) и манипуляции сознанием (в так называемом демократическом обществе).

Многих вводит в заблуждение сходство некоторых «технических» приемов, применяемых и в религиозной, и в пропагандистской, и в манипуляционной риторике: игра на чувствах, обращение к подсознанию, к страхам и предрассудкам. Хотя в религии и идеократической пропаганде использование этих приемов — следствие слабости и незрелости, а в манипуляции сознанием — принципиальная установка. Более того, религиозные конфессии, взявшие курс на обновление и озабоченные успехом в политике, впадают порой в соблазн освоить большие

манипуляционные технологии. Мы уж не говорим о тех сектах и «церквях», которые являются прежде всего политическими (иногда криминальными) организациями, которые, напротив, используют религиозные «технологии» в целях манипуляции.

Об этом — одно из едва ли не главных размышлений Достоевского, выраженное в Легенде о Великом Инквизиторе. Сошедшего на Землю Христа Великий Инквизитор посылает на костер, чтобы он не нарушал, как бы мы сегодня сказали, Мирового порядка, основанного именно на манипуляции сознанием. Великий Инквизитор упрекает Христа в том, что Он отказался повести за собой человека, воздействуя на его сознание чудом.

В советской идеологии «обновленчество» Хрущева с попыткой использовать манипуляционные технологии сразу нанесло ей рану, в которой и вызрели идеологи типа А.Н. Яковлева. Хрущев стал соблазнять чудесами: догоним Америку по мясу и молоку, через двадцать лет будем жить при коммунизме. С этого начало рушиться идеократическое советское общество — для него манипуляция сознанием дисфункциональна («вредна для здоровья»).

Но в реальной жизни отклонения от «чистой» модели затемняют фундаментальные различия, и поэтому остановимся пока что на очевидном родовом признаке: открытость и даже ритуальность установления желаемых норм поведения в теократических и идеократических обществах и скрытое, достигаемое через манипуляцию сознанием установление таких норм в демократическом (гражданском, либеральном) обществе.

Есть два подхода к сравнению этих «чистых» вариантов господства. Первый подход мы назовем функциональным, а второй — моральным. Насколько успешно оба подхода позволяют власти выполнять одну из своих функций — обеспечить выживание общества, его воспроизведение и устойчивость?

В общем, традиционное и либеральное общества устойчивы или уязвимы перед ударами разных типов. Первое поразительно жизнестойко, когда удары наносятся всем или большей части общества, так что возникает ощущение, что «наших бьют». В этих случаях устойчивость такова, что наблюдатели и политики «из другого общества» раз за разом тяжело ошибаются.

Сравнительно мало материалов опубликовано о тех умозаключениях советников Наполеона и Гитлера, которые ошиблись в своих прогнозах о реакции разных слоев русского народа на втор-

жение в Россию. Но и то, что опубликовано, показывает: в обоих «экспериментах» над Россией Запад ошибся фундаментально. Русские иначе «интерпретировали» жесты западных носителей прогресса, нежели они рассчитывали. Каждый удар извне, который воспринимался русскими как удар по России, залечивал ее внутренние трещины и «отменял» внутренние противоречия.

Так же поражает сегодня западных экспертов способность российского общества держать удары победителей в «холодной войне». Массовое обеднение не только не разрушило общества, оно даже почти не озлобило людей, не стравило их. Вопреки ожиданиям, общество не распалось, а продолжает жить согласно неписаным законам и культурным нормам, чуждым индивидуализму.

На Западе спад производства в 1% — уже кризис, который резко меняет поведение обывателя. Даже если его лично еще совершенно этот кризис не коснулся и разорение ему непосредственно не угрожает. А если колесо кризиса его задело, происходят просто невероятные превращения. О том, как быстро в либеральном обществе утрачиваются скрепляющие его культурные нормы при обеднении среднего класса, написана масса «печальной» литературы. Во время Великой депрессии в США разорившиеся бизнесмены выбрасывались из окон. В России нет ничего подобного.

Зато традиционное общество исключительно хрупко и беззащитно против таких воздействий, к каким совершенно нечувствительно общество гражданское. Достаточно заронить в массовое сознание сомнение в праведности жизни или в праведности власти, все устои политического порядка могут зашататься и рухнуть в одночасье. Об этом — «Борис Годунов» Пушкина. Об этом писали в «Вехах» раскаявшиеся либеральные философы после опыта революции 1905 г. Да и вся драма второго акта убийства Российской империи, уже в облике СССР, у нас перед глазами.

Идеократическое общество — сложная, иерархически построенная конструкция, которая держится на нескольких священных идеях-символах и на отношениях авторитета. Утрата уважения к авторитетам и символам — гибель. Если противнику удастся встроить в эти идеи разрушающие их вирусы, то победа обеспечена. Отношения господства с помощью насилия спасти не могут, ибо насилие должно быть легитимировано теми же самими идеями-символами.

Гражданское общество, состоящее из атомов-индивидов, связано бесчисленными ниточками их интересов. Это общество просто и неразрывно, как плесень, как колония бактерий. Удары по каким-то точкам (идеям, смыслам) большого ущерба для целого не производят, образуются лишь локальные дырки и разрывы. Зато эта ткань трудно переносит «молекулярные» удары по интересам каждого (например, экономические трудности). Для внутренней стабильности нужно лишь контролировать всю колонию таким образом, чтобы не возникало больших социальных блоков с несовместимыми, противоположными желаниями. С этой задачей технология манипуляции сознанием справляется. А борьба по поводу степени удовлетворения желаний вполне допустима, она сути общества не подрывает.

Это — инструментальная сторона. Иное дело — оценки, вытекающие из этических ценностей. Здесь взгляды диаметрально противоположны. Человек либерального образа мыслей убежден, что переход от принуждения к манипуляции сознанием — прогресс в развитии человечества, чуть ли не «конец истории». Парадоксальным образом, некоторые либеральные идеологи согласны, чтобы ради такого перехода на неопределенный период устанавливался режим ничем не ограниченного насилия. Аргументы тех, кто приветствует переход от принуждения к манипуляции, просты и понятны. Кнут — это больно, а духовный наркотик — приятно. Если уж все равно сильный заставит слабого подчиниться своей воле, то пусть он это сделает с помощью наркотика, а не кнута. О вкусах не спорят.

Теперь рассмотрим доводы тех, кто считает наркотик хуже кнута. И прежде всего, доводы самих западных мыслителей, которые видят проблему именно исходя из идеалов и интересов Запада, с точки зрения пути и судьбы своей цивилизации. Известно, что Запад считает себя цивилизацией свободных индивидов, собравшихся в гражданское общество на основе права. Закон, охраняемый государством, ввел в цивилизованные рамки извечную «войну всех против всех», борьбу за существование. Один из главных философов гражданского общества Т. Гоббс назвал государство, которое способно цивилизовать «войну всех против всех», Левиафаном — по имени могучего библейского чудовища. Эта война стала всеобъемлющей конкуренцией, а общественная

жизнь — всепроникающим рынком. Философ гражданского общества Локк признавал, что стремление к выгоде разъединяет людей, ибо «никто не может разбогатеть, не нанеся убытка другому». Но свобода индивида и понимается прежде всего как разъединение, атомизация «теплого общества лицом к лицу» — через конкуренцию. В политической сфере этому соответствует демократия, понимаемая как «холодная гражданская война», разновидность конкуренции.

Главным условием поддержания такого порядка является свобода индивида, позволяющая ему делать осознанный рациональный выбор и заключать свободный контракт. Неважно, идет ли речь о покупке или продаже рабочей силы, той или иной жевательной резинки или партийной программы (на выборах). Это — идеал. В чистом виде он, конечно, не достигается. Вопрос в том, на каком пути развития общество приближается, а на каком удаляется от идеала, а то и заходит в тупик.

Сегодня значительная часть мыслителей считает, что, сделав манипуляцию сознанием главной технологией господства, Запад совершил ошибку и зашел в тупик. Причина в том, что манипуляция сознанием, производимая всегда скрытно, лишает индивида свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва манипуляции полностью утрачивает возможность рационального выбора, ибо ее желания программируются извне. Таким образом, ее положение в конкуренции, в «войне всех против всех», резко ухудшается. Фактически, это — ликвидация главных гражданских прав, а значит, ликвидация идеальной основы западной цивилизации. На ее месте возникает новый вид тоталитаризма, заменившего кнут гораздо более эффективным и более антигуманным инструментом — «индустрией массовой культуры», превращающей человека в программируемого робота. Как сказал немецкий философ Краус о нынешней правящей верхушке Запада: «у них — пресса, у них — биржа, а теперь у них еще и наше подсознание». Эта критическая по отношению к манипуляции позиция почти не связана с политическими взглядами, вопрос — глубже.

Вернемся на родную землю и вспомним, как оценивали переход «от тоталитаризма к демократии» выразители русской культуры. Наши «левые» XIX в., увлеченные обличением крепостничества и тирании, этой проблемы, в общем, не замечали (за исключением Герцена, который ужаснулся тому, что увидел на Западе). Более проницательные и смотрящие далеко

вперед сразу выразили беспокойство. Гоголь видел в цивилизации, развращающей человека «оружием сластей», антихристианскую силу. Он страдал не только от страха за судьбу России, но и при виде угрозы душе европейца. А поскольку уже было ясно, что США стали наиболее полным выразителем нового духа Запада, о них он и сказал, перефразируя Пушкина: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит»¹.

Пожалуй, в русской литературе и философии именно тревога за душу человека была главным мотивом в отношении к манипуляции сознанием. Поэтому очень многие рассуждения или прямо исходят из христианского идеала, или окрашены в религиозные тона, включают христианские метафоры и аллегории. Это отметил Н. Бердяев, когда писал в 1923 г.: «Демократия — не новое начало, и не впервые входит она в мир. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это — особый дух».

Важно отметить: русские философы-эмигранты, считая, что в России установился режим большевистской тирании, угрозу душе человека видели именно на Западе. Именно его судьбу они считали трагической. Они предупреждали о глубоком заблуждении русских либералов-западников. Георгий Флоровский писал: «Им не приходит в голову, что можно и нужно задумываться над предельными судьбами европейской культуры... Их мнимое преклонение пред Европой лишь прикрывает их глубокое невнимание и неуважение к ее трагической судьбе».

По-другому эту мысль о западниках своего времени выразил Бердяев: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание

---

¹ На деле Пушкин выразился так: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом».

было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей».

В свете христианства видел трагедию Запада и Достоевский. Применение духовного наркотика в целях управления для него не просто несовместимо со свободой воли, а значит, с христианством — оно противоположно ему, оно есть прямое служение дьяволу. Вспомним Легенду о Великом Инквизиторе, выбрав из нее лишь места, прямо относящиеся к нашей теме (это, конечно, вольное и обедненное цитирование, но главный смысл передает). Итак, в Севилью, где огромными трудами власти создан стабильный общественный порядок, явился Христос. Кардинал великий инквизитор сразу узнал его в толпе и арестовал. Ночью он явился к нему для объяснений в камеру:

«Это ты? Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь... Да, это дело нам дорого стоило, но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Но зная, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?..

И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать?..

И я ли скрою от тебя тайну нашу? Слушай же: мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили себя царями земными, хотя и доныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним. У нас все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга,

как в свободе твоей, повсеместно. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — все судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью.

То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше соиздается. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгребать горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi».

Конечно, Гоголь и Достоевский писали не для Запада. Запад давно сделал свой выбор и преодолел свои болезни только на своем пути. Надо только поражаться, как точно уловил суть этих болезней Достоевский.

Его Инквизитор говорит:

«Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — все судя по их послушанию». Кажется, аллегория, метафора. А вот Англия начала 30-х гг. XX в. Крупный ученый, сэр Джулиан Хаксли, чтобы сократить рождаемость в среде рабочих, предложил обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей. «Нарушение этого приказа, — писал ученый, — могло бы быть наказано коротким периодом изоляции в трудовом лагере. После трех или шести месяцев разлуки с женой нарушитель, быть может, в будущем будет более осмотрительным».

Гоголь и Достоевский писали для России. Их страхи были пророческими, а предупреждения были направлены как будто именно нам. Выбор делать нам, на свою ответственность, но выслушать и обдумать предупреждения мы обязаны. Учтем, однако, что предупреждения «от христианства» многих оста-

вят безучастными. Рассудим рационально, приземленно, как бы допустив, что «Бог умер» и отложив в сторону христианские ценности. На Западе Ницше начал этот тяжелый проясняющий разговор — ликвидацию того, что немецкий теолог и философ Романо Гвардини назвал «нечестностью Нового времени». Он писал в 1954 г.:

«Нечестность Нового времени — двойная игра, с одной стороны, отвергавшая христианское учение и устройство жизни, а с другой — стремившаяся присвоить все, что они дали человеку и культуре. От этого в отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него... Теперь двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами, и воздух наконец станет прозрачен. Насыщен враждебностью и угрозой, но зато чист и ясен».

Надо и нам хладнокровно прикинуть «достоинства и недостатки» кнута принуждения и пряника манипуляции и каждому определить: если уж любая власть — зло, то какое зло меньше именно для нашей культуры.

Посмотрим, повышается или понижается статус человека при переходе от прямого принуждения к манипуляции его сознанием. Даже в «войне всех против всех», ведущейся по правилам гражданского общества (конкуренции), объекты воздействия делятся на три категории: друг, партнер, соперник. Специалисты сходятся на том, что человек, ставший объектом манипуляции, вообще выпадает из этой классификации. Он — не друг, не партнер и не соперник. Он становится вещью.

Бахтин писал, что в отношении к миру и человеку в мыслях и действиях людей борются две тенденции: к овеществлению и к персонификации. В «примитивных» культурах была сильна тяга к персонификации (для Дерсу Узала муравьи — «маленькие люди»). Анимизм, одухотворение вещей всегда присутствует в культуре даже очень развитых традиционных обществ. В технологии манипуляции сознанием мы видим, наоборот, крайнее выражение противоположной тенденции — к овеществлению человека. А. Тойнби писал:

«Нам достаточно хорошо известно, и мы всегда помним так называемое «патетическое заблуждение», одухотворяющее и наделяющее жизнью неживые объекты. Однако теперь мы скорее становимся жертвами противоположного — «апатетического заблуждения», согласно которому с живыми существами поступают так, словно они — неодушевленные предметы».

Поскольку это принимает массовый характер, результатом становится неуклонное и неосознаваемое снижение статуса человека. Разумеется, сначала это действует на человека, не входящего в элиту (она — манипулирует плебеями). Но затем этот порядок машинизирует, овеществляет человека вообще.

Таким образом, соглашаясь на построение в его стране порядка, основанного на манипуляции сознанием, каждый должен отдавать себе отчет в том, что с очень большой вероятностью его статус будет понижен. А значит, все обещаемые блага вроде гражданских свобод, ощущения себя хозяином и пр. превратятся в лишние содержания побрякушки. А тот, кому повезет попасть в манипулирующее меньшинство, станет одним из таких угнетателей своих соплеменников, которые вынуждены будут это угнетение наращивать и изоשרять. Тиран может подобреть — и ему будут благодарны. Но манипулятор этой возможности лишен — прозревающий человек приходит в ярость.

Можно ожидать, что переход к государственности, основанной на манипуляции сознанием, несравненно больнее ударил бы по русской культуре, чем уязвил он Запад. Причина в том, что сама категория свободы по-иному сложилась в русской культуре. Иную, нежели на Западе, свободу искал и ищет русский человек. Для русской культуры характерно особое сочетание свободы духа и свободы быта. Напротив, довольно равнодушно относились русские к столь ценным на Западе политическим и экономическим свободам.

Н. Бердяев писал, что «Россия — страна безграничной свободы духа...», что ее русский народ «никогда не уступит ни за какие блага мира», не предпочтет «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства... Россия — страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мещанскими

нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник — самый свободный человек на земле... Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей».

Пока что нет оснований думать, что сегодня русские, бросившись в бизнес, захотят лишиться этого типа свободы. Наоборот, для большинства «новых русских» этот бизнес — новое приключение, скитание по неведомым далям. Это — во многом духовные, хотя и дорогостоящие и даже разрушительные искания. Русский буржуа из них не вырастает. Это — новый вариант русского бунта, поистине бессмысленного и беспощадного.

Отнять силой или купить у русских эту свободу духа и быта нельзя. Но выманить обманом — технически возможно. Этим сейчас и занимается целая армия специалистов.

Глава 4. Основные доктрины манипуляции сознанием

§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание

Иногда говорится, что манипуляция сознанием есть «колонизация своего народа». Постепенно, по мере накопления знания о человеке и его поведении, складывались доктрины манипуляции сознанием. Поскольку завоевание это тайное и успех в нем определяется умением «колонизаторов» не допустить организованного сопротивления, главные доктрины манипуляторов излагаются в туманной, завуалированной форме, в связи с частными косвенными вопросами.

Став инструментом буржуазных революций, манипуляция сознанием с самого начала получила щедрое финансирование класса собственников. Когда этот класс пришел к власти и создал свое принципиально новое, буржуазное государство, деятельность по манипуляции сознанием получила поддержку и защиту государства. Если полезно для дела, власти позволят бунтовщикам погромить мэрию или даже дворец президента, но никогда не пустят в телецентр.

Разумеется, господствующее меньшинство старается не допустить массы к знанию доктрин и технологий манипуляции их сознанием. В основном это достигается щедрым вознаграждением «тех, кто с нами» и бойкотом «тех, кто не с нами». Всегда существовали ученые и философы, которым были противны повадки колонизаторов собственного народа. Но их было немного, и

голос их удавалось утопить в шумовом оформлении. Но по крупицам собрать и откровения технологов этой власти, и наблюдения «тех, кто не с ними», мы можем. Их надо очистить от «шума», привести в систему, существенно прояснить вопрос.

Доктрины и развитые теории манипуляции сознанием сложились недавно, уже в XX в., но главные камни в их основание были заложены уже теми, кто готовил буржуазные революции в Европе. Ведь фокус в том, чтобы сделать эти революции чужими руками («пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»). Надо было буквально натравить простого человека на «старый порядок». Во всех странах Запада, где произошли великие буржуазные революции, ученые, философы и гуманистари внесли свою лепту в это программирование поведения масс. В Англии — ньютонианцы, которые из новой картины мира выводили идеи о «естественном» характере конституции, что должна ограничить власть монарха («ведь Солнце подчиняется закону гравитации»). Ученый и философ Томас Гоббс развил главный и поныне для буржуазного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем «войну всех против всех» — *bellum omnium contra omnes*.

В наиболее чистом виде манипуляция сознанием как организованная кампания сложилась во Франции. Здесь общество было подготовлено к слову «старого порядка» полувековой работой Просвещения. Помимо великого дела по освобождению мышления человека и освоению им нового, научного мировоззрения, деятели Просвещения осуществили глубокое воздействие на сознание в чисто политическом плане. У той революции были вдумчивые наблюдатели. Один из них — англичанин Э. Берк. Свои наблюдения он собрал в книге «Размышления о революции во Франции». Вот что касается прямо нашей темы:

«Вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, я имею в виду политических писателей. Немалый вклад внесли сюда академии Франции, а затем и энциклопедисты, принадлежащие к обществу этих джентльменов.

Писательские интриги несколько лет назад создали что-то наподобие регулярного плана разрушения христианской религии... Что не удавалось достигнуть на пути к их великой цели с помощью прямого или немедленного закона, могло быть достигнуто об-

ходным путем — благодаря общественному мнению. Чтобы управлять общественным мнением, необходимо сделать первый шаг — оказать давление на тех, кто руководит. Они задумали методично и настойчиво добиваться этого всеми средствами литературной славы... Для восполнения недостатков аргументации в ход пошли интриги. К этой системе литературной монополии присоединилась беспрестанная индустрия очернительства и дискредитации любыми способами всех тех, кто не вошел в их фракцию...

Писатели, особенно когда они действуют организованно и в одном направлении, оказывают на общественное мнение огромное влияние, поэтому лояльность этих писателей плюс денежный капитал были немаловажными факторами в устранении народной зависти по отношению к тем, кто оказался приобщенным к благосостоянию. Эти писатели претендовали на огромный энтузиазм беднейших слоев населения, в то время как в своих сатирах они с ненавистью представляли чрезвычайно преувеличенно ошибки суда, аристократии и священнослужителей. Они стали демагогами, связующим звеном союза отвратительного благополучия с беспокойной и доведенной до отчаяния бедностью».

Во Франции денежные тузы привлекли литераторов и ученых, и они так воздействовали на общественное мнение, что сумели «отключить» естественное недоброжелательство бедных слоев народа к плутократам и натравить городскую бедноту на все устои старого режима. В своем роде это — блестящее достижение ума и слова. Орудием богачей стало именно то, что им враждебно, — стремление человека к равенству и справедливости.

Поскольку «властители дум» образовали сплоченное общество, в нем довольно быстро возникло самосознание и началась теоретическая работа. Так во Франции впервые появилось слово «идеология» и была создана влиятельная организация — «Институт», в котором заправляли идеологи. Они приняли в члены Института поднимающегося к власти Наполеона. В свою очередь, и он правильно оценивал важность этого союза и, будучи уже членом Директории, подписывался «Наполеон Бонапарт, член Института».

Отметим, что уже первые специалисты, которые называли себя идеологами, определили две главные сферы духовной

деятельности человека, которые надо взять под контроль, чтобы запрограммировать его мысли — познание и общение. В том «курсе идеологии», который они собирались преподавать правящей элите Франции, было три части: естественные науки, языкознание («грамматика») и собственно идеология. Итак, основа, в которую надо закладывать свои идеи-вирусы, построена из знаний о мире (и самом человеке) и из обмена сообщениями (информацией).

Именно в ходе Французской революции идеологи нового общества поняли, что главным средством власти будет в нем язык. Здесь сознательно пошли на планомерное, как в лаборатории, создание нового языка. Первопроходцем был Лавуазье, который создал язык химии; но философское значение этого далеко выходило за рамки науки (кстати, английских богобоязненных химиков смелость Лавуазье ужаснула).

В то же время было осознано влияние на мысли людей количественной меры, числа, заменяющего наполненное тайным неподконтрольным смыслом качество. И одним из первых крупнейших дел Французской революции в создании нового мироощущения для масс была разработка метрической системы мер. В ней участвовали виднейшие ученые и идеологи. С помощью этой системы мер были связаны сферы познания и языка. Вооружившись новым «языком точности», правящий слой стал господствовать над мыслями и словами в самых фундаментальных категориях бытия — пространстве и времени. Видный французский философ Мишель Фуко, который взялся за «раскопки смыслов», создавших современный Запад, утверждает определенно: «язык точности» (язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии».

Тогда же современное общество стало создавать важнейший для господства класса собственников механизм — школу нового типа. Эта школа с первого класса делила поток учеников на два «коридора»: одни воспитывались и обучались так, чтобы быть способными к манипуляции чужим сознанием, а другие (большинство) — чтобы быть готовыми легко поддаваться манипуляции. Школа стала фабрикой, «производящей» классовое общество.

Весь XIX в. — это история того, как идеологи всех направлений (но в рамках одной общей платформы — индустриализма, основанного на вере в прогресс и законы общественного развития) черпают доводы из неиссякаемого источ-

ника — науки. И превращают их в идеологическое оружие с помощью специально создаваемого языка и числа.

XX век — время создания крупных теорий и доктрин, а затем разработки на их основе мощных технологий манипуляции. И конечно, время использования этих технологий в практике борьбы и господства. Коротко изложим некоторые концепции (доктрины), особенно необходимые для разговора о нынешнем состоянии дел.

§ 2. Учение о гегемонии Антонио Грамши

Антонио Грамши, основатель и теоретик Итальянской коммунистической партии, был арестован фашистами в 1926 г., заключен в тюрьму, освобожден больным по амнистии 1934 г. и умер в 1937 г. В начале 1929 г. ему разрешили в тюрьме писать, и он начал свой огромный труд «Тюремные тетради». Опубликован он был впервые в Италии в 1948–1951 гг., в 1975 г. вышло четырехтомное научно-критическое издание с комментариями. С тех пор переиздания на всех языках, кроме русского, следуют одно за другим, а исследовательская литература, посвященная этому труду, необозрима — тысячи книг и статей. На русском языке вышла примерно четверть «Тюремных тетрадей».

«Тюремные тетради» были написаны Грамши не для печати, к тому же под надзором тюремной цензуры. Читать их непросто, но усилиями большого числа «грамшеведов» был восстановлен смысл почти всех материалов. В целом речь идет о важном вкладе почти во все разделы гуманитарного знания: философию и политологию, антропологию (учение о человеке), культурологию и педагогику. Этот вклад Грамши сделал, развивая марксизм и осмысляя опыт протестантской Реформации, Французской революции, русской революции 1917 г. и фашизма. Он создавал таким образом новую теорию государства и революции для современного общества (в развитие и, пожалуй, преодоление ленинской теории, созданной для условий крестьянской России). Однако, работая ради победы коммунизма, Грамши сделал множество открытий общенаучного значения. Как известно, знание — сила, и этой силой может воспользоваться любой, кто знание освоит и получит возможность применить. Теорией, созданной коммунистом, эффективно воспользовались враги коммунизма.

Если сегодня открыть крупную западную научную базу данных на слово «Грамши» (например, американскую базу данных «Dissertations Abstracts»), то поражаешься, какой широкий диапазон общественных явлений изучается сегодня с помощью учения Грамши. Это и ход разжигания национальных конфликтов, и тактика церковной верхушки в борьбе против «теологии освобождения» в Никарагуа, и влияние спорта на массовое сознание в США, и особенности нынешней африканской литературы, и эффективность тех или иных видов рекламы. Пожалуй, если 20–30 лет тому назад прагматическое западное обществоведение считало обязательным использовать для анализа всех важных общественных процессов методологию классического марксизма (конечно, наряду с другими), то сегодня считается необходимым «прокатать» проблему в понятиях и методологии Грамши.

Один из ключевых разделов труда Грамши — учение о гегемонии. Это — часть общей теории революции как слома государства и перехода к новому социально-политическому порядку. Вот, кратко, суть учения, прямо касающаяся проблемы манипуляции сознанием.

Согласно Грамши, развивающего мысль Макиавелли, власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Механизм власти — не только принуждение, но и убеждение. Овладение собственностью, как экономической основой власти, недостаточно — господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается. Грамши — не идеалист, он подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности. Согласно Грамши, экономика — скелет общества, а идеология — его «кожа».

Таким образом, государство, какой бы класс ни был господствующим, стоит на двух китах — силе и согласии. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия, Грамши называет гегемонией. Гегемония — не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный непрерывный процесс. При этом «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Иными словами, принуждение — лишь броня гораздо более значительного содержания. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но благоже-

лательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Грамши дает такое определение: «Государство — это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых». Понятно, что это — большое усложнение формулы «государство — это машина для подавления одного класса другим».

К близким выводам совсем иным путем пришли и другие крупные мыслители. Американский философ Дж. Уэйт, исследователь Хайдеггера, пишет:

«К 1936 г. Хайдеггер пришел — отчасти ввиду его политического опыта в условиях нацистской Германии, отчасти как результат чтения работ Ницше, где, как мы легко могли убедиться, выражены фактически те же мысли, — к идее, которую Антонио Грамши (почти в это же время, но исходя из иного опыта и рода чтения) называл проблемой “гегемонии”: а именно, как править неявно, с помощью “подвижного равновесия” временных блоков различных доминирующих социальных групп, используя “ненасильственное принуждение” (включая так называемую массовую или народную культуру), так, чтобы манипулировать подчиненными группами против их воли, но с их согласия, в интересах крошечной части общества».

Если главная сила государства и основа власти господствующего класса — гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условий его слома (революции) сводятся к тому, как достигается или подрывается гегемония. Кто в этом процессе является главным агентом? Каковы «технологии» процесса?

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии — «молекулярный» процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал такие механистические аналогии), а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устой-

чивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли — условия революции.

Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок, заставляющий большие массы людей перейти от пассивности к активной позиции. Грамши считает это цепной реакцией («цепочкой синтезов») и называет катарсисом — подобно просветляющему коллективное сознание зрителей действию трагедии в театре. Переходя с философского языка на язык войны, Грамши пишет: «Под соотношением военных сил следует понимать не только лишь факт наличия оружия и военных отрядов, но и возможность для партии парализовать основные нервные узлы государственного аппарата».

Создание условий для этого — длительная «молекулярная» агрессия в культурное ядро. Такая агрессия — не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное во времени и географическом пространстве».

Мы помним, как такое длительное усилие создавала идеологическая машина КПСС в ходе перестройки, прежде чем в сознании среднего гражданина было сломано культурное ядро советского общества и установлена, хотя бы на короткий срок, гегемония «рыночной идеологии». Вся эта «революция сверху» (по терминологии Грамши — «пассивная революция») была в точности спроектирована в соответствии с учением о гегемонии и молекулярной агрессии в культурное ядро. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов писал в академическом журнале «Вопросы философии»: «Трансформация российского рынка в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры».

На что в культурном ядре надо прежде всего воздействовать для установления (или подрыва) гегемонии? Вовсе не на

теории противника, говорит Грамши. Надо воздействовать на обыденное сознание, повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия — неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру.

Грамши прекрасно отдавал себе отчет в том, что за обыденное сознание должны бороться как силы, защищающие свою гегемонию, так и революционные силы. И те, и другие имеют шанс на успех, ибо культурное ядро и обыденное сознание не только консервативны, но и изменчивы. Та часть обыденного сознания, которую Грамши назвал «здравый смысл» (стихийная философия трудящихся), открыта для восприятия идей, служащих источником «освободительной гегемонии». Если же речь идет о буржуазии, стремящейся сохранить или установить свою гегемонию, то ей важно этот здравый смысл нейтрализовать или подавлять, внедряя в сознание фантастические мифы.

Кто же главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии? Ответ Грамши однозначен: интеллигенция. Он развивает целую концепцию о сути интеллигенции, ее зарождении, роли в обществе и отношении с властью. Главная общественная функция интеллигенции — не профессиональная (инженер, ученый, священник и т. д.). Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса — главный смысл существования интеллигенции.

Самая эффективная гегемония идущей к власти буржуазии была достигнута во Франции, где быстро сложился тесный союз капитала и интеллигенции. Под этим союзом лежала тесная связь и буржуазии, и интеллигенции с немецкой Реформацией, породившей мощные философские течения (говорят, «Кант обезглавил Бога, а Робеспьер короля»). Вообще, соединение протестантской Реформации с политической моделью Французской революции Грамши считает теоретическим максимумом в эффективности установления гегемонии.

Продавая свой труд, интеллигенция тянется туда, где деньги. Грамши пишет: «Интеллигенты служат “приказчиками” господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления». Правда, всегда в обществе остается часть интеллигенции, которую Грамши называет «традиционной», — та интеллигенция, которая служила груп-

пе, утратившей гегемонию, но не сменила знамя. Обычно новая получившая гегемонию группа старается ее приручить. Кроме того, общественные движения, созревающие для борьбы за свою гегемонию, порождают собственную интеллигенцию, которая и становится главным агентом по воздействию этих общественных сил на культурное ядро.

Это — очень короткое и упрощенное изложение некоторых пунктов учения Грамши. Грамши был одним из тех, кто заложил основы нового обществоведения, преодолевшего механицизм истмата (в его и марксистской, и либеральной версии). Недаром его имя называют в одном ряду с именами М. Бахтина в культурологии, М. Фуко и других новаторов в философии. Грамши — один из первых философов, которые почувствовали новую научную картину мира и перенесли ее главный дух в науку об обществе.

Истмат зародился в культуре, имеющей истоком механическую картину мира Ньютона, потому-то его метафоры и аллегории механистичны, как движение поршня в паровой машине. Как говорят, эта картина мира покоится на «физике бытия». Иная картина мира стала складываться в XX в., в ней были учтены те «аномалии», которые исключались из механической картины: необратимости, нелинейности, флуктуации и цепные процессы, самоорганизация. Это — «физика становления». Главный ее интерес направлен на процессы перехода, изменения, катастроф.

Приведем несколько примеров тех общественных процессов, нынешнее изучение которых показало, что они протекали в соответствии с учением Грамши о гегемонии (в основном они взяты из американских диссертаций). Пожалуй, самое крупное подтверждение верности этого учения — успешная стратегия партии Индийский национальный конгресс по ненасильственному освобождению Индии от колониальной зависимости. Множеством «малых дел и слов» партия завоевала прочную культурную гегемонию в массе населения. Колониальная администрация и проанглийская элита были бессильны что-либо противопоставить — они утратили необходимый минимум согласия масс на поддержание прежнего порядка.

Другая блестящая и сознательно разработанная «операция» — мирный переход Испании после смерти Франко от тоталитарного и закрытого общества к либеральной рыночной экономике, федеративному устройству и демократии западного типа. Кризис гегемонии франкистской элиты был разрешен

посредством серии пактов с претендующей на гегемонию левой оппозицией. В результате этих пактов и компромиссов левые были «приняты в элиту», а франкисты сменили одиозную окраску и фразеологию, стали «демократами». Левые же смогли «угорвать» массы потерпеть, отказаться от своих социальных требований — правые этого не смогли бы достичь.

Опираясь на теорию Грамши, культурологи объясняют роль вещи («ширпотреба») в установлении и поддержании гегемонии буржуазии в западном обществе. Вещи (материальная культура) создают окружающую среду, в которой живет средний человек. Они несут «сообщения», оказывающие мощное воздействие на обыденное сознание. Если же вещи проектируются с учетом этой их функции как «знаков» («информационных систем из символов»), то из-за огромных масштабов и разнообразия их потока они могут стать решающей силой в формировании обыденного сознания. Именно дизайн ширпотреба (особое место в нем занимает автомобиль) стал в США главным механизмом внедрения в сознание культурных ценностей (создания и сохранения «культурного ядра»). Специалисты особо отмечают способность этого механизма к эффективной «стандартизации и сегментации» общества.

Стандартизация и сегментация — важные условия гегемонии в гражданском обществе, где требуется сохранять «атомизацию» людей. Но в то же время надо соединять «сегменты» связями, не приводящими к органическому единству — безопасными для гегемонии. Как показали исследования по методологии Грамши, эффективным средством для этого стал в США спорт. Он порождал такие символы и образы, которые связывали мягкими, не ведущими к социальному единству связями самые разные сегменты общества — от негритянского дна до буржуазной элиты. Спорт создавал особый срез общей массовой культуры и обыденного сознания.

Интересны исследования отдельных более частных случаев, когда противостоящие силы сознательно планировали свою кампанию как борьбу за гегемонию в общественном сознании по конкретному вопросу. Так было, например, в кампании Тэтчер по приватизации в 1984–1985 гг. Английские профсоюзы, противодействующие приватизации, пытались склонить на свою сторону общественное мнение, но проиграли соревнование за гегемонию. В общем, англичане дали согласие на приватизацию и отшатнулись от тэтчеризма, только когда испытали ее последствия на личном опыте.

Методология Грамши хорошо вскрывает суть деятельности созданной по инициативе Н. Рокфеллера Трехсторонней комиссии под руководством З. Бжезинского. Это — одна из самых закрытых и влиятельных теневых международных организаций. В нее входит около трех сотен членов из США, Европы и Японии. Цель ее — стабилизировать новый мировой порядок, добившись беспрепятственного доступа транснациональных корпораций во все страны мира, особенно в финансовую сферу и энергетику. Признано, однако, что в действительности Трехсторонняя комиссия способствовала возникновению нынешнего глобального финансового кризиса и в целом дестабилизации мира по сравнению с 1970-ми гг. Но для нас важен другой вывод: эта теневая организация смогла мобилизовать во всех главных странах влиятельные силы для воздействия на общественное мнение так, чтобы «неприятные» последствия ее деятельности вообще исчезли из публичных дебатов. Эти силы (ученые, пресса, «духовные лидеры») смогли в мировом масштабе повлиять на обыденное сознание таким образом, что люди как бы перестали видеть очевидное.

Наконец, совершенно в логике учения Грамши, либеральной интеллигенцией велся подрыв гегемонии социалистических сил в странах Восточной Европы. В США сделаны диссертации о роли театра в разрушении культурного ядра этих стран. Так например, рассмотрена работа известного в ГДР театра Хайнера Мюллера, который в своих пьесах ставил целью «подрыв истории снизу». Это — типичный пример «антиинституционального театра», то есть театра, подгрызающего общественные институты. Согласно выводам исследований, постановщики сознательно «искали трещины в монолите гегемонии и стремились расширить эти трещины — в перспективе вплоть до конца истории». Концом истории издавна было названо желаемое крушение противостоящего Западу «советского блока». Активную роль такой театр играл и в СССР в 70–80-е гг.

Почти все из глубоких мыслей и предупреждений, с которыми Грамши обращался к товарищам ради того, чтобы научиться мобилизовывать здравый смысл людей, поднять массы трудящихся до уровня интеллигенции, было изучено и использовано в совершенно противоположных целях. Для подавления здравого смысла, для принижения человека, для эффективной манипуляции его сознанием, для усиления гегемонии господствующего меньшинства. Вершиной этой «работы по Грамши» была, конечно, перестройка в СССР.

§ 3. Психологическая доктрина

Учение Грамши рассматривает человека общественного, а не отдельную личность и не малые группы. Действующим лицом у Грамши являются массы, классы, социальные слои, сферы деятельности, государство. С другой стороны подходит к вопросу манипуляции сознанием та доктрина, что сложилась постепенно в рамках психологических наук (психология личности и социальная психология, психоанализ). Важной основой послужило и учение о высшей нервной деятельности (особенно теория условных рефлексов) И.П. Павлова. В этой обширной области знания на первое место при выработке собственно доктрины программирования поведения человека вышел к 50-м гг. XX в. психоанализ — учение (выходящее за рамки строгой науки), созданное Зигмундом Фрейдом и развиваемое его последователями.

Уже с конца XIX в. ряд европейских ученых (особенно Гюстав Ле Бон) акцентировали внимание на значении внушения в общественных процессах. Они выдвинули даже гипотезу о наличии у человека «инстинкта подчинения». В 1903 г. русский психофизиолог В.М. Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения», то есть при передаче информации с помощью разных знаковых систем.

У Бехтерева внушение уже прямо связывается с манипуляцией сознанием, поскольку представляет собой «вторжение (в сознание) посторонней идеи без прямого и непосредственного участия в этом акте “Я” субъекта». В этом принципиальное отличие внушения от убеждения. Производится ли внушение словами или другими знаками, «везде оно влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу без соответствующей переработки, благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния».

Убеждение предполагает активное участие субъекта, ибо ему предлагается ряд доводов, которые он осмысливает и принимает или отвергает. Бехтерев подчеркивал, что внушение, напротив, «обходит» разум субъекта. Оно эффективно, когда удается приглушить активность сознания, усыпить часового: «Внушение, в отличие от убеждения, — писал Бехтерев, — проникает в психическую сферу помимо личного

сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий предмет пассивного восприятия».

В 30–40-е гг. XX в. возобладала иная точка зрения, отрицающая иррациональный процесс внушения. Наоборот, была принята теория рациональности внушения. Согласно этой теории, при внушении человек не меняет свои убеждения и оценки, а меняет объект оценки. То есть с помощью внушения в сознании производится подмена объекта суждения, так что человек мысленно восклицает: «Ах, вот оно что! Вот кто виноват!» и т. п.

Это происходит путем умелого создания такого контекста, в котором мысли человека идут в нужном для манипулятора направлении. На этой теории была основана так называемая «комментированная пресса» — в ней сообщение о факте сопровождается интерпретацией комментатора, который предлагает читателю или слушателю несколько разумных вариантов объяснения. В рамки этих вариантов загоняется мысль. От ловкости комментатора зависит сделать необходимый манипулятору вариант наиболее правдоподобным.

Однако возможности такого «рационального внушения» оказались довольно скромными. И в 50-е гг. стержнем всей доктрины стал психоанализ и, прежде всего, учение о подсознании. Фрейд оформил мысль, которая витала в воздухе: в подсознании таится страшная сила. Ее можно направить как на поддержку, так и на отрицание какого-то утверждения или явления (например, политической программы).

Эта ориентация (перенос, канализирование) подсознания названа «проекцией» (К.-Г. Юнг). Юнг пишет: «Проекция — психологический феномен, под которым следует понимать перенос содержимого сферы бессознательного на некий объект; в этом объекте скрытое прежде содержимое бессознательного находит свое проявление... Своей высшей формы проекция достигает в политической пропаганде».

Считается, что утверждению психоанализа как основы доктрины манипуляции сознанием способствовали успехи ее применения в области рекламы. Но по существу, на практике идеями психоанализа (не ссылаясь, конечно, на Фрейда) еще раньше воспользовались в своей очень эффективной пропаганде немецкие фашисты. Они обращались не к рассудку, а к инстинктам. Чтобы их мобилизовать, фашисты с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляю-

шую разные слои общества, в толпу — особую временно возникающую общность людей, охваченную общим влечением.

Один из близких к Гитлеру интеллектуалов, архитектор А. Шпеер пишет в своих воспоминаниях: «И Гитлер, и Геббельс знали, как разжигать массовые инстинкты на митингах, как играть на страстях, прячущихся за фасадом расхожей респектабельности. Опытные демагоги, они умело сплавляли заводских рабочих, мелких буржуа и студентов в однородную толпу, формируя по своей прихоти ее суждения».

Фашисты исходили из фрейдистского сексуального образа: вождь-мужчина должен соблазнить женщину-массу, которой импонирует грубая и нежная сила. Это — идея-фикс фашизма, она обыгрывается непрерывно. Вся механика пропаганды представляется как соблазнение и доведение до иступления («фанатизация») женщины. Гитлер писал в «Майн Кампф»: «В подавляющем большинстве простые люди имеют настолько женскую природу, что рассуждение возбуждает их мысли и их действия в гораздо меньшей степени, чем чувства и эмоции. Их чувства несложны, они очень просты и ограничены. В них нет оттенков, все для них — любовь или ненависть, правильное или ошибочное, правда или ложь». Приемы соращения такой массы-женщины, манипуляции ее сознанием — отдельная, довольно подробно изученная тема.

Здесь — опора на первый, главный в учении Фрейда, сексуальный инстинкт, Эрос (в психоанализе слово «инстинкт» имеет иной, нежели в физиологии, смысл; это не безусловный рефлекс, а влечение). Кстати, сам Фрейд был восхищен новаторством фашистской пропаганды и в 1933 г. подарил Муссолини свою книгу, назвав его в посвящении «Героем Культуры».

Второй блок приемов, с помощью которых фашисты фанатизировали массы, обращаясь к подсознанию, опирается на другой главный в психоанализе Фрейда инстинкт — инстинкт смерти, Танатос. Культ смерти пронизывает всю риторику пропаганды фашистов. «Мы — женихи Смерти», — писали фашисты-поэты. Режиссеры массовых митингов-спектаклей возродили древние культовые ритуалы, связанные со смертью и погребением. Цель их была в том, чтобы разжечь, особенно в молодежи, архаические взгляды на смерть, предложив, как способ ее «преодоления», самим стать служителями Смерти (так удалось создать войска — СС).

В США основные понятия психоанализа начал приспособлять для целей рекламы ученик Фрейда Эрнст Дихтер, психолог из Вены, который эмигрировал в США в 1938 г. Начал он с рекламы мыла, потом автомобилей; а на волне повального увлечения американцев психоанализом сделал немислимую карьеру. Он создал Американский институт по изучению мотивации поведения. Принципиально отвергая теорию рационального внушения, он утверждал даже, что главная ценность товара для покупателя заключается не в его функциональном назначении, а в удовлетворении запрятаных глубоко в подсознании желаний, о которых сам покупатель может даже не подозревать. В большинстве случаев это темные инстинкты и тайные желания, «вытесненные» в подсознание именно потому, что они неприемлемы для сознания.

По мнению Дихтера, рекламные агентства в США стали «самыми передовыми лабораториями психологов». Они «манипулируют мотивацией и желаниями человека и создают потребность в товарах, с которыми люди еще незнакомы или, возможно, даже не пожелали бы их купить».

Успех института Дихтера в манипуляции поведением покупателей (а доходы института уже в середине 50-х гг. составляли баснословные по тем временам суммы) привлек политиков. Так из рекламы товаров психоанализ был перенесен в манипуляцию сознанием в политической сфере. В принципе задачи были схожи. Как пишет журнал «Тайм», «политическая реклама приближается к коммерческой, просто-напросто заменяя товар кандидатом». В 1960 г. Дихтер был советником в избирательной кампании Кеннеди. После выборов стало возможным проверить эффективность его рекомендаций на огромном статистическом материале. Его стали привлекать как консультанта в избирательных кампаниях в международном масштабе.

В 1957 г. принципы использования психоанализа в рекламе обобщил известный американский социолог Вэнс Пэккард в своем бестселлере «Тайные искусители». Эта книга до сих пор считается классическим трудом в рекламном деле. В дальнейшем психоанализ стал дополняться методами герменевтики, семиотики (науки о символах), этнографии и культурологии, оставаясь ядром междисциплинарного подхода.

Вслед за институтом Дихтера в США возникли другие известные исследовательские центры, где изучались возможности использования психоанализа для манипуляции сознанием уже

по более частным направлениям. Известный психолог, директор Американского института по исследованию цвета Луи Ческин, который также одним из первых применил психоанализ в рекламе, вел обширные работы по воздействию на подсознание с помощью окраски. На этих работах строилась реклама таких фирм, как «Проктер энд Гэмбл» (парфюмерия), «Филип Моррис» (сигареты), «Дженерал Фудс» (пищевые продукты). Все это товары массового спроса, и полученный при их продаже статистический материал был огромен, так что Луи Ческин имел хороший объект исследования и получил впечатляющие результаты. По ним можно было определить, например, какие эмоции возбуждает в подсознании цветовая гамма избирательного плаката в приличных кварталах и в трущобах, у людей разного возраста, с разными доходами и уровнем образования, разной национальности и т. д.

На радио велись исследования того, как влияет на подсознание пол диктора, тональность и тембр голоса, темп речи. Все эти параметры стали подбирать в зависимости от того, какие струны в подсознании требовалось затронуть при том или ином сообщении. Во время избирательной кампании Кеннеди психоаналитики предсказывали, что в радиодebатах он будет проигрывать Никсону в определенных штатах из-за слишком высокого голоса и «гарвардского акцента» — там низкий и грубоватый голос Никсона будет восприниматься как более искренний. Кеннеди советовали при любой возможности избегать радио и использовать телевидение — при зрительном восприятии проигрывал образ Никсона. После выборов анализ голосования в разных аудиториях подтвердил расчеты аналитиков.

Важное направление в использовании психоанализа открыл Джеймс Вайкери — он изучал подсознательный фактор в семантике, то есть воздействие слова на подсознание. Известно, например, что на подсознание сильно действует слово жизнь и производные от него, в том числе приставка био-. Она к тому же имеет добавочную силу оттого, что ассоциируется с наукой и пользуется ее авторитетом. Поэтому в рекламе эти знаки используются очень широко. Стоит бросить взгляд на московскую газету, и сразу бросается в глаза: «Магазин здоровья — БиоНормалайзер», «Лавка Жизни... Молодая грудь... Биомаска для груди за 100 руб.» и т. д. Отработанные на массовом объекте в области рекламы в торговле, найденные методы и приемы семантики были перенесены затем в идеологическую и политическую сферы.

Пожалуй, самую широкую известность принесло Вайкери не это фундаментальное направление, а открытие, названное им «сублиминальной» (т. е. подсознательной) рекламой или сублиминальным кино¹. Известно, что процессы восприятия нелинейны, они имеют четко выраженные пороги. В сознание человека поступают только те сигналы, которые по своей силе и продолжительности превышают некоторый порог, а остальные, более слабые и краткосрочные сигналы (шумы) отсеиваются. Но что с ними происходит?

Вайкери договорился с владельцем кинотеатра в Нью-Джерси и провел такие опыты. Он поставил второй кинопроектор, который в промежутках между кадрами кинофильма на короткое мгновение (0,003 секунды) проецировал на экран слова «Кока-кола» и «Ешьте поп-корн» (воздушная кукуруза). Эти сигналы были ниже порога восприятия, так как сознание фиксирует зрительные образы, которые задерживаются не менее 0,05–0,06 секунды. Сигналы, посылаемые вторым проектором, сознание зафиксировать не могло. Даже те, кто был предупрежден, не смогли заметить этих кадров. Но глаз-то их видел, и Вайкери предположил, что сигналы отпечатываются где-то в подсознании.

Эти опыты продолжались несколько месяцев и давали устойчивый результат: на тех сеансах, на которых включался второй кинопроектор с рекламой, продажа кока-колы в буфете выросла на 16 %, а продажа воздушной кукурузы на 50 %. Для рекламы подобных продуктов эффективность была беспрецедентной. Но главное заключалось в новой возможности манипулировать поведением человека вообще — с помощью разных сигналов, посылаемых ему с интенсивностью выше «порога регистрации» (глазом, ухом, обонянием), но ниже «порога восприятия» (сознанием). Это получило название воздействия на подсознание на уровне подвосприятия (*sub-*

¹ В популярную литературу на русском языке вошло слово «сублиминальное» кино. Видимо, по недоразумению открытие Вайкери связали с понятием психоанализа сублимация (т. е. возгонка, очищение). Под сублимацией понимается переключение энергии психических влечений с сексуальных объектов на более возвышенные цели, например, на художественное творчество (Э. Фромм). К сублиминальным воздействиям это отношения не имеет. Иногда в русской литературе открытый Вайкери способ воздействия называется «окультурным внушением». Это тоже неудачный перевод слова *occult*, что в данном случае значит просто «скрытый». В русский же язык слово «окультурный» вошло в смысле «тайный мистический», что никакого отношения к скрытому внушению Вайкери не имеет.

perception). Вскоре после опытов Вайкери исследования в этом направлении почти исчезли из открытой печати.

Использование сублиминального воздействия запрещено в рекламе. Однако наличие в видеороликах 25-го кадра обнаруживается только с помощью аппаратуры. Примечательно, что в России ни разу не было сделано официального заявления о том, существует ли на российском телевидении обязательный контроль рекламы (и вообще передач) на отсутствие в них знаков подпорогового действия. Более того, в Москве широко рекламируются видеокурсы иностранных языков фирмы «Intellect», которые, как сказано, «делают возможным запоминание за 60 часов занятий от 2000 слов, которые остаются в памяти на долгие годы, даже если язык не используется». Основаны эти курсы якобы на сублиминальном воздействии. В рекламе так и сказано: «25-й кадр из-за сверхвысокой эффективности был запрещен в рекламе. Но не в образовании. Начиная с 50-х гг. методика интенсивного обучения использовалась спецслужбами разных стран для подготовки агентов и дипломатов!» И вот теперь — доступна для всех простых россиян. За небольшую плату в память будут вбиты 2000 слов, которые застрянут там навсегда «даже если язык не используется». Иными словами, реклама прямо обещает, что человек будет искалечен, ибо память может работать, только непрерывно очищаясь от того, что не используется. Без забывания нет активной памяти.

Из психоанализа в доктрину манипуляции сознанием перешло важнейшее для этого дела понятие «психологическая защита». Вначале этим понятием обозначалось явление личностное, потом рамки расширились, и стали говорить о «психологической защите» в межличностных отношениях, а затем и межгрупповых. Сейчас, например, в прикладной психологии есть направление, занятое постановкой психологической защиты делегаций, отправляющихся на переговоры.

Поставил проблему защитных механизмов психики, противодействующих внедрению извне, сам З. Фрейд (в связи с сопротивлением пациента терапевтическому воздействию психоаналитика). Последователи Фрейда разработали разделы проблемы — выявили те «границы», те структуры психики, которые находятся под защитой (например, образ Я, самооценка), основные классы угроз и ущерба, признаки «запуска» механизма защиты (возникновение тревоги) и главные средства этого механизма.

Понятно, что успех манипуляции сознанием наполовину зависит от умения нейтрализовать, отключить средства психологической защиты каждой личности и общественных групп. Поэтому весь накопленный в психоанализе интеллектуальный багаж был воспринят теми, кто посвятил себя разработке технологии манипуляции. Главное, пожалуй, было взято уже не из классического психоанализа личности, а из учения о коллективном бессознательном. К нашей проблеме прямо относится развитая Карлом Густавом Юнгом в книге «Архетип и символ» идея о защитной роли символов.

Родившись как тип власти вместе с капитализмом и идеологией, манипуляция сознанием как раз и стала возможной благодаря тому, что был снят тот защитный пояс символов, который придавал прочность сознанию христианской Европы Средневековья. Протестантизм, дав этическую основу для капитализма, одновременно разрушил священные образы.

Карл Густав Юнг пишет:

«Бессознательные формы всегда получали выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами души космическое пространство. Предпринятый Реформацией штурм образов буквально пробил брешь в защитной стене священных символов... История развития протестантизма является хроникой штурма образов. Одна стена падала за другой. Да и разрушать было не слишком трудно после того, как был подорван авторитет церкви. Большие и малые, всеобщие и единичные, образы разбивались один за другим, пока, наконец, не пришла царствующая ныне ужасающая символическая нищета... Протестантское человечество вытолкнуто за пределы охранительных стен и оказалось в положении, которое ужаснуло бы любого естественно живущего человека, но просвещенное сознание не желает ничего об этом знать и в результате повсюду ищет то, что утратило в Европе».

Можно считать, что Реформация (эта «великая Перестройка Европы») задала всем будущим манипуляторам главный принцип: перед овладением умами людей необходима подготовка — разрушение священных образов («штурм символов»). Ниже мы рассмотрим на ряде примеров, как проводилась эта подготовка в годы нашей перестройки (которую А.Н. Яковлев уподобил уже Реформации).

Сегодня проблема психологической защиты (и ее нейтрализации) продолжает развиваться и в струе внутриличностного психоанализа. Важной концепцией стало представление психики человека как арены борьбы множества составляющих его «субличностей» — частичных Я. В этой борьбе верх может брать то одна, то другая ипостась человека, то одна, то другая сторона его Я. Этот «победитель» и программирует поведение¹. С этой точки зрения, задача манипулятора — правильно определить, на какое суб-Я ему выгоднее всего ставить и как помочь этому частичному Я одолеть в человеке своих противников.

Толчок разработке этой концепции, видимо, дала психоаналитическая интерпретация романа Достоевского «Братья Карамазовы». Согласно этой трактовке, совокупность всех членов семьи Карамазовых, включая «незаконорожденного» Смердякова вместе и составляет человеческую личность. В ней происходит непрерывная борьба рассудочного Ивана со страстным Митей и чистым душой Алешей, с похотливым стариком Карамазовым и подлым Смердяковым. И в кульминационный момент верх берет Смердяков при тайном союзе с разумом и моралью Ивана. Сейчас говорится, впрочем, что Достоевский так изобразил именно русского человека, но это уже конъюнктура, проблема глубже.

Пожалуй, можно считать бедствием рода человеческого тот тяжелый вывод, к которому пришли прагматики от психоанализа, подрядившиеся сначала манипулировать сознанием в коммерческой рекламе, а потом и в политике: проще всего манипулятору войти в союз с низкими и темными суб-Я человека. Легче возбудить и превратить в мощный импульс порочные, подавляемые влечения, усилить и «подкупить» их, побудить сделать противное всей личности в целом дело. Пусть эта победа союза манипулятора с низменной ипостасью человека временна и даже краткосрочна. Для целей манипуляции этого обычно достаточно, ему важно добиться нужного поступка — пусть потом разум и совесть человека раскаиваются. Как любят говорить, прыгая от радости, все манипуляторы, «поезд уже ушел». Склонность именно низких черт характера к заключению союза с «внешним врагом» —

---

¹ В популярной американской книге Л. Прото «Кто играет на ваших струнах» личность представлена как марионетка, за управляющие нити которой дергает около десятка скрытых в ее сознании человечков.

манипулятором — есть общий вывод множества исследований. А бедствием человечества это стало потому, что именно на этой основе возникла огромная индустрия активизации низменных влечений человека, которая непрерывно отравляет всю массовую культуру и сферу общения.

Социальная психология имеет в качестве объекта не отдельную личность, а группы людей. С точки зрения возможности манипулировать поведением групп и даже масс, большое значение для возникновения целого большого направления социальной психологии имели книги Гюстава Ле Бона «Психология масс» и «Душа толпы». Идеи, высказанные Ле Боном, дополняли и развивали многие психологи и философы (например, З. Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»). На прошедшей в середине 1990-х гг. в США дискуссии о месте социальной психологии ее прикладная роль был определена инициатором дискуссии четко — «разработка систематизированных техник формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий».

При этом из литературы по социальной психологии видно, что «коррективы в поведение» эти технологии предполагают вносить без ведома субъектов человеческих отношений. Иными словами, речь идет именно о манипуляции, а не обучении или свободном выборе. Эта установка выражена и в президентском обращении Г. Оллпорта, избранного в 1947 г. президентом созданного тогда Отделения социальной психологии Американской психологической ассоциации — никаких сомнений в праве психологов корректировать поведение людей без их ведома и согласия¹. Начиная с 60-х гг. социальная психология перешла к массированным экспериментальным исследованиям, на базе которых и вырабатывались «поведенческие технологии». Конечно, социальная психология к выработке методик манипуляции не сводится, но для нас здесь важна именно эта сторона.

В рамках психологической доктрины развивается с начала XX в. и другое, параллельное психоанализу течение — бихевиоризм (от слова *behavior* — поведение). Его основатель

---

¹ Это при том, что этический кодекс Американской психологической ассоциации требует, чтобы объекты психологических опытов были информированы о всех последствиях эксперимента и заявили о добровольном согласии в нем участвовать.

Д. Уотсон еще в 1914 г. заявил, что «предметом психологии является человеческое поведение». Позже он даже утверждал, что любого младенца можно превратить в судью или преступника. Иными словами, технологии манипуляции и программирования всемогущи. В отличие от психоанализа, бихевиористы отвлекаются от всех субъективных факторов (мышление, эмоции, влечения и т. д.) и рассматривают поведение исключительно как функцию внешних стимулов. Это — крайне механистическое представление человека, который рассматривается как машина, управляемая извне с присущим машине детерминизмом (точной предопределенностью реакции в ответ на управляющее воздействие).

В 70-е гг. бихевиоризм поднялся от простых механистических аналогий к понятиям кибернетической машины (необихевиоризм, связанный с именем Фредерика Скиннера из Гарвардского университета). Автоматизировав свои лабораторные устройства, Скиннер провел огромное число экспериментов на животных, а потом и на человеке. В своей популярной книге «Поведение животных» виднейший специалист в этой области Н. Тинберген уклончиво говорит о трудах основателя необихевиоризма: «В этих книгах, вызвавших бурю споров, Скиннер излагает свое убеждение, что человечество может и должно обучиться “приемлемым” формам поведения».

Гораздо определеннее выражается современный авторитет в области психоанализа Э. Фромм: «Психология Скиннера — это наука манипулирования поведением; ее цель — обнаружение механизмов “стимулирования”, которые помогают обеспечивать необходимое “заказчику” поведение»¹.

По мнению Фромма, в США «невероятную популярность Скиннера можно объяснить тем, что ему удалось соединить элементы традиционного либерально-оптимистического мышления с духовной и социальной реальностью». Иными словами, он вновь дал среднему классу США надежду на то, что

---

¹ Излагая учение бихевиоризма, Фромм поднимает общую проблему отношений науки и морали. Скиннер принципиально уходит от вопроса целей воспитания. Он в своей лаборатории отыскивает только методы воздействия на поведение. «Когда же мы от лабораторных условий переходим к условиям реальной жизни, — пишет Фромм, — то возникают серьезные трудности, связанные как раз с вопросами: зачем человека подвергают манипуляции и кто является заказчиком». На деле и поиск методов вовсе не является нравственно нейтральным, и в текстах Скиннера можно выявить его ценностные установки.

держат человека под контролем можно, причем даже без ядерного оружия.

Фромм пишет:

«В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена манипуляции. Работа, потребление, досуг человека манипулируются с помощью рекламы и идеологий — Скиннер называет это “положительные стимулы”. Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе; становится полностью “отрегулированным” и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства; фактически он уже есть тот, кем он должен быть. Если он пытается быть самим собой, то ставит под угрозу — в полицейских государствах свою свободу и даже жизнь; в демократических обществах возможность продвижения или рискует потерять работу и, пожалуй самое главное, рискует почувствовать себя в изоляции, лишенным коммуникации с другими».

Заметим, что виднейший антрополог и исследователь поведения К. Лоренц, с которым во многих пунктах расходится Фромм, также категорически не приемлет бихевиоризма и объясняет популярность в США этого учения склонностью к «техноморфному мышлению, усвоенному вследствие достижений в овладении неорганическим миром, который не требует принимать во внимание ни сложные структуры, ни качества систем... Бихевиоризм доводит его до крайних следствий. Другим мотивом является жажда власти, уверенность, что человеком можно манипулировать посредством дрессировки».

К. Лоренц видит в бихевиоризме реальную опасность для человечества: постоянное «воспитание» человека с помощью методов бихевиоризма грозит превратиться в мощный фактор искусственного отбора, при котором будут вытеснены, а потом и исчезнут именно те люди, в которых ярко выражены самые прекрасные высокие качества¹.

---

¹ Понятно, что «приемлемое» поведение с точки зрения социальных и культурных норм США в данный исторический период предполагает именно посредственный профиль качеств. Фромм подводит итог довольно общему мнению: «В конечном счете бихевиоризм берет за основу буржуазную аксиому о примате эгоизма и собственной пользы над всеми другими страстями человека» (курсив Фромма).

Но это, впрочем, нравственная оценка, а нам сейчас важен сам факт: бихевиоризм стал важной составной частью доктрины манипуляции сознанием, разрабатываемой в области психологических наук.

§ 4. Социодинамика культуры

Третья доктрина питается знаниями, полученными в большой междисциплинарной области, которую можно обозначить как социодинамика культуры. Это знания о том, как вырабатываются, хранятся, передаются и воспринимаются продукты культуры: идеи, фактическая информация, художественные образы, музыкальные произведения и пр. Это и теории образования, и исследования в области языка, и информационные науки. Конечно, в какой-то степени социодинамика культуры перекрывается с психологией и тесно связана с учением о гегемонии, о котором говорилось выше. Но главное, что это — представление всего движения элементов культуры как большой системы, которой можно управлять. А значит, регулировать потоки так, чтобы побуждать «потребителей культуры» к тому или иному типу поведения.

Хотя социодинамика культуры занимается в основном количественным анализом структурных закономерностей движения «продуктов культуры» в обществе, отвлекаясь и от содержания отдельного сообщения и от проблем отдельной личности, многие формальные выводы исследований имеют практическое значение для воздействия на человека. Любая попытка манипуляции сознанием требует, как говорят, «подстройки» к аудитории. Для этого нужно определить ее культурный профиль, язык, тип мышления, характер восприятия сообщений. Такие данные и предоставляет социодинамика культуры. Технологически более совершенные программы манипуляции предполагают не просто «подстройку», но и специальные усилия по формированию культурной среды, подготовки адресата к восприятию манипулирующих сообщений, «изготовление» мнений и желаний, на которых можно играть. Это — предмет исследований той же дисциплины.

Общепризнанно, что бурное развитие исследований в области социодинамики культуры резко увеличили мощность, эффективность воздействия средств массовой информации. С какой целью и кому во благо — второй вопрос. Как заметил А. Эйнштейн, «совершенные средства при неясных целях —

характерный признак нашего времени» (или, как более цинично выразился Пикассо, «сначала я нахожу, потом я ищу»). Впрочем, «неясность целей» часто вызвана сознательно поставленной дымовой завесой.

Первый, наиболее фундаментальный (для нашей проблемы) вывод социодинамики культуры состоит в том, что буржуазное общество, в отличие от сословных обществ, породило совершенно новый тип культуры — мозаичный. Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, обладающее «скелетом» основных предметов, главных тем и «вечных вопросов», то теперь, в современном обществе, культура рассыпалась на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий. Живущее в потоке такой культуры общество иногда называют «демократия шума».

Гуманитарная культура передавалась из поколения в поколение через механизмы, генетической матрицей которых был университет. Он давал целостное представление об универсуме — Вселенной, независимо от того, в каком объеме и на каком уровне давались эти знания (советский букварь был построен по типу университета — для малыша). Скелетом такой культуры были дисциплины (от латинского слова *disciplina*, которое означает и ученье, и розги).

Напротив, мозаичная культура воспринимается человеком почти произвольно, в виде кусочков, выхватываемых из омывающего человека потока сообщений. В своем кратком, но очень хорошем изложении сущности мозаичной культуры известный специалист по средствам массовой информации А. Моль в книге «Социодинамика культуры» (1967) объясняет, что в этой культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает “экрану знаний” определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у “тканеобразного” экрана гуманитарного образования».

Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека — «человека массы» (его крайнее состояние — толпа). О нем с пессимизмом писал философ Ортега-и-Гассет в известном эссе «Восстание масс». Для нас главное, что этот

«человек массы» — идеальный объект для манипуляции сознанием. Он вполне соответствует, даже составляет единство с породившей его (и порожденной им) культурой и ее институтами. В мозаичной культуре, пишет А. Моль, «знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации».

Э. Фромм подчеркивал, что СМИ лишают человека способности составить целостную картину мира, подменяют ее мозаикой из массы разрозненных и не связанных между собой фактов. Это приводит не только к подавлению способности к критическим суждениям, но и действует угнетающе на эмоциональную сферу человека.

Запад пережил огромный эксперимент — фашизм. Оказалось, что в атомизированном обществе овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект. Сопратник Гитлера А. Шпеер в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе признал: «С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление».

Социодинамика культуры — слишком обширная область, и мы будем прибегать к ее понятиям при разговоре о конкретных приемах или эпизодах манипуляции сознанием. Здесь отметим только, что из выросшей на этом знании доктрине (так же, как и из учения о гегемонии) следует принципиальное положение: если надо «промыть мозги» целому обществу, совершить над ним крупную программу манипуляции и отключить здравый смысл нескольких поколений, требуется разрушить систему «университетского», дисциплинарного образования и заменить гуманитарную культуру культурой мозаичной. Для этого манипуляторам необходимо овладеть школой и средствами массовой коммуникации. При этих условиях можно добиться большего или меньшего успеха, но если эти условия не обеспечены, успеха достичь почти невозможно.

Литература

Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. — М. : Прогресс, 1988.

Граммши, А. Искусство и политика : пер. с ит. / А. Граммши. — В 2 т. М. : Искусство, 1990, 1991.

Грачев, Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Грачев, И. Мельник. — М., 1999.

Доценко, Е. Психология манипуляции / Е. Доценко. — М. : Изд-во МГУ, 1996.

Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2000.

Кассирер, Э. Политические мифы / Э. Кассирер // Реклама : внушение и манипуляция. — М., 2001.

Лебон, Г. Психология масс / Г. Лебон. — М., 2000.

Лимнатис, Н. Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. Философский и социально-политический анализ / Н. Лимнатис. — М. : Экономическая демократия, 2000.

Маркузе, Х. Одномерный человек : пер. с англ. / Х. Маркузе. — М., 1994.

Моль, А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. — М. : Прогресс, 1973.

Московичи, С. Век толп : пер. с фр. / С. Московичи. — М., 1996.

Паренти, М. Демократия для немногих : пер. с англ. / М. Паренти. — М., 1990.

Пиз, А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам? : пер. с англ. / А. Пиз. — Н. Новгород, 1992.

Расторгуев, С.П. Анатомия причинно-следственных связей / С.П. Расторгуев. — М., 2002.

Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика : пер. с англ. / П. Рикер. — М., 1995.

Рикер, П. Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / П. Рикер. — М. : Медиум, 1995.

Самосознание европейской культуры XX века : Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. — М. : Политиздат, 1991.

Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — М., 2001.

Федякин, И.А. Общественное сознание и массовая коммуникация в буржуазном обществе / И.А. Федякин. — М., 1988.

Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности : пер. с англ. / Э. Фромм. — М. : Республика, 1994.

Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — Минск, 1998.

Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. — М., 1989.

Цуладзе, А. Политическая мифология / А. Цуладзе. — М. : Алгоритм, 2002.

Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием : пер. с англ. / Г. Шиллер. — М. : Мысль, 1980.

Шостром, Э. Антикарнеги или человек-манипулятор : пер. с англ. / Э. Шостром. — Минск, 1992.

Юнг, К.-Г. Собр. соч. Психология бессознательного : пер. с нем. / К.-Г. Юнг. — М. : Канон, 1994.

Chomsky, N., *Necessary Illusions, Thought Control international Democratic Societies*, Boston, South End Press, 1990.

Раздел II

ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ: ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ

Человек живет в мире природы и мире культуры. На характер окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения. Человек живет в двух мирах — мире вещей и мире знаков. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком — материальный субстрат нашего мира. Мир знаков связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями¹. В целом мир знаков — первая мишень для манипуляторов. XX век показал немыслимые ранее возможности использования знаковых систем как средства власти.

Выделяя в этой главе для анализа мир знаков, мы должны помнить, что при этом пользуемся абстракцией. На деле мир вещей и мир знаков перекрываются, разделить их невозможно. Многие вещи, вроде бы предназначенные для какой-то «полезной» цели, на самом деле дороги нам как образы, знаки, отражающие человеческие отношения. Старая чашка, модное платье, мотоцикл — все это образы, несводимые к материальным функциям, но они воплощены в вещах.

Сосредоточим внимание на «наименее материальных» знаках.

Глава 5. Оснащение ума: язык слов

§ 1. Магическая сила слов

В мире культуры, который окружает человека, выделяется особый мир слов — логосфера. Он включает в себя язык как средство общения и средство «вербального мышления», в котором мысли облакаются в слова.

Язык как система слов (имен и понятий), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное сред-

---

¹ Даже такой привычный вид знаков, как деньги (возникшие как раз чтобы соединять мир вещей и мир знаков), полон тайн. Деньги с древности стали неисчерпаемым источником трюков и манипуляций.

ство подчинения. «Мы — рабы слов», — сказал Маркс, а потом это повторил Ницше. Есть мнение, основанное на догадке Б.Ф. Поршнева, что первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггестивное воздействие — внушение, подчинение не через рассудок, а через чувство.

Известно, что даже современный, рассудочный человек ощущает потребность во внушении. В моменты житейских неурядиц мы ищем совета у людей, которые вовсе не являются знатоками в возникшей у нас проблеме. Нам нужны именно их «бессмысленные» утешения и увещевания. Во всех этих «не горюй», «возьми себя в руки», «все образуется» и т. д. нет никакой полезной для нас информации, никакого плана действий. Но эти слова оказывают целительное действие.

Внушаемость посредством слова — глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению. Это видно в ходе развития ребенка. В раннем детстве слова и запреты взрослых оказывают большое суггестивное воздействие, и ребенку не требуется никаких обоснований. «Мама не велела» — это главное. Когда просвещенные родители начинают логически доказывать необходимость запрета, они только приводят ребенка в замешательство и подрывают силу своего слова. До того, как ребенок начинает понимать членораздельную речь, он способен правильно воспринимать «предшественники слова» — издаваемые с разной интонацией звуки, мимику, вообще «язык тела».

Возникновение человека связано с появлением способности удерживать в памяти впечатления от окружающего мира и проецировать их в будущее. И первобытный человек стал жить как бы в двух реальностях — внешней («реальной») и внутриспсихической («воображаемой»). Это надолго погрузило человека в тяжелое невротическое состояние. Справиться с ним было очень трудно, потому что воображаемая реальность была, по-видимому, даже ярче внешней и очень подвижной, вызывала сильный эмоциональный стресс («парадокс нейропсихической эволюции»).

Этот стресс затруднял адаптацию людей к окружающей среде. Лучше приспособивались и выживали те коллективы (стаи), в которых вожаки и другие авторитетные члены сообщества научились издавать особые звуки-символы. Они воздействовали на психическое состояние сородичей стимулирующим и организующим образом и, согласно догадкам психологов, сни-

мали у них тягостное невротическое состояние. Так возникло слово, сила которого заключалась не в информационном содержании, а во внушении. Люди испытывали потребность в таком слове и подчинялись ему беспрекословно. Так возник особый класс слов — заклинания. Кое-где они сохранили свою силу до наших дней (слова лекарей-знахарей, шаманов). Они действуют и во вполне просвещенных коллективах — но в косвенной форме («харизматический лидер»).

Б.Ф. Поршнев писал в книге «Социальная психология и история»:

«Человеческие слова способны опрокинуть то, что выработала “первая сигнальная система” — созданные высшей нервной деятельностью условнорефлекторные связи и даже врожденные, наследственные безусловные рефлексы. Она [речь], как буря, может врываться в, казалось бы, надежные физиологические функции организма. Она может их смести, превратить в противоположные, разметать и перетасовать по-новому. Нет такого биологического инстинкта в человеке, нет такого первосигнального рефлекса, который не мог бы быть преобразован, отменен, замещен обратным через посредство второй сигнальной системы — речи».

Особую роль в суггестии играют глаголы. Они древнее и первичнее, чем существительные. Именно глагольную фазу развития языка Б.Ф. Поршнев представляет как обретение словом возможности неодолимо запрещать действие или неодолимо побуждать к нему. Глагол и сегодня выполняет повелительную функцию, причем не только повелительным наклонением (например, сядьте!), но и инфинитивом (сесть!) и временными формами: прошедшим (сели!), настоящим (садимся!) и будущим (сядем!).

Суггестивное воздействие слова несколько не уменьшилось с появлением и развитием цивилизации. Гитлер писал в «Майн Кампф»: «Силой, которая привела в движение большие исторические потоки в политической или религиозной области, было с незапамятных времен только волшебное могущество произнесенного слова. Большая масса людей всегда подчиняется могуществу слова».

Гитлер писал как практик-манипулятор, гипнотизер. Но примерно то же самое подчеркивает современный философ С. Московичи в книге «Наука о массах»: «Что во многих отно-

шениях удивительно и малопонятно, это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а из их «магии», от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются. Обращаться с ними следует не как с частицами речи, а как с зародышами образов, как с зёрнами воспоминаний, почти как с живыми существами».

§ 2. Сотворение нового языка

Второй слой воздействия посредством слова — развитое сознание и процесс познания. На заре науки Бэкон говорил: «Знание — власть» (это более точный перевод привычного нам выражения «Знание — сила»). За жадной знания скрывается жажда власти — этот вывод Бэкона подтвержден философами последующих поколений, от Ницше до Хайдеггера. И вот, одним из следствий научной революции XVI–XVII вв. было немыслимое раньше явление: сознательное создание новых языков с их морфологией, грамматикой и синтаксисом. Лавуазье, предлагая новый язык химии, сказал: «Аналитический метод — это язык; язык — это аналитический метод; аналитический метод и язык — синонимы». Анализ значит расчленение, разделение (в противоположность синтезу — соединению); подчинять — обязательно значит разделять.

Язык стал аналитическим, в то время как раньше он прежде всего соединял — слова имели многослойный, множественный смысл. Они действовали во многом через коннотацию — порождение словом образов и чувств через ассоциации. Связный и «соединяющий» язык складывается благодаря тому, что различные слова слегка по-разному отражают одну и ту же вещь, а одно и то же слово — какую-то сторону различных вещей. Как писал С.Н. Булгаков, иначе «слова неподвижно сидели бы на своих гнездах, все имена существительные были бы собственными, единичными именами, но тогда не было бы никакой логической и словесной связки, ни мышления, ни речи».

Отбор слов в естественном языке отражает становление народного характера, тип человеческих отношений и отношения человека к миру. Русский, например, говорит «у меня есть собака» и даже «у меня есть книга» — на европейские языки буквально перевести это невозможно. В русском языке категория собственности заменена категорией совместного бытия. Принадлежность собаки хозяину мы выражаем глаголом «быть».

В Новое время, в новом обществе Запада естественный язык стал заменяться искусственным, специально создаваемым. Теперь слова стали рациональными, они были очищены от множества уходящих в глубь веков смыслов. Они потеряли святость и ценность (приобретая взамен цену). Это был разрыв во всей истории человечества. Ведь раньше язык, как выразился Хайдеггер, «был самой священной из всех ценностей». Когда вместо силы главным средством власти стала манипуляция сознанием, власть имущим понадобилась полная свобода слова — превращение слова в безличный, неодухотворенный инструмент¹.

Превращение языка в орудие господства положило начало и процессу разрушения языка в современном обществе. Послушаем Хайдеггера, подводящего после войны определенный итог своим мыслям (в «Письме о гуманизме»):

«Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек... Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех употреблениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа. Простая отточенность языка еще вовсе не свидетельство того, что это разрушение нам уже не грозит. Сегодня она, пожалуй, говорит скорее о том, что мы еще не видим опасность и не в состоянии ее увидеть, потому что еще не встали к ней лицом. Упадок языка, о котором в последнее время так много и порядком уже запоздало говорят, есть, однако, не причина, а уже следствие того, что язык под господством новоевропейской метафизики субъективности почти неудержимо выпадает из своей стихии. Язык все еще не выдает нам своей сути: того, что он — дом истины Бытия. Язык, наоборот, поддается нашей голой воле и активности и служит орудием нашего господства над сущим».

Выделим главное в его мысли: язык под господством метафизики Запада выпадает из своей стихии, он становится орудием господства. Именно устранение из языка святости и «превращение ценности в товар» сделало возможной свободу слова. Многие сегодня свободу слова воспринимают не как

¹ Разумеется, ни в каком обществе не может быть полной свободы слова, всегда есть нечто «нецензурное». Как сказал Томас Джефферсон, «ни одно правительство не может существовать без цензуры: там, где печать свободна, никто не свободен».

проблему бытия, а как критерий для политической оценки: есть свобода слова — хорошее общество, нет свободы слова — плохое. Таким образом, если в наше плохое общество внедрить свободу слова, оно станет лучше.

На деле речь идет о двух разных типах общества. «Освобождение» слова (так же, как и «освобождение», превращение в товар, денег, земли и труда) означало прежде всего устранение из него святости — десакрализацию. Это означало и отделение слова от мира (от вещи). Слово, имя переставало тайно выражать заключенную в вещи первопричину. Древний философ Анаксимандр сказал о тайной силе слова: «Я открою вам ужасную тайну: язык есть наказание. Все вещи должны войти в язык, а затем вновь появиться из него словами в соответствии со своей отмеренной виной».

Разрыв слова и вещи был культурной мутацией, скачком от общества традиционного к гражданскому, западному. Но к оценке по критерию «плохой—хороший» это никакого отношения не имеет, для такой оценки важна совокупность всех данных исторических черт конкретного общества. И гражданское общество может быть мерзким, и духовно больным, и выхолощенным; и традиционное, даже тоталитарное, общество может быть одухотворенным и возвышающим человека.

По своему отношению к слову сравнение России и Запада дает прекрасный пример двух типов общества. Вот Гоголь, он неоднократно повторяет в своих записках обращение апостола Павла: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!». Какая же здесь свобода слова! Здесь упор на ответственность — «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Что же мы видим в обществе современном, гражданском? Вот формула, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренаном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий». Таким образом, здесь слово, вслед за знанием, становится абсолютно автономным по отношению к морали¹.

---

¹ Современный католический философ Ж. Маритен приводил пример: «В одно и то же время Жид с искренностью писал две маленькие книжечки в одной из них он выражал преданнейшую любовь к Евангелию, в другой — проповедовал гомосексуализм».

На создание и внедрение в сознание нового языка буржуазное общество истратило несравненно больше средств, чем на полицию, армию, вооружение. Ничего подобного не было в аграрной цивилизации (в том числе в старой Европе). Говорят, новое качество общества индустриального Запада заключалось в нарастающем потреблении минерального топлива. Сейчас добавляют, что не менее важным было то, что общество стало потреблять язык — так же, как минеральное топливо.

С книгопечатанием устный язык личных отношений был потеснен получением информации через книгу. В Средние века книг было очень мало (в церкви — один экземпляр Библии). В университетах за чтение книги бралась плата. Всего за 50 лет книгопечатания, к началу XVI в. в Европе было издано 25–30 тыс. книг тиражом около 15 млн экземпляров. Это был переломный момент. На массовой книге стала строиться и новая школа.

Главной задачей этой школы стало искоренение «туземного» языка своих народов. Философы используют не совсем приятное слово «туземный» для обозначения того языка, который естественно вырос за века и корнями уходит в толщу культуры данного народа — в отличие от языка, созданного индустриальным обществом и воспринятого идеологией. Этот «туземный» язык, которому ребенок обучался в семье, на улице, на базаре, стал планомерно заменяться «правильным» языком, которому стали обучать платные профессионалы — языком газеты, радио, а теперь телевидения.

Язык стал товаром и распределяется по законам рынка. Французский философ, изучающий роль языка в обществе, Иван Иллич пишет: «В наше время слова стали на рынке одним из самых главных товаров, определяющих валовой национальный продукт. Именно деньги определяют, что будет сказано, кто это скажет и тип людей, которым это будет сказано. У богатых наций язык превратился в подобие губки, которая впитывает невероятные суммы». В отличие от «туземного», язык, превращенный в капитал, стал продуктом производства, со своей технологией и научными разработками¹.

Во второй половине XX в. произошел следующий перелом. Вот результат исследования лингвистов, проведенного в Торон-

---

¹ Это, кстати, привело к тому, что люди утратили способность общаться на многих языках, что было характерно для «дорыночной» Европы и еще характерно для бедноты в странах «третьего мира». «Нерыночный» человек был полиглотом.

то перед Второй мировой войной. Тогда из всех слов, которые человек слышал в первые 20 лет своей жизни, каждое десятое слово он слышал от какого-то «центрального» источника — в церкви, в школе, в армии. А девять слов из десяти слышал от кого-то, кого мог потрогать и понюхать. Сегодня пропорция обратилась: 9 слов из 10 человек узнает из «центрального» источника, и обычно они сказаны через микрофон.

Но в чем главная разница «туземного» и «правильного» языка? «Туземный» рождается из личного общения людей, которые излагают свои мысли — в гуще повседневной жизни. Поэтому он напрямую связан с диалогом и со здравым смыслом (можно сказать, что голос здравого смысла «говорит на родном языке»). «Правильный» язык — это язык диктора, зачитывающего текст, данный ему редактором, который доработал материал публициста в соответствии с замечаниями совета директоров. Это безличная риторика, созданная целым конвейером платных работников. Это односторонний поток слов, направленных на определенную группу людей с целью убедить их в чем-либо.

Здесь берет свое начало «общество спектакля» — этот язык «предназначен для зрителя, созерцающего сцену». Язык диктора в новом, буржуазном обществе не имел связи со здравым смыслом, он нес смысл, который закладывали в него те, кто контролировал средства массовой информации. Если люди, сами того не замечая, начинали говорить на таком языке, они отрывались от здравого смысла и становились легкими объектами манипуляции.

Как создавался на Западе «правильный» язык? Начало этому положила наука. Уже первые специалисты, которые во время Великой французской революции называли себя идеологами, определили две главные сферы духовной деятельности человека, которые надо взять под контроль, чтобы программировать его мысли — познание и общение. В том «курсе идеологии», который они собирались преподавать правящей элите Франции, было три части: естественные науки, языкознание («грамматика») и собственно идеология.

Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык перешли в огромном количестве слова-амебы. Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применения исключительно широка (возьмите, например, слово «прогресс»). Это «прозрачные» слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе

внимания, — и пожирают старые слова. Они кажутся никак не связанными между собой, но это обманчивое впечатление. Они связаны, как поплавки рыболовной сети: сети не видно, но она ловит, запутывает наше представление о мире.

Важный признак этих слов-амеб — их кажущаяся «научность». Скажешь «коммуникация» вместо старого слова «общение» или «эмбарго» вместо «блокада» — и твои банальные мысли, вроде бы, подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия нашего мышления. Слова-амебы — как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды.

Это и объясняет их «пожирающую» способность. В «приличном обществе» человек обязан их использовать. Это заполнение языка словами-амебами было одной из форм колонизации собственных народов буржуазным обществом. Замещение смысла слов было в идеологии буржуазного общества тайной не меньшей, чем извлечение прибавочной стоимости из рабочих. Как пишет Иллич, на демистификацию языка наложен «внутренний запрет, страшный, как священное табу».

Особого рода искусственным языком является политический язык. Любой политический язык имеет свой жаргон, понятный только «своим». Он содержит много слов-символов и служит сигнальной системой, позволяющей отличить «своих» от «чужих». В этих словах-сигналах, словах-символах закодирован смысл, доступный только представителю «своей» политической субкультуры. Принять «чужой» язык, не понимая, как правило, смысла слов-символов, — в политике значит заведомо обречь себя на поражение. Освободительную и укрепляющую роль всегда играет естественный родной язык.

Тургенев писал о русском языке: «во дни сомнений, в дни тягостных раздумий ты один мне поддержка и опора». Когда в октябре 1941 г., во время наступления немцев, было решено ввести в Москве осадное положение, на утверждение Сталину принесли проект приказа. Он приписал к нему вводную строчку: «Сим уведомляется». Давно не употреблявшееся слово «сим» придало приказу совершенно особое звучание, затронуло глубинные слои коллективной исторической памяти людей, соединило события момента с вехами тысячелетнего пути народа.

Чтобы лишить человека этой поддержки и опоры родного языка, манипуляторам совершенно необходимо если не отме-

нить, то хотя бы максимально растрепать «туземный» язык. Отрыв слова (имени) от вещи и скрытого в вещи смысла был важным шагом в разрушении всего упорядоченного Космоса, в котором жил и прочно стоял на ногах человек Средневековья и древности. Начав говорить «словами без корня», человек стал жить в разделенном мире, и в мире слов ему стало не на что опереться.

Создание этих «бескорневых» слов стало важнейшим способом разрушения национальных языков и средством атомизации общества. Русский языковед и собиратель сказок А.Н. Афанасьев подчеркивал значение корня в слове: «Забвение корня в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной».

Каждый крупный общественный сдвиг потрясает язык. В частности, он резко усиливает словотворчество. О необходимости «переименования вещей» в революционные эпохи писал Г. Лебон: «Когда после разных политических переворотов и перемен религиозных верований в толпе возникает глубокая антипатия к образам, вызываемым известными словами, то первой обязанностью настоящего государственного человека должно быть изменение слов».

Слом традиционного общества средневековой Европы, как мы уже говорили, привел к созданию нового языка с «онаученным» словарем. Интенсивным словотворчеством сопровождалась и революция в России начала XX в. В ней были разные течения. Более мощное из них было направлено не на устранение, а на мобилизацию скрытых смыслов, соединяющей силы языка. Наибольшее влияние на этот процесс оказали Велимир Хлебников и Владимир Маяковский.

Маяковский черпал построение своих поэм в «залежах древнего творчества». Он буквально строил заслоны против языка из слов-амеб. У Хлебникова эта принципиальная установка доведена до полной ясности. Он, для которого всю жизнь Пушкин и Гоголь были любимыми писателями, поднимал к жизни пласты допушкинской речи, искал славянские корни слов и своим словотворчеством вводил их в современный язык. Даже в своем «звездном языке», в заумях, он пытался вовлечь в русскую речь «священный язык язычества».

Для Хлебникова революция среди прочих изменений была средством возрождения и расцвета нашего «туземного» языка («нам надоело быть не нами»). Его словотворчество отвечало всему строю русского языка, было направлено не на разделение, а на соединение, на восстановление связи понятийного и просторечного языка, связи слова и вещи. Он писал: «Словотворчество, опираясь на то, что в деревне, около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи». Это — процесс противоположный тому, что происходил во время буржуазных революций в Европе.

При этом включение фольклорных и архаических элементов вовсе не было регрессом, языковым фундаментализмом, это было развитие. Хлебников, например, поставил перед собой сложнейшую задачу — соединить архаические славянские корни с диалогичностью языка, к которой пришло Возрождение («каждое слово опирается на молчание своего противника»).

Напротив, во время общественного слома в конце XX в. вышло и отложилось в общественной мысли обратное явление, целый культурный проект — насильно, с помощью СМИ, переделать наш «туземный» язык и заполнить сознание, особенно молодежи, словами-амебами, словами без корней, разрушающими смысл речи. Когда русский человек слышит слова «биржевой делец» или «наемный убийца», они поднимают в его сознании целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своем отношении к обозначаемым ими явлениям. Но если ему сказать «брокер» или «киллер», он воспримет лишь очень скудный, лишенный чувства и не пробуждающий ассоциаций смысл. И этот смысл он воспримет пассивно, апатично¹. Методичная и тщательная замена слов русского языка такими словами-амебами — не случайное «засорение» или признак бескультуры. Это — необходимая часть манипуляции сознанием.

Каждый может вспомнить, как вводились в обиход такие слова-амебы, не только претендующие на фундаментальность (типа «общечеловеческих ценностей»), но и множество помельче. Вот,

¹ На занятиях в одной из академий государственной службы слушатели должны были выразить смысл слов «убийца» и «киллер», составив с ними однотипные предложения. Они написали, в частности, такие пары: «Убийца скрылся с места преступления», «Киллер удалился с места работы».

в сентябре 1992 г. в России одно из первых мест по частоте употребления заняло слово «ваучер». Введя его в язык реформы, Гайдар не объяснил ни смысла, ни происхождения слова. Даже специалисты понимали смысл туманно, считали вполне «научным», но точно перевести на русский язык не могли. «Это было в Германии, в период реформ Эрхарда», — говорил один. «Это облигации, которые выдавали в ходе приватизации при Тэтчер», — говорил другой. Некоторые искали слово в словарях, но не нашли.

Вот, казалось бы, взаимозаменяемые слова — «руководитель» и «лидер». Почему пресса настойчиво стремится вывести из употребления слово «руководитель»? Потому, что это слово исторически возникло для обозначения человека, который олицетворяет коллективную волю, он создан этой волей, он — продукт сотрудничества. Слово «лидер» возникло из философии конкуренции. Лидер персонифицирует индивидуализм предпринимателя. И в России телевидение уже не скажет «руководитель». Нет, «лидер Белоруссии Лукашенко», «лидер компартии Зюганов»...

В большом количестве внедряются в язык слова, противоречащие здравому смыслу. Они подрывают логическое мышление и тем самым ослабляют защиту против манипуляции. Сейчас, например, часто говорят «однополярный мир». Это выражение абсурдно, поскольку слово «полюс» по смыслу неразрывно связано с числом два, с наличием второго полюса. В октябре 1993 г. было введено выражение «мятежный парламент» по отношению к Верховному Совету РСФСР. Это выражение нелепо в приложении к высшему органу законодательной власти (поэтому обычно в таких случаях говорили «президентский переворот»).

Характеристики слов-амеб, которыми манипуляторы заполняют язык, хорошо изучены. Предложено около 20 критериев для их различения — все они красноречивы. Так, эти слова уничтожают все богатство семейства синонимов и сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя. Он приобретает «размытую универсальность», обладая в то же время очень малым, а то и нулевым содержанием. Объект, который выражается этим словом, очень трудно определить другими словами — взять хотя бы слово «прогресс», одно из важнейших в современном языке. Отмечено, что эти слова-амебы не имеют исторического измерения, непонятно, когда и где они появились, у них нет корней. Они быстро приобретают интернациональный характер.

Чтобы ввести в обиход слова, разрушающие ткань естественного языка, очень важно и звучание, «звуковой облик» сло-

ва. В период общественных потрясений важным становится не благозвучие в его обычном смысле, а броскость, энергичность слова, необычность звучания. Для этого хорошо подходят иностранные слова, насыщенные звонкими согласными (брокер, консалтинг, миллениум), особенно удвоенными (триллер, саммит). Привлекательность достигается и смешением стилей (камикадзе-шахид, напиток «Кургазак-Оранж»), иногда сочетанием слов с несовместимыми смыслами (демоисламы).

Для того чтобы вскрыть изначальные, истинные смыслы даже главных слов нового языка, приходится совершать работу, которую философы называют «археологией» — буквально докапываться до смысла. Многое вскрыто, и когда читаешь эти исследования, эти раскопки смыслов трехвековой давности, оторопь берет, как изоощренно упакованы смыслы понятий, которые мы беспечно включили в свой «туземный» язык.

Конечно, если бы туземный язык был уничтожен словами-амебамы полностью, общество было бы разрушено, ибо диалог стал бы невозможен. Но все же в современном западном обществе он подавлен монополией «правильного» языка так же, как туземные продукты подавлены промышленными товарами. Сегодня мы видим, как модернизация сокрушает последний бастион языка, сохраняющего древние смыслы — церковь. Мало того, что священники вне службы, даже в облачении, стали говорить совершенно «правильным» языком, как журналисты или политики. Модернизации подвергаются священные тексты.

Действия в этой сфере — целая программа. В Англии, тиражом в 10 млн экземпляров издана новая Библия, на «современном» языке. Теологи старого закала назвали ее «модерн, но без Благодати» (само понятие «Благодать» из нее изъято и заменено «незаслуженными благами»). Вычищены из Библии и понятия «искупление» и «покаяние». И наконец, ключевое для христианства слово «распятие» заменено «прибиванием к кресту». Наполненные глубинным смыслом слова и фразы, отточенные за две тысячи лет христианской мысли, заменены «более понятными». Как сказал архидьякон Йорка, Библия стала похожа на телесериал, но утратила сокровенное содержание.

В целом Россия еще не лишилась своего языка. Буржуазная школа не успела сформироваться и охватить существенную часть народа. Надежным щитом была и русская литература. Лев Толстой совершил подвиг, создав для школы тексты на нашем природном, «туземном» языке. Малые народы и перемешанные с

ними русские остались дву- или многоязычными, что резко повышало их защитные силы. Язык не был товаром, каждому ребенку дома, в школе, по радио читали родные сказки и Пушкина.

На Западе, напротив, сказки становятся «вненациональным» товаром. Дети знакомятся с ними через видеофильмы Диснея. С ними, как с Библией, производят модернизацию. Так, в Барселоне в 1995 г. вышел перевод с английского языка книги Фина Гарнера под названием «Политически правильные детские сказки».

Вот начало одной «исправленной» сказки:

«Жила-была малолетняя персона по имени Красная Шапочка. Однажды мать попросила ее отнести бабушке корзинку фруктов и минеральной воды, но не потому, что считала это присущим женщине делом, а — обратите внимание — потому что это было добрым актом, который послужил бы укреплению чувства общности людей. Кроме того, бабушка вовсе не была больна, скорее наоборот, она обладала прекрасным физическим и душевным здоровьем и была полностью в состоянии обслуживать сама себя, будучи взрослой и зрелой личностью...»

Мы «переваривали» язык индустриального общества, наполняли его нашими смыслами, но в какой-то момент начали терпеть поражение. Переход к городскому образу жизни и сокращение построенных по типу диалога личных контактов, резкое усиление роли СМИ стали теснить наш туземный язык. В последние два десятилетия происходит и целенаправленное воздействие на ткань языка в идеологических целях в рамках большой программы манипуляции массовым сознанием в ходе смены общественного строя. Лингвисты отмечают интенсивное внедрение множества иностранных слов с устранением корня больших семейств русских слов, а также усиление аналитизма языка посредством расширения использования приставок в словообразовании за счет суффиксов.

Процессы, происходящие в языке, тесно связаны с направленностью общественных процессов, и результаты этого длительного переходного периода пока что нельзя предугадать.

§ 3. Манипулятивная семантика

В XX в. искусственное создание языка в целях манипуляции сознанием было поставлено на научную основу. Американский социолог Гарольд Лассуэлл стал изучать роль слова

в пропаганде (а затем и манипуляции сознанием) с помощью точных методов. Начав свои исследования еще в годы Первой мировой войны, он обобщил результаты в 1927 г. в книге «Техника пропаганды в мировой войне».

Он разработал методы семантического анализа текстов — изучение использования тех или иных слов для передачи или искажения смыслов («политическая семантика исследует ключевые термины, лозунги и доктрины под углом зрения того, как их понимают люди»). Отсюда было рукой подать до методов подбора слов. Лассуэлл разработал целую систему, ядром которой стали принципы создания «политического мифа» с помощью подбора соответствующих слов.

Специалисты почерпнули много знаний и из «языковой программы» фашистов. Муссолини сказал: «Слова имеют огромную колдовскую силу». Фашисты создали и даже формализовали особый магический язык (т. н. *Lingua Tertii Imperii* — язык Третьего рейха). Приступая к «фанатизации масс», фашисты сделали еще один шаг к разрыву связи между словом и вещью. Они ввели множество неологизмов, изменили смысл привычных слов и понятий. Их программу иногда называют «семантическим терроризмом», который привел к разработке «антиязыка». В этом языке применялась особая «разрушенная» конструкция фразы с монотонным повторением не связанных между собой утверждений и заклинаний. Этот язык очень сильно отличался от «нормального». Большая работа в области методов «придания ложного смысла бесспорным фактам с помощью лексических средств» была проведена специалистами Геббельса, о чем имеется обширная литература.

Немецкий исследователь политических мифов Э. Кассирер писал, что воздействие нацистской идеологии на язык было столь велико, что произошло изменение функции языка — его магическая функция стала доминировать над информационной. «Магическое слово не описывает вещи или отношения между вещами; оно стремится производить действия и изменять явления природы. Подобные действия не могут совершаться без развитого магического искусства. Только маг или колдун способен управлять магией слова, только в его руках оно становится могущественным орудием».

Выше говорилось о широком применении малоизвестных иностранных слов для разрушения семейств однокорневых слов родного языка, пробуждающих важные ассоциации. Пример —

замена русского понятия «наемный убийца» словом «киллер». Точно так же происходит вытеснение слова «избиратели» и замена его на слово «электорат». Когда депутат говорит «мои избиратели», порождаемые этим словом ассоциации указывают, что депутат — производное от того коллектива, который его избрал (создал). Выражение «мой электорат» воспринимается как «мой персонал» (мое предприятие). Электорат — общность пассивная и ведомая, она почти «создается» политиком.

Особое направление в выработке новых слов с заданным смыслом — изобретение сокращений, аббревиатур. Мы помним, какое собственное значение приобрели слова СССР или РСФСР — они приобрели свой образ, не вполне сводимый, например, к имени Советский Союз. ВЧК просуществовала всего три года, а слова «чека» и «чекист» сохранились до сих пор. Очень сильное воздействие на подсознание оказывало в последние десятилетия сокращение КГБ (и гэбист), причем на обывателя Запада оно действовало едва ли не сильнее, чем на жителей СССР.

Аббревиатуры могут создать целое семейство новых понятий, отличное от тех, которые сопровождают полное имя. Дж. Оруэлл писал: «Слова “Коммунистический Интернационал” приводят на ум сложную картину: всемирное человеческое братство, красные флаги, баррикады, Карл Маркс, Парижская коммуна. Слово же “Коминтерн” напоминает всего лишь о крепко спянной организации и жесткой системе доктрин».

Конструируются и сокращения с сильным отрицательным смыслом (например, совдепия) или мрачным, угрожающим (бомж¹). С.Н. Булгаков называл такие аббревиатуры с враждебным смыслом искусственно созданными путем алгебраического сложения «словами-манекенами». Он признавал их мистическую силу и писал: «Такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу... сосут кровь языка».

Создание искусственного языка идет по двум направлениям. Ищется приемлемое по денотации слово. То есть выбираются слова, в денотации (диапазоне смыслов) которых имеется и такая, что может быть притянута к обозначению данного явления. Пусть даже это один из многих смыслов слова, третьестепенный и малоупотребительный. Но он существует, и не является прямой

¹ Вошедшее в широкий обиход слово «бомж» лишено полутонов и эмоциональной окраски, оно не содержит сострадания, которое звучит в слове бездомный или даже бродяга. Это — жесткое слово нового времени.

ложью его использование. Так, с 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались в прессе «программа умиротворения». Это слово настолько вошло в обиход, что в газетах можно было прочесть такое сообщение: «Одна деревня так упорно сопротивлялась умиротворению, что в конце концов ее пришлось разрушить». Умиротворение и война в своих денотациях где-то чуть-чуть перекрываются, так вместо слова «война» берется «умиротворение».

Второе воздействие слова — коннотация, то есть те ассоциации, которые пробуждает произнесение или прочтение слова. Так, во время войны во Вьетнаме важное место в пропаганде занимало слово «сдержанность». Коннотация его полезна для пропаганды. Сдержанный человек... Не скажешь ведь, что США во Вьетнаме проявили миролюбие или гуманность — это было бы прямой ложью. Сдержанность... Ведь ядерного оружия не применили! Так, в 1972 г. в обращении к нации президент Никсон заявил: «В течение всей войны США проявляли беспрецедентную в военных анналах степень сдержанности». 19 июля 1971 г. И. Колби сообщил, что под его руководством была проведена операция, суть которой состояла в организации покушений на нежелательных общественных деятелей Южного Вьетнама, и что к тому моменту было ликвидировано 20 587 таких деятелей. Называлась она «Операция Феникс».

Вообще, во время войны во Вьетнаме в США была проведена огромная работа по созданию специального языка для сообщений прессы. Были составлены целые словари (тезаурусы) для обозначения тех или иных явлений и действий, которые производили на читателя нужное впечатление (в лингвистических трудах перечисляются принципы подбора слов). Ряд исследователей считают, что был искусственно разработан «субъязык», который получил название вьетлийского (Vietlish, Vietnam English).

Так, помимо слов «умиротворение» или «сдержанность» ключевым понятием было словосочетание «защитная реакция». Защита... Ответное действие... Например, массированные бомбардировки Северного Вьетнама в феврале 1972 г. (139 налетов) назывались «защитная реакция»¹. Лингвисты пишут, что во вре-

---

¹ Ввиду слишком резкой международной реакции был снят с должности авиационный генерал Д. Лавел «за плохое знание семантики», в результате которого он якобы проводил бомбардировки без санкции высшего командования. На слушаниях в сенате он, однако, стал огрызаться и доказал, что выражение «защитная реакция» было официально предписанным и что командование было верно информировано о характере действий. Так, после рейдов летчики писали в отчетах: «Выполнена «защитная реакция»».

мя вьетнамской войны были разработаны методы построения сложных политических эвфемизмов. Это уже не отдельные слова и понятия, а большие языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на сознание.

Из языка были исключены все слова, вызывающие отрицательные ассоциации: «война», «наступление», «оружие по уничтожению живой силы». Вместо них были введены слова нейтральные: «конфликт», «операция», «устройство» (*antipersonnel device*). Мертвые зоны, в которых диоксинами была уничтожена растительность, назывались «санитарными кордонами», напалм — «мягким зарядом», самые обычные концлагеря — «стратегическими селениями» и т. д. Были наложены и строго соблюдались табу на использование огромного количества «нормальных» слов. Президент Американского лингвистического общества Д. Болинджер заявил тогда: «Америка — это первое общество, которое добилось настоящего табу на все неприятное».

Большой манипулятивной программой стало в США изменение языка с целью достижения его «политкорректности». Феминистки усмотрели в слове *history* (история) слово *his* (его), и потребовали называть историю женщин *herstory*¹. Так слова превращаются в заклинания. В «политкорректной» Библии слова «Бог-Отец» заменяют на «Бог-Отец-Мать» и т. п.

Сегодня политики и пресса постоянно меняют смысл слов в зависимости от конъюнктуры. Как сказал Г. Честертон, «прежде “компромисс” означал, что полбуханки хлеба лучше, чем ничего. У нынешних политиков “компромисс” означает, что полбуханки лучше, чем целая буханка». Бомбардировки Югославии в 1999 г. были названы «гуманитарной интервенцией», и это понятие в течение двух лет США пытались даже ввести в международное право.

И в русском языке мы наблюдаем аналогичный процесс — политики избегают использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их заменяют эвфемизмами — благозвучными и непривычными терминами. Так, в ходе реформы в официальных и даже пропагандистских документах не употреблялось слово «капитализм». Нет, что вы, мы строим рыночную экономику. Беженцы из Чечни? Что вы, у нас нет беженцев, это «вынужденные переселенцы».

¹ Заметим, что слово *history* — греческого происхождения и к английскому местоимению *his* отношения не имеет.

Одна из важных функций СМИ — замена русских слов, составлявших большие однокорневые гнезда и имевших устойчивые коннотации, на иностранные или изобретенные слова. Так, множество ложных слов вбросило в обиход телевидение во время войны в Чечне. Например, военных вдруг стали называть «федералами». Это слово лежит в совсем другой плоскости, нежели «армия — боевики», «милиция — бандиты» или «правительственные войска — мятежники». Какие ассоциации порождает в подсознании это слово? Федералы — конфедераты! Северяне и южане... Так в США называли стороны в гражданской войне. Неявно телезрителя подталкивают к мысли, что в Чечне идет вооруженное столкновение сторонников двух типов государственного устройства. Какое-то время ведущие даже называли боевиков Басаева партизанами.

Политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений, создаются и с помощью терминов. Это специальные слова, имеющие точный смысл, причем большинство аудитории не знает точного значения термина. Но главное, что термины обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки. Красивым термином, кажется людям, нельзя назвать какую-нибудь гадость.

К таким терминам относится, например, слово «эмбарго». Если средний западный гражданин еще испытал некоторое неудобство от разрушительных бомбардировок Ирака в качестве «наказания», то установленное в августе 1990 г. тотальное эмбарго на торговлю с Ираком не вызвало абсолютно никакого возражения. А ведь это — более многозначительный шаг, нежели бомбардировки. Так, общепринято, что в Ираке установлен тоталитарный режим, диктатура. Ирак — не Дания и даже не Греция, и население там не имеет ни прав, ни навыков, ни механизмов, чтобы навязать свою волю политикам Багдада. Но если это так, то население не несет и ответственности за действия верхушки режима. И согласно самой простой логике, наказывать иракского крестьянина, убивая голодом его ребенка, означает брать этого крестьянина заложником и наказывать его, чтобы оказать давление на противника (Саддама Хусейна). Такие действия по отношению к европейцу рассматривались как военное преступление, и те, кто отдавал приказы о таких действиях, пошли на виселицу. Но сегодня по отношению к иракскому крестьянину это назы-

вается «механизмом международного права», эмбарго. Слово «заложник» не употребляется — табу.

Одним из важных инструментов политического языка являются ярлыки, которые «навешиваются» политическим противникам. Они создаются и вводятся в употребление с целью опорочить или высмеять противника путем воздействия на чувства и подсознание — без приведения рациональных доводов. Так, эффективным оказался введенный в обиход в 1983 г. Р. Рейганом ярлык «империя зла», который придавал борьбе с СССР на последней стадии холодной войны оттенок религиозного противостояния дьяволу.

Ранее в процессе разрушения легитимности верховной власти в СССР был введен термин «геронтократия». Он создавал довольно сильный негативный настрой, не имея под собой разумных оснований (Сталин и Дэн Сяопин были стариками, Е. Гайдар и С. Кириенко — молодыми людьми, но не это определяло эффективность этих политиков в достижении их целей). Интенсивно использовался изобретенный в конце перестройки сильнодействующий ярлык «красно-коричневые», который в подсознании ассоциировал коммунистов с фашистами. А конкуренты той группировки, которая оказалась приближенной к Ельцину, ввели в обиход термин «семья». Он порождал сильные отрицательные ассоциации, поскольку «семьями» называют мафиозные кланы. Благодаря популярным фильмам про мафию значение этого термина хорошо известно, и ярлык прижился и эффективно выполнял свою идеологическую функцию.

Одной из крупнейших программ по манипуляции сознанием стала приватизация промышленности в РФ. Велась эта программа открыто около двух лет и показала исключительную эффективность. Рабочие, которые в 1989 г. категорически отвергали частное владение предприятиями, в 1992 г. отнеслись к этому равнодушно и даже благосклонно. А ведь они не получили для этого никаких разумных доводов и никакого положительного опыта — почему же так изменилась их установка по важнейшему для них вопросу? В результате воздействия на сознание.

Для политики и прессы был даже создан особый язык. Ведь приватизация — лишь малая часть во всем процессе изменения отношений собственности. Она лишь наделение частной собственностью на предприятие. Но это предприятие было

собственностью народа (нации). Государство выступало лишь как управляющий этой собственностью. Чтобы ее приватизировать, необходимо было сначала осуществить денационализацию. Это — самый главный и трудный этап, ибо он означает изъятие собственности у ее владельца (нации). А это, очевидно, не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в законах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности замалчивалась. Слово «денационализация» не встречается ни разу, оно стало табу и заменено специально придуманным словом «разгосударствление».

Замена слов и понятий политическими эвфемизмами как целая технология приводит к тяжелой болезни общества, которую еще Фукидид назвал коррупцией языка. Будучи свидетелем упадка Афин, он оставил описание коррупции как важнейшего признака этого упадка. Среди прочих видов коррупции он особо выделил именно коррупцию языка — слова начали означать нечто противоположное тому, что они всегда означали. Разные партии стали использовать одно и то же слово в разных смыслах.

Сегодня о вторжении в язык с целью программировать поведение известно так много, что вдумчивый человек может использовать это знание в личной практике. Художественное осмысление дал писатель Оруэлл со своим образом «новояза» в романе-антиутопии «1984». Оруэлл дал фантастическое описание тоталитарного режима, главным средством подавления в котором был новояз — специально изобретенный язык, изменяющий смысл знакомых слов. Мысли Оруэлла наши перестройщики опошлили, прицепив к критике коммунизма.

В своей антиутопии Оруэлл описывал современное западное общество, переживающее «выверт демократии» — искусственный тоталитаризм, одним из средств власти которого был искусственный язык с замещенными смыслами. Этот новояз — доведенный до логического предела язык прессы. Процессы, происходящие в традиционном обществе, сколь угодно тоталитарном и жестоком, имеют принципиально иную природу. Понятие Оруэлла вошло в философию и социологию, создание новоязов стало важной политической технологией.

Глава 6. Иные знаковые системы

§ 1. Язык чисел. Мера

Овладение числом и мерой — одно из важнейших завоеваний человека. Согласно мифу, Прометей был наказан Зевсом именно за то, что он передал человеку огонь и число, чем сделал его почти равным богам. Число (как и величина) — настолько широкое и многообразное понятие, что математика даже не дает ему общего определения, говоря о классах чисел. Можно сказать, что определение понятия числа заключается во всей совокупности математических знаний в данный исторический момент.

В числе, как и в слове, заложены множественные смыслы. Порой кажется, что это — исключительно холодные, расудочные, рациональные смыслы. Это не так. Магия числа в том, что оно, в отличие от слова или метафоры, обладает авторитетом точности и беспристрастности. Поэтому число — один из главных объектов манипуляции. Изначально числа нагружены глубоким мистическим и религиозным содержанием. Не будем уж углубляться в «число зверя» и вообще каббалистику. Хотя для манипуляции суеверного и религиозного сознания она используется порой в самых радикальных политических целях.

Заметим, что мистический смысл числа и счета укоренен не только в иудейской и христианской культуре, это — общее явление. Пастух хоть в Туркмении, хоть в тундре, никогда не скажет, сколько у него овец или оленей, хотя знает их всех «в лицо».

Число, как и слово, было изначально связано с вещью. Последователи религиозной секты Пифагора считали, что в числе выражена сущность, природа вещи, при этом число не может лгать, и в этом его преимущество перед словом. Пифагорейцы считали даже, что числа — это те матрицы (парадигмы), по которым создаются вещи. Вещи «подражают числам». Через число только и может быть понят мир.

Философ и богослов XV в. Николай Кузанский поставил вопрос жестко: «Там, где терпит неудачу язык математики, человеческий дух ничего уже не сможет понять и узнать». Сила «языка чисел» объясняется тем, что он кажется максимально достоверным, он не может лгать (особенно если человек вообще спрячется за компьютером). Это снимает с

тех, кто оперирует числами, множество ограничений, дает им такую свободу, с которой не сравнится никакая «свобода слова». Один из великих математиков современности Кантор так и сказал: «Сущность математики заключается в ее свободе».

М. Вебер особо отмечает ту роль, которую «дух счета» (*calculating spirit*) сыграл при возникновении капитализма: пуританизм «преобразовал эту “расчетливость”, в самом деле являющуюся важным компонентом капитализма, из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения». Эту «расчетливость» Запада укрепила и Научная революция, сделавшая механицизм основой мироощущения. Со времен Декарта для Запада характерна, как говорят философы, «одержимость пространством», которая выражается в склонности к «математическому методу» мышления.

В противовес этому выделяют «одержимость временем», для которой характерен «грамматический» метод мышления, — именно в естественном языке появились временные формы, в которых человек выразил ощущение времени. Иногда говорят даже (особенно в приложении к экономике), что есть «наука числа» и «наука слова».

Умение мысленно оперировать с числами и величинами — исключительно важное интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. Известный советский математик-педагог А.Я. Хинчин писал о понятии числа применительно к школьному курсу математики:

«Историческая эволюция этого понятия воспроизводится в сознании учащегося на протяжении долгого периода, и притом такого периода, в течение которого рост сознания школьника можно уподобить росту сознания человечества за всю историю его сознательной жизни. И подобно тому, как в сознании мыслящего человечества понятие числа, поднимаясь от ступени к ступени, в разные эпохи не только по содержанию, но и стилю, научному уровню и логической зрелости, являло собой совершенно различную картину, — точно так же нельзя говорить и о едином понятии числа, соответствующем уровню сознания школьника. На протяжении школьного обучения понятие числа не только обога-

щается по содержанию, включая в себя все новые и новые классы чисел, но и качественно эволюционирует вместе с сознанием учащегося, приобретая новые черты и оттенки и поднимаясь на все более высокие ступени абстракции и логической завершенности».

Уже из этого видно, как сильно различается понимание сути чисел и умение правильно обращаться с ними у людей с разным типом и уровнем образования, с разной культурой, с разным опытом и социальным положением. Эта неоднозначность отношения к внешне одному и тому же инструменту мышления открывает перед манипуляторами сознанием огромные возможности. Они играют на этих различиях, но их очень трудно схватить за руку.

В Новое время на Западе рынок стал метафорой всего жизнеустройства. Общественные отношения во всех сферах жизни уподобились эквивалентному обмену товарами. Товарная форма, приравнивающая разные сущности к общему эквиваленту, есть количественная категория, устраняющая качественное своеобразие вещей. Современный мир западного типа иногда называют «царством количества».

Общественные изменения, ведущие к усилению количественного начала в мышлении за счет качественного, сразу сказываются на тех знаковых системах, которые используются в общественном сознании. Так, в языке на первый план выдвигаются количественные характеристики вещей и отношений, число оказывается в центре внимания, например, в политических выступлениях. Лингвисты отмечают интенсивный процесс квантификации русского языка в течение последнего десятилетия. Это выражается, например, в широком использовании приставок сверх-, супер-, мини- (иногда приходится даже видеть вывеску минисупермаркет).

Понятия, которые раньше несли большую качественную нагрузку, заменяются словами, включающими в себя количественную характеристику. Для этого часто привлекаются иностранные, особенно англоязычные слова. Интересную книгу называют «бестселлер» (чисто количественное понятие), слово «подросток» вытесняется словом «тинэйджер». Слово «подросток» выражает важное качественное состояние человека, а тинэйджер — возрастная категория, в которой число

лет обозначается в английском языке словом с *teen*, то есть от 13 до 19 лет¹.

Этот процесс сокращения пространства качества затрагивает даже числа, что тем самым увеличивает их «свободу» и свободу тех, кто ими «владеет». Мы и сегодня чувствуем еще неповторимую индивидуальность чисел, по крайней мере от нуля до десяти — 3 имеет совсем иной образ, нежели 7. А еще сравнительно недавно различали как несхожие сущности числа до сотни — так развито было «телесное» и «образное» (качественное) восприятие чисел.

Но свобода тех, кто «владеет числом» означает глубокую, хотя и скрытую зависимость тех, кто «потребляет» числа. Сила убеждения чисел огромна. Это предвидел уже Лейбниц, который писал: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: “Подсчитаем!”». Эта утопия означает полную замену качеств (ценностей) их количественным выражением (ценой). В свою очередь, это снимает проблему выбора и заменяет ее проблемой подсчета, что и является смыслом технократии.

Магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить логическими аргументами. Число имеет свойство застревать в мозгу необратимо.

Свое очарование число распространяет и на текст, который его сопровождает. Поэтому часто манипуляторы сознанием вставляют в текст бессмысленные или даже противоречащие тексту цифры — и все равно остаются в выигрыше, ибо на сознание воздействует сам вид числа.

Вот, журнал Российской академии наук «Человек» много места уделил влиянию Чернобыльской катастрофы на здоровье населения («Человек», 1993, № 4). Читатель, просто увидев целые страницы, покрытые цифрами, автоматически начинает верить составителям. Но вчитайтесь в эти количественные доводы:

---

¹ Примечательно, что эта квантификация предписывается идеологически, а вовсе не идет «снизу». Когда студентов попросили определить смысл слова «тинэйджер», то они выразили его именно в качественных категориях. Тинэйджер — это продвинутый (крутой) подросток в соответствующей одежде с соответствующим жаргоном и т. д. Слово интегрируется в русский язык согласно его, а не английским, нормам.

«В начале 1992 г. было зарегистрировано 1 366 742 человека, подвергшихся радиационному воздействию в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Из них:

- ликвидаторы — 119 400 человек,
- эвакуированные — 6471 человек,
- население — 1 209 929 человек,
- дети ликвидаторов — 31 580 человек...

Смертность по группам первичного учета за 1990–1991 гг. (на 1000 человек) увеличилась по 1-й группе с 4,6 случаев до 4,8; по 2-й группе — с 1,99 до 2,1; снизилась по 3-й группе с 22,79 до 14,7; по 4-й группе — с 19,4 до 6,9».

Что может из этого понять человек? Судя по приведённым цифрам, смертность в контингенте пострадавших от аварии резко снизилась — на 7,3 случая в расчете на 100 тыс. человек. О чем говорит это снижение смертности? О том, что радиационное заражение благотворно сказывается на здоровье? Да нет, ни о чем не говорит, приведенные цифры и не рассчитаны на то, чтобы читатель вникал в их смысл — они его просто должны заморозить. А вывод ему подсказывают составители материала.

Дальше в том же номере — данные о заболеваемости жителей Алтайского края, которые подверглись облучению при испытаниях ядерного оружия на Семипалатинском полигоне: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения». Общий смысл публикации заключается в том, что ядерными испытаниями политический режим СССР губил свой народ. Но здесь нас интересует не вывод, а лишь роль цифр в убеждении читателей в этом выводе.

Итак, в зоне ядерных испытаний прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. А в целом по РСФСР? В целом за те же 10 лет с 1980 по 1990 г. прирост числа заболевших злокачественными новообразованиями составил 33 случая на 100 тыс. Если бы читатель бездумно верил цифрам, он должен был сделать вывод, что ядерные испытания очень полезны для здоровья. Ведя идеологическую пропаганду, авторы даже не потрудились подобрать сведения, подтверждающие их тезисы. Они были уверены в магической силе слова и числа, которая отключает у читателя способность к самостоятельному мышлению.

Очень часто в идеологических целях числом характеризуют расплывчатые, не поддающиеся измерению величины, причем нередко с высокой точностью, что сразу выдает манипуляцию. Академик Т.И. Заславская, агитируя за экономическую реформу, утверждала, что в СССР число тех, кто трудится в полную силу, в экономически слабых хозяйствах было 17 %, а в сильных — 32 %. И эти числа всерьез повторялись в академических журналах — пример утраты обществоведами научной рациональности. Понятие «трудиться в полную силу» в принципе неопределимо, это не более чем метафора, однако оно «измеряется» авторитетным социологом с точностью до 1%! 17%! 32%! Этот прием взят из арсенала рекламы, которая все же выглядит скромнее в своих претензиях и дает свои оценки с точностью до 10 %: «С новыми “памперсами” попки стали на 40 % здоровее», «С новым шампунем “Шаума” волосы стали на 30 % сильнее».

Манипулирующая сила числа многократно возрастает, когда числа связаны в математические формулы и уравнения — здравый смысл против них бессилён. Здесь возник целый большой жанр манипуляции (особенно в сфере экономики, где одно время даже господствовала целая «наука» — эконометрия; ее репутация рухнула в момент кризиса 1973 г., когда все ее расчеты оказались ложными).

Изобретатель напряженного бетона и создатель современного метода расчета конструкций Э. Фрессне пишет в своих мемуарах, что его всегда удивляло, почему инженеры и подрядчики постоянно требовали от него и его сотрудников расчета прочности балок, колонн и т. д. вместо того, чтобы посмотреть на простые натурные испытания прочности — несравненно более надежные и простые.

«В конце концов я понял, — пишет он, — что в большинстве случаев я имел дело не с простыми идиотами, а с лжецами и манипуляторами, которые знали, что признать результаты испытания, сделанного в их присутствии, накладывает на них гораздо большую ответственность, чем признать результаты расчета. Они укрывались за броней уравнений, которые служили им тем надежнее, чем сложнее они были».

Почему же прикрытие числом и уравнением так эффективно защищало от ответственности? Потому, что таково общественное мнение — оно скорее поверит формуле, чем факту. Инженеры и подрядчики на практике знали магическую силу чисел.

Хотя число выглядит «точным» знаком, в воображении оно создает образы и на деле часто служит метафорой (а иногда и гиперболой). Поэтому манипуляторы, в том числе невольные («вторичные») очень часто запускают в общественное сознание числа, деформирующие («поражающие») воображение. Они просто обезоруживают разум человека. И. Бунин писал в важной книге «Окаянные дни» (1918):

«Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение — перешагни же меру. Это как цены на хлеб, на говядину. “Что? Три целковых фунт?!” А назначь тысячу — и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. “Как? Семь повешенных?!” — “Нет, милый, не семь, а семьсот!” — И уже тут непременно столбняк — семерых-то висящих еще можно представить, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят!»

Особо сотрясают разум цифры, приводимые в качестве художественного образа. Дело в том, что цифры художника нельзя понимать буквально, соотносить их с цифрами физическими, они сродни цифрам религиозным. Религии же «уклоняются от контакта с историческим временем». Глупо было бы и верить, и не верить, что Ной прожил 950 лет, как сказано в Библии. Это «не те» годы. Но люди принимают числа писателей за «те» числа! Одни верят, и это нелепо, другие возмущаются, принимают эти цифры за злодейский обман.

Классический пример — А.И. Солженицын, который утверждал, будто в ходе сталинских репрессий было расстреляно 43 млн человек. Сейчас движение населения ГУЛАГа по годам, совсеми приговорами и казнями, освобождением, переводами, болезнями и смертями изучено досконально, собраны целые тома таблиц. Ясно, что данные Солженицына надо понимать как художественные гиперболы, но ведь весь культурный слой воспринимает их как чуть ли не научные данные лагерной социологии. Налицо расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные — и верит им, но в то же время он верит в «сорок три миллиона расстрелянных» Солженицына.

Именно ради воздействия на воображение, а не на разум, манипуляторы стремятся раздуть, увеличить и так огромные числа, причем увеличить их в десятки, а то и в сотни раз. Само это стремление преувеличить реальную количественную меру может служить признаком манипуляции.

Вот типичное умозаключение из идеологически важной книги, вышедшей в издательстве «Наука»: «Четверть миллиарда — 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе». Это — пример манипуляции с числами. Что значит «250 млн потеряло Отечество в XX веке»? Эти люди умерли? А сколько умерло в XIX в.? Сами по себе все эти числа ни о чем не говорят, они лишь создают зыбкий образ как инструмент внушения.

В приведенном выше рассуждении контекст подталкивает человека к мысли, будто 250 млн человек стали жертвой политического строя, для этого протягивается нить к ГУЛАГу. Но ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3 % в год — как Отечество могло там «потерять 60 миллионов»? Доподлинно известно, например, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, и основное число смертей пришлось на годы войны. Война была трудным временем для всех.

Пожалуй, самым большим достижением при манипуляции с числами является разрушение у человека способности «взвешивать» явления, он утрачивает чувство меры. Речь идет не о том, что человек теряет инструмент измерения и снижает точность, «меряет на глазок», он теряет саму систему координат, в которую мы помещаем реальность, чтобы ориентироваться в ней и делать более или менее правильные выводы.

Разрушительное проявление этой утраты меры выражается афоризмом «Сжег дом, чтобы изжарить себе яичницу». Это можно было видеть весьма наглядно. В 1993 г. в западной прессе прошла статья советника Ельцина, директора Центра этнополитических исследований Эмиля Паина «Ждет ли Россию судьба СССР?» Он пишет: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю».

Соизмеримы ли цель и средства? Что за «коммунизм» надо было ликвидировать, ради чего не жалко было пойти на такую жертву, как расчленение страны? Коммунизм Сталина? Мао Цзе Дуна? Нет — коммунизм М.С. Горбачева, А.Н. Яков-

лева и Э.А. Шеварднадзе. Но ведь эти правители не тянули даже на звание социал-демократов. Они уже декларировали себя неолибералами во многих отношениях правее Тэтчер. От коммунизма у них осталось пустое название, которое они и так бы через пару лет сменили. Стоило ли их удаление с московской арены тех страданий, что означал для миллионов граждан распад страны?

Во время перестройки деформация в мышлении привела к необычной интеллектуальной патологии — утрате расчетливости. Произошла архаизация сознания слоя образованных людей — утрата ими того «духа расчетливости» (*calculating spirit*), который, по выражению М. Вебера, был важным признаком современного общества.

Вот пример. Телевидение чрезвычайно широко и настойчиво освещает террористические акты, показывает взорванные дома, окровавленные тела жертв и горе их близких. В результате в массовом сознании создается неадекватное представление об опасности стать жертвой террористов, что влияет и на установки, и на поведение людей. Оно «программируется» этим страхом, который возбуждается средствами воздействия на сознание. Например, в отдельные годы многие миллионы граждан США отказывались от туристических поездок в Азию.

Если бы человек подошел к вопросу трезво, он мог бы легко оценить, что эта опасность на три порядка (в тысячу раз) меньше, чем вероятность стать жертвой катастрофы за рулем автомобиля. Из 15 млн водителей в России ежегодно гибнет порядка 15 тысяч. От терактов же в РФ гибнет в год порядка 1 человека на миллион. Но ведь люди не боятся ездить на машине.

Почему же люди не боятся ездить на машине, но боятся террористов? Прежде всего потому, что те, кто контролирует средства манипуляции сознанием, не заинтересованы в том, чтобы мы боялись автомобиля. Поэтому телевидение не показывает нам с утра до ночи изуродованные трупы жертв автокатастроф. Если бы показывало с той же интенсивностью, как и дело рук террористов, — то мы боялись бы автомобиля панически.

В условиях обширной программы манипуляция, когда разрыхляются системы психологической защиты и нарушается система координат и ориентации, данные опытом и образованием инструменты меры могут быть сильно испорчены. Так, к

концу 80-х гг. у очень большого числа людей стало проявляться явление, носящее название «феномен Пиаже» (Ж. Пиаже открыл его, изучая мышление детей, и описал в работе «Генезис числа у ребенка»). Заключается оно в неспособности количественно сравнивать предметы, имеющие разную форму. Так, два шарика пластилина равного диаметра кажутся детям одинаковыми. Но если их раскатать в полоски разной длины, то более длинная полоска кажется большой, а короткая — маленькой.

Пиаже нашел, что в основе этого явления лежит факт, что многие дети, подростки и даже взрослые люди не владеют «принципом сохранения величины или количества», в то время как овладение этим инструментом меры «составляет необходимое условие всякой рациональной деятельности».

Мы могли наблюдать, как это условие утрачивалось (точнее, временно «отключалось») в среде интеллигенции. В ходе реформы произошло резкое разделение по благосостоянию людей, как казалось, одного круга (например, сослуживцев). Обедневшие честные интеллигенты принимали идеалистическое толкование этого социального явления и объясняли обогащение узкого слоя чисто личными качествами этих людей — энергией, предприимчивостью, хитростью, даже непорядочностью. Благодаря этим качествам они, мол, «создали» свое богатство. Свою же бедность они объясняли тем, что «не создали» такого же богатства в силу иных личных качеств — они остались верны своей профессии, им претит заниматься торговлей, они не могут делать подлостей и т. д. Но если бы могли — то тоже стали бы богаты и, в принципе, если бы все приняли жизненные нормы и овладели навыками «новых русских», то все были бы столь же богаты. Принцип сохранения количества в этих рассуждениях отброшен¹.

Внешним проявлением «феномена Пиаже» является склонность сравнивать величину предметов по одному какому-то внешнему, выдающемуся признаку, не делая в уме структурного анализа объектов сравнения. Если бы человек в уме строил профиль существенных признаков, то о двух по-

¹ Видимо, здесь «феномен Пиаже» в какой-то мере играет роль психологической защиты. Люди пока не готовы к тому, чтобы взглянуть в лицо страшной социальной реальности, созданию которой они сами способствовали, и они бессознательно «отключают» инструменты рационального мышления, строя иллюзию «непонимания».

лосках пластилина, раскатанных из двух одинаковых шариков, он сказал бы: эта полоска больше по длине, меньше по толщине и равна другой по весу. И если бы главным признаком сравнения был бы вес полосок, то человек признал бы, что они равны.

Этот методологический дефект количественных сравнений был усилен манипуляторами и эффективно использован в идеологических целях. Например, в конце 80-х гг. едва ли не большинство москвичей были уверены, что доллар как эквивалент материальных благ равноценен 10 рублям. Признаком, по которому делалось сравнение, была цена покупки на Западе и продажи в Москве бытовой электроники (например, видеомагнитофонов). И бесполезно было в противовес указывать на то, что данный специфический класс товаров занимает небольшое место в жизнеобеспечении, предлагать пройтись для сравнения покупательной способности доллара и рубля по всему спектру материальных благ. Здесь «феномен Пиаже» сам возводился в принцип — ведь тот же коллега, так удачно привезя из командировки магнитофон для продажи, ел в гостинице черствый московский хлеб, чтобы не покупать его там по доллару за булку, и московскую осетрину — чтобы не тратить 10 долларов в дешевой харчевне. Он этого не видел — подумаешь, хлеб!

Примерно так же проводилось и сравнение уровня жизни. Человек, имевший хорошую квартиру с газом, отоплением и телефоном, а также дачу под Москвой, считал себя бедняком по сравнению со своим западным коллегой только потому, что у того был автомобиль. Вспомним очень популярный фильм «Ирония судьбы...». Оба его героя — врач из поликлиники и учительница — соглашались в том, что зарплата у них меньше, чем того заслуживает их профессия. При этом они не замечают, что оба только что получили бесплатно квартиры в хороших домах.

Известно, в каком доме около метро «Юго-Западная» в Москве снимался фильм, вот и возьмем нынешнюю рыночную цену этой квартиры — 200 тыс. долл., что эквивалентно зарплате нынешней учительницы за 100 лет. Нет, такую добавку к зарплате ни учительница, ни врач «застойного времени» не замечают. Как не замечают и того, что на ту «маленькую» зарплату они могли без большого потрясения для своего кармана полететь на самолете, взять такси и т. д. Они, как дети, не

знают, что все это стоит больших денег, которые и даются им как часть платы за их труд на общее благо. На Западе полоска пластилина больше!

Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом, — способность быстро прикинуть в уме порядок величин и сделать «усилительный анализ», то есть прикинуть, в какую сторону ты при этом ошибаешься. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет чутье на ложные количественные данные.

Вот например, в журнале «Коммунист» (1989, № 4) можно было прочитать такое утверждение одного из «прорабов перестройки»: «Мы производим 85 млн т картофеля, из них в кастрюлю попадает в лучшем случае десятая часть урожая».

Автор явно намекает на то, что в нашей абсурдной экономической системе 9/10 картофеля пропадало. Это подмена предмета, прием манипуляции. Вовсе не весь картофель должен «попадать в кастрюлю» — значительная часть его идет на корм скоту и как сырье крахмало-паточной промышленности, не говоря уж о посадочном материале. В честном рассуждении следовало сказать: «Из той части произведенного картофеля, что предназначалась для потребления в качестве продукта питания, в кастрюлю попадало только ...%».

Но вернемся к мере. Разумный человек прикинул бы главные измерения всей системы «производство и потребление картофеля» — и сразу перестал бы верить манипуляторам. Куда могли исчезнуть 9 из каждых 10 кг картошки? Ведь мы почти все бывали на уборке урожая и на овощных базах. Кроме того, основная масса картофеля производилась на приусадебных участках. А значит, она хранилась в погребах крестьян и понемногу вывозилась на рынки. В 1985 г. в СССР было произведено 73 млн т картофеля. «В кастрюлю» пошло 28,6 млн т, что составляет 39,2 % от всего урожая. Государственные закупки составили 15,7 млн т, остальное оставалось на селе, в погребах. Там потерь практически не было: крупная картошка — в пищу и на рынок, мелкая — на корм свиньям, проросшая — посадочный материал.

Наконец можно взять общедоступные справочники, в них есть данные о производстве, потреблении в домашних хозяйствах, использовании в промышленности, потерях картофе-

ля. Вот сведения «Российского статистического ежегодника» (М., 1998) об использовании картофеля в РСФСР в 1980-м — типичном «застойном» году. Они даны в табл. 15.59 «Ресурсы и использование картофеля (миллионов тонн)» на с. 499. Читаем: запасы на начало года — 21,7; производство — 37,0; импорт — 2,2; производственное потребление — 21,8; потери — 1,9; экспорт — 0,3; личное потребление — 16,4; запасы на конец года — 20,5.

Итак, личное потребление составляло в РСФСР в 1980 г. 44,7 % от производства картофеля. И эта доля мало меняется от года к году. Потери же колеблются в диапазоне 1,4–2 млн т в год (самые большие, выпадающие из общего ряда потери составили 3,9 млн т). Журнал ЦК КПСС «Коммунист» говорил неправду. Но нет, одним из самых устойчивых мифов перестройки стали подобные утверждения — только они, в зависимости от «прораба», менялись в диапазоне от 30 до 90 %. Так, А.Н. Яковлев писал в 1991 г.: «Кто понес ответственность за то, что у нас каждый год 30–40 % потерь в сельском хозяйстве, а мы все грохаем деньги в сельхозпроизводство?» Кстати, странная логика — как можно сократить потери, если не «грохать деньги»? Ведь потери происходят из-за бездорожья, нехватки хранилищ и мощностей по переработке, недостатка транспортных средств. Ликвидировать все эти узкие места стоит денег.

Но вернемся к магии чисел и утрате чутья на ложные числа. Обратимся к важной книге Н. Шмелева и В. Попова «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989). Она наполнена числами и может служить прекрасным учебным материалом по нашей теме. Например, в ней говорится: «Сейчас примерно два из каждых трех вывезенных кубометров древесины не идут в дело — они остаются в лесу, гниют, пылают в кострах, ложатся на дно сплавных рек... С каждого кубометра древесины мы получаем продукции в 5–6 раз меньше, чем США».

Обратите внимание на глубокомысленное утверждение: два из каждых трех вывезенных из леса кубометров древесины... остаются в лесу. Но важнее утверждение о том, что из бревна в СССР выходило в 5–6 раз (!) меньше продукции, чем в США. Можно ли представить себе такое? Ведь это противоречит здравому смыслу. Если заглянем в общедоступный справочник, то узнаем, что в расчете на 1000 м³ вывезенной

древесины в СССР в 1986 г. выходило 786 плотных м³, а в США — 790 м³.

Где здесь эти фантастические «в 5–6 раз меньше продукции»? Отходов при переработке древесины в США было 21 %, а в СССР 21,4 %. Вот и вся разница. Как использовать дальше эту продукцию — деловую древесину, зависит уже от приоритетов. Строишь дома из пиломатериалов — делаешь их больше, строишь из фанеры — делаешь больше фанеры. Много тратишь бумаги на упаковку — перерабатываешь древесину на целлюлозу.

И дело тут не в Н.П. Шмелеве. Дело в том, что читающая публика приняла эту версию про «5–6 раз» — а ведь должна была встрепенуться, если бы имела чувство меры. «Возможно ли это? Куда могло деться 80–85 % массы привезенного на лесопилку бревна?» — вот что должно было не давать покоя. Но ведь никакого беспокойства эти странные количественные данные не вызывали.

Подобного же рода количественные данные приводятся в отношении машиностроения. Читаем в той же книге: «Известно, например, что на машиностроительных предприятиях от 30 до 70 % металла уходит в стружку — в отходы». Очевидно, что это — очень сильное утверждение, снабженное численными аргументами.

Начнем с того, что само строение утверждения сразу указывает, что это манипуляция. Почему указан такой широкий диапазон для вполне четкого показателя — «от 30 до 70 % металла»? О чем здесь идет речь — о нижнем и высшем пределе? Минимум 30 % и максимум 70 %? В действительности достаточно взять справочник, и мы получаем точные данные, ибо отходы металлов учитываются во всех промышленно развитых странах скрупулезно, вплоть до окалины (в СССР периодически проводилась даже перепись металлического фонда). Показатель «образование металлоотходов в машиностроении и металлообработке» хорошо известен и идет в справочниках отдельной таблицей. В 1988 г. в СССР в этой отрасли было потреблено черных металлов 91,7 млн т, образовалось отходов в виде стружки 8,1 млн т, или 8,83 %. Какие тут 30–70 %?¹

¹ Кстати, доля ушедшего в стружку металла (как и вообще металлоотходов) в СССР снижалась — в 1970 г. в стружку ушло 10,35 % использованного металла, а в 1988 г. — менее 9 %.

Очень сильно действуют на сознание большие числа — человек не может их мысленно освоить, они поражают воображение, о чем и писал И. Бунин. Так, в 80-е гг. было широко распространено мнение, будто село неэффективно, потому что горожан «гоняют на картошку». Н. Шмелев и В. Попов пишут как о чем-то ужасном: «Госкомстат сообщает, что на сельскохозяйственные работы отвлекается ежедневно в среднем 300–400 тыс. человек». Воображение поражено этой величиной. Но давайте введем меру. Итак, условно говоря, постоянно в селе работало 300–400 тыс. «привлеченных». Так ли это много? Во время пиковых нагрузок в сельском хозяйстве везде привлекают дополнительных работников — в США несколько миллионов сезонников-мексиканцев, в Испании — марокканцев, а теперь латвийских и российских инженеров (они обходятся дешевле). В СССР всего в народном хозяйстве было занято 138 млн человек, следовательно, «отвлеченные на село» составляли 0,22–0,29 % от этого числа (или около 1 % от числа занятых в сельском хозяйстве). Это величина очень небольшая — несопоставимо с тем идеологическим значением, которое ей придавалось.

Широко распространена манипуляция с числами посредством использования «средних» показателей. Часто это бывает по неведению (вторичная манипуляция), но нередко имеет место и сознательное создание ложного образа. Известно, что средним числом можно пользоваться только если нет большого разрыва в показателях между разными частями целого — иначе будет как в больничной палате: один умер и уже холодный, а другой хрипит в лихорадке, но средняя температура нормальная. Это школьное правило было как будто забыто.

Вот и власти, и оппозиция в РФ утверждали, будто потребление в стране упало в результате реформы на 30 %. Это — на фоне нарастающего недоедания части населения. Если быть точными, то в 1999 г. потребление мяса и мясопродуктов в среднем по РФ составило 57,5 % по отношению к 1990 г. Спад на 42,5 %. Но ведь этот спад не распределился равномерно по всем слоям населения — он сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которая обеднела в наибольшей степени. Значит, в этой половине потребление мяса упало на 60–80 %! А власти, оппозиция, да и широкие массы обывателей делают вид, что не понимают этой простой вещи.

Искаженный образ возникает и вследствие недобросовестного употребления относительных чисел без указания абсолютных величин. Например, рост относительного показателя от малых величин создает ложное впечатление. Допустим, спад производства тракторов в РФ в 1990 г. был 10 %, и рост их производства в 1999 г. был 10 %. Телевидение представило это чуть ли не как восстановление производства. Ура, идет «компенсация спада», на 10 % упало, на 10 % приросло. Но в 1990 г. спад в 10 % означал потерю в 24 тыс. тракторов, а в 1999 г. увеличение производства на 10 % означало прирост в 1 тыс. тракторов — в абсолютном выражении вещи несоизмеримые.

В целом манипуляция с числами, подрывая способность человека взвешивать явления, портит «инструменты меры» как одной из важнейших составных частей оснащения ума. Этим наносится немалый вред возможности делать разумные умозаключения, нежели порча языка — слов и понятий.

§ 2. Язык образов

Воздействуя на духовную сферу человека, слово порождает многоплановый цепной процесс, обладающий кооперативным эффектом. Пробужденное словом чувство усиливает ход мысли вызванной этим словом, а в воображении возникают и начинают жить своей жизнью образы.

Еще в прошлом веке Ле Бон («Макиавелли массового общества», как называли его недавно) писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: “демократия”, “социализм”, “равенство”, “свобода” и т. д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл».

В другом месте он вновь возвращается к роли образов в программировании поведения: «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков».

Образы могут иметь самые разные воплощения, в том числе в вещах. Мир вещей и мир знаков перекрываются, разде-

лить их трудно. Многие вещи, вроде бы предназначенные для какой-то «полезной» цели, на самом деле дороги нам как образы, знаки, отражающие человеческие отношения. Старая чашка, модное платье, мотоцикл — все это образы, несводимые к материальным функциям, но они воплощены в вещах.

Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия: наряду с сообщением, посылаемым открыто, манипулятор отправляет адресату и скрытый, «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия.

То есть образы, как и слова, обладают суггесторными возможностями и порождают цепную реакцию воображения. Сообщение может содержать в себе уже готовые образы или образы в комбинации со словом. Поэтому наравне с логосферой в культуре выделяют особый мир графических и живописных форм, воспринимаемых с помощью зрения, — эйдосферу (от греческого слова «эйдос» — вид, образ). Фальсификация языка слов и чисел — общий фон, подмостки «общества спектакля». Сам спектакль — более сложная конструкция. Особое место в нем занимают зрительные образы.

Как правило, они употребляются в совокупности с текстом и числами, что дает многократный кооперативный эффект. Так, на рекламных щитах мы всегда видим специально сконструированный зрительный образ и текст. Исследователь современной пропаганды Р. Барт поясняет:

«Текст как бы ведет человека, читающего рекламу, среди множества иконических знаков, заставляя избегать некоторые из них и допускать в поле восприятия другие; зачастую весьма тонко манипулируя читателем, текст руководит им, направляя к заранее заданному смыслу... Все дело в том, что это разъяснение имеет избирательный характер; перед нами такой метаязык, который направлен не на иконическое сообщение в целом, но лишь на отдельные его знаки; поистине, текст — это воплощенное право произво-

дителя диктовать тот или иной взгляд на изображение... Именно на уровне текста мораль и идеология общества заявляют о себе с особой силой».

Кооперативный эффект комбинации текста и образа связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга, — восприятие семантическое и эстетическое. Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии смысла и эстетики. Они одновременно захватывают и мысль, и художественное чувство (говорят, что «семантика убеждает, эстетика обольщает»).

На этом основана сила воздействия театра (текст, звук голосов, цвет, пластика движений) и особенно оперы. Воздействуя через разные каналы восприятия, сообщение, «упакованное» в разные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека. Поэтому эффективность его проникновения в сознание и подсознание несравненно выше, чем у «одноцветного» сообщения. Соединение многих знаковых систем в театре создает совершенно новое качество, причем в его создании важную роль играет зрительный зал. В некоторых отношениях он образует специфическую толпу.

Ле Бон отметил важную вещь: «Часто совсем невозможно объяснить себе при чтении успех некоторых театральных пьес. Директора театров, когда им приносят такую пьесу, зачастую сами бывают не уверены в ее успехе, так как для того, чтобы судить о ней, они должны были бы превратиться в толпу».

Эффект соединения слова и образа хорошо виден даже на простейшей комбинации. Издавна известно, что добавление к тексту хотя бы небольшой порции художественных зрительных знаков резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения. Иллюстрации делают книгу доступной для ребенка или подростка, который не мог ее осилить в издании «без картинок». Графики и диаграммы делают статью интересной (на деле — понятной) для ученого.

Гениальным изобретением для передачи сообщений людям, не привыкшим читать, были комиксы — короткие упрощенные тексты, каждый фрагмент которых снабжен иллюстрацией. Сначала комиксами называли юмористические, комические тексты с рисунками, потом эта удачная форма

распространилась на другие типы сообщений, вплоть до сугубо педагогических, — а название сохранилось.

Став важной частью массовой культуры США, комиксы в то же время были, вплоть до появления телевидения, мощным инструментом идеологии. Можно сказать, что вся история современной американской идеологии неразрывно переплетена с историей комиксов. Изучавший феномен комиксов культуролог Умберто Эко писал, что комиксы «породили уникальное явление — массовую культуру, в которой пролетариат воспринимает культурные модели буржуазии в полной уверенности, что это его независимое самовыражение».

Мы в России, стране с традиционной культурой чтения, с трудом можем представить себе ту роль, которую сыграли комиксы в формировании массового сознания американской нации. Они «вели» среднюю американскую семью из поколения в поколение, создавая стабильную «систему координат» и идеологических норм. В одной из книг по истории комиксов, изданной в 1977 г., приведены данные об известных сериях, которые к тому моменту издавались без перерыва в течение 80 лет! Известной уже и нам серии «Супермен» недавно исполнилось 60 лет непрерывного издания.

Французский исследователь комиксов пишет об их персонажах: «Американец проводит всю свою жизнь в компании одних и тех же героев, может строить свои жизненные планы исходя из их жизни. Эти герои переплетены с его воспоминаниями, начиная с раннего детства, они его самые старые друзья. Проходя вместе с ним через войны, кризисы, смены места работы, разводы, персонажи комиксов оказываются самыми стабильными элементами его существования».

Насколько необходимым «духовным хлебом» стали для американцев комиксы, говорит такой случай. Незадолго перед Второй мировой войной забастовка типографских рабочих вызвала перебои в поступлении комиксов в киоски. Возмущение жителей было так велико, что мэр Нью-Йорка в эти несколько дней лично зачитывал комиксы по радио, чтобы успокоить город. Жители одного городка штата Иллинойс устроили референдум и переименовали свой город в Метрополис — вымышленный город, в котором действовал «Супермен».

Крупные исследования с применением ряда независимых методов показали, что в середине 60-х годов в США ежедневно читали комиксы в газетах от 80 до 100 млн человек. Почти

60 % читали в газете практически только комиксы. Даже во время Второй мировой войны средний читатель газеты сначала прочитывал комикс, а во вторую очередь — военную сводку. Наибольший интерес к комиксам проявляют люди в возрасте 30–39 лет. Однако все дети школьного возраста (99 %) читают комиксы регулярно. Обсуждение прочитанных комиксов — главная тема бесед у школьников, что делает этот жанр культуры важнейшим механизмом социализации детей.

Вымышленные персонажи и даже прототипы искусственно созданной «человекообразной расы», как Супермен или Бэтмен, стали неотъемлемой и необходимой частью духовного мира американца. Когда автор известной серии «Лилль Абнер» Аль Капп ввел нового персонажа, Лену-гиену, «самую некрасивую женщину в мире», он попросил читателей прислать свои предложения с описанием черт ее лица. Он получил более миллиона писем с рисунками. В конце 70-х гг. комиксы «Лилль Абнер» печатались в США в более чем 1000 газет и имели 80 миллионов читателей ежедневно. Джон Стейнбек выдвигал Аль Каппа на Нобелевскую премию по литературе.

Такой необычайно эффективный «захват» массовой аудитории комиксы смогли обеспечить именно благодаря совмещению текста со зрительными образами. Получив такую власть над читателем, комиксы стали выполнять множество идеологических функций в американском обществе. Так, они стали главной «лабораторией», создающей новояз. Авторы комиксов вместе со специалистами по психоанализу и лингвистике разрабатывают и внедряют в сознание неологизмы — новые слова, которые быстро входят в обывденное сознание, в язык массовой культуры, а затем и в официальный язык.

Очень большую роль в привлечении зрительных образов к манипуляции сознанием сыграла новаторская практика немецких фашистов. Перешагнув через рационализм Нового времени, фашизм «вернулся» к древнему искусству соединять людей в экстазе через огромное шаманское действо — но уже со всей мощью современной технологии. При соединении слов со зрительными образами возник язык, с помощью которого большой и рассудительный народ был превращен на время в огромную толпу визионеров, как в раннем Средневековье.

Немцы действительно коллективно видели «явления», от которых очнулись лишь в самом конце войны. Эти их объяснения (в том числе на Нюрнбергском процессе) принимались

за лицемерие, но когда их читаешь вместе с комментариями культурологов, понимаешь наличие в этом фундаментальной проблемы. Например, никогда не было удовлетворительно объяснено, на что немцы могли надеяться в безумной авантюре Гитлера. А на деле ни о каком расчете и речи не было, в них возникла коллективная воля, в которой и вопроса такого не стояло. Немцы оказались в искусственной, созданной языком Вселенной, где, как писал Геббельс, «ничто не имеет смысла — ни добро, ни зло, ни время и ни пространство, в которой то, что другие люди зовут успехом, уже не может служить мерой».

В 1934 г. фюрер поручил снять фильм о съезде партии нацистов. Были выделены невероятные средства. И весь съезд с его миллионом (!) участников готовился как съемка грандиозного фильма, целью был именно фильм. «Суть этого гигантского предприятия заключалась в создании искусственного космоса, который казался бы абсолютно реальным. Результатом было создание первого истинно документального фильма, который описывал абсолютно фиктивное событие», — пишет современный исследователь того проекта.

Фашисты эффективно использовали зрелища и кино. Они целенаправленно создавали огромные спектакли, в которых реальность теряла свой объективный характер и становилась лишь средством, декорацией. Режиссером таких спектаклей стал сподвижник Гитлера архитектор А. Шпеер. Он вспоминает, как были использованы зрительные образы при декорации съезда нацистской партии в 1934 г.:

«Перед оргкомитетом съезда я развил свою идею. За высокими валами, ограничивающими поле, предполагалось выставить тысячи знамен всех местных организаций Германии, чтобы по команде они десятью колоннами хлынули по десяти проходам между шпалерами из низовых секретарей; при этом и знамена, и сверкающих орлов на древках полагалось так подсветить сильными прожекторами, что уже благодаря этому достигалось весьма сильное воздействие. Но и этого, на мой взгляд, было недостаточно; как-то случайно мне довелось видеть наши новые зенитные прожектора, луч которых поднимался на высоту в несколько километров, и я выпросил у Гитлера 130 таких прожекторов. Эффект превзошел полет моей фантазии. 130 резко очерченных световых столбов на расстоянии лишь

двенадцати метров один от другого вокруг всего поля были видны на высоте от шести до восьми километров и сливались там, наверху, в сияющий небосвод, отчего возникало впечатление гигантского зала, в котором отдельные лучи выглядели словно огромные колонны вдоль бесконечно высоких наружных стен. Порой через этот световой венок проплывало облако, придавая и без того фантастическому зрелищу элемент сюрреалистически отображенного миража».

В 1943 г., после разгрома в Сталинграде, Гитлер для подъема духа решает снять во фьорде Нарвит суперфильм о реальном сражении с англичанами — прямо на месте событий. С фронта снимаются боевые корабли и сотни самолетов с тысячами парашютистов. Англичане, узнав о сценарии, решают «участвовать» в фильме и повторить сражение, в котором три года назад они были разбиты. Поистине «натурные съемки» (даже генерал Дитль, который командовал реальной битвой, должен был играть в фильме себя самого). Реальные военные действия, проводимые как спектакль! Вот как высоко ценились зрительные образы идеологами фашизма.

Тогда не удалось — началось брожение среди солдат, которые не хотели умирать ради фильма. И фюрер приказывает начать съемки фильма о войне с Наполеоном. В условиях тотальной войны, уже при тяжелой нехватке ресурсов, с фронта снимается для съемок двести тысяч солдат и шесть тысяч лошадей, завозятся целые составы соли, чтобы изобразить снег, строится целый город под Берлином, который должен быть разрушен «пушками Наполеона» — в то время как сам Берлин горит от бомбежек. Строится серия каналов, чтобы снять затопление Кольберга.

Уроки фашистов были тщательно изучены. Соединение слова со зрительным образом было взято на вооружение пропагандой Запада. Целая серия интересных исследований показывает, как Голливуд подготовил Америку к избранию Рейгана, «создал» рейганизм как мощный сдвиг умов среднего класса Запада вправо. Можно выразить уважение к мастерству специалистов кино: они работали упорно, смело, творчески. Операторы искали идеологический эффект угла съемки, специалисты по свету — свой эффект¹.

¹ Очень поучительна работа историка кино из США Д. Келлнера «Кино и идеология: Голливуд в 70-е годы».

Важный пример — использование зрительных образов в сочетании с авторитетом науки. Речь идет о географических картах. Они оказывают на человека огромное идеологическое воздействие. Уже с начала XX в. (точнее, с зарождением геополитики — крайне идеологизированного учения о территориальных отношениях между государствами) карты стали интенсивно использоваться для манипуляции общественным сознанием.

В ходе развития цивилизации человек выработал два разных языка для записи, хранения и передачи информации — знаковый (цифра, буква) и иконический (визуальный образ, картинка). На пути соединения этих двух языков совершенно особое место заняло изобретение карты — важная веха в развитии культуры.

Карта как способ «свертывания» и соединения разнородной информации обладает не просто огромной, почти мистической эффективностью. Карта имеет не вполне еще объясненное свойство — она «вступает в диалог» с человеком. Карта — инструмент творчества, так же, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Карта мобилизует пласты неявного знания работающего с нею человека (а по своим запасам неявное, неформализованное знание превышает знание осознанное, выражаемое в словах и цифрах).

В то же время карта мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки — надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. При этом возможности создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам, огромны. Ведь карта — не отражение видимой реальности, как, например, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение представления о реальности, переработанного соответственно той или иной теории, той или иной идеологии.

В то же время карта воспринимается как продукт солидной, уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания. Для человека, пропущенного через систему современного европейского образования, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика.

Первыми предприняли крупномасштабное использование географических карт для идеологической обработки населения немецкие фашисты. Они быстро установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие на сознание в нужном направлении. И они не скупились на средства, так что фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического издательского дела. Эти карты заполнили учебники, журналы, книги. Их изучение сегодня стало интересной главой и в истории географии, и в истории идеологии.

В последние годы фабрикация географических карт (особенно в историческом разрезе) стала излюбленным средством для разжигания национального психоза при подготовке этнических конфликтов. Это — особая «горячая» сфера манипуляции общественным сознанием. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта былого расселения народа, утраченных исконных земель и т. д. воздействует на подогретые национальные чувства безотказно. При этом человек, глядящий на карту, совершенно беззащитен против того текста, которым сопровождают карту идеологи. Карта его завораживает, хотя он, как правило, даже не пытается в ней разобраться.

Мы сами совсем недавно были свидетелями, как во время перестройки идеологи, помахав картой Прибалтики с неразборчивой подписью Молотова, сумели полностью парализовать всякую способность к критическому анализу не только у депутатов Верховного Совета СССР, но и у большинства здравомыслящих людей. А попробуйте спросить себя сегодня: какую же там ужасную тайну увидели? Почему при виде этой филькиной грамоты люди усомнились в законности существования СССР и итогов Второй мировой войны? Никто не вспомнит. А на той карте ничего такого и не было, что могло бы вызвать это «озарение». Просто манипуляторы хорошо знали воздействие самого вида карты на сознание. Поскольку тоталитарный контроль над прессой был в их руках и никакие призывы к здравому смыслу дойти до масс не могли, успех был обеспечен.

Сегодня главным средством воздействия на сознание стал язык телевидения с особым жанром — рекламой, главный смысл которой заключается именно в манипуляции сознанием. Но телевидение заслуживает отдельной главы.

§ 3. Мир звуков и запахов

Мы не можем подробно обсудить все виды знаковых систем, которые становятся мишенью для воздействий, служащих манипуляции сознанием. Укажем коротко еще лишь некоторые. Важная знаковая система — акусфера, мир звуковых форм культуры. Звуки, воздействующие в основном не на разум, а на чувства, всегда занимали важное место в программировании поведения. Слово с его магической силой выросло из нечленораздельных звуков, издаваемых вожаком стаи. Каждый, кто общался с животными, знает, насколько богаты оттенками и как сильно действуют на слушателя вроде бы однообразные звуки — мяуканье кошки, лай собаки, ржанье лошади. Что же касается слова, то его восприятие в большой степени зависит от того, каким голосом оно произнесено. Те, кто служил в армии, знают, например, что такое «командный голос»¹.

Мы говорили о «семантическом терроре» — убийстве слов, обладающих глубокими множественными смыслами, или подмене смысла слов, создании неологов и антиязыков. Но важна и фонетика, произношение слова и фразы вслух. «Язык есть цветение уст». Сказавший эту фразу Хайдеггер подчеркивал: «Чтобы раскрылось бытие во всей своей потаенной явленности, слушающий должен свободно отдать себя власти его слышимого образа».

Выше, в гл. 4, упоминались исследования психоаналитиков о том, как действует на подсознание голос политика и как это сказалось на восприятии радиодебатов между Кеннеди и Никсоном. Сегодня мы можем наблюдать «научно обоснованную» обширную программу изменения фонетической основы русского языка. Вот кажущееся безобидным дело — замена дикторов радиовещания и телевидения.

За шестьдесят лет люди привыкли к определенному типу «радиоголоса» как к чему-то естественному. И мало кто знал, что в действительности в СССР сложилась собственная, самобытная, одна из лучших школ в мире школа радиовещания как особого вида культуры и даже искусства XX в. На советском ра-

---

¹ Виднейшими основателями фонологии раздела лингвистики, изучающего взаимосвязь между смысловой (семантической) и звуковой компонентами языка, стали выходцы из России Р.О. Якобсон и Н.С. Трубецкой (последнему принадлежит фундаментальный труд «Основы фонологии»).

дио один и тот же диктор, мастерски владея как бы несколькими «голосовыми инструментами», — тембром голоса, ритмом, темпом и множеством других параметров чтения — может в совершенстве зачитать сообщение и из области медицины, и на сельскохозяйственную тему, а они требуют разной аранжировки. Удивительно, как в такой новой области, как радиовещание, удалось воплотить старые традиции русской музыкальной и поэтической культуры.

С начала 90-х гг. дикторы радио, подражая «Голосу Америки», стали использовать чуждые русскому языку тональность и ритм. Интонации часто не соответствуют содержанию и бывают оскорбительны (когда речь идет о трагических событиях). Сообщения читаются таким голосом, будто диктор с трудом разбирает незнакомый текст. Резко снизилась общая грамотность — дикторы проглатывают целые слова, а уж о мелких ошибках вроде несогласования падежей и говорить не приходится. Все это — подкрепление «семантическому террору» со стороны фонетики.

Очевидно и всем известно воздействие музыки на сознание. Стоит вспомнить эффект боевого или траурного марша, песни «Вставай, страна огромная» или выступления рок-ансамбля перед толпой «фанатов». Об эффекте музыки в программировании поведения (обычно в совокупности с другими каналами воздействия — словом, пластикой движений и зрительными образами) написано море литературы.

Надо добавить только, что не менее важной, чем звук, частью акусферы является тишина. На мышление, сознание и подсознание человека действует именно чередование звука и тишины со своим ритмом и интенсивностью. Ницше не раз возвращался к глубокой мысли: «великие события случаются в тишине» («приходят на голубиных лапках»). Если же речь идет о взаимосвязи бытия и политики (а именно здесь лежит проблема манипуляции сознанием), то роль тишины возрастает еще больше. Хайдеггер, который продолжил мысль Ницше об аристократии сильных, посвященных, призванных управлять массой, даже поставил вопрос о создании сигетики — техники молчания. Это — «тихая», более или менее подсознательная коммуникация среди посвященных посредством умолчания.

Напротив, чтобы предотвратить возможность зарождения собственных групп элиты (интеллигенции) в массе управляемых и угнетенных людей, эту массу нужно полностью лишить тишины. Так на современном Западе возникло явление, которое

получило название «демократия шума». Создано такое звуковое (и шумовое) оформление окружающего пространства, что средний человек практически не имеет достаточных промежутков тишины, чтобы сосредоточиться и додумать до конца связную мысль. Это — важное условие его незащитности против манипуляции сознанием. Элита, напротив, очень высоко ценит тишину и имеет экономические возможности организовать свою жизнь вне «демократии шума».

Отметим вещь еще менее явную, чем тишина — сигналы запахов. Значение их обычно ускользает. Тот факт, что мир запахов с точки зрения манипуляции сознанием и поведением недооценивается, можно считать странным. Известно, что эта знаковая система оказывает на поведение самое мощное воздействие. Достаточно вспомнить о том, какую роль играют духи как знаки, как носители сообщений в самых тонких человеческих отношениях. Известно также, что метафора запаха используется в пропаганде очень широко. Слова о запахе действуют на воображение, и под воздействием слов человек как бы ощущает тот или иной запах.

Таковыми метафорами полон язык политики, вплоть до ее низкого жаргона. Вспомните: «запахло жареным». Одна из сильнейших метафор — «запах крови». Запуская ее в массовое сознание, политики нередко действительно устраивают небольшой кровавый спектакль, жертвуя некоторым числом жизней, чтобы вызвать психологический шок у граждан.

На практике Запад в полной мере использовал запахи в укреплении культурного ядра общества и предложил людям из всех социальных групп и всех субкультур богатейший «рацион» запахов. Были развиты мощные отрасли промышленности — парфюмерия и косметика, табачных изделий, напитков и т. д., — в которых запах играл ключевую роль. Дизайнеры буквально проектируют запахи ресторанов, отелей, аэропортов, целых кварталов. Тот, кто приезжал на Запад из СССР, первым делом замечал контраст именно в мире запахов.

В последнее время понимание запахов как знаков, сигналов выходит на новый уровень благодаря изучению поведения животных. У «социальных» насекомых запахи вообще служат главным средством обмена информацией. Насекомые выделяют феромоны — химические соединения с очень тонко избирательной активностью. Их запах различают другие особи того же вида, которые, получив сигнал в виде запаха, соответствен-

ным образом реагируют на него. Феромоны передают необходимую информацию при спаривании, начале роения, а также сигналы тревоги, приказы пойти в атаку и т. д. В мире насекомых человек уже активно пользуется запахами для воздействия на поведение. Множество лабораторий, не считаясь с усилиями и затратами, выделяют, изучают и синтезируют феромоны, чтобы обманывать насекомых, подавая им ложные сигналы.

К сожалению, воспитанный европейской рациональной школой человек утратил традиционное знание о роли запахов в поведении людей. Здесь — потенциально опасный, неприкрытый участок фронта нашей обороны против манипуляции сознанием.

Литература

Богомолова, Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н.Н. Богомолова. — М. : Изд-во МГУ, 1991.

Булгаков, С.Н. Философия имени / С.Н. Булгаков. — СПб., 1998.

Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский М. ; Л., 1934.

Генон, Р. Царство количества и знамения времени : пер. с фр. / Р. Генон. — М., 1994.

Глезер, В.Д. Зрение и мышление / В.Д. Глезер. — Л. : Наука, 1985.

Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М. : Эксмо, 2003.

Лосев, А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. — М. : Мысль, 1993.

Моль, А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. — М. : Прогресс, 1973.

Поршнев, Б.Ф. О начале человеческой истории / Б.Ф. Поршнев. — М., 1974.

Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. — М., 1978.

Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. — М., 1999.

Рисс, К. Геббельс. Адвокат дьявола / К. Рисс. — М., 2000.

Родионова, А.Е. Язык «общества спектакля» / А.Е. Родионова // Философская мысль. 2002. № 1–2.

Стриженко, А.А. Язык и идеологическая борьба / А.А. Стриженко. — Иркутск, 1988.

Телелабиринты. Буржуазное TV сегодня. — М., 1986.

Феофанов, О.А. США : реклама и общество / О.А. Феофанов. — М. : Мысль, 1974.

Фридман, Л.М. Величины и числа : популярные очерки / Л.М. Фридман. — М., 2000.

Шапошников, В.Н. Русская речь 90-х : современная Россия в языковом отображении / В.Н. Шапошников. — М., 1998.

Chomsky, N., *Necessary Illusions, Thought Control international Democratic Societies*, Boston, South End Press, 1990.

Dorfman, A., Mattelart, A. *How to Read Donald Duck. Imperialist Ideology in the Disney Comic*, N.Y., International General Editions, 1975.

MacDonald, J.F., *One Nation Under Television*, New York, Panteon Books, 1990.

Раздел III

— — — — —

ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ: ДУХОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Глава 7. Мышление: его типы и оснащение

§ 1. Логическое мышление

На какие психические и интеллектуальные структуры личности, на какие элементы культурного ядра общества направляют манипуляторы удар, чтобы разрушить психологические защиты и «подготовить» человека к манипуляции? Что надо сделать, чтобы отключить здравый смысл?

Когда мы говорили о словах, числах и других знаках, с помощью которых люди обмениваются информацией и организуют свое мышление, речь шла об элементах «оснащения ума». Однако в ходе своей биологической и культурной эволюции человек выработал и сложно построенные механизмы этого «оснащения». Один из них — рациональное, логичное мышление.

Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное..., а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Действительно, большинство европейски образованных людей просто не задумывается над тем, насколько недавнее это приобретение — умение мыслить логически. Дело в том, что психология возникла как наука сугубо европейская, и все ее понятия вначале отражали реальность психики и разума человека современного западного общества. Начиная с середины XX в. изучение антропологами незападных культур выявило несхожесть типов мышления.

Л. Леви-Брюль обобщил особенности того, что называли первобытным, дологическим или пралогическим мышлением (кое-кто называл его даже патологическим). Сам он подчеркивал, что термин «первобытное мышление» — условность.

Речь просто идет о двух разных мыслительных структурах, которые сосуществуют в одном и том же обществе и даже в одном и том же индивидуальном сознании. То есть, в некоторых условиях и человек современной европейской культуры может «переключиться» и начать мыслить пралогично.

Л. Леви-Брюль писал: «В действительности наша умственная деятельность является одновременно рациональной и иррациональной. Пралогический и мистический элементы сосуществуют в нем с логическим».

Суть «первобытного мышления» в том, что оно не выстраивает цепочки причинно-следственных связей и не сопоставляет свои выводы с опытом. Причины явлений носят, при таком видении мира, мистический характер. Леви-Брюль писал об этом типе мышления: «Оно не антилогично, оно также и не алогично. Называя его пралогическим, я только хочу сказать, что оно не стремится, прежде всего, подобно нашему мышлению, избегать противоречия. Оно отнюдь не имеет склонности без всякого основания впадать в противоречия, однако оно и не думает о том, чтобы избегать противоречий. Чаще всего оно относится к ним с безразличием. Этим и объясняется то обстоятельство, что нам так трудно проследить ход этого мышления».

Для нас здесь важно, что манипуляция сознанием, основанная на пралогическом мышлении, как технология невозможна (как импровизация, в отдельных конкретных случаях — да). Дело в том, что это мышление непредсказуемо для технолога, он не может вычислить его «алгоритм». Впрочем, особой потребности в манипуляции и не бывало, потому что носителей такого мышления технологи Запада просто уничтожали или вытесняли с нужной колонизаторам территории.

Напротив, логическое мышление прозрачно, и его структура хорошо изучена. Значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения. Уже внеся хаос в логическую цепочку, манипулятор достигает очень многого: человек чувствует свою беспомощность и ищет поводыря. А если удастся так исказить логическую программу, что человек «сам» приходит к нужному умозаключению, тем лучше.

С помощью этих приемов у значительной части населения удается отключить способность к структурному анализу

сообщений и явлений — анализ сразу заменяется идеологической оценкой. Вот пример структурного сравнения. Власти РФ отказали в политическом убежище и выдали ФРГ бывшего президента ГДР Э. Хонеккера, обвиненного в том, что во время его правления часовых-пограничников ГДР заставляли выполнять Закон о границе, и на Берлинской стене погибло несколько десятков человек.

Демократическое общественное мнение приветствовало решение о выдаче Хонеккера. Сомневался ли кто-нибудь при этом в легитимности закона ГДР о границе? Нет, закон ГДР был вполне нормальным, аналогичным законам других стран. Сомневался ли кто-нибудь в легитимности самого Хонеккера как руководителя государства? Нет, никто не сомневался — везде его тогда принимали как суверена, воздавая во всех столицах установленные дипломатическим протоколом почести.

В чем же адепты правового общества видели его вину? Хотя четких формулировок политики избегали, в мировом общественном мнении тогда возникла убежденность, что стрелять в людей, которые пересекают границу в неустановленном месте без документов, — преступление. И если это случается, то демократические власти любой великой державы обязаны захватить руководителя (или экс-руководителя) такого государства, где бы он ни находился, и отправить его в тюрьму.

Допустим, что это так. Тогда возникает естественный вопрос: когда поведут в тюрьму Маргарет Тэтчер? Во время ее мандата на границе английской колонии Гибралтар погибли сотни человек (марокканцев), которые хотели абсолютно того же, что юноши из ГДР — пересечь границу без документов.

Точно так же уместен вопрос: когда начнется суд над Дж. Бушем-старшим? Ради соблюдения закона о границе США каждую осень вдоль Рио Гранде звучат выстрелы и, получив законную пулю, тонут незаконные иммигранты («мокрые спины»). Чего желали эти люди, кроме как незаконно пересечь границу ради чего-то привлекательного, что было за ней? В чем разница между делом Хонеккера и делом Буша? На берлинской стене за сорок лет погибло 49 человек, а на Рио-Гранде, согласно официальным данным полиции США, только за 80-е гг. погибли 2 тысячи мексиканцев (а за

сорок лет, наверное, все 10 тысяч)¹. Структурно — разницы никакой.

Кстати, судили Хонеккера за его действия, совершенные в ГДР, по законам другой страны — ФРГ, чего никто даже не попытался объяснить. Приложите это к любому другому случаю: например, Клинтон изменил жене в США, и его похищают спецслужбы Саудовской Аравии, где ему на площади отрубает голову — так там наказывался адюльтер.

Сейчас, когда подведены итоги многих исследований массового сознания в годы перестройки, психологи ввели в оборот термин «искусственная шизофренизация сознания». Шизофрения (от греческих слов *schizo* — расщепляю, *phren* — ум, рассудок) — это расщепление сознания. Один из характерных симптомов шизофрении — утрата способности устанавливать связи между отдельными словами и понятиями. Это разрушает связность мышления.

Ясно, что если удастся искусственно «шизофренизовать» сознание, люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения и не могут их критически осмысливать. Им не остается ничего иного, как просто верить выводам приятного диктора, авторитетного ученого, популярного поэта. Потому что иной выход — с порога отвергать их сообщения, огульно «не верить никому» — вызывает такой стресс, что выдержать его под силу немногим. Э. Фромм ввел даже понятие «псевдомышление». Он писал: «Форма и содержание наших мыслей, идей, чувств и стремлений бывают индуцированы в наш мозг извне, причем это случается так часто, что мы склонны считать подобные псевдоакты правилом, а собственные мысли индивида — уже скорее исключением».

Возможна ли в действительности порча логики у людей с рациональным типом мышления и если возможна, то как она достигается? Первое, на первый взгляд странное, утверждение состоит в том, что легче всего разрушение логики и манипуляции достигается в сознании, которое рационально в максимальной степени. Наиболее чистое логическое мышление и незащищено в наибольшей степени. То мышление, которое «армировано» включениями иррациональных представлений,

¹ Иммигранты-мексиканцы гибнут в основном не от рук пограничной полиции, а от мафии, которая занимается нелегальной переброской сезонников, но по сути это дела не меняет.

гораздо устойчивее. Это можно считать опытным фактом: во время перестройки именно интеллигенция оказалась более всего подвержена искусственной шизофренизации, причем с большим отрывом от других социальных групп. Наиболее устойчивым было мышление крестьян.

Маленький, хорошо изученный социологами и психологами эпизод — успешная манипуляция сознанием со стороны компании АО «МММ» (Сергей Мавроди). Это был своего рода эксперимент. С помощью сделанной по классическим западным канонам рекламы большую выборку граждан — 7 % москвичей — убедили отнести и отдать свои деньги группе дельцов без всякой разумной надежды получить их обратно. Отнесли, отдали — и потеряли. Но даже после этого 75 % из них «верили Сергею Мавроди» — и его избрали депутатом парламента. Даже после полного и окончательного краха, 29 июля 1994 г., тысячи людей стояли в очереди, чтобы купить со скидкой «билеты “МММ”». Эти билеты вообще не имели официального статуса ценных бумаг и печатались «на правах рекламной продукции». Но это никого не волновало.

Несколько групп исследователей изучали структуру мышления этих людей, и результат не вызывает сомнения: на некоторое время логика их рассуждений была «расщеплена». При опросах вкладчиков им был задан вопрос: «Понимаете ли Вы, что такая прибыль, которую обещало “МММ”, не могла быть заработана?». 60 % ответили утвердительно. Да, они понимали, что невозможно получить такие высокие дивиденды, но шли и отдавали деньги.

Каков же состав вкладчиков АО «МММ»? В основном это представители научно-технической интеллигенции в возрасте до 40 лет. Из них 67 % служащие, 9 % коммерсанты (тоже в основном бывшие интеллектуалы) и 6 % — рабочие. Остальные — пенсионеры и безработные, которые в отношении к социальному типу распределяются в той же пропорции. Таким образом, соотношение интеллигентов и рабочих составляет в этой выборке 13:1. И это при том, что вся реклама «МММ» как бы ориентировалась на Леню Голубкова — простоватого рабочего.

Вернемся к началу становления технологии манипуляции. Вспомним, как произошла рационализация мышления, когда человек Средневековья превращался в современного

европейца. Наука, перестраивая мышление на рациональной основе (оставляя Церкви душу, а не ум), разрушала традиционный тип сознания. Рационализм стал мощным средством освобождения человека от множества норм и запретов, зафиксированных в традициях, преданиях, табу. Так создавался необходимый для буржуазного общества свободный индивид.

Мыслители и либерального, и консервативного толка сходятся в том, что процесс этой перестройки мышления был запущен протестантской Реформацией, которая положила начало философии Просвещения, «заменившей народные догматы индивидуальным разумом» (по выражению де Местра).

Научный метод вышел за стены лабораторий, и стал формировать способ мышления в других сферах деятельности и в обыденном сознании. Уже этим создавалось уязвимое место, ибо большинство проблем, с которыми оперирует обыденное сознание, не укладываются в формализуемые, а тем более механистические, модели научного мышления.

«Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью..., включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению», — писал Декарт. Это и есть т. н. рационализм. Иной раз философы даже противопоставляют его мышлению (Хайдеггер сказал: «столетиями прославляемый разум, являющийся упрямым противником мышления»).

В пределе рационализм означает, что из «оснащения ума» исключается знание, записанное на языке традиции — оно, выражаясь словами Декарта, не познается с очевидностью и не является полностью ясным и отчетливым. Между тем традиции содержат огромный фонд информации, хотя она и не может быть подтверждена научными методами.

Разумеется, установка рационализма совершенно законна и необходима в научном исследовании, хотя и в науке велика роль «неявного» знания. Ослабляющее воздействие норм рационализма на оснащение ума сказывается именно тогда, когда ум «выходит за стены научной лаборатории» — когда речь идет об осмыслении реальных, целостных проблем жизни. Приложение к таким проблемам чисто научного метода есть не наука, а научность — незаконная операция, имитация науки, самой науке даже чуждая.

Почему «островки традиции», то есть хранящегося в глубинах исторической памяти знания, не подвергаемого сомнению и логическому анализу, укрепляют рациональное мышление? Почему они служат эффективными устройствами «аварийной сигнализации»? Потому, что действуют автоматически, и их трудно отключить извне манипуляторами нашего сознания.

Взять ту же аферу «МММ». Ясно, что людей соблазнили возможностью получить большую «легкую» прибыль, пустив свои деньги в рост. Согласуется ли это с русской культурной традицией? Нет, абсолютно ей противоречит. Традиция содержит множество предупреждений (например, в виде пословиц) против соблазна легких денег и спекуляций — добра от них не жди. Если бы это «неявное знание», было включено в оснащение ума, то при мысли о возможных выгодах вклада в «МММ» оно подавало бы тревожные сигналы и многих заставило внять голосу здравого смысла.

Заметим, кстати, что в иной культуре традиция как раз поддержала бы соблазн ростовщичества. У протестантов «деньги по своей природе плодоносны». У русских деньги по своей природе не плодоносны, нажиться можно либо трудом, либо мошенничеством. Зато у протестантов традиция расчетливости (*calculating spirit*) заставила бы произвести скрупулезный расчет риска и удержала бы от аферы.

Люди, которых профессиональное образование и характер работы натренировали в рациональном мышлении и в которых подавили традиционные запреты, оказались гораздо податливее к манипуляции, чем люди физического труда с более низким уровнем образования. Особенно уязвимы были люди сравнительно молодых поколений, которых за годы перестройки настроили против традиционных («нецивилизованных») норм.

К. Лоренц отмечает факт: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой губительное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бессовестных шарлатанов. Я уж не говорю о том, что юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы».

Подчеркнем, что К. Лоренц, виднейший антрополог, считает отказ от традиций губительным для устойчивости созна-

ния даже в том случае, если этот отказ полностью оправдан. То есть защитная роль традиции не связана прямо с конкретными запретами (например, с запретом «не гонись за легкими деньгами»). Арматура традиции в рациональном мышлении действует как общий механизм, предотвращающий расщепление сознания.

Нередко охранительную функцию выполняют даже традиции, которые кажутся мракобесием — те, что накладывают запрет на точное знание. Бывает, что только после катастрофы становится понятным скрытый охранительный смысл запрета. Израильский политолог Яарон Эзраи писал:

«Любопытный пример политического табу в области демографической статистики представляет Ливан, политическая система которого основана на деликатном равновесии между христианским и мусульманским населением. Здесь в течение десятилетий откладывалось проведение переписи населения, поскольку обнаружение с научной достоверностью образа социальной реальности, несовместимого с фикцией равновесия между религиозными сектами, могло бы иметь разрушительные последствия для политической системы».

Наряду с традицией, заключающей в себе неявное знание множества поколений, проверенное опытом и здравым смыслом, важную охранительную роль играют включения мистического мироощущения. Прежде всего, конечно, те, которые достигают уровня религии, но не только они. Если вернуться к примеру с соблазном «МММ», то видно: включенные в поток рационального мышления блоки религиозного сознания при таком соблазне породили бы диалог с ветхозаветной заповедью: «Добывать хлеб свой в поте лица своего». То есть возник бы еще один заслон. Но за полтора века система образования, сделавшая догматический рационализм частью своей идеологии, загнала мистическое чувство как особый ресурс мышления в подполье.

Третий удар по оснащению ума рационализм нанес, вытеснив на обочину мышления «метафизику» — все качественное, неизмеримое и неизрекаемое. Успехи точных наук породили веру в их всемогущество, в возможность «онаучить» все знание. Это привело к глубокому кризису сознания, ведь

ценности не только не поддаются исследованию научным методом, их нельзя даже «уловить» в научных терминах.

Во время культурных кризисов догма «научности» исповедуется со страстью фундаментализма (как и многие другие догмы). Видный идеолог перестройки Н. Амосов писал: «Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо».

Рационализм, «вычистивший» из логического мышления этику и метафизику, выродился в нигилизм — отрицание ценностей. Есть даже такая формула: «Запад — цивилизация, знающая цену всего и не знающая ценности ничего». Философом нигилизма был Ницше, в XX в. его труд продолжил Хайдеггер. Он прямо указывает на связь между нигилизмом и присущей западной цивилизации идеологией:

«Для Ницше нигилизм отнюдь не только явление упадка, — нигилизм как фундаментальный процесс западной истории вместе с тем и прежде всего есть закономерность этой истории. Поэтому и в размышлениях о нигилизме Ницше важно не столько описание того, как исторически протекает процесс обесценения высших ценностей, что дало бы затем возможность исчислять закат Европы, — нет, Ницше мыслит нигилизм как “внутреннюю логику” исторического совершения Запада».

Как преломляется нигилизм в разных культурах — особая большая тема. В русской культуре он не раз приобретал взрывной характер как раз вследствие сочетания рационализма с глубокой, даже архаической верой. Об этом размышлял Достоевский, а Ницше даже ввел понятие об особом типе нигилизма — «нигилизм петербургского образца (т. е. вера в неверие, вплоть до мученичества за нее)». Но мы здесь говорим о том нигилизме, который мягко, оболочка за оболочкой, снимал защиту разума против манипуляции. Здесь и утрата символов и традиций, и создание нового языка, и разрыв человеческих связей, что противопоставило культурную сущность человека его биологическому естеству.

Нас здесь интересует одна сторона дела — уязвимость «освобожденного от догм» рационального мышления перед

манипуляцией. Эта опасность (беззащитность разума перед «происками дьявола») побуждала Гёте к поиску особого типа научного мировоззрения, соединяющего знание и ценности. Путь, предложенный Гёте, оказался тупиковым, но важно само его предупреждение.

Немецкий ученый В. Гейзенберг, наблюдавший соблазн фашизма, напоминает:

«Еще и сегодня Гёте может научить нас тому, что не следует допускать вырождения всех других познавательных органов за счет развития одного рационального анализа, что надо, напротив, постигать действительность всеми дарованными нам органами и уповать на то, что в таком случае и открывшаяся нам действительность отобразит сущностное, “единое, благое, истинное”».

В. Гейзенберг подчеркивает важную мысль: нигилизм, разрушая механизмы защиты сознания против манипуляции, в определенных условиях может привести не к рассыпанию общества, не к беспорядочному броуновскому движению потерявших ориентиры людей. Результатом может быть и соединение масс в толпу общей волей, направленной на странные, чуть ли не безумные цели. Он пишет:

«Характерной чертой любого нигилистического направления является отсутствие твердой общей основы, которая направляла бы деятельность личности. В жизни отдельного человека это проявляется в том, что человек теряет инстинктивное чувство правильного и ложного, иллюзорного и реального. В жизни народов это приводит к странным явлениям, когда огромные силы, собранные для достижения определенной цели, неожиданно изменяют свое направление и в своем разрушительном действии приводят к результатам, совершенно противоположным поставленной цели. При этом люди бывают настолько ослеплены ненавистью, что они с цинизмом наблюдают за всем этим, равнодушно пожимая плечами. Такое изменение воззрений людей, по-видимому, некоторым образом связано с развитием научного мышления».

Ясно, насколько «раскованным» становится мышление, с которого снята цензура устойчивых этических норм. Поражительная легкость, с которой в ходе реформы люди верили

в экономические авантюры (например, в финансовые пирамиды), во многом объясняется тем, что на время удалось отключить в массовом сознании этические контролирующие механизмы — тот внутренний голос, который спрашивает: «А хорошо ли это?»

Можно сказать, что проблема Добра и зла была устранена из мыслительного процесса, все свелось к упрощенным рациональным критериям — «эффективности», «рентабельности» и т. п. Так, задолго до реформы начались разговоры о желательности безработицы, но в этих разговорах считалось дурным тоном рассмотреть вопрос в этической плоскости, поразмышлять о страданиях людей, которых безработица коснется.

Внеисторичность очищенного от традиции рационального мышления приводит к тому, что человек теряет способность поместить события в систему координат, «привязанную» к каким-то жестким, абсолютным стандартам. Все становится относительным и взвешивается гирями неопределенного веса. Например, считалось общепринятым, что павшие в 1989—1990 гг. режимы ГДР, Чехословакии и Венгрии были «тоталитарными и репрессивными диктатурами». Эти понятия, будь они помещены в жесткую систему координат, означали бы, что в стране была задушена несогласная с официальной идеологией общественная мысль, а угрожающие режиму действия оппозиции жестоко подавлялись.

Как же согласуется это с очевидным фактом, что на политической арене этих стран действовали давно оформившиеся довольно массовые идеологические течения, оппозиционные власти? И какими репрессиями против оппозиции пытались защитить себя эти режимы? Очевидцы «бархатной революции» в Праге говорили, что количество ударов полицейскими дубинками было таково, что на Западе это вообще не считалась бы заслуживающим внимания инцидентом. При демонстрации против введенного Тэтчер нового жилищного налога в Лондоне побитых было в сотни раз больше. Но общественное сознание чехов, воспитанное в условиях «репрессивной диктатуры», было таково, что министр внутренних дел ЧССР был снят с должности и отдан за эти удары под суд. Получается, что если принять единое определение «репрессивной диктатуры», отталкиваясь от реальности Чехословакии, то уважаемые государства Запады следовало бы в этой системе координат называть кровавыми режимами.

Мысленное выстраивание подобных «жестких» систем координат, включающих этическое измерение — важное условие сохранения рациональности и логики при воздействии манипуляторов сознанием. Поэтому одной из вспомогательных программ манипуляции является релятивизация, «размягчение» или даже разрушение этих систем координат. Так подрывается важная защита рационального мышления. Затем идеолог сам, при помощи манипулятивной риторики (например, многократного повторения какого-то утверждения, не допускающего сомнений) навязывает аудитории свою, желательную для него систему координат — и направляет мышление по нужному ему руслу.

Сейчас, читая центральную прессу конца 80-х гг., поражаешься, насколько беспепелляционно утверждались, очевидно, ложные или по меньшей мере очень сомнительные тезисы. Так, видный тогда идеолог Г. Лисичкин утверждал в 1989 г. в газете «Известия»: «Подходный налог с зарплаты — это ведь очевидно — не только лишен смысла, но он... вреден и опасен». Этот странный и нелогичный тезис был выдвинут только для того, чтобы бросить тень еще на одну, очень частную сторону советской социальной системы (подходный налог). Но заявлен он без тени сомнения — и на людей действует, как заклинание.

Тем же непререкаемым тоном заявляет, в 1989 г. в «Известиях» Б. Федоров, ставший впоследствии министром финансов РФ: «Очевидно, что эффективным может быть только подлинно независимое предприятие, не связанное идущими сверху нормативами распределения прибыли и планами-госзаказами». Смысл понятен: предприятие советского типа не может быть эффективным. Методологически это утверждение смысла не имеет, поскольку различны критерии эффективности советского и капиталистического предприятия (последнее имеет целью прибыль).

Но еще важнее, что и в рамках капиталистической системы утверждение Федорова не то что не очевидно, а просто ложно. Давно уже прошла эпоха «подлинно независимых предприятий» или, как ее иногда называют, эпоха «дикого капитализма». Предприятие теперь, как правило, действует в составе корпорации, часто транснациональной, оно связано множеством нормативов и выполняет заказы, мало чем отличающиеся от государственных. Именно поэтому оно и может

быть эффективным. А если корпорация плохо планирует производство, плохораспределяет заказы, ошибочно устанавливает «идушие сверху нормативы», то эффективность предприятий падает.

Однако люди верили нелогичным и даже иррациональным утверждениям и не делали своих собственных простых умозаключений. Например, люди поверили, будто частные предприятия обязательно эффективнее государственных — поверили просто вследствие частого повторения в СМИ этого утверждения. А ведь оно не подкрепляется ни логически, ни эмпирически, и верить ему значило нарушать нормы рационального мышления.

Профессор МГУ В.М. Кульков пишет в 1997 г.:

«В ходе приватизации упорно внушалась мысль о заведомой неэффективности государственной собственности. Между тем, анализ функционирования предприятий по четырем крупнейшим странам Западной Европы (в середине 80-х гг.) показывает, что соотношение показателей производительности труда в государственном и частном секторах было в пользу первого: в ФРГ оно составило 1,34; во Франции — 1,30; в Италии — 1,21; в Великобритании — 1,91; в среднем по четырем странам — 1,44».

Как видим, разница по важному показателю не просто велика, она огромна — как же можно было этим не заинтересоваться, размышляя о таком кардинальном изменении, как приватизация всей отечественной промышленности? А ведь уже были известны результаты сравнения эффективности государственных и частных предприятий, проведенного двумя группами иностранных экспертов в Польше — в ходе приватизации промышленности и после нее. В исследовании Лондонской экономической школы не удалось прийти ни к какому выводу. В исследовании МВФ был сделан вывод о более высокой эффективности государственных предприятий. Об эффективности частных предприятий в РФ по сравнению с государственными хотя бы середины 80-х гг. и говорить нечего — результаты налицо.

Таким образом, рациональное логическое мышление уязвимо, посредством манипуляции в него можно внедрять «про-

граммы-вирусы», так что люди, отталкиваясь от очевидных фактов, приходят к ложному, а иногда и абсурдному умозаключению, противоречащему их интересам.

§ 2. Некогерентность умозаключений

Одним из главных признаков рационального мышления является связность, внутренняя непротиворечивость умозаключений. Речь идет не о том, чтобы рассуждения не включали в себя диалектических противоречий, а о необходимости выстраивать такую цепочку логических шагов, чтобы одно звено умозаключения было соизмеримо с другими, могло взаимодействовать с ними, образуя систему. Это обеспечивается совместимостью и соизмеримостью используемых понятий и отсутствием разрывов в логике.

Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, не связываются в непротиворечивые умозаключения. Они некогерентны (*incoherent*). Самым точным русским аналогом этого латинского слова было бы примерно такое выражение: «Рассуждения, в которых концы с концами не вяжутся». Во время перестройки некогерентность стала типичным свойством рассуждений на общественно-политические темы. Иногда она бывала слегка скрыта обильными словами, иногда была столь «чеканной», что высказывание приобретало черты абсурда.

Положение у нас тяжелое — даже в среде специалистов из-за некогерентности рассуждений не возникает диалога, чтобы договориться хотя бы по немногим главным вопросам. Вот советник президента по экономическим вопросам А. Илларионов говорил в интервью (в апреле 1999 г.): «Выбор, сделанный весной 1992 г., оказался выбором в пользу социализма... — социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, она сдвигалась то “вправо”, то “влево”. Но суть ее оставалась прежней — социалистической».

Политика Гайдара и Чубайса — это социализм! Причем «в общепринятом международном понимании этого слова». Почти очевидно, что это — абсурд, несоизмеримость понятий.

Мэр Москвы Ю.М. Лужков выдвинул лозунг: «Работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически». Даже крайний популизм не требует такой некогерентности. Ведь производство и распределение составляют две стороны

одного экономического уклада, это вещи неразрывно связанные. Не может самый добрый капиталист позволить распределять «по-социалистически» — он в этом случае сразу перестанет быть капиталистом (а значит, не сможет никого заставить работать «по-капиталистически»).

Депутат Верховного Совета СССР экономист Н.П. Шмелев писал в важной книге «На переломе: перестройка экономики в СССР» (М., 1989), критикуя сельское хозяйство: «Второй по численности в мире парк тракторов используется хуже, чем где-либо». Почему же «хуже, чем где-либо», если средняя нагрузка пашни (в гектарах) на один трактор была в СССР в 1988 г. в 10 раз больше, чем в Западной Европе, в 7 раз больше, чем в Польше и в 46 раз больше, чем в Японии?

Развивая в той же книге тезис о якобы избыточном производстве стали в СССР, Н.П. Шмелев пишет: «Мы производим и потребляем в 1,5–2 раза больше стали и цемента, чем США, но по выпуску изделий из них отстаем в 2 и более раза». Это утверждение некогерентно. Невозможно «потреблять» в 2 раза больше стали, чем США, но при этом «выпускать изделий из стали» в 2 раза меньше, ибо сталь потребляется только в виде изделий — рельсов, арматуры, стального листа и т. д. Кроме того, производство и потребление стали — совершенно разные категории. Потребляется весь стальной фонд — вся сталь, накопленная в стране за столетие, «работающая» в зданиях и конструкциях, машинном парке и железнодорожных путях. Годовое производство стали — это лишь прирост фонда, поток. Увеличив в 70–80-е гг. производство стали, СССР стал постепенно ликвидировать огромное накопленное за XX в. отставание от США в величине металлического фонда.

Вот ряд других примеров некогерентности. Академик Т.И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Она говорит о дефиците, который якобы преодолен благодаря повышению цен: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально».

Это — типичный случай некогерентного утверждения. Согласно оратору, людей сбросили в бедность, они не могут по-

купать продукты и, таким образом, выброшены с рынка — и социолог называет это «крупным социальным достижением»!

Вдумаемся также в умозаключение академика Т.И. Заславской, сделанное в том же докладе:

«Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7 % работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т. д.»

Итак, сам докладчик утверждает, что 93 % работников не могут теперь жить так, как жили до приватизации, за счет честного труда («личных усилий»), а вынуждены искать сомнительные (порой преступные) источники дохода — но в то же время социолог считает, что приватизация не повлияла на экономическое поведение. Где же логика? Ведь из первой части утверждения прямо вытекает, что приватизация повлияла на экономическое поведение подавляющего большинства граждан самым кардинальным образом. Скорее всего, некогерентность вызвана здесь давлением аутистического сознания. Докладчик видит только приятные изменения, а если влияние приватизации «на экономических интересы и поведение массовых социальных групп» ей неприятно, то она этого влияния просто не видит и потому о нем не говорит.

Иногда СМИ задают стандарт некогерентности. Вдруг по всем каналам телевидения и газетам проходит с большим шумом какое-нибудь нелепое сообщение — как тест на состояние массового сознания. Если все его принимают без удивления, не задавая вопросов, значит, бессвязность мышления находится на должном уровне. Вот, в ноябре 2000 г. по телевидению и по радио передавалось «патриотическое» известие. Российские истребители над Тихим океаном «взломали» ПВО американского авианосного соединения и облетели авианосец «Энтерпрайз». Говорилось даже, что наши самолеты сфотографировали корабль, а это «равнозначно уничтожению авианосца». Газета «Завтра» высказалась скромнее: «Эту проверку американцы не выдержали. В боевой обстановке такая беспечность обернулась бы для них как минимум тяжелыми повреждениями основных ударных единиц».

Тут же говорится, что такие облеты не противоречат международному праву и что раньше «подобная практика была достаточно регулярной». Если так, то чего ожидало российское телевидение и газеты от американских кораблей? Чтобы они сбили российские самолеты — вопреки международному праву и регулярной практике таких облетов? Как иначе они могли не допустить облета? У них, разумеется, и в мыслях такого не могло быть. Может быть, они тоже «сфотографировали» российские самолеты — следует ли из этого, что эти самолеты «уничтожены»? Откуда видно, что «в боевой обстановке» российские самолеты смогли бы облететь авианосец? И зачем его вообще облетать, если ракеты против кораблей запускаются самолетами за десятки километров, из-за горизонта?

Введение количественной меры, которая не вяжется с реальностью или другими, словесными частями утверждения, усиливает его некогерентность. Так же действует бессмысленное применение специальных терминов и понятий. Вот выдержки из статьи руководителя сектора из Института социально-политических исследований РАН в академическом журнале о воздействии экологии на здоровье населения (Социс, 1994, № 11): «С какими же заболеваниями связано присутствие в воде различных химических элементов? Если в воде имеется какая-либо концентрация солей, она представляет собой полимер. Незримая опасность такой воды заключается в том, что она обладает способностью полимеризовать в организме человека все другие компоненты биологических жидкостей. И тогда получается не просто полимерная, а многополимерная вода».

Некогерентность рассуждений наблюдается даже в серьезных трудах видных ученых-гуманитариев. Вот книга доктора юридических наук Б.В. Курашвили «Историческая логика сталинизма», одно из лучших произведений “левой” печати. Однако и здесь бросается в глаза некогерентность важных утверждений. Вот некоторые места.

Военный коммунизм, согласно Б. Курашвили, это «авторитарно-утопический социализм. В целом, увы, несостоятельный». Как же так? Ведь военный коммунизм — насильственное изъятие излишков хлеба у крестьян и его уравнительное, вне рыночное распределение среди горожан для спасения их от голодной смерти, поскольку рыночное распределение разрушено войной. Что здесь утопического? Это мера, которая

применяется под давлением крайних обстоятельств, в условиях бедствия — полная противоположность утопическим проектам. И что здесь «социалистического»? Военный коммунизм вводили и буржуазные либералы (якобинцы и жирондисты во Франции), и буржуазные милитаристы в Германии. И почему же он «увы, несостоятельный»? На каких весах взвешен смысл спасения миллионов горожан и похлебки для Красной Армии? А в Отечественную войну карточная система — тоже «увы, несостоятельна»?

Диктатура пролетариата 1917–1920 гг. всем была бы хороша, но, как пишет Б.В. Курашвили, «увы, пренебрегала демократическими процедурами, правами человека». Как это «увы», если в этом — суть любой диктатуры? Сам автор здесь же признает: «Тогда иное было практически невозможно». Но если так, то именно о наивных попытках соблюсти в тех условиях права человека, то есть пытаться сделать нечто невозможное, следовало бы сказать: «Увы».

На втором этапе построения советской системы, по мнению Б.В. Курашвили, ущерб от нарушения законов марксизма (революция в крестьянской стране была Марксом не предусмотрена) был как-то преодолен, но затем процесс пошел неправильно: «В закономерное течение революционного процесса мощно вмешался внешний фактор. Общество было искусственно возвращено в подобие первой фазы революции, ибо других способов форсированного развития не было видно... Сложилась теоретически аномальная, противоестественная, но исторически оказавшаяся неизбежной модель нового общественного строя — авторитарно-мобилизационный социализм с тоталитарными извращениями».

Как может быть противоестественным то, что «исторически оказалось неизбежным»? Почему внешний фактор, тем более мощный (грядущая мировая война), представлен досадной помехой «закономерному течению»? Почему выбор пути индустриализации, который единственный давал возможность спасения (по словам Б. Курашвили, «других способов не было видно»), назван «искусственным»? Любое решение, как плод переработки информации и выбора, есть нечто искусственное, а не природное, но здесь этот термин носит явно осуждающий характер. В целом, в этом рассуждении одно определение явно опровергает другое — это и есть некогерентность.

Методологические основания глубокой деформации рационального мышления требуют еще обстоятельных исследований. В первом приближении можно сказать, что были одновременно нарушены два взаимодополняющих блока интеллектуальных навыков — диалектический взгляд на реальность и материалистическое сознание, опирающееся на жесткие, «земные» понятия (хотя бы на уровне здравого смысла). Большую роль в нарушении работы этих двух инструментов сыграло советское обществоведение¹.

Тон в генерировании некогерентных рассуждений задали именно обществоведы. В массе своей преподаватели идеологических дисциплин не знали и не чувствовали научного метода, да и вообще имели искаженное представление о науке как особом способе познания. В то же время, отстаивая «научный» подход, видные обществоведы отвергали здравый смысл. Это очень показательно. Манипуляторы как раз нуждаются в отключении у граждан здравого смысла. Ибо здравый смысл, при отсутствии плодотворной теории, является единственной интеллектуальной основой для того, чтобы массы могли выработать свою позицию в быстро меняющейся обстановке.

Конечно, здравый смысл консервативен и не позволяет выйти на уровень наилучших решений. Но здравый смысл — последняя опора людей, ибо он предостерегает от принятия наихудших решений. А именно согласия на поддержку решений, наихудших с точки зрения интересов людей, нередко и требуется добиться реформаторам. Тонко чуя эти потребности власть имущих, авторы основного учебника по историческому материализму Келле и Ковальзон в своей установочной статье прямо атакуют здравый смысл как форму мышления:

«Поверхностные, основанные на здоровом смысле высказывания обладают немалой притягательной силой, ибо создают видимость соответствия непосредственной действительности, реальным интересам сегодняшней практики. Научные же истины всегда парадоксальны, если к ним подходить с меркой повседневного опыта. Особенно опасны так называемые «рациональные доводы», исходящие из

¹ Подробнее см.: Кара-Мурза, С.Г. Истмат и проблема Восток–Запад. М.: Алгоритм, 2002.

такого опыта, скажем, попытки обосновать хозяйственное использование Байкала, поворот на юг северных рек, строительство огромных ирригационных систем и т. п.».

Итак, отключив сначала у людей здравый смысл в масированной, тоталитарной кампании против строительства крупных систем орошения, идеологи, опираясь на созданные предварительно иррациональные стереотипы, начинают в принципе отвергать рациональные доводы, исходящие из повседневного опыта.

Отказавшись от этикетки исторического материализма, они внедряют в сознание людей ту же самую структуру мышления, что и раньше. На деле получается хуже, чем раньше. Сохранение структуры рассуждений истмата при отсутствии его аналитической силы и материализма порождает мыслительную конструкцию, которую можно назвать механистическим идеализмом.

Несоизмеримость понятий и разрывы в логике, придающие рассуждениям некогерентный характер, резко снижают устойчивость рационального мышления и делают людей беззащитными против манипуляции. Признаки некогерентности являются, одновременно, важным диагностическим симптомом. Они предупреждают о том, что получателя сообщений готовят к манипуляции — или сам отправитель сообщения уже стал жертвой манипуляторов.

§ 3. Аутистическое сознание

Большое место в сознании занимает воображение, особенно создание фантастических образов, способных увлечь массы людей и приглушить в них чувство ответственности. В этом состоянии они обретают особый тип мышления — аутистический.

Учение об аутизме (от греческого слова «аутос» — сам) создал в начале XX в. швейцарский психиатр Э. Блейлер, автор учения о шизофрении (и автор самого этого термина). Аутизм — болезненное состояние психики, при котором человек концентрируется на своей внутренней жизни, активно уходит от внешнего мира. В тяжелых случаях вся жизнь человека полностью сводится к его грезам, но обычно это проявляется в большей или меньшей степени, так что человек

остается в общем нормальным. Для нас важен коллективный аутизм, искусственно вызванный с помощью манипуляции сознанием.

Вообще, в мышлении человека всегда сочетаются два компонента: реалистическое мышление и аутистическое. Оба они необходимы, важно, чтобы между ними поддерживалось равновесие. Понятно, что воображение будущих желанных состояний подготавливает к действию, будит энергию. Аутизм создает благоприятные условия для упражнения мыслительной способности. У ребенка, например, игра воображения развивает его комбинаторные способности так же, как подвижные игры развивают ловкость и силу. Но во многих отношениях реалистическое мышление противоположно аутистическому. Первое оперирует элементами действительности, как она есть, со всеми ее неприятными сторонами. Второе комбинирует созданные воображением образы, от которых неприятная часть реальности «отщеплена» и «заметена под ковер».

Цель реалистического мышления — создать правильные представления о действительности, цель аутистического мышления — создать приятные представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием (крайний случай — грезы наяву). Двум типам мышления соответствуют два типа удовлетворения потребностей. Реалистическому — через действие и разумный выбор лучшего варианта с учетом всех доступных познанию «за» и «против». Тот, кто находится во власти аутистического мышления, — избегает действия и не желает слышать трезвых рассуждений. Он готов даже голодать, пережевывая свои приятные фантазии.

В небольших дозах приятные фантазии оказывают стимулирующий, побуждающий к действию эффект. Но когда человек, предаваясь несбыточным мечтам, начинает в них всерьез верить, создаваемые воображением образы становятся для него достаточными. Они заменяют реальные достижения, занимают место действия, и человек впадает в апатию, не желая и пальцем пошевелить не только для достижения желанного, но уже и для своего спасения.

Аутистическое мышление — не «бредовый хаос», не случайное нагромождение фантазий. Оно тенденциозно, в нем всегда доминирует та или иная тенденция, тот или иной

образ — а все, что ему противоречит, подавляется. Для манипуляции сознанием важен тот факт, что два типа мышления не только взаимодействуют (в норме), но и находятся в конфликте. И если каким-то способом удастся отключить или подавить реалистическое мышление, то аутистическое мышление выходит на первый план, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес. Это в мягкой форме отражено в солдатской песне: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Для того чтобы манипулировать сознанием путем усиления аутистического мышления, необходимо хорошо знать структуру желаний в разных слоях общества, особенно желаний навязчивых. В основном, конечно, навязчивые желания, становящиеся аутистическими тенденциями, специально культивируются в обществе с помощью средств культурного воздействия.

Главное в аутистическом мышлении то, что оно, обостряя до предела какое-либо стремление, нисколько не считается с действительностью. В главе 7 уже приведен хорошо изученный случай массовой приверженности аутистическому мышлению — вера в получение огромных дивидендов от фирмы «МММ». Но ведь этот случай был достаточно типичным.

Стимулирование аутистического мышления привело во время перестройки к удивительным результатам. Например, многие всерьез поверили в утопию «возвращения в цивилизацию», в «наш общий европейский дом». При том, что на Западе никто и никогда не дал оснований считать, будто Россию в этот «дом» приглашают. Эта фантазия «братания с Западом» не согласовывалась ни с какими реальными признаками, сейчас даже трудно представить себе, что в 1989–1990 гг. множество умных и образованных людей в нее верили (говорят, что многие украинцы и до сих пор верят, и можно только порадоваться такому оптимизму).

Создатель учения об аутизме Э. Блейлер пишет:

«Нас не должно удивлять, что аутизм пользуется первым попавшимся материалом мыслей, даже ошибочным, что он постоянно оперирует с недостаточно продуманными понятиями и ставит на место одного понятия другое, имеющее при объективном рассмотрении лишь второстепенные общие компоненты с первым, так что идеи выражаются в самых рискованных символах».

Продираться через эти ловушки рискованных символов людям трудно. Вот два таких символа, ключевые в годы перестройки — «рынок» и «демократия». У массы людей идеологи создали самые превратные, внутренне противоречивые представления об этих понятиях, совершенно несовместимые ни с реальностью тех обществ, откуда они были взяты, ни с реальностью России. Почему же они привились на нашей почве, разрушив всякую связную общественную мысль? Потому, что люди попали в такой мыслительный коридор, в котором структуры аутистического мышления господствуют над здравым смыслом. И люди строят в своем воображении фантастические образы и рынка, и демократии.

Наблюдая, что происходило последние пятнадцать лет в сфере общественного сознания, иногда приходишь к мысли, что являешься свидетелем огромной кампании, направленной на отход от здравого смысла. Людей убедили, что для преодоления назревающей катастрофы нужны были не усилия ума, души и тела, а несколько магических слов, которые бы вызвали из исторического небытия мистические силы, разом дающие большие блага для настоящего и будущего.

Одну важную черту массового сознания советского человека верно подметили и использовали идеологи — избалованность высокой надежностью социальной системы СССР. Два поколения советских людей выросли в совершенно новых, никогда раньше не бывавших в истории России условиях: при отсутствии угроз и опасностей. Вернее, при иллюзии отсутствия угроз. Причем эта иллюзия нагнеталась в сознание всеми средствами культуры, была воспринята с радостью и проникла глубоко в душу, в подсознание. Реально люди даже не верили в существование холодной войны — считали ее пропагандой. Нам казалось смешным, что на Западе устраивают учебные атомные тревоги, проводят учебные эвакуации целых городов. Нам стали казаться смешными и надуманными все реальные страхи и угрозы, в среде которых закаляется человек на Западе: угроза безработицы, бедности, болезни при нехватке денег на врача и лекарства. Мы даже из нашего воображения вычистили чужие угрозы, чтобы расти совершенно беззаботно.

Человек привык к тому, что жизнь может только улучшаться, а все социальные блага, которыми он располагает, являются как бы естественной частью окружающей природной

среды и не могут исчезнуть из-за его, человека, политических установок и решений. Ортега и Гассет давно сказал важную и неприятную вещь: «Избалованные массы настолько наивны, что считают всю нашу материальную и социальную организацию, предоставленную в их пользование наподобие воздуха, такой же естественной, как воздух, ведь она всегда на месте и почти так же совершенна, как природа».

Вот простой пример того, как в массовом сознании искусственно усиливалась аутистическая компонента при обсуждении экономических проблем. Летом 1991 г. несколько научных групп провели расчет последствий «либерализации цен», которую впоследствии осуществило правительство Гайдара в январе 1992 г. Расчет проводился по нескольким вариантам, но общий вывод дал надежное предсказание, оно полностью сбылось в январе. Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, доклад этот в печать допущен не был, но специалисты были с ним ознакомлены («для служебного пользования»). Одновременно с появлением этого доклада в массовую печать дали заключения «ведущих экономистов», которые успокаивали людей.

Так, популярный журнал «Огонек» напечатал прогноз, подготовленный известной тогда Л. Пияшевой: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить, я полагаю, 4–5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику» — и так далее по всему спектру товаров.

Какой приятный прогноз — молоко парное (!) в течение всего дня — не чудеса ли. Зачем огорчать людей напомним, что не может быть парного, прямо из под коровы, молока в московском магазине, тем более «в течение дня». Но сознание людей было уже настолько подготовлено к тому, чтобы верить в приятные фантастические образы, что даже сама жестокая реальность либерализации цен, при которой мясо быстро поднялось в цене до 20 тысяч (!) рублей, несколько эту веру не поколебала.

Сдвиг к аутистическому мышлению в нашем обществе был «организован» средствами манипуляции сознанием. Этому способствовал и общий кризис, всегда толкающий к аутизму как возможности спрятаться от страшной действи-

тельности. Психологи довольно хорошо изучили этапы становления, начиная с раннего детства, двух ветвей мышления и обнаружили, что начиная с некоторого возраста реалистическое мышление становится более развитой, более сложной структурой. При общем нарушении психики под воздействием кризисов и социальных катастроф реалистическая функция поражается, как правило, сильнее.

В отличие от шизофрении, которая оперирует явно оторванными от реальности образами и обнаруживает отсутствие логики, аутизм, как отмечает Э. Блейлер, «отнюдь не пренебрегает понятиями и связями, которые даны опытом, но он пользуется ими лишь постольку, поскольку они не противоречат его цели, т. е. изображению неосуществленных желаний как осуществленных; то, что ему не подходит, он игнорирует или отбрасывает».

Иными словами, аутизм заменяет реальность моделью, но эта модель по-своему логична и даже респектабельна. Она напоминает построения ученого, и для интеллигенции она привлекательнее, чем реалистичное, охватывающее неприятные стороны действительности, мышление кухарки.

Важное условие выработки моделей, позволяющих делать рациональные умозаключения, — различие цели и ограничений. Здесь нередко наблюдается методологический провал, связанный со сдвигом от реалистичного сознания к аутистическому. В утопических рассуждениях категория ограничений бывает почти полностью устранена из рассмотрения.

Когда мы рассуждаем об изменениях каких-то сторон нашей жизни (в политической сфере, экономике, образовании и т. д.), мы применяем навыки мыслительного процесса, данные нам образованием и опытом. Мы выделяем какую-то конкретную цель — например, улучшение некоторой стороны нашей жизни. Поскольку разные цели конкурируют, мы стремимся не беспредельно увеличить или уменьшить какой-то показатель, а достичь его оптимальной (или близкой к оптимальной) величины.

Но, определяя цель (целевую функцию, которую надо оптимизировать), разумный человек всегда имеет в виду то «пространство допустимого», в рамках которого он может изменять переменные ради достижения конкретной цели. Это пространство задано ограничениями — запретами высшего порядка, которые никак нельзя нарушать. Иными словами, разумная постановка задачи звучит так: увеличивать (или уменьшать)

такой-то показатель в сторону его приближения к оптимуму — при условии выполнения таких-то ограничений.

Без последнего условия задача не имеет смысла — мы никогда не имеем полной свободы действий. Ограничения-запреты есть категория более фундаментальная, нежели категория цели. Недаром самый важный вклад науки в развитие цивилизации заключается в том, что наука нашла метод отыскивать и формулировать именно запреты, ограничения. Невозможность устройства вечного двигателя, закон сохранения материи и энергии, второе начало термодинамики — все это ограничения, определяющие «поле возможного».

Если кто-то разглагольствует о великой цели как наивысшей ценности, не указывая на ограничения, то его слова можно принять лишь как поэтическую метафору, как демагогию политика-манипулятора или как отступление от норм рационального мышления. Когда, например, говорят, что «конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой», то в этом, скорее всего, смешаны все три упомянутые причины. Всегда есть цена неприемлемая, например, гибель всего человечества.

Э. Блейлер объясняет:

«Реалистическое мышление работает не с одной только прирожденной способностью («интеллект»), но и с помощью функций, которые приобретены путем опыта и упражнения. Как показывает практика, такие функции могут быть гораздо легче нарушены, нежели те, которые заложены в организме. Совершенно иначе обстоит дело с механизмами, которыми пользуется аутизм. Они являются прирожденными. Аффекты, стремления оказывают с самого начала на нашу душевную жизнь такое же воздействие, какое управляет и аутистическим мышлением».

Господство аутистического мышления при глубоком расщеплении логики породило небывалый в истории кризис народного хозяйства огромной страны. Те шаги, которые к нему привели, были бы невозможны, если бы их не поддержал с энтузиазмом чуть не весь культурный слой, на время увлекший за собой большинство городских жителей.

Во время реформы же проявился важнейший признак аутистического мышления — придание гипертрофированного значения распределения в ущерб производству. Распреде-

лять (а тем более прихватывая себе побольше) легко и приятно, производить и налаживать производство — трудно и хлопотно. Фетишизация рынка (механизма распределения) началась с 1988 г., но уже и раньше состоялась философская атака на саму идею жизнеобеспечения как единой производительно-распределительной системы. Можно даже сказать, что здесь речь идет уже даже не о мышлении, а о целом аутистическом мироощущении.

Вспомним один из фундаментальных лозунгов перестройки, выдвинутый в августе 1988 г. А.Н. Яковлев тогда говорил:

«Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления. Решение этой проблемы может быть только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень».

Оговорку, будто «экономика давно уже вышла на необходимый уровень», никто при этом не обсуждал, она была сразу же забыта — речь шла только о тектоническом сдвиге — изъятии ресурсов из базовых отраслей — энергетики, сельского и жилищно-коммунального хозяйства. Этот лозунг, который прямо взывал к аутистическому мышлению, сразу претворился в резкое сокращение капиталовложений. Была, например, остановлена наполовину выполненная Энергетическая программа, которая надежно выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергообеспеченности (сегодня Россия по обеспеченности этим необходимым для любого хозяйства ресурсом быстро опускается ниже стран «третьего мира»).

Человек с реалистическим сознанием спросил бы себя: каково назначение экономики? И ответил бы: создать надежное производство основных условий жизнеобеспечения, а затем уже наращивать производство «приятных» вещей. Что касается жизнеобеспечения, то, например, в производстве стройматериалов (для жилищ) или энергии (для тепла) в СССР вовсе не было избыточных мощностей, требовалось их срочное расширение. Да и вся теплосеть страны уже была в плохом состоянии, а ее обновление требовало большого количества металла.

Проблема продовольствия прежде всего была связана с большими потерями из-за бездорожья и острой нехватки мощностей для хранения и переработки продукции сельского хозяйства. Закрывать эту дыру — значило бросить в нее массу металла, стройматериалов и машин. И на этом фоне возникла доктрина «тектонического» изъятия ресурсов из базовых отраслей, гарантирующая выживание, и возможность производства товаров потребления.

Плодом аутистического мышления был и созданный воображением образ той свободы, которая наступит, как только будет сломан «тоталитарный» советский строй. Никаких предупреждений о возможных при такой ломке неприятностях и слышать не хотели. Между тем реалистично мыслящий человек знает, что любая конкретная свобода возможна лишь при условии наличия целого ряда «несвобод». Абсолютной свободы не существует, в любом обществе человек ограничен структурами, нормами — просто они в разных культурах различны.

Но никаких размышлений о структуре несвободы, о ее фундаментальных и вторичных элементах не было. Вот красноречивый пример. Согласно опросам, в 1988 г. большая часть образованных людей посчитала самым важным событием года акт свободы — «снятие лимитов на подписку». Этому мелкому акту было придано эпохальное значение.

Возможно, следует напомнить, что при дешевых ценах в СССР существовали лимиты на подписку газет и журналов. В отделениях связи люди стояли в очередях, а по предприятиям давались квоты, иногда люди тянули жребий, чтобы подписаться на самые популярные издания. Для части интеллигенции это было символом тоталитарного гнета. Она просто не желала видеть, что сама вошедшая в привычку потребность выписывать газеты и толстые журналы была порождением советского «тоталитаризма». И средняя культурная семья выписывала 3–4 газеты и 2–3 толстых журнала — ничего похожего нет на свободном Западе. «Литературная газета» выходила тиражом в 5 млн экземпляров!

После ликвидации «тоталитаризма» новая хозяйственная система чисто рыночными средствами наложила такие лимиты на подписку, что в 1997 г. «Литературная газета» имела лишь 30 тыс. подписчиков, а тираж «Нового мира» упал с 2,7 млн в советское время до 15 тыс. в 1997 г. Из этого мелкого факта видно, что важным истоком кризиса было рас-

щепление сознания и господство аутистического мышления: создавая в воображении приятный образ свободы на определенном поле («свободная подписка»), интеллигенция здесь же и моментально «производила» несвободу иного типа, но гораздо больших масштабов.

Парадоксальность аутистического мышления в том, что оно делает возможным веру в противоположные, несовместимые и взаимоисключающие фантазии. Перестройка дала тому чистые, прямо для учебника, примеры. Желание устроить в СССР капитализм удивительным образом совмещалось с мечтой о «лишении привилегий», полной социальной справедливости и даже уравнительстве. Иногда отрицающие друг друга тезисы следовали друг за другом буквально в одном абзаце. Бывало, что в статье на экологические темы автор возмущался тем, что высыхает Аральское море — и одновременно проклинал проект переброски в бассейн Аральского моря части стока северных рек.

Э. Блейлер продолжает перечисление главных особенностей аутистического мышления: «Поразительно также, насколько аутизм может игнорировать временные соотношения. Он перемешивает бесцеремонно настоящее, прошедшее и будущее. В нем живут еще стремления, ликвидированные для сознания десятки лет тому назад; воспоминания, которые давно уже стали недоступны реалистическому мышлению, используются им как недавние, может быть, им даже отдается предпочтение, так как они меньше наталкиваются на противоречие с актуальностью... Само собой разумеется, что аутизм, который изображает наши желания осуществленными, должен приводить к конфликтам с окружающей средой».

Одной из самых нелепых фантазий такого рода было бурное и утопическое возрождение в РФ сословных притязаний. Откуда ни возьмись, Москва наполнилась дворянами, а то и потомками графов и князей. Возникли конкурирующие дворянские собрания, поиски родословных, стали популярны песни о каких-то поручиках Голицыных — все это под флагом демократии. Много говорилось о том, что большевики поголовно уничтожили дворян, а остатки их («два миллиона!») уехали за границу. Даже неудобно было напомнить, что в 1917 г. всех дворян, включая обитателей ночлежек, в Российской империи было 1,4 млн человек. И что большинство из тех, кто живет в России, — нормальные люди, и им в голову

не приходит тащить в наше время эти оставшиеся в прошлом сословные атрибуты.

Сегодня много говорят о «среднем классе» как социальной базе реформ. Он составляет около 15 % населения и поглощает 70 % всех доходов в России. Многочисленные исследования этого социального образования обнаружили в его сознании сильную компоненту аутистического мышления. Уже в течение десяти лет представители российского «среднего класса» в подавляющем большинстве оценивают при опросах экономическое состояние страны как «катастрофическое». Тем не менее все это время они были уверены, что через 4–5 лет все наладится, и их будущее будет обеспечено.

Попытки выяснить, на чем основано это их убеждение, к успеху не приводят. Они явно надеются на чудо (вернее, на целую серию чудес), но в этом не сознаются. В истории культуры это явление известно и получило название «каргоистского культа». Оно наблюдалось в прошлые века на некоторых тихоокеанских островах, которые посетили европейские купцы и раздали туземцам дешевые подарки. В отдельных племенах нашлись шаманы, которые объявили, что это были посланцы богов, а вскоре от этих богов придут корабли, доверху наполненные разными прекрасными товарами. Поэтому всем следует бросить свои жалкие грядки, перестать возделывать маниоку и батат, а надо собраться на пляже, петь и плясать, ожидая этих кораблей с грузом («карго»). В России в среде интеллектуальной элиты таких шаманов тоже было достаточно.

Усиление аутистической компоненты в массовом сознании сыграло большую роль в ходе изменения общественного строя в 80–90-е гг. Советское жизнеустройство сложилось под воздействием определенных природных и исторических обстоятельств. Исходя из них, был принят главный критерий выбора — сокращение страданий. На этом пути были достигнуты признанные всем миром успехи. В СССР были устранены главные источники массовых страданий и страхов — бедность, безработица, бездомность, голод, преступное и международное насилие, а также массовая гибель в войне с более сильным противником.

Альтернативным критерием выбора жизнеустройства было «увеличение наслаждений». В ходе перестройки активную часть общества склонялась к тому, чтобы изменить выбор —

пойти по пути «увеличения наслаждений» и пренебречь опасностью массовых страданий. Речь идет о фундаментальном изменении, которое не сводится к смене политического, государственного и социального устройства (хотя неизбежно выражается и в них).

Прямым следствием этого выбора было «тектоническое» перераспределение ресурсов в хозяйстве. Еще более красноречива была кампания, направленная на свертывание оборонной промышленности, созданной именно исходя из принципа сокращения страданий. Это изменение критерия жизнеустройства противоречило тем непреодолимым ограничениям, которые накладывали географическая и геополитическая реальность, доступность ресурсов и уровень развития страны.

Шопенгауэр в книге «Афоризмы житейской мудрости» свел главные советы мудрых людей всех эпох. Вот с чего он начинает раздел «Правила общие»: «Первой заповедью житейской мудрости я считаю мимоходом высказанное Аристотелем в Никомахейской Этике (XII, 12) положение, которое в переводе можно формулировать следующим образом: «Мудрец должен искать не наслаждений, а отсутствия страданий»... Нет худшего безумия, как желать превратить мир — эту юдоль горя — в увеселительное заведение и вместо свободы от страданий ставить себе целью наслаждения и радости; а очень многие так именно и поступают».

§ 4. Ассоциативное мышление. Метафоры

В фундаментальной «Истории идеологии» сказано, что создание метафор — главная задача идеологии. Поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, становилась поистине материальной силой. Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь-то и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием. Хорошая метафора очаровывает и загоняет мышление в узкий коридор, выход из которого (умозаключение) предусмотрен манипулятором. Вот пример такой сильной метафоры, введенной в оборот Геббельсом, а затем использованной Черчиллем, — «железный занавес».

Разумеется, разделить в акте внушения или убеждения воздействие на рациональное мышление, на ассоциативное

мышление, на чувства или воображение можно лишь абстрактно. В действительности воздействия на все эти мишени слиты в одной «операции». Однако удельный вес и роль разных «родов оружия» сильно меняются в зависимости от конкретных условий операции, прежде всего от типа культуры аудитории. Общий вывод исследований социодинамики культуры таков: «При современном состоянии культуры логическая мысль принимает лишь фрагментарное участие в убеждении, выступая в виде коротеньких последовательностей, связующих соседние понятия в поле мышления» (А. Моль). Чем больше давление мозаичной культуры, тем меньшую роль играет логика («полиция нравов интеллигенции»), тем более восприимчиво сознание к манипуляции. Так что нынешнее разрушение университетской культуры в массе населения, наблюдаемое сейчас и в России, и на Западе, — абсолютно необходимое условие для прочного господства посредством манипуляции сознанием. Место рационального мышления все больше занимает мышление ассоциативное. А. Моль пишет о человеке западного общества:

«Мозаичная культура, при которой мы живем, все чаще пользуется способами убеждения, непосредственно основанными на приемах ассоциации идей, применяемых творческим мышлением. Главнейшие из этих приемов были определены Уильямом Джемсом: ассоциация по совмещению (изображение на одной рекламе банана и ребенка), ассоциация по неожиданности, свойственная сюрреализму (разрез печени Венеры Милосской, погружающейся в минеральную воду Виши), ассоциация по смежности (текст, состоящий из записок, связанных только тем, что они напечатаны рядом на одной странице), ассоциации по звуковому сходству, которыми пользуются авторы рекламных лозунгов и товарных знаков.

На практике эти приемы играют очень важную роль при внушении получателю доводов отправителя наряду с эстетическим способом убеждения, при котором получателя не столько убеждают, сколько «обольщают», с тем чтобы он в конечном счете принял соблазнительное за убедительное. Броское оформление книги, агрессивный эротизм очаровательной блондинки, раздевающейся на обертке туалетного

мыла, метеосводка в форме “песни о завтрашнем дне”, исполняемая хором девушек, — все это примеры того систематического и исключительно эффективного смещения категорий, которым широко и умело пользуется политическая пропаганда и которое стало поэтому неотъемлемой чертой современной мозаичной культуры».

Известно, что человек, чтобы действовать в своих интересах (а не в интересах манипулятора), должен реалистично определить три вещи: нынешнее состояние, желательное для него будущее состояние, путь перехода от нынешнего состояния к будущему. Склонность сэкономить интеллектуальные усилия заставляет человека вместо изучения и осмысления всех этих трех вещей прибегать к ассоциациям и аналогиям: называть эти вещи какой-то метафорой, которая отсылает его к иным, уже изученным состояниям.

Чаще всего иллюзорна и сама уверенность в том, что те, иные состояния, через которые он объясняет себе нынешнее, ему известны или понятны. Например, российский патриот из оппозиции говорит себе: нынешний режим — как татарское иго. Он уверен, что знает, каким было татарское иго, и в этом, скорее всего, его первая ошибка и первое условие успеха манипуляции. Вторая ошибка связана с тем, что метафора татарского ига в приложении к конкретному политическому и экономическому режиму начала XXI в. непригодна, она не обладает достаточной степенью подобия, чтобы что-то объяснить. Здесь — второй источник силы манипулятора.

Запад в его социальных учениях усвоил традицию метафорического мышления больше, чем Россия. А от Запада — и питавшаяся его идеями либеральная интеллигенция других стран («западники»). Возможно, это произошло в силу дуализма западного мышления, его склонности во всем видеть столкновение противоположностей, что придает метафоре мощь и четкость: «Мир хижинам, война дворцам!» или «Движение — все, цель — ничто!».

Историк А. Тойнби на большом материале показал, что глубокие преобразования начинаются благодаря усилиям небольшой части общества, которую он называл «творческим меньшинством». Оно складывается вовсе не потому, что в нем больше талантов, чем в остальной части народа: «Что

отличает творческое меньшинство и привлекает к нему симпатии всего остального населения — свободная игра творческих сил меньшинства».

В середине 80-х гг. умами людей в СССР овладела особая, сложная по составу группа, которая представляла собой целое культурное течение, субкультуру советского общества — условно их называют «демократы». В окостенелой и нудной атмосфере официальной идеологии демократы предстали как группа с раскованным мышлением, полная свежих метафор, новых лозунгов и аллегорий. Они вели свободную игру, бросали искры мыслей — а люди додумывали, строили воздушные замки, включались в эту игру.

Вспомним эти метафоры, которые на время подавили способность к здравому мышлению и рассудительности: «наш общий европейский дом», «архитекторы перестройки», «нельзя быть немножко беременной», «пропасть не перепрыгнуть в два прыжка», «столбовая дорога цивилизации», «коней на переправе не меняют» и т. д. И плотность бомбардировки была такой, что основная часть общества была очарована.

Сама благосклонность, с которой общество принимало все эти метафоры, должна была бы насторожить. Она говорила о том, что массовое сознание оказалось неустойчиво против манипуляции, ибо большинство метафор новых идеологов были двусмысленными или пессимистическими (как, например, «масонские» строительные метафоры — дома, перестройки, архитектура). Объяснительной силой обладают лишь те метафоры, которые удовлетворяют критериям подобия выбранной аналогии и реального явления. Если эти критерии не соблюдаются, то умозаключение вырождается в иррациональное утверждение.

Вспомним метафору: «нельзя быть немножко беременной». Ее использовали в пропаганде радикального подхода к реформе. Мол, надо полностью разрушить плановую систему и перейти к стихии рынка. На деле никакого подобия между беременностью и экономикой нет. Более того, реальная экономика и не признает «или — или», она именно «немножко беременна» многими хозяйственными укладами. Данная метафора была типичным инструментом манипуляции.

Страшный, разрушительный смысл несла в себе метафора «возвращение в лоно цивилизации». Россия в ней уподоблялась ребенку, который вырос уродом и которого следует

вернуть обратно в лоно — совершить «роды наоборот». Когда к началу 90-х годов стало очевидно, что такая операция с народами СССР невозможна, широкое хождение получила еще более разрушительная метафора Исхода, которая используется до настоящего времени.

В основу ее положено библейское иносказание о том, как евреи ушли под руководством Моисея из египетского плена и сорок лет ходили по пустыне, пока не пришли в землю обетованную. В идеологическом использовании метафоры СССР ассоциировался с Египтом, а те, кто пошел за «новыми русскими» — с евреями. Ветхозаветная метафора книги Исход, второй части Пятикнижия Моисея, стала весьма красноречива в 1991 г., когда все поняли, что «рыночная реформа» несет людям тяжелые бедствия.

Итак, в Ветхом завете (кн. Исход) сказано:

«В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, который сидит на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И сделался великий вопль во всей земле Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца... И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу Своему в глазах Египтян: и они давали ему, и обобрал он Египтян».

Писатель Василь Быков давал тогда такое объяснение:

«В ближайшие 10–20 лет, я думаю, ничего хорошего нам не светит. Перемены к лучшему могут произойти лишь за пределами физического существования нынешних поколений. Когда окончательно уйдут из жизни те, кто безнадежно отравлен ядом большевистской идеологии... Когда не только не останется ничего, напоминавшего о последних резолюциях очередного съезда, но и ни одного деда или бабушки, хранящих память о дефицитах, репрессиях, коллективизации... По-видимому, Моисей был человек умный, недаром же он водил свой народ по пустыне сорок лет, а не четыре года».

Надо подчеркнуть, что сравнение с Моисеем, водящим свой народ по пустыне, изначально имело радикально антисоветский смысл. Главный раввин Москвы Пинхас Гольдшмидт

использовал этот религиозный образ в чисто политических целях, заявив в «Независимой газете» (26 марта 1994 г.): «Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова “Мицраим” — “Египет” и “СССР” одинакова. Так же и ситуация сейчас во многом сходна». Уничтожение СССР он уподобил Исходу — разрыву с прежним местообитанием, причем разрыву разрушительному, уничтожающему «Египет».

Таким образом, метафора Исхода задавала структуру конфликта тех, кто желал уйти в землю обетованную, с якобы уродливой цивилизацией («Египтом» и «египтянами») — всеми теми, кто не желал вытравить из себя прошлое. Мобилизующий и угрожающий смысл метафоры был прозрачен, и она действовала и на чувства, и на подсознание.

Одним из самых больших успехов в сфере массового сознания было для идеологов перестройки успешное внедрение в общественный обиход главных метафор из аллегорической повести М. Булгакова «Собачье сердце». Этот эпизод полезен как учебный материал. Ведь главные идеи повести были разрушительны для этического строя советской культуры, но их удалось внедрить в сознание не как шокирующий жестокий эксперимент над моралью, а как набор вполне приемлемых установок. Интеллигенция приняла программу-вирус, не распознав ее манипулятивной силы.

Образ Шарикова вошел как метафора не только в идеологию, но и в обыденное сознание — как стереотипное отображение типичного советского человека («совка»). А профессор Преображенский стал положительным героем, изрекающим нормативные афоризмы. Он стал едва ли не воплощением «интеллигентности». Но ведь этот паразитирующий на номенклатуре профессор — образ сверхчеловека, присвоивший себе право создать из дворняги человека, не нести за него никакой ответственности, а затем и уничтожить его. Дело богомерзкое и несовместимое с элементарными нормами этики, не говоря уж о крайнем антидемократизме и даже социальном расизме изречений этого профессора.

Быть может, Булгаков, озлобленный на шариковых, испытывал к своему герою симпатию. Но ведь людей просто заставили, путем промывания мозгов, полюбить этого профессора и, вслед за ним, невзлюбить пролетариат. Связка Преобра-

женский—Шариков разрушала символическую конструкцию основы советского строя.

Очень красноречив опыт, описанный преподавателями русской литературы Н. Покровской и А. Бабенышевым (С. Максудовым). Они обсуждали со своими американскими студентами главный смысл повести «Собачье сердце», выраженный в коллизии Преображенский—Шариков, в 1989/90 и 1999/2000 гг. и изложили этот опыт в интересной статье¹.

Авторы пишут: «Повесть Михаила Булгакова “Собачье сердце” являлась одним из символов перестройки. Имена ее персонажей стали нарицательными. Шариковыми презрительно именовали людей, покушающихся на чужую жилплощадь, так же называли твердолобых сторонников марксистской доктрины. Повесть, перелицованная в пьесу, шла на сценах столичных театров». Далее они приводят отрывки из рецензий на эти спектакли:

«[Профессор Преображенский] ироническим умом, широтой натуры, мерой чуть барствяного превосходства, внутренней интеллигентностью, корректным достоинством напоминает знаменитого русского композитора Глазунова и одновременно кустодиевский портрет Шаляпина...» («Театр», 1989, № 1).

«Профессор Преображенский в растерянности сидит посреди своего кабинета... Немая сцена. Так заканчивается «Собачье сердце» в Московском ТЮЗе. Символ прост, и от этой простоты знобит, как от приговора. Роковой выбор русского интеллигента, два пути: за границу или — в лагерную пыль... Русская интеллигенция вещество особое... Прежде всего совесть. А потом и сострадательность. Искупительная трагическая судьба русской интеллигенции впечаталась в гены, она как тавро и отсвет проступает на меченых лбах поколение за поколением... Грабеж истребил крестьян, Швондер и Шариков — интеллигенцию» («Огонек», 1989, № 18).

Авторы формулируют отраженный в аллегории конфликт и рассказывают о его трактовке студентами: «Итак, с одной

¹ Покровская, Н. Бабенышев, А. (С. Максудов). «Собачье сердце» глазами студентов Гарварда в 1989 и в 1999 годах. — www.prapogama.ru/sud.html#80.

стороны, иронический ум, совесть, достоинство, сострадательность, с другой — низость, насилие и предательство.

В 1988–1990 гг. мы, преподаватели Гарвардского университета, читали со студентами «Собачье сердце». К нашему немалому удивлению, большинство наших учеников не разделяли, казалось бы, такого естественного восхищения русской аудитории талантливым, интеллигентным ученым. У американских молодых людей были серьезные претензии к почтенному профессору. Нам захотелось рассказать об этом взгляде со стороны русским читателям. В нашем распоряжении было около 40 сочинений на тему: «Как вы относитесь к словам профессора Преображенского: “Да, я не люблю пролетариат”?»

Авторы работ — молодые люди, в основном дети обеспеченных родителей. Как и полагается молодежи, они идеалисты, видели в окружающем обществе лишь социальную несправедливость и хотели сражаться с ней. Преображенского они рассматривали в контексте этой борьбы с консервативными силами и чувствовали, что он не на их стороне. Подчеркнем, что речь шла не о художественных достоинствах повести Булгакова и не о культурных и социальных особенностях русско-советской жизни 30-х гг. Студентов волновали общечеловеческие проблемы, в первую очередь ответственность образованных людей (включая их самих) за справедливое социальное устройство общества».

Далее авторы приводят выдержки из сочинений. Вот лишь малая часть, которая, однако, выражает общий лейтмотив:

- *«Меня изумило не то, что он отказался помогать более бедным людям, а то, что он признался в том, что он не хотел помогать им, потому что он презирает пролетариат... Я просто не могу представить себе человека, который вместо того, чтобы легко успокоить людей, открыто объясняет им, что он их ненавидит... По-моему, профессор — крайний пример человеческой природы... Почему он решает в конце концов превратить Шарикова еще раз в собаку? Потому, что он становится угрозой. Профессор только любит тех, кто не грозит ему... Эта книга очень грустная. После ее чтения я считаю людей ужасными».*
- *«Преображенский жил в хорошей квартире и ел икру, а рядом люди голодали».*

- «У него была большая квартира, служанки, деньги, влияние, все, чего не имел пролетариат... У профессора нет очень честных убеждений. В рассказе он продолжает обогащаться, никогда не страдает. Поэтому я скажу, что, конечно, Преображенский ненавидит, не уважает и боится пролетариата не только потому, что электричество иногда гаснет, но также и важнее потому, что пролетариат грозит приятной жизни профессора».
- «Отношение Преображенского к рабочему классу отталкивающее...»
- «И тоже заметьте, как писатель рисовал разные характеры: пролетариев он описывал как неграмотных, отвратительных подлецов, а буржуазию он описывал как героев. Вот как манипулирует нами автор».
- «Преображенский и Швондер похожи, так как оба хотели преобразовать природу человека, Преображенский — физически, Швондер — философски».
- «Преображенский очень высокомерный и жестокий человек. Несмотря на то, что он сам (и мне надо добавить — без разрешения и Клима, и Шарикова) создал Шарикова, он не хочет отвечать за него».
- «Он, кажется, подлец, но мы ему сочувствуем. Но вообще я считаю таких людей, как Преображенский, предубежденными подлецами. Он нехороший эгоистичный человек... Домком был, может быть, немного грубым, немного глупым, но они вообще хорошие, не злые люди».

Сочинения 1999/2000 учебного года показали существенный сдвиг в воззрениях студентов. Н. Покровская и А. Бабенышев пишут:

«По мнению авторов сочинений, профессор Преображенский... не претендует на роль положительного героя, а является лишь одной из сторон в трудноразрешимом классовом конфликте. Различие между профессором и его врагами представляется не столкновением благородства с низостью, а лишь противостоянием хороших манер и невоспитанности.»

Но главное, чем поразительны современные студенческие работы, — это отсутствием социальных эмоций»¹.

- «Булгаков отказывается нам дать простую идеологию, а создает сложное изображение русского общества сразу после революции... Но Булгаков также издевается над Преображенским — представителем старого мира... Одним словом, Булгаков описывает старый мир как место полное несправедливостей, где сильные и богатые имеют власть, а бедные и слабые страдают, как Шарик в начале рассказа».
- «Мне страшны люди, которые хотят сделать работу Бога — это опасно. И поэтому когда профессор не чувствует ответственности за результаты своей работы, мне не нравится это».
- «Явной и важной темой рассказа «Собачье сердце» является принятие роли Бога человеком. Оттенки Фауста и Франкенштейна мы видим у профессора и у советской власти».

Не будем углубляться в проблему изменения взглядов американских студентов. Для нас важен уже тот факт, что в 1989 г. значительная часть советской интеллигенции охотно приняла метафору «Шариков» для обозначения «пролетария» (шире — «совка») и метафору «профессор Преображенский» для обозначения идеального «интеллигента». А студенты Гарвардского университета в США отвергли и обе эти метафоры, и этические нормы «интеллигенции».

Сильным манипулирующим воздействием обладают метафоры, которые воспринимаются не как аллегории, а как понятия, обозначающие вполне реальные сущности. Это явление гипостазирования рассматривалось в гл. 5. Осознание образованными людьми гипостазирования как дефекта их мышле-

---

¹ Авторы статьи объясняют это так: «Взгляды гарвардских студентов 80-х гг. демонстрировали не главное направление развития американского общества, а были лишь последними арьергардными стычками Великой американской революции 60-х». Но для нас здесь важнее, пожалуй, не социальные, а этические оценки, они не слишком изменились и к 2000 г. Студенты не считают Преображенского положительным героем и подчеркивают главный пафос повести — «принятие роли Бога человеком», точнее, человеком с элитарным мышлением.

ния затрудняется кажущимся парадоксом: именно крайне рационалистический тип мышления, давший человеку главный метод науки, при выходе за стены лаборатории может послужить средством разрушения логики (рациональности). Крупный современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т. е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям — худший враг логического мышления».

Вот видный деятель пишет в 1990 г. о необходимости «реально оценить наш рубль, его покупательную способность на сегодняшний день». Предлагаемый им метод абсурден (хотя многие его принимали тогда за разумный): «Если за него (рубль) дают 5 центов в Нью-Йорке, значит он и стоит 5 центов. Другого пути нет, ведь должен же быть какой-то реальный критерий».

Рассуждение этого деятеля иррационально. Почему «другого пути нет», кроме как попытаться продать рублевую бумажку в Нью-Йорке? Только потому, что этот деятель придает реальный смысл своей утопической вере в то, что доллар есть абсолютный вселенский измеритель стоимости. Но кому был нужен рубль в Нью-Йорке в те времена? А реальная ценность рубля на той территории, где он выполнял функции денег, была известна — 20 поездок на метро. Это и есть реальный критерий, которого люди не хотели видеть.

То есть рубль был в СССР эквивалентом жестко определяемых, осязаемых ценностей — количества стройматериалов, энергии, машин, рабочей силы и других реальных средств, достаточного чтобы построить и содержать «частицу» московского метро, «производящую» 20 поездок. В Нью-Йорке потребная для обеспечения такого числа поездок сумма ресурсов стоила 30 долларов.

Гипостазирование и расщепление логики усиливаются, когда манипуляторам удается найти эстетически привлекательную метафору. Удачной стала метафора «деревянный рубль». Бывало, что человек на бензоколонке наполнял бак бензином за три рубля — и при этом проклинал наши «деревянные».

Наинтенсивное творчество метафор антисоветскими идеологами оппозиция во время перестройки не ответила практически ничем, кроме тяжеловесной ругани. Три сильные метафоры, направленные против демократов, были даны диссидентами самих

демократов. Это метафоры «Великая криминальная революция» С. Говорухина, «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию» А. Зиновьева и «Убийство часового» Э. Лимонова.

Но если разобраться, все они разоружают оппозицию, их внутренняя противоречивость — в пользу демократов. Возьмем афоризм Зиновьева: ведь он означает, что Россия и коммунизм — две разделенные сущности, так что можно целить в одно, а попасть в другое. Плохо, мол, прицелились, надо бы получше — и Россия осталась бы цела (на деле это все равно что сказать: целился в шинель, а попал в сердце).

А что значит «убийство часового»? Кто были часовые СССР? КПСС, армия, КГБ, Верховный Совет. Кто же из них убит? Члены Политбюро? Председатель КГБ Крючков? Депутаты Верховного Совета СССР? Пострадали миллионы трудящихся, которые этих часовых содержали и на них надеялись. Да, кое-кого из часовых обезоружили, подкупили, кое-кому дали пинка под зад. Но никто их не убивал — не было необходимости. Речь идет о сговоре, халатности или беспомощности часового. Причины этого надо понять, но метафора на это не ориентирует, и играет на руку манипуляторам.

Манипулятивная сила метафор определяется, с одной стороны, их эстетической привлекательностью и кажущейся эвристической ценностью (способностью объяснить сложное явление через знакомую аналогию) — при том, что в действительности предлагаемая аналогия не обладает достаточным подобием и приводит к ложному умозаключению, которое как раз и желательно манипулятору.

Разберем в качестве учебного примера одну сложную метафору.

Метафора колонизации России. Нередко в среде оппозиции говорится, что происходит «превращение России в колониальный придаток» или даже в «колонию Запада». Это, кстати, несовместимо с другой моделью объяснения процесса реформ как «реставрации капитализма». Захватывая колонии, Запад первым делом уничтожал в них ростки капитализма и создавал совершенно особый тип хозяйства — колониальную экономику. Это весьма сложный тип взаимоотношений, при котором возникают анклавы капитализма как небольшие «очаги метрополии», а капиталистическая эксплуатация большинства местного населения осуществляется без создания капиталистического производства.

В чем же суть колонии? Прежде всего в том, что европейцы приезжали на новые земли, оттесняли туземцев с части территории и начинали вести свое хозяйство. Так, в Америке католики (испанцы и португальцы) ужились с индейцами, многому у них научились, обратили их в христианство, открыли университеты и академии наук. Какой продукт везли в Европу из колоний? Продукт хозяйства колонистов — их плантаций и шахт, мясо скота, выращенного испанцами-гаучо. Колонисты почти не меняли уклад жизни индейских деревень-общин. Для работы на плантациях и в шахтах даже привозили с собой рабов — тоже колонистов!

Протестанты (англичане и голландцы) с индейцами оказались несовместимы и их уничтожили или собрали в резервации, но тоже почти не изменили их жизнь. В Америку из Европы приехали труженики — крестьяне, ремесленники и выпускники университетов. Они распахали прерии, построили шахты и заводы, они же стали бороться против колониальной зависимости (как и креолы в Латинской Америке). И в США первые колонизаторы чуть ли не первым делом создали прекрасные университеты, поощряли науку и ремесла.

В Африке и Азии колонисты ужились с туземцами на началах более или менее жесткого апартеида, но главное повторилось: в метрополию ввозился продукт хозяйства, созданного именно колонистами, а не пальмовое вино и не тыквы африканцев. В Алжире половина пахотной земли была отдана французским крестьянам, и они своими руками ее возделывали, снабжая Европу зерном, вином и фруктами. А в колонию из метрополии ввозился капитал для строительства шахт и плантаций. В Африке и Азии возникла туземная буржуазия — но не в производстве (а значит, не в продаже продукта в метрополию), а исключительно в торговле, занятой ввозом товаров из Европы. Это и были компрადоры, то есть покупатели. Они снабжали этими товарами самих же колонистов и туземную элиту, которая служила колонизаторам. Массы туземцев этими товарами не пользовались. Поэтому компрадоры были полностью включены в жизнь самих колонизаторов, были частью их мира. Если в колонии возникали очаги современного производства со своей буржуазией (эти очаги колонизаторы старались уничтожить), то эта буржуазия никак не была компрадорской, она продавала свой продукт.

Есть ли признаки этого порядка в России? Нет, система совсем другая. На Запад вывозят продукт российских отечественных предприятий — нефть, титан и алюминий, вертолеты. Здесь не видно колонистов, тружеников с Запада, которые бы поливали землю России своим потом, привозили сюда свои знания, умения и инструменты. Запад не ввозит в Россию капиталы — наоборот, огромные деньги вывозятся из России и работают на экономику Запада. И наконец, кто такие российские компрадоры? Основная их масса — это бедолаги, которые живут в трудящейся массе и продают ей дешевые китайские куртки.

У России нет главных признаков колонии. Если бы она стала колонией, скажем, США, то появилась бы масса колонистов-американцев, которые трудились бы, строили свои заводы и университеты. И они быстро соединились бы с русскими и стали бороться против колониальной зависимости. В России же происходит нечто другое. Было ли в колониях что-то похожее на то, что происходит здесь сегодня? Да, и надо присмотреться к таким случаям.

Вот, Куба была колонией Испании, освободилась в 1898 г. и впустила «друзей» из США. Сразу была ликвидирована сильная кубинская наука, экономика переориентирована на США и разорена искусственными колебаниями цен на сахар. Из Кубы стали высасывать все соки, посадили президентом кровавого диктатора — и так вплоть до 1959 г. При этом Куба после 1898 г., конечно же, не была колонией. Эта метафора была бы для нее ложной.

Но главный урок дал Китай. В середине XIX в., когда туда начали проникать европейцы, Китай был самой крупной по масштабам экономикой мира. Запад опутал ее банками и займами и тоже стал «высасывать». В начале XX в., когда в Китае наконец-то возродился национализм, интеллигенция, используя «устоявшееся понятие», стала убеждать народ, что Китай становится колонией Запада. И лидер освободительного движения Сун Ят-сен вынужден был приложить очень большие усилия, чтобы доказать интеллигенции, а потом и широким массам, что это — страшное заблуждение. Что привычное понятие «колония» есть не более чем метафора. И эта метафора принципиально искажает реальность и заводит борьбу в тупик. Отношения Запада с Китаем представляли собой совершенно иной тип паразитизма, который вел к полной, в

буквальном смысле слова, гибели всей китайской нации. Китай от Запада спасла революция, затем жестокая японская оккупация, а уже потом — война сопротивления и победа коммунистов. Сун Ят-сену тоже говорили: зачем вы воюете с устоявшимися понятиями, людей смущаете. Он посчитал, что «освободить сознание» от ложных метафор необходимо.

§ 5. Манипуляция понятиями и категориями

Понятие «свобода»

Ницше писал: «Больные лихорадкой видят лишь призраки вещей, а те, у кого нормальная температура, — лишь тени вещей; при этом те и другие нуждаются в одинаковых словах». Когда людей готовят к большой программе манипуляции, снимая их психологическую защиту и усиливая внушаемость, то тем самым у них «повышают температуру». Они, услышав те же самые слова, что и раньше, видят только призраки вещей и явлений. И призраки эти незаметно создаются манипулятором.

В это время спасение каждого в том, чтобы не верить призраку и добиться ясного смысла слов. Но времени на это не хватает. Манипуляторы фабрикуют и вбрасывают в общественное сознание огромный поток ложных понятий, смысл которых установить невозможно.

Уже Ле Бон заметил, что эффективнее всего в манипуляции сознанием действуют слова, которые не имеют определенного смысла, которые можно трактовать и так, и эдак. К таким словам он отнес слова «свобода», «демократия», «справедливость» и т. п. Это самые боевые слова в идеологических программах. Вспомним, как было использовано одно из наиболее важных в манипуляции понятий — *свобода*.

Понятие свободы — одно из ключевых в ядре культуры каждого общества. Оно соединяет все уровни человеческого существа и его отношений с миром и другим человеком. Поэтому трактовка свободы играет важную роль в легитимации (или подрыве легитимности) политического порядка и общественного строя в целом. По этой причине внушение определенного понимания свободы — важная задача в технологии манипуляции массовым сознанием.

Важный источник непонимания, которое возникло при манипуляции понятием свободы, был создан представлением категории свободы как общечеловеческой, не зависящей от времени и пространства, от культуры и исторических условий.

На самом же деле трудно назвать другое понятие, столь изменчивое и зыбкое, как свобода. Можно сказать, что без четкого изложения ее профиля, без дотошного перечисления ее признаков вообще нельзя даже грубо представить себе, что подразумевает под этим словом та или иная социальная группа.

Вот пример, сколь различны были представления о свободе в одной и той же культуре почти в одно и то же время. Парижане, штурмуя Бастилию, были уверены, что идут на этот штурм во имя свободы. А немного времени спустя де Токвиль, изучая эту революцию, пишет, что в 1789–1794 гг. люди, «забыв о свободе, пожелали сделаться равными рабами».

Во время перестройки подавляющее большинство граждан было уверено, что переход от советского «тоталитаризма» к свободному обществу будет означать торжество социальной справедливости. Это ошибочное мнение создавалось СМИ, которые умалчивали о принципиальном положении неолиберализма. Фридрих фон Хайек писал в 1975 г.: «Попытка осуществить социальную справедливость несовместима с обществом свободных людей».

Как было сконструировано новое представление о свободе в идеологической программе перестройки? В общем, в культуре России довольно долго существовала оппозиция двух разных подходов к этому понятию. Либералы-западники (т. е. «поборники свободы») склонялись, хотя и с серьезными колебаниями, к формуле, выработанной в ходе Просвещения: человек свободен, поскольку он — индивидуум (т. е. «неделимый»). Он есть целостный, ни с кем не разделяемый мир. Он лишен оков всеобщей этики, которая в современном обществе заменена правом — «разрешено все, что не запрещено законом».

Эта формула свободы вытекает из картины мира, что сложилась в западной культуре в XVII–XVIII вв. Условием для такого понимания свободы была уверенность в открытости и бесконечности нашего мира и его ресурсов, в разделении субъекта и объекта (выведении человека за пределы Природы).

В России, общество которой относилось к категории традиционных, в ходе модернизации в начале XX в. проблема свободы была поставлена как проблема отношения человека к миру (или к Богу) — и к другому человеку. Достоевский и Толстой отвергали свободу западного либерализма. В чем же была суть конфликта? В том, что, согласно представлениям мыслителей традиционного общества, свобода, лишенная

оков «иррациональной» этики (Бога, любви и совести), разрушительна. При этом подавление этической ответственности означает и подавление свободы, сверхчеловек — тоже раб. Таким образом, речь идет о различном понимании диалектики свободы и ответственности в двух разных философско-религиозных системах.

Задача манипуляторов при подготовке людей к крупным общественным сдвигам заключалась прежде всего в том, чтобы увлечь людей в область аутистических представлений о свободе, которые несовместимы с реальным соотношением свободы и необходимости, свободы и ответственности. Чтобы снять тормоза ответственности и отключить выработанное культурой недоверие к разрушительным идеям, во время перестройки была проведена интенсивная кампания по созданию стыда или хотя бы неудобства за «рабскую душу России». В ход пошел и Чехов с его «выдавливанием раба по капле», и модный Фридрих фон Хайек с его «дорогой к рабству», и Э. Фромм со «страхом перед свободой».

В конструировании фальсифицированного понятия свободы использовали экстремистскую мысль неолиберала фон Хайека, что «для всех великих философов индивидуализма власть — абсолютное зло», и связали эту конструкцию со стереотипом антигосударственности. СМИ пропагандировали противоречащие здравому смыслу призывы фон Хайека не бояться идти ради свободы на жертвы и презирать защищенность. Он советовал: «И надо вновь вспомнить слова Бенджамина Франклина, выражающие кредо англосаксонских стран: «Те, кто в главном отказывается от свободы во имя временной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности».

Как мило слушать эти советы в России! Ведь это кредо сытого человека, привыкшего к безопасности за океаном. Это для него главное — свобода, это для него государство — абсолютное зло. А если у тебя ребенок плачет без хлеба? А если на тебя прет Гитлер, обещавший вообще стереть твой народ с лица земли? В том-то и дело, что либеральное понимание свободы в России могло привлечь лишь людей, лишившихся исторической памяти и о голоде, и о Хатыни.

Кампания была настолько мощно и разнообразно оркестрованной, что удалось достичь главного — отключить здравый смысл и логику в подходе к проблеме свободы. Не прихо-

дилось слышать, чтобы какой-то видный деятель обратился с простой и вообще-то очевидной мыслью: «Люди добрые, да как же можно не бояться свободы? Это так же глупо, как не бояться огня или взрыва».

Стоит только задуматься над понятием «страх перед свободой», как видны его возможности для манипуляции. Ведь человек перестал быть животным (создал культуру) именно через постоянное и непрерывное создание «несвобод» — наложение рамок и ограничений на дикость. Что такое язык? Это введение норм и правил сначала в рычание и визг, а потом и в членораздельную речь и письмо. Ах, ты не желаешь презреть оковы просвещения? Ты требуешь соблюдать правила грамматики? Значит, ты раб в душе, враг свободы.

Только через огромную и разнообразную систему несвобод мы приобрели и сохраняем те свободы, которые так ценим. В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги, — а червяк не может».

Представим невозможное — что вдруг исчезло организованное общество и государство, весь его «механизм принуждения», сбылась либеральная утопия «свободного индивида». Произошел взрыв человеческого материала — более полное освобождение, чем при взрыве тротила (индивидуум — это атом, а при взрыве тротила все же остаются не свободные атомы, а молекулы углекислого газа, воды, окислов азота). Какую картину мы увидели бы, когда упали бы все цепи угнетения — семьи, службы, государства? Мы увидели бы нечто пострашнее, чем борьба за существование в джунглях — у животных, в отличие от человека, не подавлены и не заменены культурой инстинкты подчинения и солидарности. Полная остановка организованной коллективной деятельности сразу привела бы к острой нехватке жизненных ресурсов и массовым попыткам завладеть ими с помощью грубой силы.

Короткий период неорганизованного насилия заставил бы людей вновь соединяться и подчиняться угнетающей дисциплине — жертвовать своей свободой. Одни — ради того,

чтобы успешнее грабить, другие — чтобы защищаться. Первые объединились бы гораздо быстрее и эффективнее, это известно из всего опыта. Для большинства надолго установился бы режим угнетения, эксплуатации и насилия со стороны «сильного» меньшинства.

Эта картина разрушения государства, «взрыва свободы», дана как абстракция. На деле в СССР в конце 80-х гг. после искусственного подавления «страха перед свободой» была создана обстановка, в которой многие черты этой абстракции были воплощены в жизнь. Уже в 1986 г. прошла серия структурно схожих катастроф, вызванных освобождением от «технологической дисциплины». Мы потрясены Чернобылем и не заметили множества малых аварий и катастроф, удивительно схожих по своей природе с чернобыльской. Независимо от типа технологии — на заводе, в шахте или на транспорте — эти аварии по своему типу были принципиально родственны.

В 1988 г. «новое мышление» дало свободу от норм международного общежития — потекла кровь на Кавказе. Через год была разрушена финансовая система, а затем и потребительский рынок — всего лишь небольшим актом освобождения (были сняты запреты на перевод безналичных денег в наличные, а также на внешнюю торговлю).

Что было дальше, хорошо известно: распад государства и производственной системы, появление огромного количества свободных людей (мелких торговцев, шатающихся по всему миру жуликов, проституток, бомжей и беспризорников). А также взрастание многомиллионного, почти узаконенного свободной моралью преступного мира, который изымает и перераспределяет жизненные блага хищением и насилием. Свободные от закона и морали чиновники и предприниматели могут теперь не платить зарплату работникам — об этом всего лишь несколько лет назад даже помыслить никто не мог, такой прогноз приняли бы за бред сумасшедшего.

Подавив средствами манипуляции сознанием «страх перед свободой», идеологи смены общественного строя соблазнили людей жизнью без запретов — так же, как средневековый крысолов в отместку городу, где ему не выдали обещанного золота, сманил своей дудочкой и увел всех детей этого города. Его дудочка пела: «Пойдемте туда, где не будет взрослых с их запретами».

Так общество погрузилось в тяжелый кризис. И трудность его преодоления не в хитрости или жестокости политиков, а в том, что соблазн свободой манипуляторы сумели внедрить глубоко в подсознание больших масс людей, особенно молодежи. Значительная часть их перестала быть гражданами и составлять общество. Перед нами большой эксперимент по «толпообразованию» — без физического контакта людей.

В массовом сознании стал слишком силен компонент «мышления толпы», и подверженные ему люди уже не хотят возвращаться на заводы и за парты. Они очарованы свободой, даже если она несовместима с жизнью. Их не увлекает никакой проект жизнеустройства, их манит дудочка тех, кто обещает снятие запретов права и морали, устранение самих понятий долга и греха.

Вот первый вывод: в основании всей антисоветской концепции свободы, которая вызвала всплеск антиэтатизма (антигосударственного чувства) лежала ложная посылка о свободе как отрицании норм и запретов, бывших якобы порождением тоталитарного строя. Вместо диалога о «выборе несвобод» людям внушили разрушительную мысль о ликвидации норм и запретов. Между тем только через огромную и разнообразную систему несвобод мы приобрели и сохраняем те свободы, которые так ценим.

Отказ от обсуждения тех ограничений и «несвобод», которые придут на смену советским ограничениям и несвободам при победе демократии Ельцина, выдает манипулятивный характер кампании. Ведь даже в связи с совершенно конкретными утверждениями наших демократов были сделаны предупреждения виднейшими западными философами и политиками.

Например, одним из главных пунктов в антисоветском проекте было признание безработицы. Но один из самых авторитетных идеологов «социально ориентированного капитализма» премьер-министр Швеции У. Пальме в книге «Шведская модель» специально обсуждал роль безработицы как самого мощного средства сокращения свободы человека. Он говорил: «Бедность — это цепи для человека. Сегодня подавляющее большинство людей считает, что свобода от нищеты и голода гораздо важнее многих других прав. Свобода предполагает чувство уверенности. Страх перед будущим, перед насущными экономическими проблемами, перед болезнями и безработицей превращает свободу в бессмысленную абстракцию».

Еще более общим требованием во время перестройки был переход к экономической свободе, «свободе рынка». На этот счет высказался К. Поппер, либеральный философ открытого общества. В своей главной книге «Открытое общество и его враги» он писал: «Неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода... Дело в том, что тот, кто обладает излишком пищи, может заставить тех, кто голодает, “свободно” принять рабство, не используя при этом никакого насилия». Лидер германских социал-демократов О. Лафонтен сказал проще: «Там, где свобода рынка становится самоцелью, там ограничивается свобода человека» («Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире». М., 1990. С. 155).

В общем, можно считать, что все рассуждения идеологов перестройки о свободе были построены на методологическом подлоге — саму категорию свободы они представили широкой публике ложно. Убеждая людей отказаться от космического чувства и принять философию индивидуализма, идеологи постепенно внушили значительной части интеллигенции ошибочную мысль, будто «свобода по фон Хайеку» означает раскрепощение личности, возможность ее самовыражения.

Вся идеологическая кампания, направленная на то, чтобы убедить граждан, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека, основана на сокрытии важного вывода социологии и философии. Тезис о связи капитализма с демократией отвергнут не только марксизмом, но и либеральными мыслителями. Сама мысль эта кажется странной потому, что не только практика Запада, отраженная, например, в литературе и кино, не дает никаких оснований для такой иллюзии, но и самые крупные социологи Запада (прежде всего М. Вебер, а в наше время Э. Фромм и М. Фуко) доходчиво доказывали, что это именно не так и объясняли, почему это не может быть так.

Наши нынешние либералы-утописты считают, что, отказываясь от идеала равенства, они утверждают идеал свободы. При этом они и малого усилия не хотят сделать, чтобы выяснить, а что же означает свобода в наших конкретных условиях. Перед их глазами разыгрывается драма: наделение меньшинства свободой разворовать общенародное достояние оборачивается лишением самых фундаментальных свобод подавляющего большинства граждан. Но многие просто не видят этой драмы.

Частная собственность

Подготовка к манипуляции состоит не только в том, чтобы разрушить какие-то представления, но и в том, чтобы *создать*, построить новые идеи, желания, цели. Это часто бывают временные, «служебные» постройки, главная их задача — вызвать сумбур в мыслях, сделать их нелогичными и бессвязными, заставить человека усомниться в устойчивых жизненных истинах. Превращение ложных представлений в стереотип делает человека беззащитным против манипуляции.

Одной из таких конструкций был запущенный в конце 80-х гг. миф о благотворности *частной собственности*, который внедрялся в массовое сознание параллельно с вытеснением прежних установок.

Сначала была проведена интенсивная идеологическая кампания, внушающая мысль, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека. Вот, например, что пишет в 1990 г. видный философ-правовед В.С. Нерсесянц: «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гарантии»¹.

Утверждение, будто без частной собственности *все* (!) права человека лишаются своей полноты и вообще фундамента, противоречит здравому смыслу. Появление частной собственности вовсе не создает прав и свобод, а лишь изменяет их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности, то есть присвоение средств производства частью общества, утверждает свободу контракта, но тем самым лишает человека права на пищу, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав.

При общинно-родовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если

---

¹ В контексте всей статьи понятие «индивидуальная собственность» является типичным эвфемизмом — заменой понятия «частная собственность», которое в 1990 г. еще слишком резало слух и затрудняло присоединение аудитории. Само использование подобных эвфемизмов — признак манипуляции.

он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу. Свобода контракта означает, что работник выносит свою рабочую силу на рынок, и она может быть не востребована, как и любой товар. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедры политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Эта кампания по пропаганде частной собственности как гаранта свободы была основана на сокрытии важного вывода социологии и философии — тезис о связи капитализма с демократией был отвергнут не только марксизмом, но и либеральными мыслителями. Вот что пишет в 1906 г. М. Вебер, крупнейший социолог, изучавший связь капитализма с культурой: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке... избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)».

Вебер подчеркивает, что капитализм начала XX в. уже не был связан со «свободой» «в каком бы то ни было смысле слова» — даже с экономической свободой, свободой контракта. В этом отношении зрелый монополистический капитализм настолько сросся с государственной бюрократией, что в нем уже не было и следа того «духа свободы», который имелся у юной буржуазии, идущей к власти, в период «свободной конкуренции».

Этот вывод Вебера повторяется в самых разных вариантах постоянно. Американский социолог Б. Гинзберг, автор исследования способов мобилизации общественного мнения властями США, пишет:

«Западные правительства использовали механизмы рынка, чтобы управлять устремлениями и чувствами народных масс... Хотя граждане западного мира имеют обыкновение связывать рынок со свободой мнений, невидимая рука рынка может быть инструментом контроля почти столь же мощным, как и железный кулак государства».

Тезис о том, что частная собственность и рынок якобы порождают демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Утверждать о наличии причинно-следственной связи между капитализмом, демократией и правами человека стало просто неприлично после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм — порождение именно капитализма и присущего ему общества, в ином обществе он и возникнуть не мог. Фашистское государство в Германии сформировалось, по словам первого вице-канцлера Германии Папена, «пройдя до конца по пути демократизации» Веймарской республики. То есть в условиях крайнего кризиса гражданское общество с помощью присущих ему демократических механизмов породило фашистское государство.

Философ Хоркхаймер сказал о фашизме: «Тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник, буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения». А вот что пишет об этом Г. Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм “вынул” из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития». Поразительно, как тезис о частной собственности как источнике свобод мог быть внедрен в массовое сознание, когда перед глазами был пример Пиночета, который провел в Чили примерно ту же реформу, что и Чубайс в России.

Создание мифа об «освободительной» роли частной собственности сопровождалось фабрикацией черного мифа об общественной собственности, как якобы возникающей с помощью авторитарной власти и насилия. В.С. Нерсесянц пишет:

«Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и неправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т. д.»

Почему же национализация — неправовой акт? А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать одному комсомольскому работнику машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Но пусть даже национализация в 1918 г. и была «неправовой» (точнее, следовала революционному праву). Разве это — особенность именно русской революции? Крупнейший экономист Запада XX в. Д.-М. Кейнс писал в 1922 г.: «В природе революций, войн и голода уничтожать закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов». Но главное даже не правовая сторона дела, а тот факт, что национализация промышленности в России — всего лишь краткий исторический миг в истории советского хозяйства, да и национализированы в 1918 г. были парализованные и заброшенные предприятия. Ее главной причиной была именно остановка производства владельцами предприятий, что грозило рабочим голодной смертью. Именно владельцы нарушили свои обязанности, которые явно или неявно предусмотрены «общественным договором», каковым и является частная собственность на средства производства. В 1954 г. были опубликованы исключительно важные для данной темы материалы — большой сборник — том в 824 страницы («Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917–1920 гг.». М.: Политиздат, 1954). Его полезно прочитать внимательно, каждый документ, о каждом конкретном случае.

Но 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельностью в последующий за национализацией период. Согласно промышленной переписи, на 31 августа 1918 г. было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разорено во время гражданской войны и потом восстановлено уже советским государством. Но за годы первой, второй и частично третьей пятилеток до начала Великой Отечественной войны было построено 9 тыс. крупных предприятий.

Разрушенные во время Отечественной войны предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, и крупницы когда-то национализированной собственности в ней полностью растворились. Таким образом, почти вся наша общенародная собственность была создана не посредством «национализации и конфискации», а путем строительства. А теперь философы говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! Это и есть злонамеренное разрушение логики. На ка-

ком основании предлагается считать внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство Братской ГЭС, ВАЗа или московского метро? Без всякого основания — все это чистая манипуляция.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ В.С. Нерсисянц по контрасту утверждает, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Это — примитивный стереотип, рассчитанный на то, что у людей подорвана память.

Не будем упоминать такую частную собственность, как 9 млн африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывала лишь небольшая часть погруженных в трюмы африканцев). По данным авторитетного историка Ф. Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, изъятыми в одной только Индии.

Исторически именно учреждение частной собственности сопровождалось самой крупной экспроприацией — сгоном крестьян и захватом общинных земель. Вспомним хотя бы насильственные «огораживания» в Англии во время буржуазной революции. Историк крестьянства В.П. Данилов напомнил опыт создания крупной частной собственности при приватизации земли в Англии: «Не нужно забывать, как решались социальные проблемы при огораживаниях, о работных домах для выбрасываемых из деревни, о том, что в каждом поселке стояла либо виселица, либо чурбак с топором, где рубили головы тем, кто не согласен с огораживанием».

А когда европейский капитализм экспортировался в колонии, приватизация земли в США привела просто к уничтожению местного населения, а в Северной Африке у арабов была отнята и передана в собственность колонистам ровно половина исключительно плодородных земель. Тут мы видим именно «внеэкономические и внеправовые средства — экспроприацию, конфискацию, принудительный режим труда».

Понятно, что философ этого «не помнит» и делает упор на национализацию промышленности в России в 1918 г. Уже в самом перечислении «внеэкономических и внеправовых средств», которое дает В.С. Нерсисянц, видна манипуляция. Почему, например, «общеобязательный план», утверждает-

мый законом — внеправовое средство, а общеобязательные правила дорожного движения — правовое? Почему наказание за прогул («принудительный режим труда» в СССР) был внеправовым действием, а в частной американской фирме — правовым? Непонятно, почему надо считать «внеправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом? Вообще, после «создания частной собственности» в России «по Чубайсу» лучше бы философам правовые проблемы не поднимать.

Во время перестройки внушалась еще и мысль, будто общенародной собственности в СССР не существует, ее захватило государство, так что общенародной собственностью называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» — бюрократия, номенклатура. Идея схоластична (хотя нередко именно самые схоластичные доктринальные идеи имеют большой успех в манипуляция сознанием).

Бюрократия в СССР представляла собой социальную группу работников управления и никакими признаками класса-собственника не обладала. Так же, как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления, но вовсе не является собственником капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно общенародной, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уравниловка». В виде бесплатных благ и через низкие цены граждане на уравнилельной основе получали свои *дивиденды* с принадлежащей им части общенародной собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства, они имели реальное *право на труд*. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

В статье, написанной в 1989 г., В.С. Нерсесянц своими манипуляциями с понятием собственности выполняет чисто политическую задачу — готовит читателя к грядущей приватизации. Уж она-то, мол, даст гарантии прав и свобод каждому человеку: «Необходимо освободить социалистическую собственность от абстрактно-всеобщей, “ничейной”, государственной формы... и трансформировать ее в индивидуализированную собственность всех членов общества». Как была трансформирована собственность «всех членов общества» в ходе приватизации 1992–1994 гг. в Российской Федерации, все хорошо помнят.

В противоположность общественной собственности, которая якобы создается путем экспроприации, частную собст-

венность стали представлять как порождение естественного права. Придание чисто социальному феномену собственности статуса «естественного», то есть природного, внесоциального является очевидной манипуляцией. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида (исходный элемент этой собственности — собственность индивида на свое тело). Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века.

А только в цивилизованном состоянии человечество живет уже 20 тыс. лет — двести веков! Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, то есть сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живущий племенами, лишь координировал разумное использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это — исторически обусловленная часть культуры, продукт общественных отношений. Возник этот продукт в определенных условиях, побыл в культуре и исчезнет.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства Хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте — типичная биологизация культуры, отрывка социалдарвинизма. Что же касается этого чувства как порождения культуры, то вовсе не советская власть его ограничила в России, а православие. Виднейший русский православный философ С. Булгаков пишет в книге «Христианский социализм»: «Именно это-то чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны, и осуждается бесповоротно христианством, как коренным образом противоречащее основной заповеди любви».

Там же он писал: «Православие не стоит на страже частной собственности как таковой, даже в той степени, в какой это еще делает католическая церковь, видящая в ней установление естественного права».

Манипулятивный характер мифа о собственности был доведен до гротеска введением в него священной компоненты. Популярный и влиятельный во время перестройки публицист

В. Селюнин в газете «Известия» (1992) в статье с многообещающим названием «А будет все равно по-нашему», так излагал символ новой веры:

«Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность... Это только по вшивым партийным учебникам там, за бугром, всем владеют в основном Форды да Дюпоны. А в действительности акции, к примеру, корпорации “Дженерал моторс” имеет около миллиона человек».

Это высказывание может служить для нас хорошим учебным материалом. Прежде всего, В. Селюнин делает важную оговорку ради захвата и присоединения аудитории, в сознании которой, как известно, были сильны уравнилельные представления. Он не людей призывает в общество, разделенное на собственников и пролетариев, а рисует образ чуть ли не уравнилельного распределения собственности. Нет, теперь при капитализме не Форды да Дюпоны всем владеют — «акции “Дженерал моторс” имеет около миллиона человек»!

В этом образе применена манипуляция мерой. Да, при частной собственности Форды да Дюпоны не всем владеют, никто этого никогда и не утверждал, это было бы глупо. Вопрос в том, какова степень неравенства в распределении собственности. Здесь — умолчание.

Вот сводка из газеты «Нью-Йорк Таймс» от 17 апреля 1995 г.: 40 % всех богатств в США принадлежат 1 % населения. Доля в доходе как богатой, так и бедной части населения США сохраняется с точностью до десятой доля процента с 1950 г. (сводка U.S. Bureau of Census приведена в журнале «США: экономика, политика, идеология» № 10, 1994). В учебнике С. Фишера, Р. Дорнбуша, и Р. Шмалензи «Экономика» (М., 1993) говорится: «Наиболее богатые 0,05 % американских семей владеют 35 % всей величины личного имущества, в то время как имущество “нижних” 90 % домашних хозяйств составляет лишь 30 % его совокупной величины».

Такова реальность. Говоря о том, что в США миллионы работяг владеют акциями, В. Селюнин, не прибегая к прямой лжи, внушает мысль, что в условиях господства частной собственности большинство граждан получает существенный доход от собственности. Здесь — умолчание о реальной доле

этого дохода в общих доходах населения США. Данные эти вполне доступны и противоречат всему контексту сообщения В. Селюнина.

Вот энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Америки» (1988). Читаем на с. 223: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от капитала составила около 15 %». Главный источник доходов от капитала теперь не дивиденды от акций, а проценты от вкладов. Акции же важны для управления предприятиями, но для этого важны не распыленные среди «работяг» акции, а пакеты акций.

А много ли рабочие и служащие США получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов от капитала в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2–4 %» (с. 222).

Итак, весь доход на капитал у трудящихся составляет 2–4 % всех семейных доходов, а в нем 15 % от акций, то есть для среднего трудящегося человека в США акции дают 0,003–0,006 его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазнили людей на приватизацию, на потрясение всей экономической системы страны!

Но главное — ложность самих понятий, данных В. Селюниным как непререкаемый постулат. Частная собственность — самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность! Но ведь это нелепо. Не существует абсолютных общечеловеческих ценностей, ибо ценности — часть культуры и являются исторически обусловленными. Они всегда относительны и всегда признаются именно в данной культуре. Там частная собственность — ценность, а где-то к ней равнодушны.

Относительны ценности и во времени. Частная собственность возникла недавно, существует она лишь в течение 0,05 % времени, которое прожила человеческая цивилизация — как же она может быть общечеловеческой ценностью? Люди, не знавшие частной собственности — не люди? Расчет манипулятора при использовании таких лобовых приемов на то, что человек не успевает встроить энергичное утверждение в реальный культурный и исторический контекст.

Ну, В. Селюнин — газетчик, хотя и из экономистов. А вот А.Н. Яковлев — академик АН СССР, а потом РАН, бывший начальник всей идеологической машины КПСС. Перед выборами 1996 г. он подкреплял в «Российской газете» этот новый

миф-стереотип: «Нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности».

В этом мифе главное — идея *священности* частной собственности. Очевидно, что само понятие «священный» является иррациональным, тут говорить не о чем, это именно символ веры. Для одних священно одно, для других — другое, и логикой тут не возьмешь. Поэтому само предложение академика узаконить священность является полной нелепостью в светском государстве, где право является рациональным, а не религиозным. На этом основании из Конституции РФ исключили положение о том, что защита Отечества есть священный долг гражданина, а о собственности рекомендуют вставить. Вот тебе и демократия да свобода совести!

Известно, что частная собственность — это не зубная щетка, не дача и не «мерседес». Это — средства производства. Тот, кто их не имеет, вынужден идти в работники к владельцу средств производства и своим трудом производить для него доход. «Из людей добывают деньги, как из скота сало», — гласит пословица американских пуритан, носителей самого чистого духа капитализма. Единственный смысл частной собственности — извлечение дохода из людей.

Где же и когда средство извлечения дохода приобретало статус святыни? Если бы этот проект сакрализации частной собственности предлагался всерьез, а не был манипуляцией сознанием сбитых с толку людей, то его идеологи, пропагандисты и тем более ученые были бы обязаны указать источник святости и ту инстанцию, которая компетентна подтвердить священный характер собственности как общественных отношений. Ясно, что источником святости не может быть ни закон, принятый голосованием в Государственной думе, ни декрет Ельцина или Путина. А инстанцией, подтверждающей святость, не может быть ни администрация Президента, ни ренегат марксизма-ленинизма вроде А.Н. Яковлева. С появлением религии как формы общественного сознания формально присваивать титул священного может лишь Церковь.

Вопрос о статусе средств извлечения дохода поднимался во всех мировых религиях, и все они наложили запрет на поклонение им как идолу (золотому тельцу, Мамоне). В период возникновения рыночной экономики лишь среди кальвинистов были радикальные секты, которые ставили вопрос о том, что частная собственность священна. Но их преследовали даже в Англии. Ко-

гда же этот вопрос снова встал в США, куда отплыли эти радикалы, то даже отцы-основатели США не пошли на такое создание идола, а утвердили: частная собственность — предмет общественного договора. Она не священна, а рациональна. О ней надо договариваться и ограничивать ее человеческим законом.

И вот, в России, среди культур, выросших из православия, ислама, иудаизма и марксизма, вдруг, как из пещеры, появляется академик по отделению экономики и закликает: священна! священна! Этот манипулятивный призыв к идолопоклонству чреват риском значительного регресса в духовной сфере — и в рациональном мышлении, и в религиозном сознании.

Что попытка в конце XX в. в России придать частной собственности статус священного явления является радикально антиправославной — совершенно очевидно. В православии отношение к поклонению частной собственности четко определено как идолопоклонство. Выше приведено высказывание С. Булгакова, но оно вовсе не является результатом поисков обновления православной доктрины. Напротив, оно лишь подтверждает канонические установки отцов Церкви, от которых православие не уклонялось — несмотря на расхождения с Западной церковью, оно осталось ортодоксальным христианством.

Хотя православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример поучения преподобного Симеона Нового Богослова (949–1022), переведенный архиепископом Василием (Кривошеиным)¹.

Вот что говорит преподобный Симеон в Девятом «Огласительном слове»:

«Существующие в мире деньги и имена являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для

---

¹ Перевод этот впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38–39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, используется понятие «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти, кажущиеся современными нам термины являются наиболее адекватными.

пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградями и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было...

Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать».

Если бы попытка сакрализации частной собственности не была смелой акцией по манипуляции сознанием, то А.Н. Яковлев и его пропагандисты обязаны были бы указать на явный и авторитетный поворот православия к отказу от этих установок. Например, на решение важного церковного собора. Этого они сделать не могут, потому что такого поворота не произошло. Напротив, последние высказывания Церкви по этой проблеме не дают никаких оснований для сакрализации частной собственности. В 2001 г. Московский патриархат и Святейший синод Русской православной церкви опубликовал «Основы социальной концепции Русской православной церкви». В ней есть раздел VII «Собственность».

В условиях идеологического накала, сопровождающего рыночную реформу в России, Церковь применяет очень взвешенные формулировки, но и они не оставляют места для самой постановки вопроса о сакрализации. Вот главные

утверждения: «Под собственностью принято понимать общественно признанную форму отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам». Общественно принятая форма — совершенно иной признак легитимности отношений, нежели Откровение свыше, придающее данным отношениям священный характер. Церковь такой функции на себя не берет, в Концепции сказано и выделено: «Церковь не определяет права людей на собственность... По учению Церкви, люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими». А уж как в тот или иной исторический период люди определяют общественно принятые формы собственности — это их чисто земные дела. Перечисляя известные формы собственности, Концепция так устанавливает позицию русского православия:

«Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм».

Надо заметить, насколько рассуждение Церкви более разумно, исторично и даже логично, чем рассуждения иных докторов наук и даже действительных членов РАН.

Можно, конечно, предположить, что рыночники-западники ориентируются не на православие, а на другую большую ветвь христианства — католичество. Но их отношение к собственности идет вразрез с католической доктриной. В конце XIX в. Ватикан стал активно выступать по вопросам социальной политики, и Папа Лев XIII выпустил энциклику *Rerum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II издал энциклику *Centesimus Annus*. В ней он, в частности, говорит о собственности на землю:

«Бог дал землю всему человеческому роду, чтобы она кормила всех своих обитателей, не исключая никого из них и не давая никому из них привилегий. Здесь первый корень всеобщего предназначения земных вещей».

Совершенно очевидно, что частная собственность на землю дает привилегии собственникам и исключает из числа питающихся очень многих. Далее в своей энциклике Папа Римский налагает на право всякой частной собственности сугубо социальные ограничения:

«Собственность на средства производства, как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, является справедливой и законной, когда используется для полезной работы; но является незаконной, когда используется для... получения прибыли... для своего накопления, для незаконной эксплуатации, для спекуляции и подрыва солидарности в трудовой среде».

Тут не только ни о каком священном характере и речи нет — сама законность частной собственности в ее реальном воплощении («накопление, эксплуатация, спекуляция и подрыв солидарности в трудовой среде») ставится под вопрос.

Остается лишь добавить, что еще менее, нежели религия, для освящения частной собственности может быть в России привлечена народная традиция, предание. Это, впрочем, ни в какой культуре было бы невозможно именно вследствие молодости буржуазного общества, но в России — особенно. Сам же А.Н. Яковлев с горечью признает: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности...» Ну, не было, так и говорить не о чем, какое уж тут предание.

Если уж говорить о традициях и здравом смысле, то лучше вспомнить трезвое суждение М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность священна! Наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!»

§ 6. Стереотипы

Одним из главных «материалов», с которым орудует манипулятор, являются социальные стереотипы. Метафоры — это готовые штампы мышления, но штампы эстетически привлекательные. Это — выраженные художественно стереотипы.

В словарях сказано:

«Социальный стереотип — устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации. Сквозь призму стереотипов воспринимаются реальные предметы, отношения, события, действующие лица. Стереотипы — неотъемлемые компоненты индивидуаль-

ного и массового сознания. Благодаря им происходит необходимое сокращение восприятия и иных информационных и идеологических процессов в сознании...»

Есть и такое определение: стереотип — «распространенные с помощью языка или образа в определенных социальных группах устойчивые представления о фактах действительности, приводящие к весьма упрощенным и преувеличенным оценкам и суждениям со стороны индивидов» (Л. Войтасик). Как говорят, стереотип — это клеймо, которое общественное мнение ставит на тех или иных людей, явления, социальные группы и т. д. Это «истина», которая не нуждается в доказательстве. Клеймо могут ставить СМИ, органы государственной власти, политики, «общественное мнение» и т. д. В социологии даже есть теория (*labellig theory*). Она описывает процессы выработки и «приклеивания» ярлыков к личностям или группам.

Обычно стереотипы включают в себя эмоциональное отношение человека к каким-то объектам и явлениям, так что при их выработке речь идет не только об информации и мышлении, а о сложном социально-психологическом процессе.

Ни один человек не может прожить без «автоматизмов» в восприятии и мышлении — обдумывать заново каждую ситуацию у него не хватит ни психических сил, ни времени. Таким образом, стереотипы как необходимый человеку инструмент восприятия и мышления обладают устойчивостью, могут быть выявлены, изучены и использованы как мишени для манипуляции. Поскольку их полезность для человека в том и заключается, чтобы воспринимать и оценивать быстро, не думая, манипулятор может применять их как «фильтры», через которые его жертвы видят действительность — «ставить» перед глазами человека то один, то другой «фильтр».

Поэтому один из важных принципов защиты от манипуляции сознанием состоит в создании неопределенности для манипулятора, как пишут психологи, в «размягчении стереотипных сценариев поведения, расширении диапазона готовых идей и доступных приемов». Понятно, что это требует значительных усилий.

Известный американский журналист Уолтер Липпман в книге «Общественное мнение» (1922) выдвинул целую концепцию стереотипизации как основы пропаганды. Он писал:

«Из всех средств влияния на человека самым тонким и обладающим исключительной силой внушения являются те, которые создают и поддерживают галерею стереотипов. Нам рассказывают о мире прежде, чем мы его увидим. Мы представляем себе большинство вещей прежде, чем познакомимся с ними на опыте. И эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия».

На магической силе стереотипов основана коммерческая реклама и торговые марки. Частое повторение слов и образов создает стереотипное представление о высоком качестве какого-то товара и загоняет это представление в подсознание. При виде торговой марки («Мерседес», «Адидас» и т. д.) мы не думая убеждены, что перед нами хорошая вещь. Работает стереотип. Возникла даже целая «культура» имитации торговых марок — так, чтобы глаз не различал той разницы, которая вносится, чтобы не вступать в конфликт с патентным правом. Один японский фабрикант даже фамилию свою менял, стал Золинген — и выпускал ножи с надписью «М. Золинген». Немцы в суд — бесполезно. Такая мимикрия, которую мы не всегда замечаем, широко распространена.

Если удастся подтолкнуть крупные массы людей видеть какое-то общественное явление через нужный манипулятору стереотип, то несогласным становится очень трудно воззвать людей к здравому смыслу, убедить их остановиться, подумать, не принимать скоропалительных опасных решений. Ницше заметил:

«Так как недостает времени для мышления и спокойствия в мышлении, то теперь уже не обсуждают несогласных мнений, а удовлетворяются тем, что ненавидят их. При чудовищном ускорении жизни дух и взор приучаются к неполному или ложному созерцанию и суждению, и каждый человек подобен путешественнику, изучающему страну и народ из окна железнодорожного вагона».

Утверждения манипуляторов не обязательно должны совпадать со стереотипами. Прикрытие манипуляции достигается и высказываниями, абсурдно противоречащими сте-

реотипам — важно загнать мышление в накатанную колею. На исходе перестройки сопредседатель движения «Демократическая Россия» А. Мурашев призывал к бойкоту советско-американских переговоров, т. к. они якобы на руку «империи зла». Выступая против поездки Дж. Буша в Москву, он выдал такой перл: «Если все же Буш пойдет на нее, демократы проведут в Москве манифестацию под лозунгом: “Буш — пособник коммунистов!”»

Задача манипулятора облегчается тем, что стереотипов-мишеней сравнительно немного, особенно у интеллигенции, проникнутой рациональным мышлением (то есть не отягощенной традициями и религиозным видением мира). Такое мышление откладывает в сознании очень небольшую часть всего человеческого опыта, и эта часть «оседает» в памяти в виде стереотипов как заученных и легко узнаваемых готовых целостных умозаключений («если А, то Б»). Э. Гуссерль ввел термин «седиментация» — «выпадение в осадок» опыта в виде стереотипов. Этот процесс экономит манипулятору массу сил и средств.

В одном английском психологическом детективном романе есть сюжет, в котором преступник и его циничный адвокат на суде успешно манипулировали другими участниками драмы. Подлая женщина волею судеб оказалась опекуном мальчика, наследника большого состояния. Она провоцировала его ненависть. Доведя ее до нужной кондиции, побудила к отчаянному поступку. Мальчик находил утешение в своем кролике, а она под предлогом опасности кожных заболеваний его убила — при мальчике засунула кролика в горячую духовку. Потом подбросила в гостиную газету с описанием убийства — отравления пылью спорыньи, подмешанной в салат. Мальчик прочитал и сделал то же самое, и они вместе съели миску отравленного салата — ничего другого честному ребенку не оставалось. Она вышла в уборную и очистила желудок, а мальчик умер.

Началось следствие и суд. И следователь, и судья, и адвокат прекрасно все понимали, но прямых улик не было — налицо попытка нервного ребенка убить ненавистного человека, тварь, хотя бы ценой своей жизни (мальчик перед смертью в этом признался). Приговор зависел от присяжных. И адвокат построил защиту на стереотипах мышления присяжных. Он тщательно изучил каждого по всем возможным источникам, а потом корректировал свою «карту», наблюдая за их поведением в суде.

Особо трудным объектом был для него один присяжный — молодой, умный, образованный и чуткий человек. Но адвокат выяснил, что он был марксист, и специально для него часть речи построил на классовом подходе. Подсудимая — из пролетарской семьи, всю жизнь она работала на богатых хозяев, создавала им прибавочную стоимость, была отчуждена от образования и культуры, огрубела — но честно выполняла свой долг, как умела. И вот, буржуазное общество ей мстит и т. д. Остальные присяжные ничего в этом куске речи не поняли, для каждого из них был заготовлен свой кусок на языке именно его стереотипов. Все до одного оправдали убийцу, причем не вызывавшую у них симпатий.

Для успешной манипуляции общественным мнением необходимо иметь надежную «карту стереотипов» разных групп и слоев населения, знать культурный контекст данного общества. Очень большой объем исследований был в этой области выполнен американскими специалистами, работавшими над изучением умонастроений влиятельных групп в зарубежных странах с целью повлиять на эти умонастроения в желательном для США направлении («чтобы внешняя политика США вызывала чувство восхищения или, по крайней мере, воспринималась без возмущения»). Эта сфера глобальной манипуляции сознанием стыдливо называется в США «публичной дипломатией». Она сформировалась как особая область социодинамики культуры.

Специалисты США изучают достоверное положение дел. Они, например, установили, что американцы в массе своей легко поверили, будто Кеннеди был убит сумасшедшим одиночкой, а европейцы в это не верят. Они считают, что был крупный заговор, наличие которого скрывается от общества. Когда это было установлено, версия убийцы-одиночки была исключена из американской пропаганды на Европу.

Наибольшие усилия в США были предприняты для изучения культурных стереотипов разных групп населения СССР (особенно интеллигенции как главной силы, создающей или разрушающей легитимность государства). С профессиональной точки зрения дотошность и объективность американских советологов восхищает. Они действительно нашли в душе советского человека струны, на которых можно было эффективно играть.

Особенно важно использование стереотипов при «захвате аудитории». «Захват» — одна из главных операций в манипуля-

ции сознанием. В ходе ее выполнения манипулятор привлекает, а затем удерживает внимание аудитории и «присоединяет» ее — делает сторонником своих установок (создает ощущение принадлежности к одному и тому же «мы»). На этой стадии манипулятор подстраивается под стереотипы аудитории, не противоречит им. Его задача — завоевать доверие, он как бы издает клич: «Мы с тобой одной крови — ты и я».

Этому принципу следуют даже создатели рекламы в отношении неодушевленных предметов — товара. Рекламируемый товар должен стать для потребителя «своим». Для этого сначала производится «мифологизация» товара, он «одушевляется», возводится в ранг живого существа. В телевизионной рекламе этот товар даже прямо представляется в виде какого-то гнома или маленькой феи, которые очень доброжелательны к людям и «желают» им служить. Товар-существо становится для потребителя «своим».

Видный американский социальный психолог Ф. Зимбардо советует: «Эффективность коммуникатора возрастает, если он сначала выражает мнения, соответствующие взглядам аудитории... Представляйте одну сторону аргумента, если аудитория в целом дружелюбна. Представляйте обе стороны аргумента, если аудитория уже не согласна с вами или есть вероятность, что аудитория услышит противоположное суждение от кого-нибудь еще». Главное — не заронить у людей подозрение, что ты собираешься ими манипулировать.

Удивительно, но даже одиозным или уже ненавистным идеологическим работникам удается восстановить доброжелательное отношение аудитории, всего лишь перейдя на язык близких ее сердцу стереотипов. За 3–4 месяца перед каждыми выборами антисоветское телевидение начинает использовать советскую фразеологию, пускает в эфир советские фильмы и песни — и большинство аудитории размягчается и вновь начинает доверять вчера еще ненавистным дикторам («Смотри-ка, а Миткова изменилась, пришла в разум»).

Как правило, в манипуляции используются стереотипы, которые уже отложились в сознании. Как писал Г. Лассуэлл в своей первой книге по теории пропаганды, «задача пропагандиста обычно состоит скорее в том, чтобы способствовать, нежели фабриковать». Но используются готовые стереотипы не прямо, а чаще всего с приемом, который называется «каналлизирование» или «подмена стереотипа». Это операция пере-

нацеливания, переориентации какого-то устойчивого стереотипного отношения с одного объекта на другой.

Например, в антисоветской пропаганде идеологи очень сильно давили на чувство справедливости и уравнительный идеал советских людей. Стереотип неприязни к нетрудовым доходам постепенно подменили стереотипом неприязни к номенклатуре как, якобы, классу, эксплуатирующему трудящихся. Неудовлетворенность людей канализировали на работников управления, тесно связанных с образом государства. Этот принцип высказал уже Геббельс: «Существующие воззрения аудитории могут быть направлены на новые объекты с помощью слов, которые ассоциируются с существующими взглядами».

Примером тонкой канализации стереотипов могут служить программы «черной пропаганды» ведомства Геббельса в Англии. Зная о распространенном в Англии скептическом отношении к эффективности гражданской обороны, немецкие «черные» радиостанции просто передавали официальные инструкции по гражданской обороне, но при этом нагнетали подробности таким образом, чтобы внушить англичанам полное неверие в возможность выдержать немецкие бомбардировки. Стереотипный скептицизм в отношении инструкций обращался в недоверие к правительству.

Канализация стереотипов — одна из важнейших задач манипуляции. С помощью этого метода людей уводят от осознания фундаментальных общественных противоречий, подсовывая им ложные цели. В большой работе о комиксах итальянский философ и писатель Умберто Эко разбирает красноречивый случай канализации стереотипов. Одним из главных героев комиксов и многих фильмов в США является сверхчеловек, безотказно побеждающий зло — Супермен, Бэтмен и др. У. Эко пишет: «От человека, который может производить труд и богатство астрономических размеров в несколько секунд, могли бы ожидать огромных переворотов политического, экономического, технологического порядка мира».

Например, он мог бы решить проблемы голода и технической отсталости многих стран или даже, как шутит У. Эко, «освободить несчастных китайцев от ига Мао Цзедуна». Вместо этого он, подобно жителю средневековой деревни, занят проблемами своего маленького местечка. Он не мыслит масштабами мира и даже масштабами США. У. Эко подчеркивает, что для Супермена «единственное зло, которое должно быть побеж-

дено, — это отдельные члены подпольного мира коррупции, которые опустошают банки и бронированные фургоны. Иными словами, единственный видимый образ, в который воплощается зло — это угроза частной собственности»¹.

Нередко группы, которые занимаются контрабандой наркотиков, могут быть представлены как носители зла, но частная собственность — никогда. Установки на ее отрицание канализируются на иные объекты.

Часто для манипуляции надо предварительно усилить или даже построить необходимый стереотип — «наездить колею», «нарезать бороздки». Речь обычно идет об иллюзорном стереотипе — внушении ложного объяснения какой-то проблемы, так, что оно становится привычным и приобретает характер очевидного («если землю превратить в товар, то будет изобилие продуктов»). Когда программа манипуляции имеет долгосрочный характер, как было, например, в перестройке, то такие подготовительные работы можно делать загодя, без всякой манипулятивной нагрузки, не вызывая подозрений.

В 1981 г. модный сегодня на Западе философ Самуэль Хантингтон писал: «Иной раз приходится представлять [интервенцию или другую военную акцию США] таким образом, чтобы создалось ложное впечатление, будто это — военная акция против Советского Союза. США поступают так со времен доктрины Трумена».

То есть вторжение в Доминиканскую республику или Ливан пришлось бы как-то объяснять, а если это подается как действие против СССР, то никаких обоснований не требуется — работает стереотип.

Иногда политики скрывают свои действия, говоря о них как о чем-то абсурдном и заведомо невозможном. Для этого они отсылают к аналогиям, отложившимся в сознании как стереотипы. Например, США помогали палачу Камбоджи Пол Поту. Но ведь это неудобно! Как же опровергались эти сведения? Н. Хомский пишет:

«В первые послевоенные годы США поддерживали диверсионные группы, созданные Гитлером на Украине и в Восточной Европе. В этом им помогали такие люди,

---

¹ Свой труд о комиксах У. Эко написал в 1964 г. Позже, в разгар психоза «холодной войны», Супермен занимался и спасением людей от злодеев, пытавшихся спровоцировать ядерную войну.

как Рейнхард Гелен, начальник военной разведки нацистов на Восточном фронте, который был назначен ЦРУ руководителем служб шпионажа Западной Германии. Ему было поручено создать «секретную армию» из тысяч членов СС, которая должна была помочь группам, действовавшим внутри Советского Союза.

Это настолько не вяжется со здравым смыслом, что один очень хорошо информированный специалист по международным делам из газеты “Бостон глоб”, осуждая тайную поддержку США красным кхмерам, привел как верх абсурда такую аналогию: “Это все равно как если бы США подмигивали подпольному движению нацистов, которое боролось против Советов в 1945 г.” Но именно это и делали США в начале 50-х годов — и не ограничиваясь тем, чтобы только подмигивать!»

Стереотип «нельзя помогать врагу союзника» не только защищал ЦРУ от разоблачения в начале 50-х гг., но даже затруднял, по аналогии, разоблачение в 70-е гг.

Антисоветский (на деле антирусский) стереотип так силен, что он действует и через много лет после развала СССР и прихода к власти в России антикоммунистов. Вот, в 1996 г. в Австрии обнаружили массовые захоронения расстрелянных людей. Жадное до зрелища смерти телевидение с ханжескими предупреждениями («сцена, которую мы покажем, слишком тяжела для восприятия») во всех деталях показало извлечение останков. От двух до трех тысяч трупов в каждой яме.

Кто же расстрелял австрийцев? Автоматически возникла версия: русские. Известный обозреватель испанской газеты «Эль Паис» Э. Аро Теклен пишет с сарказмом: «Русские продолжают быть убийцами по своей природе, такова уж их раса — убивают чеченцев и вообще кого попало. Они такие плохие, потому что были коммунистами? Или они были коммунистами, потому что такие плохие?»

И далее газета сообщает, что вышел конфуз — русские в 1945 г. до тех мест в Австрии не дошли. Значит, предположила пресса, эти останки принадлежат заключенным какого-нибудь концлагеря, которых нацисты вывезли и расстреляли, чтобы замести следы.

Опять конфуз — во всех черепах обнаружены здоровые крепкие зубы, говорящие о хорошем питании. Да и остатки тряпок явно офицерские. Никак не могли их хозяева быть из-

можденными узниками. Нашелся проникательный историк, который объяснил: это останки австрийских офицеров, расстрелянных Наполеоном. Но археологи над этой гипотезой посмеялись — не тот культурный слой, не тот возраст останков. Наконец, промелькнуло сообщение, что эти массовые расстрелы — дело рук добрых янки, и всякие упоминания об этом событии исчезли. Не укладывается в стереотип, ломает всю канву прессы! Если бы советские войска побывали в той зоне Австрии, то никакой проблемы вообще не возникло, никто бы ничего не расследовал и не сомневался.

Кампания 1993–1995 гг. по сатанизации сербов была большим экспериментом по манипуляции сознанием западного обывателя. В завершение были опубликованы и важные статьи, посвященные «сатанизации» сербов как технологии. Главный вывод их был таков: если непрерывно и долго помещать слово «серб» в отрицательный контекст (просто включать в описание страшных событий и в окружение неприятных эпитетов), то у телезрителей, независимо от их позиции, возникает устойчивая неприязнь к сербам. Кроме того, надо, разумеется, не давать доступа к телекамере никому из сербов — любая разумная человеческая речь, произнесенная сербом (даже на постороннюю тему), снимает наваждение.

Как показатель того, что неприязнь к сербам была создана, приводились два события и реакция на них общественного мнения (хотя подобных событий было немало). Первое — обнаружение войсками ООН на территории Сербской Краины, занятой хорватами, массовых захоронений мирных сербских жителей, убитых боевиками в ходе операции «Гроза». Расследование велось двумя независимыми комиссиями — Миссией наблюдателей Европейского сообщества и группой экспертов ООН по правам человека. Как заявил корреспонденту газеты «Гардиан» некий видный дипломат, доклады этих миссий не будут опубликованы, поскольку хорваты — союзники Запада. Этот дипломат, имя которого газеты не назвали, пояснил: «Существует нечто вроде пакта с Хорватией не открывать этот ящик Пандоры».

Похожие и даже гораздо меньшие преступления сербов вызывали в то время на Западе бурную реакцию и часто бомбардировки. В данном случае реакции не было никакой. Социологи зафиксировали наличие в общественном мнении устойчивого двойного стандарта.

Второе событие, на которое обратили внимание социологи, — обнародование в начале 1996 г. того факта, что США переправили боснийским мусульманам оружия на 300 млн долларов, которые ассигновала Саудовская Аравия. Переправили в нарушение эмбарго ООН, которое именно США должны были охранять. Эти тайные поставки оружия начались уже при Дж. Буше — для подготовки войны в Боснии, но развернулись при Клинтоне.

Поставки велись через Хорватию, которая в уплату за соучастие в этой операции получила половину оружия. Иногда, при необходимости, совершались секретные ночные авиарейсы с оружием непосредственно в Туслу, к Изетбеговичу. Если бы вскрылся факт нарушения эмбарго в пользу сербов, это повлекло бы огромный международный скандал и репрессии против сербов — с одобрения всей западной публики. В данном же случае не было никакой реакции. Стереотип работал.

Хорошо разработана технология «создания» политиков с опорой на стереотипы. Особенно сильным воздействием на сознание обладает образ, в котором символ-стереотип сочетается с архетипами — символами, отложившимися в коллективном бессознательном народа. Так сознание подключается к мифу. Примером может служить название избирательного блока «Медведь» (выборы 1999 г. в Госдуму РФ). В подсознании медведь символизирует русский народ, и изображение медведя в символике блока было неосознаваемым тотемом, как бы указывающим на родовую принадлежность его членов. Этот прием сработал, но долговечным он быть не может — избиратели проголосовали за «образ медведя», а не за программу блока. К новым выборам придется обновлять образ.

Жаргонное слово «раскрутка» обозначает целую систему методов продвижения на высшие уровни политики людей независимо от их личных качеств или уже завоеванной популярности. Одним из сложных стереотипов является имидж — специально выстроенный в ходе целой программы действий стереотипный образ политика или общественного деятеля. Как пишут в учебниках, в имидже «главное не то, что есть в реальности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно». То есть имидж должен соответствовать активным ожиданиям людей — активным стереотипам массового сознания.

Составитель речей Никсона в его избирательной кампании 1968 г. Р. Прайс писал: «Нам надо изменять не человека, а вос-

принимаемое впечатление. А это впечатление зачастую зависит больше от средств массовой информации, чем от самого кандидата». На самом деле СМИ лишь распространяют, внедряют в сознание образ, разработанный специалистами. Специалисты выбирают главные черты этого образа или исходя из уже готовых и «разогретых» стереотипов массового сознания, или, если позволяет время и средства, предварительно видоизменяют, достраивают и усиливают нужные стереотипы.

Например, в 1992 г. в выборной кампании в президенты Клинтона для создания его имиджа технологи выбрали бытующий в американском массовом сознании стереотип «новое лучше старого». Главным лозунгом Клинтона был сделан такой: «Перемены или продолжение старого?» Себя Клинтон представлял как движущую силу обновления, перемен, а своего противника-республиканца как сторонника «продолжения старого». Если, например, Клинтон говорил о реформе медицинского обслуживания, вопрос звучал так: «Изменения или продолжения того, что было?» Если он говорил об образовании, экономике, социальных благах или чем-либо еще, вопрос оставался тем же: «Изменение или продолжение старого?» Этот простой стереотип прекрасно сработал¹.

Широкую известность получили кампании по «созданию» Рейгана и Тэтчер из «материала», который, казалось бы, никак не позволял надеяться на успех. В известном смысле эти операции и последующее выполнение искусственно созданной политиками программы теневых правящих кругов («неолиберальная волна») стали переломным моментом в истории. Они с полной очевидностью показали, что демократические иллюзии себя исчерпали. В западном обществе политики создаются и действуют независимо от интересов и даже настроений основной массы избирателей.

Однако классической операцией, завершившей разработку технологии «раскрутки» было не продвижение Рейгана или Тэтчер, а избирательная кампания в сенат США М. Шаппа в 1966 г. Для нас она интересна тем, что отработанная в ходе этой кампании техника была взята за основу при создании образа Б.Н. Ельцина.

---

¹ Без существенных изменений этот хорошо изученный стереотип был ранее использован М.С. Горбачевым в СССР. Для укрепления стереотипа были привлечены даже популярные певцы. Так, Газманов распевал: «Свежий ветер над полями пролетел / Свежий ветер, я давно его хотел».

Шапп продвигал видный специалист по политической рекламе, президент Американской ассоциации политических консультантов и владелец крупной рекламной фирмы Дж. Нейполитен. Шапп — энергичный делец, начавший в 1948 г. с 500 долл. производство телевизионных антенн и к 60-м гг. сколотивший состояние в 12 млн долл. За продвижение его в сенат он предложил Нейполитену 35 тыс. долл. и средства на эксперименты с рекламой. Изучив объективные данные, манипулятор составил такой неутешительный портрет: «1. Шапп не известен избирателям. 2. Шапп — еврей (это не послужит поводом для поражения, но и не поможет на выборах). 3. Разведен и женат вторично. 4. Не обладает внушительной внешностью. Он невысок ростом, сутул и, когда улыбается, морщит нос, как кролик; далеко не лучший оратор. Он тянет фразу, вместо того чтобы поставить точку и резко ее оборвать. У него нет опоры в какой-либо организации».

Нейполитен взялся за эту работу — не столько ради денег, сколько для отработки технологии. Изучив обстановку, он выбрал главный лозунг кампании: «Человек против Машины». Была разработана легенда о противоборстве Шаппа с «бюрократическим аппаратом» — боссами демократической партии, от которой шел Шапп.

Был сделан получасовой телефильм — игровой, но имитирующий документальность. За мишень для манипуляции было взято «общечеловеческое» чувство недоверия и недоброжелательства к номенклатуре и бюрократии. Фактически о Шаппе в фильме вообще не было речи, ролик просто эффективно разжигал антиноменклатурный психоз. Шапп лишь представлял Человеком, бросившим вызов Машине. В Пенсильвании, где избирался Шапп, за несколько дней перед выборами фильм был показан по телевидению 35 раз (накануне выборов 10 раз). Шапп победил на предварительных выборах, хотя никто из экспертов не допускал такой возможности.

Хотя Шапп проиграл второй тур (как и кандидат в президенты Х. Хэмфри, кампанию которого также вел Нейполитен), полученные в ходе этого эксперимента данные, особенно в отношении телевидения, расширили возможности манипуляции. Для нас интересно подчеркнуть, что на антиноменклатурной волне можно продвинуть абсолютно непригодного по всем показателям человека. А если у него есть и положительные качества (например, высок ростом)

и ему помогает сама номенклатура, то успех манипуляции гарантирован.

Для Ельцина был выбран и создан имидж «борца с номенклатурой». Для этого не существовало никакого «реального» материала — ни в биографии, ни в личных взглядах Ельцина. Он сам был едва ли не самым типичным продуктом «номенклатурной культуры». Тем не менее за весьма короткий срок и с небольшим набором простых приемов (поездка на метро, визит в районную поликлинику, «Москвич» в качестве персонального автомобиля) имидж был создан и достаточно прочно вошел в массовое сознание. Даже после 1992 г., когда Ельцин в быту и в повадках открыто продемонстрировал приверженность к типично номенклатурным нормам поведения, в массовом сознании не возникло ощущения несовместимости двух образов.

Глава 8. Чувства

§ 1. Эмоциональное воздействие как предпосылка манипуляции

Столь же важным, как мышление, объектом для манипуляции является сфера чувств. Возможно даже, что это — главная или по крайней мере первая сфера, на которую направлено воздействие. Во всяком случае, чувства более подвижны и податливы, а если их удастся «растрепать», то и мышление оказывается более уязвимым для манипуляции. Можно сказать, что в большой манипуляции сознанием игра на чувствах — обязательный этап. Основатель учения о манипуляции сознанием массы Г. Ле Бон писал: «Массы никогда не впечатляются логикой речи, но их впечатляют чувственные образы, которые рождают определенные слова и ассоциации слов». Он особо подчеркивал, что «в своей вечной борьбе против разума чувство никогда не бывало побежденным».

Чувственная ступень отражения стоит ближе к внешнему миру, чем мышление, и реагирует быстрее, непосредственнее. Поэтому ее легче «эксплуатировать». Дизраэли сказал даже: «То, что называют общественным мнением, скорее заслуживает имя общественных чувств». Если же надо в чем-то убедить массу, то этот процесс может быть начат только с воздействия на эмоции — на освоение логической аргументации масса не пожелает тратить ни усилий, ни времени.

Составитель речей Белого дома У. Гэвин был одним из авторов доктрины избирательной кампании Никсона в 1968 г. Он писал: «Избиратели в сущности ленивы и даже не хотят делать усилия, чтобы понять, о чем мы говорим. Разум требует высшей степени дисциплины, концентрации внимания. Много легче обыкновенное впечатление. Разум отталкивает зрителя, логика досаждаёт ему. Эмоции возбуждают, они ближе к поверхности, мягче куются».

Вот общий вывод социодинамики культуры: «Толпу убеждают не доводами, а эмоциями. Фактически всякая аргументация опирается на латентные структуры сообщения. Эти структуры носят логический характер лишь в случае сообщений, так или иначе связанных с наукой» (А. Моль). Ницше выразил эту мысль афористично: отношения ума и сердца напоминают любовь, за их соитием следует беременность, причем сердце — мужчина, а ум — женщина.

Кроме того, в области чувств легче создать «цепную реакцию» — заражение, эпидемию чувств. Ле Бон много писал о податливости внушению как общем свойстве толпы: «Первое сформулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение». Здесь издавна известны явления, которых нет в индивидуальной психике, — подражание, стихийное распространение массового чувства. Уже в Средние века были подробно описаны возникавшие стихийно эпидемии массового чувства, доходившего до уровня истерии или мании. Так, в 1266 г. Италию охватила эпидемия самобичевания, по большей части Европы в 1370 г. распространилась «танцевальная» эпидемия, позже во Франции — мания конвульсионеров, а в Голландии — мания тюльпанов (за луковицу хорошего тюльпана отдавали богатый дом или корабль). Массовые эпидемии чувств наблюдались в годы установления власти фашизма в Германии.

Поэтому общей принципиальной установкой в манипуляции массовым сознанием является предварительное «раскачивание» эмоциональной сферы. Главным средством для этого служит создание или использование кризиса, аномальной ситуации, оказывающей сильное воздействие на чувства. Это может быть крупная техногенная катастрофа, кровавое насилие (акция террористов, преступника-маньяка, религиозный или национальный конфликт), резкое обеднение больших групп населения, крупный политический скандал и т. д.

Особенно легко возбудить те чувства, которые в обыденной морали считаются предосудительными: страх, зависть, ненависть, самодовольство. Вырвавшись из-под власти сознания, они хуже всего поддаются внутреннему самоконтролю и проявляются особенно бурно. Менее бурно, но зато более устойчиво проявляются чувства благородные, которые опираются на традиционные положительные ценности. В манипуляции эффективно используется естественное чувство жалости и сочувствия к слабому, беззащитному. В очень многих ситуациях пассивный манипулятор — тот, кто подчеркивает свою слабость, неспособность и даже нежелание управлять, — оказывается важнейшей фигурой в программе манипуляции. Чудаковатый старик-академик, великий музыкант не от мира сего, грустный клоун, наивная блондинка, жалеющая всех на свете и т. д. Они не заменяют активных и жестких манипуляторов, но резко ослабляют психологическую защиту людей.

Для манипуляции сознанием годятся любые чувства — если они помогают хоть на время отключить здравый смысл. Но начинают манипуляторы всегда раскачивать те чувства, которые уже «актуализированы» в общественном сознании. Американский социолог Г. Блумер в работе «Коллективное поведение» пишет: «Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают». Вспомним, как «раскачивали» в советском человеке уязвленное чувство справедливости. Задумаемся над очевидным фактом: советский человек стал испытывать почти ненависть к номенклатуре — за то, что она пользовалась «льготами и привилегиями». На этой почве и произошло сотворение Ельцина как кумира. А сегодня тот же человек равнодушно взирает на воров, которые его обобрали и нагло демонстрируют свое несправедливое богатство. Не прощалась черная «Волга» секретаря райкома, но не колет глаз белый «Мерседес» директора АО, хотя бы это был тот же самый бывший секретарь райкома.

Очевидно, что речь не идет о рациональных расчетах. Значит, дело не в социальных интересах, а в уязвленном чувстве. Оставим в стороне вопрос технологии — как удалось уязвить чувство советского человека вопреки его разуму. Ведь уже ясно (хотя люди стыдятся это признать), что льготы и привилегии, которые двадцать лет занимали умы людей, — миф.

Сбежавшая в Испанию сотрудница балета Кубы с ужасом рассказывала на «круглом столе» на телевидении о царящей при Кастро социальной несправедливости: в центральной больнице Гаваны больных из номенклатуры кладут в отдельный зал, куда не попасть простому рабочему. Все так и ахнули. Хотя именно в этот день газеты сообщили, что один из директоров одного из сотни банков Испании не явился на разбирательство какого-то дела, т. к. отбыл на консультацию к врачу в Нью-Йорк на собственном самолете.

Но ведь девушка из балета говорила искренне! Значит, она следовала не голосу разума, а чувству. Ведь холодная логика гласит: любое общество должно создавать верхушке «улучшенные» материальные условия, хотя механизмы создания таких условий различны. Была ли верхушка ГДР, СССР, Кубы так уж прожорлива? Нет, в норме общество отпускало ей крохи материальных благ. Когда Молотов умер в 1986 г., все его состояние равнялось 500 руб. — на похороны (да еще перед этим он отправил 100 руб. в фонд Чернобыля). Даже Брежнев, которому перестроечная пропаганда создала ореол стяжателя, оставил в наследство, как выяснилось, лишь несколько подержанных иномарок — была такая слабость у руководителя советской империи.

С точки зрения разумного расчета руководители высшего звена в СССР были самой «недооплачиваемой» категорией — это сообщила даже идеолог перестройки Т.И. Заславская. Почему же маленькие блага и слабости вызывали ярость, а к роскоши нуворишей или невероятным доходам директоров-приватизаторов проявляется такая терпимость? Молодой «олигарх» из комсомольских работников официально заявляет, что его личное состояние равно 8 млрд долл., директор небольшой государственной компании «Мордовэнерго» имеет годовой оклад 300 тыс. долл. — и никаких эмоций это не вызывает.

Дело в том, что в глубине сознания, а то уже и в подсознании множества людей жила тайная вера в то, что социализм будет именно царством равенства. Той утопией, где люди будут братья и равны. Разрушение этого идеала, к тому же с огромным преувеличением и грубым растравливанием сознания, вызвало приступ гнева, который невозможно было компенсировать доводами рассудка (да их и не давали высказать). Советский проект был изначально основан на утопии, в

которую люди поверили: секретарь райкома обязан быть нам братом, а не наемным менеджером. Брат, который тайком объедает семью, вызывает большую ненависть, чем уличный вор, ибо он — изменник. Его судят по совсем иным меркам. И вся перестройка была основана как раз на эксплуатации этой утопии и уязвленного чувства. Вместо того чтобы воззвать к здравому смыслу и сказать: «Героический период в прошлом, пусть секретарь райкома будет у нас просто управляющим», — в людях распалили чувства преданного брата.

Преимущество новой демократической номенклатуры в том, что она «перестала врать». Более того, телевидение специально убеждает людей, что новые чиновники, как правило, нечисты на руку. Молоденький аппаратчик Бревнов забирал себе жалованье 22 тыс. долл. в месяц — как 100 профессоров МГУ. Ясно, что это — почти неприкрытое воровство. Но особых претензий к нему нет, потому что быть вором менее преступно, чем предателем. Воровство священника, даже малое, потрясает человека, а воровство торговца — нисколько.

§ 2. Чувство юмора. Смех

Исключительно важным чувством, которое широко используется в программах манипуляции сознанием, является чувство юмора. Способность видеть и представлять явления жизни в смешном виде и осваивать мир под углом зрения иронии — важное свойство психики. Поэтому смеховая культура во все исторические эпохи составляет необходимую особую часть культуры общества. Огромную роль играет смех в процессах установления или подрыва культурной гегемонии, то есть в переломные моменты в жизни общества.

Сильным средством разрушения психологической защиты против манипуляции сознанием является осмеяние, идеологизированное острословие. Особенно идеологически нагруженным бывает смех, имеющий своим объектом именно скрепляющие общество символы. Фрейд в монографии «Острословие и его отношение к бессознательному» писал о важных социальных функциях тенденциозных острот, о том, что они служат «оружием атаки на великое, достойное и могущественное, внешне и внутренне защищенное от открытого пренебрежения им». Именно поэтому идеологизированные острословы Хазанов и Жванецкий, Задорнов и Петросян стали в СССР влиятельными реальными политиками в годы перестройки.

После ликвидации СССР многие анекдоты, шутки и стихи, которые раньше считались продуктом «народного творчества», были изданы. Вот, например, книга «Моня Цацкес — знаменосец» Эфраима Севелы (автор отрекомендован журналом «СОЦИС» как еврейский писатель, книга издана в 1992 г. в Петербурге). Это — книга анекдотов о Советской армии. Журнал представляет все эти анекдоты как «армейский фольклор», хотя по приведенным примерам (в частности, по диалогу о красном знамени между политруком Кацем и рядовым Цацкесом) видно, что это — довольно занудливый идеологический продукт. Судя по тому, что подобные анекдоты выходят теперь в авторских книгах, весь их поток фабриковался сравнительно небольшим числом творческих работников.

Такой юмор был направлен и на символы семьи. Эту акцию сегодня пытаются представить как стихийное явление, фольклор («черный юмор как явление народной смеховой культуры»). В академическом журнале «СОЦИС» печатают, например, такие стихи:

Мне мама в детстве выколола глазки,
 Чтоб я в шкафу варенье не нашел.
 Теперь я не смотрю мультфильмы, не читаю сказки,
 Зато я нюхаю и слышу хорошо.

Вот комментарий: «Некоторые исследователи в таком отношении к семье усматривают крушение связей, являющееся неизбежным и, возможно, отрицательным последствием развития цивилизации — от племени и родовых отношений к индивидуализму и эгоцентризму. Отметим, не вдаваясь в подробное обсуждение этого тезиса, что он в любом случае оказывается прямой, непосредственной трактовкой неприглядной роли семьи в освещении подросткового фольклора».

Эту ссылку на «некоторых исследователей» принять нельзя, поскольку в подобных стихах и следа нет «народной смеховой культуры» или «подросткового фольклора». Это — типичная лабораторная продукция посредственного поэта, выполняющего идеологическое задание. Когда начали выходить эти «антологии черного юмора» (например: Белянин В.П., Бутенко И.А. Антология черного юмора. Мадрид, 1992), стало видно, что это — профессиональная работа очень малой группы людей. Это не так замечалось, когда стихи передавались устно.

Кстати, эта идеологическая программа продолжает выполняться. В феврале 2000 г. «Независимая газета» сообщила: «Все большую популярность приобретает выставка “Детские ужасики” харьковского фотографа-авангардиста Сергея Браткова, которая будет работать в московской галерее “Риджина” до середины марта. Впервые этот проект Братков показал в своем родном городе Харькове два года назад. Экспозиция из двенадцати цветных фотографий плюс две инсценировки с участием детей. Экспозиция продолжалась недолго, возмущенные харьковчане потребовали закрытия “педофильной” выставки». И «Независимая газета», которая считается интеллектуальным изданием, дает положительную рецензию об этой выставке.

Влияние на массовое сознание политизированного осмеяния очевидно. Во время перестройки оно было направлено на «дегенерацию» тех ценностей, которые легитимировали советский строй. Однако представляется более важным, хотя и гораздо труднее различимым, длительное воздействие на общественное сознание всего фона смеховой культуры последних десятилетий. Как показывает полувековой опыт, идеократическое государство, в легитимации которого очень большую роль играют освященные традицией символы и идеи, исключительно чувствительно к разъедающей силе смеха. Напротив, либеральное государство атомизированного гражданского общества, которое консолидировано рационально понимаемым интересом индивидов, к сатире и иронии равнодушно. Высокая уязвимость идеократического государства по отношению к «молекулярной агрессии» юмора была продемонстрирована и в ходе крушения средневековой Европы в период Возрождения, и во время Великой Французской революции и, уже на наших глазах, во время перестройки.

Однако перестройка стала лишь кульминацией этого процесса, а тревожные признаки «аллергии» на смех появились сразу после выхода из мобилизационного состояния в 50-е гг. Советский строй вырос на матрице «архаического крестьянского коммунизма» (выражение М. Вебера). Но в 60-е гг. она вошла в конфликт с мировоззрением новых поколений, особенно в среде образованных людей. Выход «из матрицы» был сложной и к тому же неосознанной проблемой, с которой идеологическая система не справилась. Фактором, усугубившим это противоречие, стало развитие в СССР «смеховой» культуры. Оно пошло по такой траектории, на которой ирония и смех ста-

ли все больше вторгаться в область «священного» и профанировать символы, важные для легитимации строя. Эта эволюция хорошо видна в творчестве многих виднейших деятелей «смеховой» культуры (например, Э. Рязанова).

Некоторые культурологи сейчас утверждают, что в 60–70-е гг. в СССР существовала большая «смеховая» культура, не обладавшая антисоветским потенциалом, и наряду с ней имела маргинальная «интеллигентская смеховая» культура, которая не смешивалась с основным течением и вдруг «открылась» в перестройке. Видимо, это слишком сильное упрощение. Антисоветская «смеховая» культура сформировала то «творческое меньшинство», которое стало лидером главного течения («мэйнстрима») «смеховой» культуры и задавало его нормы и штампы. Антисоветский анекдот обычно бывал в компании лишь стартом для очереди хороших «общих» анекдотов, но постепенно слился с ними в систему, стал привычной и необходимой ее частью.

Ведь само слово «потенциал» означает то, что не вскрылось, не актуализировало себя как движущая сила процесса, что переживает инкубационный период как невидимая часть этого процесса. С другой стороны, и смысл понятия «антисоветский» вовсе не предполагает сознательной враждебности к советскому жизнеустройству. «Не зная общества, в котором живем», мы принципиально были и не в состоянии оценить антисоветский потенциал многих слов и действий — но ведь это не значит, что такого потенциала не было в реальности. Большинство граждан действительно не знало, что опасно для строя, а что нет, оно было нечувствительно к этому скрытому смыслу слов и жестов. Екатерина Маслова в романе Толстого «Воскресение» думала, что дает клиенту снотворное, но это не значит, что порошок не был ядом. И он оказался именно ядом.

Катастрофа советской государственности и всего советского жизнеустройства, которой не желало подавляющее большинство граждан, побуждает многих искать ее причину в происках «архитекторов перестройки» и корыстных интересах части номенклатуры. Действительно, были и происки, и корыстные или политические интересы внутри и вне страны, но эти угрозы сопровождают жизнь любого государства. Что толку копать в душе антисоветских идеологов и пытаться понять их мотивы? Важнее понять, как готовилась почва к восприятию их идей. История того, что происходило в 60–70-е гг. в «кипящем слое»

интеллигенции, показывает, что общий, веселый и жизнеутверждающий смех сыграл в этой подготовке большую роль. Ничего необычного в этом нет. Для многих болезней важными предпосылками являются вещи, исключительно полезные для других сторон здоровья — например, увлечение спортом.

Те нормы «смеховой» культуры, которые позже были укреплены и доведены до крайности Жванецким, Хазановым и другими, начали вводиться в середине 50-х гг. в субкультуре той молодежи, которую называли «стилягами». Весь их разговор был пропитан иронией. Она казалась аполитичной потому, что была всеохватной, но само определение чужих как плебеев было вовсе не безобидным. Имелось и резкое отличие смеха стилига от смеха плебеев — плебеи смеялись не над всем, многое в жизни обладало для них святостью.

Уже в середине 50-х гг. в молодежной среде (особенно в среде студентов) непрерывно подшучивать, как стилиги, стало в социальном плане выгодно. Ироничный язык (а значит, независимо от осознания, и взгляды, которые он отражал) стали престижны, даже несмотря на неодобрение большинства. Стиляги в некотором смысле стали «творческим меньшинством» (в понимании Тойнби). К тому же часть молодых учителей тоже стала говорить на таком языке, хотя и гораздо тоньше. Этот ироничный стиль приобретал нормативное значение. Оно стало очевидным в 60-е гг. и сыграло важную роль в консолидации «шестидесятников».

Все мы в той или иной степени конформисты, и многие стали применять в общении эти приемы — подтекст, игру слов. Освоить эти подходы не стоило большого труда, но они сразу давали человеку авторитет, пусть и дешевый. При этом важен был именно стиль, а не качество остроумия. Как известно, стилиги как субкультура были грубо подавлены, но многие их «находки» стали распространяться в молодежной среде.

Так, говорить с юмором обо всем (или почти обо всем) стало в среде «продвинутых» студентов почти обязательной нормой. Правда, это уже не был юмор стилига — шутить надо было «интеллектуально», но не весело-простоудшно, как было в 50-е гг. у плебеев. Общение студентов стало похоже на непрерывный КВН. Чуть позже этот стиль был перенесен в язык общения научных лабораторий (с некоторым перебором это отражено в важном для нашей темы фильме М. Ромма «Девять дней одного года»).

Хотя шутки, которыми обменивались молодые интеллигенты в кругу товарищей, были доброкачественными, возникло ощущение какого-то изъяна. Это было видно по тому, что в следующем эшелоне, мыслящем «в том же стиле», порождался поток шуток именно тупых — можно назвать это культурой «хохмы». То же самое происходило в массовой эстрадной культуре — за Райкиным, как карикатура на него самого, шел Хазанов.

Многие чувствовали, что этот поток «юмористического» сознания обладает большой инерцией и ведет тебя в соответствии со своими законами. Это было ощущение исключительно неприятное, и периодически человека охватывало острое чувство стыда. Не раз вспоминалось: «Ради красного словца не пожалеет и отца». Было видно, что популярные каламбуры или двусмысленности унижали чье-то достоинство или осмеивали то, что не следовало осмеивать. Но соблазн был велик, люди от души смеялись и прощали гадости, но эти гадости оставались в пространстве и «работали». Например, стало нормой осмеяние социальных типов, часто мифических — при том, что на следующей стадии неприязнь к ним переносилась на реальные социальные группы. Частота таких событий была весьма велика, так что можно говорить о массовом социальном явлении. Уже в этом был активный подрыв оснований солидарного общества, но об этом, конечно, не думали.

Когда в том же ключе стали «иронизировать» над принципиальными устоями советского строя, этого никто даже не заметил. Люди, которые в августе 1991 г. спокойно распевали с эстрады «забил заряд я в тушку Пуго», были подготовлены сами и имели перед собой подготовленную аудиторию. Это и есть «смеховая» культура, выросшая из юмора 60-х гг. И этот юмор, определивший стиль мысли и слова важного поколения, был столь агрессивным, что он подавил, оттеснил и обданный «юмор плебеев», и «юмор Теркина», и утонченный «юмор Грибова и Яншина». Нигде стереотипы интеллигенции не оказывали на массовое сознание такого нормативного влияния, как в СССР 70-х гг. — ведь почти все популярные актеры, поэты, эстрадные юмористы вышли из этого поколения или подлаживались под него.

В 60-е гг. в среде интеллигенции стало обязательным говорить даже о серьезных общественных проблемах на языке хохмы, ернически. Было признаком дурного тона попытаться

обсудить что-то без «красного словца». Штампы из Райкина, а потом Жванецкого стали заменять аргументы. Обладал ли этот переход «антисоветским потенциалом»? Видимо да, обладал, и это даже чувствовалось. Хохмы и шуточки как особый «понятийный аппарат» размягчили определенный участок в мировоззренческой «мембране» человека, а потом в этих шуточках (скажем, в комедийных фильмах) стал постепенно наращиваться компонент сатиры. Кислота, разъедающая мембрану и открывающая путь яду, обладает разрушительным потенциалом, хотя бы сама и не была ядовита.

Культура «нейтрального» смеха снизила барьеры для проникновения смеха антисоветского, а нередко была почти «троянским конем» для идеологизированного смеха. Хазанов смешил байками про «кулинарный техникум», с их помощью он произвел захват аудитории, а уж потом стал внедрять байки открыто антисоветские. А какой-нибудь другой юморист смешил нейтральными байками и не стал антисоветским борцом, но этими байками он сделал часть работы Хазанова — снял психологические защиты против определенного способа постановки проблем, против «языка хохмы» как общезначимого языка.

§ 3. Страх

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является страх. Есть даже такая формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Поскольку страх — фундаментальный фактор, определяющий поведение человека, он всегда используется как инструмент управления.

Уточним понятия. Есть страх истинный, отвечающий на реальную опасность. Этот страх есть выражение инстинкта самосохранения. Он сигнализирует об опасности, и на основании сигнала делается выбор наиболее целесообразного поведения (бегство, защита, нападение и т. д.). Реальный страх может быть чрезмерным, тогда он вредит — в той мере, в какой он искажает опасность. Но есть страх иллюзорный, «невротический», который не сигнализирует о реальной опасности, а создается в воображении, в мире символов, «виртуальной реальности». Развитие такого страха нецелесообразно, а то и губительно.

Различение реального и невротического страха давно волновало философов. Иллюзорный страх даже считался фено-

меном не человека, а Природы, и уже у Плутарха был назван паническим (Пан — олицетворение природы). Шопенгауэр пишет, что «панический страх не сознает своих причин, в крайнем случае за причину страха выдает сам страх». Он приводит слова Роджера Бэкона: «Природа вложила чувство боязни и страха во все живущее для сохранения жизни и ее сущности, для избежания и устранения всего опасного. Однако природа не смогла соблюсти должной меры: к спасительной боязни она всегда примешивает боязнь напрасную и излишнюю».

Разновидностью иллюзорного страха является маниакальный страх, когда величина опасности, могущество «врага» многократно преувеличивается, представляется чуть ли не абсолютным, хотя в реальности ему до этого далеко. Крайний случай невротического страха — страх шизофренический. Его интенсивность выходит за пределы понимания нормального человека. Это — всегда страх перед человеком, перед общественным окружением, но столь сильный, что он не имеет никакой связи с действительными возможностями этого окружения нанести ущерб. Шизофреники, которые перенесли заключение в самых страшных нацистских концлагерях, вспоминали, что ужасы этих лагерей переносились несравненно легче, чем приступы страха во время психоза.

Для манипуляции главный интерес представляют именно неадекватный, иллюзорный страх и способы его создания, особенно в условиях расщепления сознания. А также отключение, подавление истинного, спасительного страха — достижение апатии, равнодушия, психологического привыкания к реальной опасности или, наоборот, такого преувеличения опасности, которое толкает к гибельным действиям. Так, в развязывании Второй мировой войны большую роль сыграла фашистская пропаганда, оказавшая сильное психологическое воздействие на западного обывателя. Под ее влиянием правительства Западной Европы уступили требованиям Гитлера, хотя, создав вместо этого систему коллективной безопасности, войну можно было бы предотвратить.

Биограф Геббельса пишет:

«Геббельс гипнотизировал мир. В Париже и Лондоне людям уже явственно слышались разрывы бомб, и государственные деятели готовы были пойти на что угодно, лишь бы предотвратить катастрофу. В результате всех охватил страх перед войной, из-за чего

на свет появился Мюнхенский пакт, предавший Чехословакию. Подписание пакта было в значительной мере ускорено усилиями геббельсовской пропаганды».

Страх как чувство, связанное с инстинктами (то есть биологически присущее человеку), проявляется тем не менее по-разному в разных культурах. Например, совершенно различны «профили страхов» японцев и жителей Запада. Японцы не боятся божьей кары, загробных мучений, у них нет понятий смертного греха — основных источников страха в «культуре вины» Запада. Зато японцы испытывают сильные страхи перед «чужим», особенно если они роняют перед ним свое достоинство и заставляют стыдиться за тебя твой коллектив. Говорят: Япония — это «культура стыда». Страх позора так силен, что в Японии часты самоубийства молодых людей из-за неудач на вступительных экзаменах в университеты¹.

Все доктрины манипуляции сознанием разрабатывались применительно к западной культуре и к «западному» страху (примененные сегодня к России, они дают иногда совершенно неожиданные результаты). Поэтому нам надо вспомнить историю этого явления, во многом нам незнакомого, — страх западного человека.

Насколько западная «культура страха» необычна для нас, видно даже сегодня. Сейчас, когда мы интенсивно познаем Запад, нам открывается картина существования поистине несчастного — такие демоны и привидения мучают душу западного обывателя. Не случайно тема страха с таким успехом обыгрывается в искусстве. Спрос на «фильмы ужасов» на Западе феноменален, и фильмы А. Хичкока выражают глубинное качество культуры.

Можно сказать, что современный Запад возник, идя от волны к волне массового религиозного (еще говорят «экзистенциального» — связанного с Бытием) страха, который охватывал одновременно миллионы людей в Западной Европе. Подобные явления не отмечены в культуре Восточного христианства (например, в русских летописях).

---

¹ Огромный успех в Японии и на Западе имела книга известного ученого Ситихэя Ямамото «Японцы и евреи» (он выпустил ее под псевдонимом Исая Бен-Дасан). В ней он показывает, как исторически формировались совершенно разные «профили страхов» у этих двух очень специфических народов.

Первое описанное в литературе явление массового страха, охватившего население Западной Европы, — убеждение в скором приходе антихриста и наступлении Страшного суда на исходе первого тысячелетия. Впечатляет рассказ о том, как папа Сильвестр и император Оттон III встретили новый, 1000-й год в Риме в ожидании конца света. В полночь конец света не наступил, и всеобщий ужас сменился бурным ликованием. Но волна коллективного страха вновь захлестнула Европу — все решили, что кара Господня состоится в 1033 г., через тысячу лет после распятия Христа.

Тема Страшного суда преобладала в мистических учениях XI–XII вв. В раннем Средневековье такого страха смерти не было, поскольку в массовом сознании еще были живы языческие представления о загробной жизни, в которых не предусматривалось страшных наказаний за несправедную жизнь.

Религиозный ужас был настолько сильным и разрушительным, что западная церковь была вынуждена пересмотреть догматы. Ее богословы после долгих дискуссий выработали компенсирующее страх представление о «третьем загробном мире» — чистилище. Его существование было официально утверждено в 1254 г. Папой Иннокентием IV. Показательно, что у православной церкви не было никакой необходимости принимать это богословское нововведение.

Другим средством ослабить религиозный страх было установление количественной меры греха и искупления посредством ведения баланса между проступками и числом оплаченных месс, стоимостью подарков церкви и величиной пожертвований монастырям (уже затем был создан преysкур-ант индульгенций). На этом пути, однако, католическая церковь заронила семя рационализма и Реформации.

Передышка была недолгой, и в XIV в. Европу охватила новая волна коллективного страха. Причин для него было много (страшная Столетняя война, массовое обеднение людей), но главная причина — эпидемия чумы 1348–1350 гг., от которой полностью вымирали целые провинции. Тяжелые эпидемии следовали одна за другой вплоть до XVII в. И именно в связи с чумой выявилась особенность коллективного страха: со временем он не забывался, а чудовищно преображался. При первых признаках новой эпидемии образ предыдущей оживал в массовом сознании в фантастическом и преувеличенном виде.

В XV в. «западный страх» достигает своего апогея. Это видно уже по тому, что в изобразительном искусстве центральное место занимают смерть и дьявол. Представление о них становится особым продуктом ума и чувства, продуктом культуры. Историк и культуролог Й. Хейзинга в своем известном труде «Осень Средневековья» пишет об этом продукте: «содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, ледящего страха». В язык входят связанные со смертью слова, для которых даже нет адекватных аналогов в русском языке.

Таково, например, впервые появившееся в литературном французском языке в 1376 г. важное слово *macabre* (многие исследователи пытались выяснить происхождение слова, есть целый ряд несводимых гипотез). Оно вошло во все европейские языки и в словарях переводится на русский язык как погребальный, мрачный, жуткий и т. п. Но эти слова не передают действительного смысла слова *macabre*, он гораздо значительнее и страшнее. В искусстве Запада создано бесчисленное множество картин, миниатюр и гравюр под названием «*La danse macabre*» — «Пляска смерти». Это — целый жанр (главное в нем то, что «пляшет» не Смерть и не мертвец, а «мертвое Я» — неразрывно связанный с живым человеком его мертвый двойник). Пляска смерти стала разыгрываться актерами.

В историю вошло описание представления Пляски смерти в 1449 г. во дворце герцога Бургундского. Хейзинга комментирует: «Если бы представили себе внешний облик такого спектакля: краски, движения, скольжение света и тени по фигурам танцующих — мы ощутили бы гораздо лучше истовость страха, вызывавшегося Пляской смерти в душах людей того времени».

Воздействие темы смерти и страданий на сознание людей в XV в. качественно изменилось благодаря книгопечатанию и гравюрам. Печатный станок сделал гравюру доступной буквально всем жителям Европы, и изображение Пляски смерти пришло практически в каждый дом. Граверы же делали и копии картин знаменитых художников. Более всего копий делалось с картин Иеронима Босха (1460–1516). Эти картины — концентрированное и гениальное выражение страха перед смертью и адскими муками. Говорят, что Босх создал

художественную энциклопедию зла всех видов и форм. Насколько велик был спрос на копии с Босха, говорит такая маленькая хитрость: свои первые гравюры великий художник П. Брейгель-старший подписывал не своим именем, а выдавал за гравюры с картины Босха.

На этом фоне и произошла Реформация — разрыв «протестантов» с Римской католической церковью («вавилонской блудницей»). Психолог Э. Фромм поясняет: «Самое значительное и длительное воздействие на развитие в Европе и во всем мире оказала все же Реформация... Материнская любовь церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал одиноким перед серьезным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности».

В гуманитарном знании есть такая особая тема: «страх Лютера». Суть ее в том, что Лютер был гениальным выразителем массовых страхов своего времени. У него страх перед дьяволом доходил до шокового состояния, порождал видения и вел к прозрениям. Но Лютер «сублимировал» свои страхи в такое эмоциональное и творческое усилие, что результатом его стали гениальные трактаты и обращения.

Нам трудно понять духовную и интеллектуальную конструкцию протестантства, слишком разнятся наши культурные основания, да и конструкция эта очень сложна, в ней много изощренной казуистики. То, что прямо касается нашей темы, упрощенно сводится к следующему. Лютер собрал под свои знамена столь большую часть верующих Европы потому, что указал путь для преодоления метафизического, религиозного страха. Во-первых, он «узаконил» страх, назвал его не только оправданным, но и необходимым. Человек, душу которого не терзает страх, — добыча дьявола. Во-вторых, Лютер «индивидуализировал» страх, лишил его заразной коллективной силы. Это произошло в результате отхода от идеи религиозного братства и коллективного спасения души. Отныне каждый должен был сам, индивидуально иметь дело с Богом, причем не столько со Спасителем, сколько с грозным Богом-Отцом. И великим даром Христа была уже не благодать, не искупление греха, а истинная вера. Как бы предвидя это, Лютер предупреждал: «разум — шлюха дьявола».

Через индивидуальную веру и лежит путь к преодолению страха у Лютера: «Страх излечивается внутренним слышани-

ем Бога в себе». Эта вера стала личным, индивидуальным убежищем от страха. Но произошедшая при отказе от коллективного спасения атомизация в свою очередь беспредельно увеличила страх и массовое озлобление, которое надолго погрузило Запад в хаос. «Страх Лютера» породил такую охоту на ведьм, с которой ни в какое сравнение не идут преследования католической Инквизиции (миф о ней — порождение XIX в. как часть большой программы манипуляции сознанием). При сравнительно небольшом еще населении Европы, в ходе Реформации здесь было сожжено около миллиона «ведьм».

Но и сами «ведьмы» были переполнены злобой (в большинстве случаев, видимо, шла речь о женщинах с маниакальным синдромом — есть исследования по истории психических заболеваний той эпохи, опирающиеся на анализ протоколов допроса «ведьм»). Ницше пишет о том времени: «Еретики и ведьмы суть два сорта злых людей: что в них есть общего, так это то, что и сами они чувствуют себя злыми, но при этом их неодолимо тянет к тому, чтобы сорвать свою злобу на всем общепринятом (будь то люди или мнения). Реформация — своего рода удвоение средневекового духа ко времени, когда он утратил уже чистую совесть, — породила их в огромном количестве».

Реформация привела и к Тридцатилетней войне, в которой погибло 3/4 населения Чехии и 2/3 населения Германии. Это навсегда запечатлелось в исторической памяти западного человека. Главной темой гравюр Дюрера и Гольбейна снова становится смерть — уже как следствие страшных религиозных войн и массовых казней. Масштабы их не поддаются воображению.

Идея смерти и возрождения и по сей день составляет одну из главных тем протестантских проповедников, а в XIX в. она лежала в основе особого жанра проповедей в США — Revivals. Они превращались в массовые спектакли, на которые съезжались люди за сотню миль, в повозках с запасами пищи и постельным бельем на много дней. Осталось подробное описание одного такого сборища в штате Кентукки в августе 1801 г. На него собралось 20 тыс. человек. Проповедники доводили людей до такого ужаса, что те обращались в паническое бегство, а многие падали в обморок, и поляна походила на поле битвы, покрытое распростертыми телами. Поскольку успех проповеди определялся числом «упавших», то велся их

точный учет. В один из дней число людей, потерявших сознание от ужаса, составило 3 тыс. человек.

Итог становлению «страха Лютера» подвел датский философ С. Кьеркегор в трилогии «Страх и трепет» (1843), «Понятие страха» (1844) и «Болезнь к смерти» (1849). Здесь страх предстает как основополагающее условие возникновения индивидуума и обретения им свободы. Речь, разумеется, идет не о реальном страхе — «человек сам создает страх».

Кьеркегор пишет:

«Страх — это возможность свободы, только такой страх абсолютно воспитывает силой веры, поскольку он пожирает все конечное и обнаруживает всю его обманчивость. Ни один Великий инквизитор не имел под рукой столь ужасных пыток, какие имеет страх, и ни один шпион не умеет столь искусно нападать на подозреваемого как раз в то мгновение, когда тот слабее всего, не умеет столь прельстительно раскладывать ловушки, в которые тот должен попасться, как это умеет страх; и ни один пронизательный судья не понимает, как нужно допрашивать обвиняемого — допрашивать его, как это делает страх, который никогда не отпускает обвиняемого — ни в развлечениях, ни в шуме повседневности, ни в труде, ни днем ни ночью».

Сегодня мы обязаны читать такие вещи, как это ни трудно нам, вскормленным Православием, Пушкиным и русскими сказками. Ведь открыто объявлена культурная сверхзадача — сделать нас протестантами (хотя бы второсортными), «вернуться в Запад». Надо же нам знать, какими нас бы хотели видеть новые духовные вожди. Где же идеал? Чем воспитал себя свободный индивидуум Запада?

И нам говорят — страхом:

«Страх становится для него прислуживающим духом, который даже против собственной воли вынужден вести его туда, куда он, охваченный страхом, хочет идти. Потому, когда страх возвещает о своем приходе, когда он хитроумно показывает, что нашел теперь некое совершенно новое средство ужасать, которое намного ужаснее всего, что применялось прежде, он не уклоняется и уж тем более не пытается удержать страх на расстоянии шумом и путани-

цей — нет, он приветствует приход страха, приветствует его празднично, так же как Сократ радостно принял чашу с ядом, он закрывается ото всех вместе со страхом, он говорит, как пациент перед операцией, когда этой болезненной операции пора начаться: «Ну что ж, теперь я готов». И страх входит в его душу и внимательно осматривает все, и устрашениями выманивает из него все конечное и мелкое, а затем ведет его туда, куда он хочет идти» (С. Кьеркегор).

Религиозный страх Реформации был усилен социальным страхом от разрушения общины (церковной, крестьянской, ремесленной). Протестантизм был тесно связан с возникновением буржуазного общества и присущего ему индивидуализма. Н. Бердяев, этот философ свободы, писал в книге «Смысл истории» (1923):

«В Средние века человек жил в корпорациях, в органическом целом, в котором не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью целого, с которым он чувствовал связанной свою судьбу. Все это прекращается в последний период новой истории. Новый человек изолируется. Когда он превращается в оторванный атом, его охватывает чувство невыразимого ужаса, и он ищет возможности выхода путем соединения в коллективы».

На другие исходы из страха индивида указывает Э. Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почвы, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм». В конечном счете фашизм — результат параноидального, невыносимого страха западного человека.

Следующую мощную струю страха добавила Научная революция, разрушившая упорядоченный Космос и сбросившая человека с вершины мироздания. Первой реакцией на образ мира, данный Коперником, был страх. Даже великий мыслитель того времени Паскаль признавался: «Вечное безмолвие этих бесконечных пространств страшит меня».

«Страх, создаваемый самим человеком», углубило Просвещение. Казалось бы, весь пафос этого культурного движения,

«преодолевающего» религию, был направлен на освобождение человека от страха посредством возвышения разума, рационального мышления. Заместив Церковь наукой, Просвещение приняло на себя миссию построения светской морали, задающей буржуазную добродетель. Для этого было воздвигнуто целое здание новой педагогики и новой системы воспитания (включая школу, о которой речь пойдет отдельно).

Кульť рациональности в буржуазной культуре неожиданно породил в человеке его Другое — обострил иррациональное (изучавший культуру Китая английский историк Нидхэм назвал это шизофренией европейского мышления, очень специфическим, присущим лишь Западу явлением). Это иррациональное, «природное» в человеке трактовалось буржуазной моралью как нечто угрожающее и постыдное. Под воздействием этой морали в индивидууме возник т. н. «внутренний страх» — страх перед его собственной «непобежденной природой».

Во всей программе Просвещения проблема страха перед природой — центральная. Сама наука явилась выражением воли к власти над Природой, а страх перед нею рассматривался как беспочвенное и даже нездоровое чувство. В донаучном, космическом мироощущении страх перед природой на деле был направлен на то «надприродное», что стоит за всеми явлениями и вещами, это был страх перед Богом. Находясь в центре Вселенной, человек за все отвечал перед Богом.

Просвещение дало совершенно новую картину мира, в которой все вещи и явления природы были представлены как следствия простых, познаваемых и математически выражаемых причин. Бог исчез из природы, а человек, освободившись от ответственности за нее перед Богом, превратился в господина природы (Просвещение называют «теологией господства над природой»). Это устранило иррациональный страх перед природой (остался, конечно, разумный страх перед реальными естественными опасностями, но не об этом страхе речь).

Утрата страха перед внешней природой породила исторически новую форму страха перед природой внутренней (Просвещение — эпоха, которая «страдала от омрачения души»). Никакой социальный слой в истории так не жаловался на неблагополучие своего душевного состояния, как буржуазия эпохи Просвещения. Буржуазное общество стало первым обществом, перенесшим принуждение во внутреннюю сфе-

ру — посредством создания внутреннего страха. Будучи оборотной стороной «буржуазной добродетели», этот страх стал одним из главных элементов консолидации гражданского общества. Выражением его стали чувство вины, угрызения совести, подавленная сексуальность (перенесенная в мир подсознания, фантазий и извращений).

Возникла педагогика, требующая тотального господства разума и объявившая войну фантазиям и влечениям как силам, разрушающим рациональное мышление. Это породило в человеке страх перед собственными влечениями как постыдными нарушениями общественной морали и добродетели. Чем больше «расколдовывался» мир, тем сильнее страх загонялся внутрь. Этому непредусмотренному эффекту от Просвещения посвящали свои труды многие философы XIX и XX вв. Уже наши современники Т. Адорно и М. Хоркхаймер считают, что именно сформулированное Просвещением требование тотального господства разума привело к раздвоению и самоотчуждению человека — болезни современного западного общества.

В этой главе мы не рассматриваем целенаправленно создаваемые буржуазным обществом «социальные страхи» — перед голодом, бедностью, безработицей. Будучи поначалу рациональными, со временем эти страхи приобрели на Западе экзистенциальный характер, стали почти религиозными. Виднейший американский социолог Р. Мертон в книге «Социальная теория и социальная структура» (1968) пишет: «Непрекращающаяся конкурентная борьба вызывает острое беспокойство индивидов по поводу своего статуса. Один из способов уменьшения этого беспокойства — постоянное снижение уровня притязаний. Страх вызывает бездействие или, точнее, действие строго в рамках заведенного порядка».

В поисках избавления от страха и перед Богом, и перед моралью буржуазного общества, Ницше пришел к нигилизму, к идее сверхчеловека, вставшего «по ту сторону добра и зла». В этих метаниях он зашел в тупик. «Господствовать — и не быть больше рабом Божьим: осталось лишь это средство, чтобы облагородить людей», — на этом пути пришел он к убийству Бога. «Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх» — отсюда выросла белокурая бестия, отрицающая мораль.

Когда читаешь о случаях массовой паники в странах «рационального» Запада уже в наше время, больших трудов стоит

поверить фактам — настолько они непривычны. Имеется множество описаний коллективного страха, охватившего США во время передачи радиопостановки по роману Г. Уэллса «Война миров». Дело было в 1938 г. Радиопостановка «Вторжение с Марса» передавалась как репортаж с места событий. Население восточных штатов, на которые вещало радио, в массе своей поверило, что речь идет о реальном событии, и испытало массовый приступ страха. Этот непреднамеренный случай искусственно созданной паники стал предметом многих исследований и дал важное знание. Один из выводов гласил, что условием для такой странной и заразной внушаемости массы американцев была общая неустойчивость эмоциональной сферы, вызванная длительным экономическим кризисом (Великая депрессия) и тем возбуждением, которое породили Мюнхенские соглашения и ожидание войны.

Впоследствии, уже в порядке эксперимента, радиопостановка «Вторжение с Марса» была повторена в странах, переживающих социально-экономическую нестабильность или кризис, — с тем же результатом, что и в США. В ноябре 1944 г. эта передача вызвала массовую панику в Сантьяго де Чили. А в феврале 1949 г. в столице Эквадора Кито вызванная передачей паника закончилась человеческими жертвами, увечьями и сожжением здания радиостанции.

Ю.А. Шерковин в книге «Психологические проблемы массовых информационных процессов» описывает другие подобные случаи коллективного страха, создаваемого радиопередачами (по некоторым случаям потом сделали сценарии остросюжетных фильмов). Для нас интересен вывод книги: вся история систем массовой коммуникации в СССР и социалистических странах не имеет ни одного прецедента, хоть отдаленно напоминающего эти случаи. И дело не только в том, что политика радио не была манипуляционной, — не было манипулируемым само массовое сознание. Панику не удалось бы создать, даже если бы манипуляторы захотели это сделать посредством радиопередач. Сфера чувств советского человека не была для этого подготовлена всеми историческими культурными условиями.

§ 4. Страхи и тип культуры

Когда мы окидываем мысленным взглядом нашу историю, сравнивая с историей становления человека Запада, сразу бросается в глаза эта разница: никогда русскому человеку не

вводился в сознание вирус мистического страха. Этого не делало Православие, этого не делали народные сказки про Бабу Ягу. Наши грехи поддавались искуплению через покаяние, и даже разбойник Кудеяр мог надеяться на спасение души.

Выше говорилось о «западном» страхе смерти. Русский человек, не утративший исторической памяти, знает, что ничего подобного на Руси не было, несмотря на страшные войны и бедствия. Смерть и проблема спасения души занимали большое место в мыслях и чувствах православного человека, но философия смерти была окрашена лирическим чувством, любовью к земле, оставляемым близким и к тем, кто ушел раньше. В первом томе труда В. Даля «Пословицы русского народа» смерти посвящен самый большой раздел. Но нет в нем ни одной пословицы, отражающей экзистенциальный страх.

Само событие встречи со Смертью представлено пословицами как дело давно продуманное и не представляющее катастрофы. В смерти человек не только не одинок, он особенно чувствует поддержку братства: «Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли», «Люди мрут, нам дорогу трут; передний заднему — мост на погост». Даже в прощанье видна теплота: «Помрешь, так прощай, белый свет — и наша деревня!». Й. Хейзинга в главе о европейском восприятии смерти в позднее Средневековье подчеркивает, что в нем совершенно отсутствуют лирические мотивы и теплые нотки — лишь высокий и чистый ужас.

Против страха вечных мук грешного человека выступили все виднейшие русские религиозные философы начала XX в. В.В. Розанов говорил о всепрощении на небесах рода людского. Близок к нему был Н.А. Бердяев, высказавший мысль, что ад придуман «утонченными садистами». Н.Ф. Федоров считал нелепостью, что «одни (грешники) осуждаются на вечные муки, а другие (праведники) — на вечное созерцание этих мук».

Конечно, со строго богословской точки зрения русские православные философы, видимо, были на грани ереси, но они выражали архетипы национальной культуры. Н.Ф. Федоров ставил даже вопрос о принципиальной возможности через соборность избежать Страшного суда. Н.А. Бердяев писал об этой мысли Н.Ф. Федорова: «Апокалиптические пророчества условны, а не фатальны, и человечество, вступив на путь христианского «общего дела», может избежать разруше-

ния мира, Страшного суда и вечного осуждения. Н. Федоров проникнут пафосом всеобщего спасения и в этом стоит много выше мстительных христиан, видящих в этой мстительности свою ортодоксальность».

Научная картина мира пришла в Россию, не потрясенную Реформацией и буржуазной революцией. Она воспринималась с трудом, но страха не вызвала. В политической сфере в России жестокие правители, от Ивана Грозного до Сталина, внушали людям страх вполне разумный, реалистичный. Страх эпохи сталинизма, о котором поведали в перестройку либеральные интеллигенты, есть, по всем признакам, именно «западный» страх. Недаром многие считали все эти выступления чистой «идеологией». Видимо, простые люди ошибались — страх элиты был настоящим, но он был чужим для тех, кого не овеял «западный» дух.

Не успел возникнуть в России и «внутренний» страх перед буржуазной моралью и перед возможной потерей буржуазного статуса, не нагнетали страха и перед ядерным апокалипсисом. Когда после аварии на Чернобыльской АЭС из городка было срочно эвакуировано население, перед милицией встала немыслимая для Запада проблема: жители, тайными тропами обходя заслоны, повадились возвращаться в покинутые жилища за вещами. А потом и жулики потянулись — стянуть, что плохо лежит. В зараженную зону!

Можно принять как общий вывод: вплоть до последнего времени в культуре России не играл существенной роли экзистенциальный страх — страх перед самим существованием человека, страх как важная сторона самой его жизни. Православие и выросшая на его почве культура делали акцент на любви. И это уже само по себе не оставляло места для экзистенциального страха: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (Первое послание Иоанна, 4, 18).

Однако в той части граждан, которые в наибольшей степени были проникнуты рациональным способом мышления и западническими иллюзиями, удалось раскатать невротический страх. Речь идет не о том разумном страхе перед реальными опасностями, который необходим, чтобы жить в меняющемся, полном неопределенностей мире. Речь идет о страхе внушенном, бредовом, основания которого сам человек не может объяснить. В него запустили идею-вирус, идею-матрицу, а он уже сам вырос-

тил монстра, который лишил его способности соображать. Так, значительная часть интеллигенции проголосовала в 1996 г. за Ельцина. Социологи, изучавшие мотивы этого выбора, пришли к выводу: в нем доминировал страх — перед Зюгановым!

Этот страх не мог быть подтвержден никакими разумными доводами, и этих доводов в разговорах получить было невозможно. Более того, когда удавалось собеседника настроить на рассудительность, на уважение к законам логики, он соглашался, что никакой видимой связи между сталинскими репрессиями и КПРФ не только нет, а более того, именно среди коммунистов сильнее всего иммунитет к репрессиям. Если где-то и гнездится соблазн репрессий, то именно среди харизматических политиков-популистов. Тем не менее предвыборная стратегия, основанная на страхе, оказалась успешной.

Мы видели и другие проявления невротического, иррационального страха. В августе 1991 г. М. Леонтьев писал в «Независимой газете»: «Никогда ни в одном государстве мира военный переворот не означал такой физически ощутимой угрозы жизни для десятков тысяч предпринимателей. И никогда демократия не получала столь единодушной поддержки от бизнеса». Тут мы видим отщепление от народа некоторой группы по важному культурному признаку: она стала подвержена «западному» страху. Значит, подвержена новым, непривычным для нас методам манипуляции поведением.

И это уже опасно. Как писал в получившем тогда известность «Дневнике» один из защитников «Белого дома» журналист С. Хабиров, «по сути мы — участники пока еще тихой гражданской войны: две группы граждан — готовы стрелять друг в друга. Во всяком случае, люди, охраняющие “Белый дом”, вполне способны это делать...». Военные, как известно, стрелять ни в кого не собирались, психологически к этому совершенно не были готовы, да и приказы это строго-настрого запрещали. А сторонники Ельцина, оказывается, были «вполне способны это делать». Это — эффект деформации сознания.

В целом культивирование страха было важной составной частью всей идеологической программы. Для этого были использованы все возможные темы: репрессий 1937 г., голода, дефицита, технологических катастроф, преступности, СПИДа, экологических опасностей, межнациональных войн и полицейского насилия. При этом в каждой теме образы страха накапливались в массовое сознание средствами государственной

машины пропаганды, а потом и «независимого» телевидения. Оно непрерывно показывало ужасные сцены разгрома Бендер, а потом бомбардировок Грозного, избиения демонстраций и, наконец, расстрела Верховного Совета РСФСР, заснятого как спектакль заранее установленными камерами.

Конечно, нагнетанию страхов в разных слоях российского общества способствует сама жизнь. Западные эксперты используют как количественный показатель нарастания страха рост числа телохранителей. По этому показателю можно говорить уже о шизофреническом страхе: в советское время всего около трех десятков человек в Москве имели личную охрану. Сейчас крупные коммерческие структуры тратят на охрану около трети своих прибылей. Тем не менее в конце 1996 г. примерно половина всех бизнесменов в России находилась в постоянной тревоге за свою жизнь и жизнь своих близких.

Второй индикатор страха — общая уверенность бизнесменов и высших чиновников, что их телефон прослушивается. Этот страх также приобретает характер паранойи. Простой обыватель, видимо, этим невротическим страхам не подвержен. Для него обычен вполне реальный и здоровый страх перед расплодившимися преступниками при ослаблении правоохранительных органов.

Профессор Мичиганского университета В.Э. Шляпентох (специалист по России и бывший советский социолог) пишет: «Страх за свою жизнь влияет на многие решения россиян — обстоятельство, практически неизвестное в 1960–1980-х годах... Судьи боятся, и не без основания, обвиняемых, налоговые инспекторы — своих подопечных, а милиционеры — преступников. Водители смертельно боятся даже случайно ударить другой автомобиль, ибо “жертва” может потребовать компенсации, равной стоимости новой машины или квартиры».

Эти реальные страхи — другая тема. Для нас здесь важно то, что они создают основу для искусственного превращения их в страх шизофренический с целью создания благоприятной обстановки для манипуляции массовым сознанием — прежде всего в политических целях.

§ 5. Страхи «холодной войны»

Новая волна иррационального страха охватила Запад с началом «холодной войны». Бесплезно было взывать к рассудку и объяснять, что СССР не желает и не может угрожать США

войной. Кумир общественного мнения А. Эйнштейн писал в январе 1948 г.: «Мы не должны забывать, что нет абсолютно никакой вероятности того, что какая либо страна в обозримом будущем нападет на Соединенные Штаты, и меньше всего Советский Союз, разрушенный, обнищавший и политически изолированный». Бесполезно.

В январе 1951 г. Эйнштейн повторил:

«Нынешняя политика Соединенных Штатов создает гораздо более серьезные препятствия для всеобщего мира, чем политика России. Сегодня идет война в Корее, а не на Аляске. Россия подвержена гораздо большей опасности, чем Соединенные Штаты, и все это знают. Мне трудно понять, как ещё имеются люди, которые верят в басню, будто нам угрожает опасность. Я это могу объяснить лишь отсутствием политического опыта. Вся политика правительства направлена на превентивную войну, и в то же время стараются представить Советский Союз как агрессивную державу».

Один из разработчиков доктрины Трумэна и всей концепции «холодной войны», лучший эксперт США по СССР, действительно знаток России, директор Группы планирования госдепартамента США Дж. Кеннан сказал в 1965 г. о первом этапе «холодной войны»: «Для всех, кто имел хоть какое-то, даже рудиментарное, представление о России того времени, было совершенно ясно, что советские руководители не имели ни малейшего намерения распространять свои идеалы с помощью военных действий своих вооруженных сил через внешние границы... [Это] не соответствовало ни марксистской доктрине, ни жизненной потребности русских в восстановлении разрушений, оставленных длительной и изнурительной войной, ни, насколько было известно, темпераменту самого русского диктатора». Таким образом, дошедший до психоза страх перед СССР был вызван вполне сознательно.

Когда готовились планы «холодной войны», американский Институт по изучению общественного мнения начал периодические опросы населения США, обращаясь с вопросом: «Ожидаете ли вы войну в течение ближайших 25 лет?» В конце 1945 г. утвердительный ответ дали 32 % опрошенных, в 1946 г. — уже 41 %, а еще через год — 63 %. Речь шла о

массовом страхе, охватившем большинство населения США. При том что, как показывают опубликованные в последние годы документы, командование вооруженных сил США конфиденциально признавало, что никакой военной угрозы от СССР не исходило.

Сфабрикованный в США массовый страх стал продуктом крупнейшей (до перестройки в СССР) программы по манипуляции сознанием. Именно опираясь на страх, американцев убедили, что СССР угрожает им войной. Это было началом большой трагедии. Известно, что в состоянии иллюзорного страха человек (или целое общество) не способен подойти к угрожающему объекту как субъекту с собственными законными идеалами и интересами, понять его, представить, что он переживает. Единственным желанием становится уничтожение объекта страха.

6 марта 1946 г. в Фултоне Черчилль в присутствии Трумэна объявил «холодную войну» СССР. На самом деле еще до речи в Фултоне, 14 декабря 1945 г., Объединенный комитет военного планирования США принял директиву, в которой определил 20 городов СССР, по которым предполагалось произвести атомную бомбардировку с использованием всех 196 атомных бомб, которыми располагали США. По мере накопления арсеналов число городов, предназначенных для бомбардировки, возрастало.

Но нас интересует не это, а характер того страха, который овладел средним американцем, когда стало известно, что СССР также стал обладателем атомной бомбы. Это явление известно как «ядерный страх». Он сразу же приобрел черты страха иррационального, так что Федерация ученых-атомщиков США организовала крупное исследование психологов с целью найти средства ввести этот страх в разумные рамки.

Директор Центра истории физики С.Р. Верт, который в течение пятнадцати лет изучал это явление, описывает его в большой книге «Ядерный страх: история образов». С самого начала психологи поставили своей целью «мобилизовать здоровый страх, побуждающий к действию и реализации эффективных мер против реальной опасности войны» — превратить иллюзорный страх в реальный. В целом эта цель не была достигнута, и ядерный страх в США обрел те же черты, что и страх X в., страх перед чумой в XIV в., «страх Лютера» — черты экзистенциального страха западного человека.

С. Верт описывает, как в стране возникла целая система нагнетания страха, которая вошла в резонанс, так что любые действия и сообщения (например, создание системы гражданской обороны) вместо снижения уровня страха способствовали его росту. В результате в начале 50-х гг. эксперты считали, что главную опасность для США составляют уже не сами атомные и водородные бомбы СССР как средство разрушения, а та паника, которая возникла бы в случае войны. С. Верт отмечает также, что в СССР подобного страха не возникло. Он объясняет это тем, что советские средства массовой информации не занимались нагнетанием страха, а интенсивно распространяли знание об использовании атомной энергии в мирных целях. Причины, однако, лежат глубже, дело в самом типе культуры¹.

Длительное и широкое исследование «ядерного страха» дало важное знание. Ученые столкнулись с явлением, затронувшим глубинные слои психики, так что отсутствовали привычные корреляции с социальным положением, уровнем образования или осведомленностью о реальной опасности. Особенно уязвимой оказалась психика молодежи. Здесь наиболее часто наблюдался крайний механизм самозащиты сознания, который срабатывает в безвыходных положениях, — «оцепенение». Это — подавление, отрицание всяких образов опасности, циничная покорность.

С. Верт пишет, что больше всего психологов беспокоил тот факт, что к концу 60-х гг. это «оцепенение» охватило и тех, кто по долгу службы был обязан сохранять реалистичное отношение к проблеме, — военных и политических деятелей, а затем и самих исследователей «ядерного страха». Этот факт усилил тревогу, т. к. в массовом сознании возникло сомнение в том, что власти держат ядерную проблему под контролем. Страх с ядерного оружия распространился на атомные реакторы, а затем и на все проявления ядерной энергии. В 70-х гг. положение ухудшилось, так как психологи установили, что и персонал атомных станций подпал под воздействие «ядерного страха».

Иррациональность этого страха была видна уже из того, что тяжелейшие технологические катастрофы воспринима-

---

¹ После черныбыльской катастрофы советские СМИ сделали все возможное, чтобы создать в стране ядерный психоз. Та кампания стала важной главой в перестройке, однако массового иррационального страха вызвать не удалось.

лись несравненно более спокойно, чем небольшие инциденты на АЭС (например, катастрофа на принадлежащем американской фирме химическом заводе в индийском городе Бхопала, при которой погибло более 2 тыс. человек и более 10 тыс. остались инвалидами). Более или менее серьезная авария на АЭС «Тримайл-Айленд» в Пенсильвании вызвала такую вспышку страха, что пресса всерьез сравнивала ее с Хиросимой и концом света. На основании отчетов многих исследовательских групп, С. Верт пишет о масштабах той паники: «Это был ядерный страх в действии, всеохватывающий и ненасытный, распространившийся как в среде рядовых граждан, так и в высших сферах власти».

Разумеется, ядерный страх в США использовался в политической рекламе, направленной не только на создание нужного образа «внешнего врага», но и во внутренней политике. Одним из самых сильных политических роликов считается фильм «Дейзи», выпущенный демократами во время выборной кампании 1964 г. Целью было дискредитировать опасного конкурента, правого консерватора республиканца Б. Голдуотера. В фильме маленькая девочка обрывает лепестки ромашки и считает: один, два, три... А потом за кадром мужской голос начинает обратный счет: десять, девять, восемь. При счете ноль — лицо ребенка крупным планом, глаза, полные ужаса, и из них вырастает гриб ядерного взрыва. Фильм был показан всего один раз за два месяца до выборов, но произвел такое впечатление, что множество людей звонило в Белый дом, требуя «остановить Голдуотера». Бедного Барри погубил страх американцев перед ядерной войной.

Сегодня, когда рассекречены многие документы «холодной войны», мы обнаруживаем, что за многими действиями противников СССР, которые выглядели как цинизм, стоял самый настоящий, искренний, нам непонятный страх. Например, официальные лица США признались, что в 50-е гг. на территории нейтральной Австрии без согласования с ее правительством было создано более полусотни тайных складов оружия и боеприпасов. Командование армии США решило, что Советы вот-вот оккупируют Европу, и подготовило базу для партизанской войны. Скандал сегодня возник оттого, что секретные карты размещения этих тайников потерялись и многие из складов не удается отыскать.

Почему же эта способность создавать в воображении преувеличенный образ страха стала основой для целой стратегии манипуляции сознанием? Потому, что иррациональный страх — очень действенное средство «отключения» здравого смысла и защитных психологических механизмов. Потрясенный страхом человек легко поддается внушению и верит в любое предлагаемое ему «спасительное» средство. Массовый (и часто подсознательный) страх как предпосылка для программирования поведения проверен психологами рекламных агентств в ходе крупных кампаний. Одной из них было создание в США массового рынка холодильников.

Психологи, изучавшие скрытые страхи в период Второй мировой войны, пришли к выводу, что американцы испытывают большую потребность в вещах, служащих символом безопасности и стабильности, предсказуемости будущего. У многих был обнаружен комплекс «желания вернуться в детство», символом которого была мать, надежно оберегавшая свое дитя от голода. Эксперты посчитали, что вещью, которая может взять на себя функции такого символа, мог бы стать холодильник: «для многих людей холодильник представляет гарантию, что дома всегда будет еда, а еда в доме обозначает покой, тепло и безопасность».

Исследования показали также, что еда символизирует нечто гораздо большее, чем просто питание. Люди, испытывающие страх перед будущим (страх, никак не связанный с проблемой питания), склонны создавать дома запасы еды, гораздо большие, чем они способны съесть. Запасы еды снимают беспокойство.

История массового спроса на холодильники в США тем более красноречива, что экономическими расчетами и здравым смыслом этот спрос не подкреплялся. В США не было перебоев с продуктами питания. Согласно анализу специалистов, стоимость холодильника, потребляемой энергии и тех продуктов, которые залеживались в холодильниках и выбрасывались на помойку, была такова, что с прагматической точки зрения покупка холодильника была абсолютно бессмысленной. Тем не менее психологи предвидели массовый спрос, было создано массовое производство, реклама исходила из наличия подавленного страха, и расчеты подтвердились.

Аналогичным образом впоследствии был предсказан успех другой вещи-символа, снимающей скрытые страхи, —

кондиционера воздуха. Кампания рекламы этого товара представляла его как средство отгородиться от внешнего мира. С кондиционером человек мог спать при закрытых окнах, так что ничего «опасного» не могло проникнуть в жилище извне. Нечего и говорить о том, что в политике выводы психологов и психоаналитиков были использованы в полной мере, часто даже с перебором.

§ 6. Страх терроризма

Для России сегодня актуальным стал давно разработанный на Западе страх терроризма как эффективное средство манипуляции сознанием. Понятие террора (*terror* значит ужас) ввел Аристотель для обозначения особого типа ужаса, который овладевал зрителями трагедии в греческом театре. Это был ужас перед небытием, представленным в форме боли, хаоса, разрушения. Считается, что осмысление террора посредством театра породило ритуал суда как разновидности театра, побеждающего террор через закон. Позже на волне Просвещения на Западе был открыт этот мощный метод воздействия на мысли и поведение граждан — террор. Доктрина превращения страха в орудие власти принадлежит якобинцам и подробно изложена в сочинениях Марата. Для создания массового страха новое государство шло на разрушение собственного образа как гаранта права — государство само организовывало «как бы стихийные» погромы тюрем с убийством политических заключенных. Марат же сформулировал важнейший тезис: для завоевания или удержания власти путем устрашения общества (это и есть смысл слова «террор») необходимо создать обстановку массовой истерии.

Вслед за государством террор в «войне всех против всех» стали использовать и политические силы, борющиеся с государством. Так возник терроризм как средство устрашения общества и государства в политических целях. Он также возник как своего рода политический театр, зрители которого испытывают ужас. Главной целью его является не убийство конкретных личностей, а именно воздействие на чувства широкого круга людей. Согласно принятому в американской политологии понятию, терроризмом является «угроза или использование насилия в политических целях отдельными лицами или группами, которые действуют как на стороне, так и против существующего правительства, когда такие действия

направлены на то, чтобы оказать влияние на большее число людей, чем непосредственные жертвы». Заметим, что терроризм бывает проправительственный, а часто и государственный. Но главное — правящие круги научились использовать в своих целях страх, создаваемый террористами любых мастей, так что часто трудно бывает точно определить, кем созданы «красные бригады» или «летчики Бен Ладена» и на кого они работают.

Таким образом, терроризм — средство психологического воздействия. Его главный объект — не те, кто стал жертвой, а те, кто остался жив. Его цель — не убийство, а устрашение и деморализация живых. Жертвы — инструмент, убийство — метод. Этим терроризм отличается от диверсионных действий, цель которых — разрушить объект (мост, электростанцию) или ликвидировать противника. Иногда цели совпадают (например, в покушениях на политических деятелей), но мы будем говорить лишь о терроризме, направленном против населения.

Выше говорилось, что есть страх разумный, когда человек верно определяет источник и величину опасности и принимает меры, которые ее снижают. Есть страх неадекватный (невротический), когда человек или впадает в апатию, или совершает действия, вредные или даже губительные для него самого. Цель террористов — создание именно невротического страха. Деморализованные и запуганные люди делают сами, требуют от властей или хотя бы одобряют действия, которые этим людям вовсе не выгодны. Иногда это действия, которые выгодны террористам (шире — заказчикам, нанимателям террористов). Иногда самый большой выигрыш получают политики, которые бесплатно пользуются «чужим» терактом.

Терроризм возник вместе со СМИ и связан с ними неразрывно. Современный терроризм — родной брат телевидения. Бомбардировки Ирака, расстрел Дома Советов или нападение на башни Торгового центра в Нью-Йорке не имели бы смысла, если бы телевидение не донесло их в каждый дом.

Уже газеты в XIX в. были абсолютно необходимы для терроризма, но крови приходилось лить много — газеты не передают вида крови. Читать и слышать — это не то что видеть. Мы не можем жить без газет и телевидения, но эти средства могут быть пособниками террористов в создании неадекватного страха, а могут быть «антитеррористами».

Вообще, катастрофы и трагические события, особенно гибель невинных людей, используются политиками для изменений в универсуме символов. Например, термин «империя зла», введенный Рейганом для обозначения СССР и начала мощной информационно-психологической атаки, появился после катастрофы — гибели корейского пассажирского лайнера, нарушившего воздушное пространство СССР и сбитого советским истребителем в 1983 г. В целях манипуляции сознанием это событие было особым образом интерпретировано, стало мифологическим событием. Напротив, гораздо более потрясающий акт — уничтожение американской ракетой иранского пассажирского лайнера среди бела дня в воздушном пространстве Ирана — не было использовано в целях пропаганды, не было мифологизировано и потому никакого влияния на массовое сознание не оказало.

Террористический акт 11 сентября 2001 г. в США был использован для создания мифа глобальных масштабов. Была проведена огромная акция по манипуляции сознанием, которая настолько подорвала старый универсум символов, что ни одна страна не решилась поставить под сомнение право США полностью отбросить нормы международного права (например, совершать военные действия против любой страны без согласия ООН и даже без всяких разумных оснований).

Эта кампания положила конец безвременью, возникшему после окончания «холодной войны». Когда существовала «империя зла», все для западного обывателя было ясно и понятно. И вдруг этот враг, образ которого легитимировал политику США, исчез. Какое-то время США пытались реанимировать миф о «красно-коричневой угрозе», исходящей из РФ. Однако вскоре эта «угроза» перестала восприниматься всерьез. Мощные удары «международных террористов» восстановили равновесие и вновь сплотили американское общество перед лицом невидимого, почти мистического врага.

В СССР терроризма не было во многом потому, что цели его были недостижимы. Советские СМИ не брали интервью у убийц и не транслировали ужас. А сегодня телевидение часто служит соучастником террористов, оно вдумчиво и творчески делает именно то, что им требуется. В 1996 г. телевидение поэтизировало Басаева, непрерывно показывало его мужественную бороду, старалось растрогать телезрителя («ах, у него при бомбежке погибла вся семья») и умилялось («ах, он подарил

русским детям-сиротам в Грозном телевизор»). Но главное, ему предоставлялся эфир — что абсолютно неприемлемо, если с терроризмом хотят бороться, а не помогать ему.

Кстати, все демократическое сообщество журналистов горой встало за репортера радио «Свобода» А. Бабицкого, который вещал из лагеря боевиков и которого арестовали в Грозном. Дело Бабицкого само по себе иллюстративно, но мы возьмем только его первую часть — его пребывание у боевиков, которое представили как право и даже обязанность журналиста. Иностранные журналисты регулярно находились в отрядах боевиков Басаева. 5 февраля 2000 г. по российскому телевидению даже показывали один такой отряд, представленный в передаче иностранной телекомпании. Бородатый боевик размахивал ножом и приговаривал: «Это для Путина. Я купил на пенсию».

А вот сообщение испанской газеты «Эль Паис» от 28 октября 1998 г. Влиятельная Ассоциация жертв терроризма заявила послу Великобритании официальный протест, который потребовала передать премьер-министру Тони Блэру, в связи с тем, что в телепередаче Би-би-си промелькнуло заявление двух членов террористической баскской организации ЭТА о том, что с 16 сентября эта организация объявляет перемирие и прекращает террористические акты. Итак, промелькнуло миролюбивое заявление — и официальная нота послу и премьеру. Что было, если бы корреспондент Би-би-си находился в банде террористов в Пиренеях и они бы размахивали ножом и обещали зарезать короля Испании — и это бы передавалось по всей Европе? Чудовищное несоответствие с тем, что происходит в России. Но вернемся к самому терроризму.

Терроризм имеет в качестве культурного основания нигилизм — отказ от общей этики. Он — продукт философии, которая декларировала как естественную норму жизни «войну всех против всех». Во время Французской революции террор стал официально утвержденным и морально оправданным методом господства и породил своего близнеца — терроризм как метод борьбы против власти. Затем, как ответ на терроризм оппозиции, возник государственный терроризм. Страны Запада культивируют у себя терроризм в контролируемых масштабах. Это — важное средство сплочения обывателей вокруг власти. Это — одно из самых сильных средств манипуляции сознанием и отвлечения внимания общества от

махинаций верхушки. Это — эффективное средство собирать радикальную молодежь из отверженных слоев общества и направлять ее энергию на ложные цели.

Трагическим следствием крупных террористических актов в Москве и созданного телевидением психоза надо считать тот факт, что чуть ли не все политики соблазнились идеей «учиться у Запада и Израиля», а то и «сотрудничать» с ними в борьбе с терроризмом в России.

Только на первый взгляд кажется, что речь идет о том, чтобы всего лишь «перенять технологию». За этой технологией стоит неотделимое от нее представление о добре и зле. Средства Запада не ставят целью искоренить терроризм, цель — поддерживать терроризм в заданных пределах. Тут видна утрата логики. Почему изживать терроризм мы должны учиться у Запада, где он процветает, а не у Советского Союза, где его и в помине не было?

В России вся огромная инфраструктура — трубопроводы, линии электропередач, связи и т. д. — строилась в расчете на стабильное общество. Она в принципе не может быть защищена от терроризма. В этих условиях одна возможность — искоренить терроризм в принципе. Но этого нельзя достичь «средствами Запада» — ковровым бомбометанием, пуском крылатых ракет «по базам», наймом провокаторов. Искоренить терроризм в России можно только одним способом — восстановив то жизнеустройство, которое лишает терроризм социальной и культурной базы.

Терроризм обязательно требует оправдания, легитимации в достаточно большой части народа. Террористы убивают и умирают за идеал, и чтобы его создать, надо сначала исковеркать их систему ценностей. Их надо убедить, что в отношении их группы (социальной, религиозной, этнической и т. д.) совершена нестерпимая несправедливость, которая может быть смыта только кровью. Тогда человеком движет чувство мести, которая как бы уничтожает несправедливость и восстанавливает равновесие в мире.

Первую работу, чтобы направить мысли и чувства чеченцев к мести, произвели, создав черный идеологический миф. Вместо «народа, отбывшего наказание» чеченцы вдруг были превращены в «репрессированный народ». Кто же их «репрессировал»? Россия! Накатившее затем резкое обеднение было воспринято как новая несправедливость — уж оно-то прямо было вызвано

действиями Москвы. Этого мало — Москва посадила к чеченцам Дудаева, а потом его же стала свергать разрушительной войной. Вина была на политиках, но с помощью пропаганды ее нетрудно было переложить на Россию в целом, на русских.

Речь не идет о том, чтобы оправдать тех, кто пошел в террористы, — их ответ преступный и неадекватный, и террористов приходится уничтожать. Но если не понять их мотивы и видеть только патологическую кровожадность или корысть, то нет никаких шансов на то, чтобы лишить терроризм легитимности. Пока что и военные, и чиновники, и масса простых людей без шума делают свое дело с умом и сердцем. И этим ограничивают терроризм. А главное, созданный было невротический страх быстро прошел. Культура пока что выполняет свою стабилизирующую роль.

Глава 9. Манипуляция и воздействие на память

§ 1. Запоминание, узнавание и внушение

В целях манипуляции сознанием приходится воздействовать на все виды памяти человека и разными способами. С одной стороны, надо, чтобы человек запомнил (а то и заучил до автоматизма) какую-то мысль, метафору, формулу (как во время референдума в 1993 г. надо было затвердить: «Да, да, нет, да!»). С другой стороны, бывает необходимо «отключить» его краткосрочную или историческую память, потому что они создают психологический барьер против внушения.

В пределе человек, не помнящий ничего из истории своего коллектива (народа, страны, семьи), выпадает из этого коллектива и становится совершенно незащищен против манипуляции. Это — важное условие для возможности подлогов и подмен предмета утверждений. Если люди быстро забывают реальность, то всякую проблему можно представить ложно, вне реального контекста. И обсуждение, даже если бы оно было, теряет рациональные черты — результат достигается на эмоциях.

Интуитивно люди чувствуют, что их связь с историей — огромная и жизненно важная ценность, хотя редко могут обосновать это логически. Почему такое беспокойство вызывает решение снести какой-нибудь старый, всем мешающий дом? Потому что он — реальный свидетель давних событий, и нам кажется, что мы можем опереться на него в нашей связи с историей. Еще более необъяснимым на первый взгляд

является тот священный смысл, который придается архивам. Зачем они? Опубликование документов почти ничего не изменит в нашей жизни. Да ведь сделаны уже и микрофильмы, и записаны документы на оптических дисках. Если ураган уничтожит подлинные документы, практически ничего не изменится — но сама эта опасность кажется нам страшной. Подлинные документы — свидетели истории. Как говорят, «их священный характер состоит в их диахронической функции», в обуздании Хроноса — времени, отделяющего нас от жизни наших предков. Чтобы манипулировать сознанием ныне живущих, надо эту связь разрывать.

Йохан Хейзинга (1872–1945) говорил, что в XX в. история стала «орудием лжи на уровне государственной политики», и никакая восточная деспотия древности в своих фантастических «свидетельствах» не доходила до такой манипуляции историей. В 1995 г. по Европе с триумфом прошел фильм английского режиссера Кена Лоха (*Ken Loach*) «Земля и воля», прославляющий дела троцкистов в годы гражданской войны в Испании. На презентации этого чисто идеологического фильма в Мадриде К. Лох выразился удивительно откровенно: «Важно, чтобы история писалась нами, потому что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее».

Рассмотрим сначала важность запоминания. Когда человек получает какое-то сообщение, его взаимодействие с памятью делится на два этапа: сначала происходит пассивное запоминание. Затем информация перерабатывается рассудком, и если она признается мало-мальски убедительной, эмоционально окрашенной и представляющей интерес, она «внедряется» в память и начинает воздействовать на сознание.

Таким образом, запоминаемость и убедительность находятся в диалектическом единстве. Чтобы не быть с ходу отвергнутым пассивной памятью, сообщение должно чем-то «зацепить» сознание, не показаться сразу полной чушью. Но чтобы внедриться в сознание, информация должна быть упакована в такую форму, чтобы оно запечатлелось в памяти. Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности. А. Моль подчеркивает: «На этом принципе и основана вся пропагандистская деятельность и обработка об-

шественного мнения прессой». Еще раньше ту же мысль выразил Геббельс: «Постоянное повторение является основным принципом всей пропаганды».

Исследователи пришли к печальному для простого человека выводу: то, что в результате частого повторения прочно запоминается, действует на сознание независимо от того, вызывает ли это утверждение возражения или одобрение: «Эффективность убеждения измеряется числом людей, у которых данное сообщение вызывает определенную реакцию, направленность же этой реакции несущественна». Направленность реакции несущественна! Тот, кто вперился в экран телевизора и десять раз в день слышит одно и то же сообщение, подвергается манипуляции, даже если каждый раз он чертыхается от возмущения.

Этот вывод проверен на коммерческой рекламе, ценность которой для ученых — в огромном количестве эмпирического материала. Мастера рекламы знают, что для ее эффективности неважно, вызывает ли она положительную или отрицательную реакцию, важно, чтобы она застряла в памяти. Так возник особый вид — «раздражающая реклама», подсознательное влияние которой тем больше, чем сильнее она возмущает или раздражает людей¹.

Специалистами в области информации проведено огромное количество исследований с целью выяснить характеристики сообщений, облегчающие запоминание. Так, обнаружено наличие критической временной величины («временной объем памяти»): целостное сообщение должно укладываться в промежуток от 4 до 10 секунд, а отдельные частицы сообщения — в промежутки от 0,1 до 0,5 секунды.

Чтобы воспринять рассуждение, которое не умещается в 8–10 секунд, человек уже должен делать особое усилие, и мало кто его пожелает сделать. Значит, сообщение просто будет отброшено памятью. Поэтому квалифицированные редакторы телепередач доводят текст до примитива, выбрасывая из него всякую логику и связный смысл, заменяя его ассоциациями образов, игрой слов, пусть даже глупейшими метафорами.

---

¹ В истории рекламы известен случай, когда фирма почти утонула оборот благодаря новой рекламе ее рубашек. Вместо обычного красивого улыбающегося мужчины в рубашку этой фирмы на рекламе был одет мрачный, кривой на один глаз тип.

Подробно изучено влияние эмоциональных элементов сообщения на его запоминаемость. Во всем балансе разных видов памяти (образной, словесной, звуковой и т. д.) главной для манипуляции сознанием является именно эмоциональная память. Запоминается и действует прежде всего то, что вызвало впечатление. Само слово говорит за себя — то, что впечаталось. Любая информация, если она не подкреплена «памятью чувств», быстро стирается, вытесняется.

Роль самых разных чувств в запоминании тщательно «взвешена», так что имеется целый ряд математических моделей, позволяющих делать количественные расчеты, «конструируя» передачи и выступления политиков. Одни сообщения целенаправленно внедряются в долгосрочную память, другие в краткосрочную, а третьи используются как нейтральное прикрытие, создающее общую правдоподобность.

Очень важна связь эмоциональной памяти и узнавания. В манипуляции сознанием узнавание играет ключевую роль, потому что порождает ложное чувство знакомства. Это становится предпосылкой согласия аудитории с коммуникатором (отправителем сообщения) — он воспринимается аудиторией как свой. Для «захвата» аудитории узнавание гораздо важнее сознательного согласия с его утверждениями. Поэтому так важно намозолить людям глаза с телеэкрана.

Все мы это постоянно видим в политике. В 1989 г. в народные депутаты прошла целая куча работников телевидения, которые просто вели популярные передачи. Они не были ни политиками, ни специалистами, ни духовными лидерами — инструмент, который озвучивал подготовленные редакторами тексты. И вот, стали депутатами, вершили судьбы страны.

Действуя через средства массовой информации, манипуляторы главную ставку делают на произвольное запоминание. Поэтому для них гораздо важнее создать поток сумбурных сообщений, чем изложить одну связную идею, которую человек обдумает и преднамеренно запомнит. Сумбурные сообщения откладываются в латентных, дремлющих слоях памяти и действуют подспудно, больше на подсознание. Они оживляются ассоциациями, новыми образами и сообщениями, которые их «будят». При этом для манипулятора даже неважно, как отнесся человек к сообщению, которое он запомнил произвольно.

При изучении процессов памяти психологи обнаружили явление «дремлющего эффекта»: отложенная в латентных

слоях памяти точка зрения, которая была отвергнута сознанием в момент произвольного запоминания, с течением времени, «отлежавшись», превращается сначала в смутное, неопределенное представление, а потом и в согласие с ней. Для того чтобы пресечь этот процесс превращения, необходимо время от времени напоминать человеку первоначальный смысл утверждения и причины, по которым оно было отвергнуто.

Вот пример. Начиная с 1990 г. периодически проводится пропагандистская кампания за приватизацию сельскохозяйственных земель и разрушение их купли-продажи. Каждый раз опросы показывают, что общественное мнение отвергает это крупное изменение. Кампания затихает и начинается снова через год. За это время никаких аргументов в пользу купли-продажи земли не появляется, даже наоборот, результаты эксперимента с фермерами предельно печальны. Но отвергнутый сознанием тезис через «дремлющий эффект» понемногу овладевает установками людей. И год за годом все больше людей начинают относиться к этой идее терпимо, а потом и благожелательно.

§ 2. Историческая память

Как уже говорилось, устранение из сознания стабилизирующего блока традиций резко повышает уязвимость к манипуляции. Не менее важно отключение более систематизированного и «рационального» знания — исторической памяти. В этой памяти заложены сведения и символы, которые соединяют людей в общество и обеспечивают наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения.

Разрушение исторической памяти происходит во всяком обществе, где господство основано на манипуляции. Эффективность в этом отношении западной идеологической машины просто невероятна. Например, всеобщее незнание элементарных исторических сведений о Второй мировой войне на Западе — вовсе не шутка. Такие вещи у нас пока еще не укладываются в сознании. Дело не в конкретных программах, а в типе мышления, которое устраняет традицию как коллективную историческую память и запас «неявного знания». Без этого было бы невозможно построение метаидеологии Запада — евроцентризма.

Всего полвека назад в Испании произошла жестокая гражданская война, но для молодого поколения ее как будто и не

было. В России до сих пор имена Колчака и Деникина, Чапаева и Фрунзе у всех на слуху, но в Испании это невозможно себе представить. На острове Тенерифе, откуда начался мятеж Франко, города наполнены монументами в честь этого события. Там не меняли названия улиц, не сносили памятников, но они уже ничего не говорят молодежи. Пришлось наблюдать такую сцену: к памятнику основателя фашистского Движения в Испании («фаланги») Хосе Антонио Примо де Ривера подъехал автобус с испанскими туристами. Все вылезли и подошли к памятнику, читают надпись. Один спрашивает соседа: «Кто это — Хосе Антонио Примо де Ривера?» Тот отвечает: «Не знаю. По-моему, архитектор этого города».

В необходимых политикам случаях «отключение» у обывателей исторической памяти производят в удивительно короткие сроки. В 1993 г. одна из постоянных тем западной прессы (да и «кухонных» дебатов их интеллигенции) была война в Югославии. Но поразительным образом все сводилось к обсуждению событий двух-трехдневной давности, максимум — недельной. Абсолютно никого не интересовало, как будто на это наложен запрет, почему началась война, как это случилось в цветущей стране. На все был готов простой ответ: с падением коммунизма началась демократия, высвободилась копившаяся под гнетом этническая ненависть — и, естественно, началась война на взаимное уничтожение. Как будто другого ничего никто и не ожидал.

И крайнее раздражение вызывало предложение разобраться, каким же образом пятьдесят лет югославы уживались в мире, масса людей (более 30 %) пережилась смешанными браками. Каким образом все-таки тоталитарный (это в Югославии-то!) коммунистический режим «подавлял» межэтническую ненависть? Может, следовало бы чему-то и поучиться? Мирного прошлого как будто и не существовало. Это была аномалия, а аномалии западное мышление игнорирует.

В периоды общественных кризисов разрушение исторической памяти выполняется как целенаправленная программа заинтересованных политических сил. На это начинает работать большая пропагандистская машина.

Вот любопытная детская книжка, «Былинная Русь» — из комиксов, которые переняли у американцев. Тираж — 1 млн экземпляров! На обложке изображен бой Ильи Муромца с Кара-Мурзой, под картинкой подпись: «Выехал тут навстречу

Илье главный татарский поединщик — богатырь Кара-Мурза, закричал он, как гром загремел».

Что же за истины сообщаются таким тиражом? Идут на Русь татары, а им навстречу Илья Муромец. Выезжает Кара-Мурза, татарский богатырь. Началась битва, Илья Муромец победил, голову врагу отсек, и татары бросились бежать. Угроза для Руси миновала.

Что это — безобидная детская книжка? Нет, инструмент по разрушению исторической памяти, пока она еще не окрепла в сознании ребенка. Известно, что былины об Илье Муромце сложились в конце X в., когда татар как народа еще вообще не существовало. Святые мощи Ильи Муромца, найденные, согласно преданию, в пещере в XI в., хранятся в Киево-Печерской лавре, основанной над этой пещерой.

Известно также, что былинный эпос отражает трудную борьбу с Хазарским каганатом, в этой борьбе и окрепла Русь. То, что былины, дошедшие до нас уже с Севера в вариантах XVIII в., когда о хазарах давно забыли и заменили их более поздним и обобщенным образом «татарина» — другой вопрос. В комиксах сегодня не былины пишутся, а чуть ли не документальные повести с конкретными именами. Фальсификация народного эпоса и придание ей особой убедительности с помощью картинок и придуманных «точных» имен — важная диверсия против одной из опор массового сознания, долгосрочной исторической памяти¹.

Вообще, беспамятство наших дней в отношении нашествия монголов поразительно. Вот, видный военный историк пишет о «нашествии татаро-монгольских мусульманских орд». Как это мусульманских? Ислам до монголов в то время еще не дошел. В их ордах было много «языков» и религий, но никак не мусульмане. Более того, среди воинов Батыя даже преобладали христиане (несториане).

Великий русский святой, предопределивший путь России, Александр Невский сделал исторический выбор и решил дать отпор тевтонам. Для этого он поехал к монголам и побратался с сыном Батыя, Сартаком. Стать братом — это ведь не

---

¹ При этом, кстати, наносится удар и по логическому мышлению ребенка. Как же так, Илья Муромец татар победил — а было татарское иго? И опять рвется вся ткань памяти, выпадает из ее канвы и Александр Невский, и Дмитрий Донской, и Куликовская битва, и поединок Пересвета с Телеебом (Челубеем).

просто заключить союз. Побратался с иноверцем? Нет, Сартак был христианин. Но ведь это важно помнить, особенно когда Александра Невского обвиняют в том, что он отверг «христианский Запад» в пользу «мусульманских орд».

В 1989 г. издательство «Прогресс» выпустило книгу профессора Оксфордского университета Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси», одна из важных тем которой — создание отталкивающего образа Александра Невского как «предателя» и т. д. Во вступительной статье сказано, что «книга профессора Дж. Феннела приоткрывает дверь не только в творческую лабораторию английского историка, но и в ту мастерскую, где создаются британские стереотипы русского прошлого и советского настоящего». Причем здесь дверь? Идеологическое издательство «Прогресс» просто внедрило эти «британские стереотипы», разрушающие один из символов национального сознания.

В 1990 г., объявленном «Годом Александра Невского», на торжественную международную научную конференцию в Петербурге съехалось много историков с Запада (материалы конференции изданы в 1995 г. в книге «Князь Александр Невский и его эпоха»). Как они сами заявили, их задача — «перепроверка толкования событий прошлого» и «критическое переосмысление прежних оценочных критериев». Переосмысление в духе тех же самых «стереотипов».

Редкой по смелости акцией разрушения истории стало издание большими тиражами книг А. Фоменко с «новой хронологией». Он утверждает, что реальные исторические события сдвинуты летописцами во времени на 200, 400 и даже 1000 лет. Кроме того, одни и те же исторические личности в разных летописях назывались по-разному, так что Чингисханом в действительности является великий ростовский князь Георгий Данилович, а под именем «Иван Грозный» скрывается четыре разных царя и т. д.

Сегодня, когда наше общество в значительной мере атомизировано, восстановление исторической памяти — даже раньше чем восстановление логического мышления — должно стать заботой любого разумного человека. Память — это первое, к чему следует обращаться, чтобы успокоить разрушительные или самоубийственные инстинкты толпы.

С. Московичи в «Науке о массах» так подытоживает это наблюдение многих психологов: «Обращаться не к их понят-

ливости, а к их чувствам любви или ненависти, мстительности или виновности. Вместо того, чтобы будить их интеллект, лучше стоит разбудить их память. Поскольку в настоящем они распознают меньше очертаний будущего, чем следов прошлого».

Это выглядит пессимистично, потому что мы не имели опыта общения с людьми, превращенными в толпу — и в царской России, и в СССР мы были сильно, даже жестко упорядоченным обществом.

§ 3. Краткосрочная память и манипуляция в политике

Во время перестройки произошло глубокое разрушение коллективной исторической памяти. Были очернены, осмеяны, перемешаны символы-вехи национальной истории. Затем был создан хаос в системе мер, оценок и даже временной последовательности событий, образующих историческую картину. Была подорвана способность общества вырабатывать коллективную память даже самых недавних событий — по прошествии всего нескольких месяцев они вытеснялись, стирались из памяти. Общество в целом и каждый человек в отдельности потеряли возможность анализировать прошлое и использовать его уроки для того, чтобы определять свою позицию в конфликтах настоящего.

Так, за годы перестройки в массовом сознании была сильно искажена историческая картина политического спектра России начала XX в. Это лишило общество важного знания и усугубило культурный кризис. Например, большевики были представлены как самая революционная и радикальная партия, хотя на самом деле из левых партий их следует считать умеренными (а во многих отношениях даже консерваторами). Например, в отличие от других революционных партий — социалистов-революционеров и анархистов — социал-демократы принципиально отвергали индивидуальный террор. А ведь он во многом предопределил состояние общества и создал общую «культуру насилия», сыгравшую важную роль в вызревании Гражданской войны.

Столь же важным было стирание исторической памяти о формировании культурного генотипа западного буржуазного общества, которое сегодня берется за образец. У читателя создали ложное представление о том, что буржуазное обще-

ство является обществом диалога и компромисса, что оно изначально отвергает революцию. Мало-помалу конъюнктурная пропаганда вытравила из нашей памяти и Кромвеля, и якобинцев, и даже революцию, приведшую к возникновению США. Между тем их отец-основатель Томас Джефферсон считал, что революции должны происходить каждые 20 лет. Так что Троцкий со своей теорией перманентной революции — в какой-то степени плагиатор. Революционизм коренится в самой философии гражданского общества.

Историческую память разрушают, когда ассоциируют русскую революцию исключительно с большевиками. Как ни прискорбно, но сегодня ведущий центрального телевидения может с ясными глазами заявлять: «Большевики в 1917 г. свергли царя». События, которые определили судьбу страны в XX в., стерты из памяти. Напомним самые элементарные вещи: царя свергли в феврале 1917 г. генералы и стоящие за ними масоны-западники, а не большевики.

На деле революцию на «последней прямой», уже в XX в., готовили прежде всего эсеры и анархисты, но и кадеты немало для нее сделали. Вообще, катастрофическим сломом всего старого жизнеустройства была именно Февральская революция, в которой большевики не принимали никакого участия. Поэтому идеологи сегодня вынуждены манипулировать историей: не могут же они открыто встать на сторону эсеров и анархистов. Не решаются они назвать себя и сторонниками кадетов. Те оказались несостоятельны и были отвергнуты практически всем обществом.

Другая важная вещь, которая также общеизвестна, но которую телевидение сумело вытеснить из сознания, состоит в том, что революция в России в феврале 1917 г. победила полностью, тотально. Соратник Керенского видный масон В.Б. Станкевич пишет в мемуарах о том, что возникло после свержения самодержавия: «Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений».

Большевикам и не пришлось бороться с монархистами, их как реальной силы просто не было. В Учредительном собрании 85 % мест получили разные революционные социалистические силы. Кадеты (буржуазные либералы) получи-

ли всего 17 мест из 707. Даже меньшевики — марксисты и социалисты — имели всего 16 мандатов, они уже остались в стороне от главного хода событий. Так что вся борьба шла не между большевиками и «старой Россией», а между разными отрядами революционеров.

Создавая образ всемогущих большевиков, которые отняли собственность и помещиков, и буржуазии, и «справного мужика», новые идеологи снизили историческое мышление людей до примитивных штампов. Все как будто забыли о громадном катаклизме, который пережила Россия начиная с революции 1905 г. (даже, скорее, с крестьянских волнений 1902 г.). Большевики, которые поначалу противились и национализации земли, и национализации предприятий, были увлекаемы ходом событий. Дж. Кейнс в очерке «Россия» (1922) писал: «В природе революций, войн и голода уничтожать закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов». Надо поражаться как раз тому, как быстро большевики овладели ходом событий и восстановили и общество, и право — хотя не в виде буржуазного государства.

В целом кампания по отключению нашей памяти о советском строе и о том, как он возник, была очень успешной. Вот пример того, как эффективно историческая память и логика могут быть замещены броской метафорой, которая часто повторяется в СМИ. Перед выборами 1995 г. один из главных тезисов в агитации против коммунистов звучал так: «Если их выберут, значит, опять они возьмутся за старое — “все отнять и разделить!”»

Эта метафора была у всех на языке, хотя именно коммунисты никогда не «делили». Совсем наоборот — сначала «отнимали и соединяли», а потом «строили и соединяли», но главное — не делили, а соединяли. Ключевые слова их проекта были национализация и коллективизация — не раздел, а собрание. «Отнимали и разделяли» как раз в ходе ваучерной приватизации.

Именно радикальный идеолог перестройки Г.Х. Попов в своей книге «Что делать?» буквально повторил лозунг: «Отнять и разделить!». Он писал: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами».

Большие усилия сегодня делаются и для отключения краткосрочной памяти. Если люди быстро забывают дей-

ствительность, то всякую проблему можно представить ложно. И обсуждение, даже если бы оно было, теряет разумные черты, в нем преобладают эмоции. Под воздействием телевидения люди обнаружили способность стирать из своей памяти недавнее прошлое почти таким же чудесным способом, как стирается текст из магнитной памяти ЭВМ. Легко и без следа забываются события и персонажи буквально полугодовой давности, а значит, о них перестают и думать.

Так, например, поиски «денег КПСС» были важным актом в политическом спектакле. Для поиска этих денег Е. Гайдар в свое время даже нанял некую американскую фирму, которой заплатил за «работу» миллионы долларов. Чем кончилось это дело? Никто им уже не интересуется, оно совершенно забыто. И подобных дел множество.

Вот одно из них, совсем недавнее. Осенью 2002 г. очень много говорилось, в том числе на самом высоком уровне, что в РФ собран рекордный урожай зерновых, «какого не бывало даже в советские времена». Урожай 2002 г. составил 86,5 млн т. Но почему же это «рекорд»? Совсем недавно, в 1997 г., было собрано 88,5 млн т зерна. Ранее, но уже в ходе реформы, в 1992 г. — 107 млн т. А до этого в РСФСР в последние двадцать лет урожай менее 100 млн т вообще был редкостью — в среднем за пятилетку 1986–1990 гг. собирали в год 104,3 млн т (в 1990 г. — 116,7 млн). Рекордным же был урожай 1978 г. — 127,4 млн т. Этот случай показал, как легко можно стереть из памяти сведения всего пятигодичной давности об одном из важнейших показателей жизни страны.

В целом совокупность методов размывания или стирания из общественного сознания исторической и краткосрочной памяти привела общество в аномальное состояние. Оно живет в особом, искусственно созданном времени, которое не движется. Утратив историческое измерение, люди остались и без будущего — они не могут выработать проект. Человек затрудняется представить себе будущее и старается не думать о нем. А значит, он не может обрести и политическую волю и становится легко манипулируемым.

Один из первых советов Шопенгауэра в его «Афоризмах житейской мудрости» таков: «Чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще припоминать прошлое и пересматривать все,

что было прожито, сделано, познано и прочувствовано при этом, сравнивать свои прежние суждения с настоящими, сопоставлять свои задания и усилия с результатами».

Глава 10. Общество спектакля

§ 1. Воображение и поведение

Помимо мышления и чувств важнейшим объектом манипуляции сознанием является воображение. Вдумаемся в само слово. «Во-ображение!» Превращение какой-то частички реальности в образ, создаваемый сознанием (фантазией) человека¹.

Ле Бон писал в книге «Душа толпы»:

«Могущество победителей и сила государств именно-то и основываются на народном воображении. Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение... Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, если мне будет позволено так выразиться, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть всецело умом толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять».

Понятно, что воображение неразрывно связано с восприятием, оно лишь новым образом комбинирует то, что мы когда-то познали на опыте и зафиксировали это в памяти: нельзя вообразить то, что в разных своих элементах не присутствовало бы в действительности. Платон сравнивал восприятие с процессом тиснения печати на восковой пластинке, а воображение, согласно Платону, — это оттиск, который остается после удаления печати. Дети до полутора лет не проявляют никаких признаков воображения — им для этого не хватает материала.

К воображению тесно примыкает предчувствие, которое также порождает в сознании образы, построенные из элемен-

¹ Примечательно, что и в других языках эта операция обозначается сходным словом. По-латыни «воображение» — *imaginatio*, от *imago* — «образ».

тов познанной ранее реальности. В этих образах, однако, главенствует чувственное ощущение, из которого делаются более или менее далеко идущие выводы. Предчувствие играет огромную роль в поведении представителей «примитивных обществ», а у цивилизованного человека они оформляются обычно более рациональными понятиями, лишь «запуская» тот процесс, который мы и называем воображением.

Воображение — способность человека, необходимая для мыслительного постижения реальности. В уме мы оперируем теми образами реальности, которые нам производит наше воображение. Уже Аристотель писал, что когда ум осознает какую-то вещь, он должен построить ее в воображении. Исходя из этих «образов вещей» мы вырабатываем и нашу линию поведения.

Воображение и «внешняя» реальность тесно связаны. Карл Густав Юнг пишет: «Если некто вообразит, что я его смертельный враг и убьет меня, то я стану жертвой простого воображения. Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными — и в равной степени столь же вредоносными и опасными, — как физические обстоятельства. Я даже думаю, что психические опасности куда страшней эпидемий и землетрясений».

Отсюда понятно, что для контроля за поведением людей очень важно влиять на оба процесса — процесс выработки образов исходя из реальности и процесс выработки стратегии и тактики поведения исходя из возникших в сознании образов.

Так как воображение — способность творческая, оно гораздо меньше, чем мышление, подвержено дисциплине (логике, традиции). Значит, оно более уязвимо для воздействия извне. Очень большая часть людей подвержена грезам, их воображение скатывается к «праздношатающейся фантазии» (Белинский), уводящей их все дальше и дальше от реальности. У других — воображение, наоборот, сковано, они затрудняются в выработке собственных образов, ищут их в готовом виде — не могут самостоятельно освоить реальность мысленно. И те и другие наименее защищены от манипуляции их сознанием (хотя для обеих категорий она строится по-разному).

Преобразуя в нашем сознании полученные когда-то и где-то от действительности впечатления, воображение создает образы и мыслительные, и чувственные. Следовательно, через

воображение манипулятор может воздействовать и на мышление, и на чувства. Максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией обладает сочетание двух «гибких» миров — воображения и чувств. Говорят, что эмоции — основные деятели в психическом мире, а образы — строительный материал для эмоций.

Исключительно сильная комбинация воображения и чувств возникает при воздействии на сознание образа крови и гибели людей, особенно гибели невинных. Особенно велико значение этого образа в духовной жизни тех обществ, в которых сохранился «естественный религиозный орган» (в культурах с символами). Например, огромную роль в определении всего хода исторических событий в России XX в. сыграло Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. — расстрел в Петербурге мирной демонстрации рабочих. Свидетель тех событий Александр Керенский писал в воспоминаниях: «События Кровавого воскресенья произвели коренной переворот в мышлении рабочих масс, на которые до этого времени пропаганда действовала слабо. Генерал Трепов и те, кто позволил ему совершить этот безумный акт, разорвали духовные узы, которые связывали царя и простых рабочих».

При этом образ крови воздействует на сознание по-разному в зависимости от общей культурно-психологической обстановки в обществе. Во время «путча ГКЧП» в Москве в августе 1991 г. гибель трех юношей (причем в результате несчастного случая) стала важной вехой в процессе ликвидации советского государства, а расстрел из танков здания Верховного Совета, наполненного безоружными людьми, в октябре 1993 г. прямого эффекта на массовое сознание не произвел — это сознание находилось в ином состоянии, нежели в 1991 г. Однако в недалеком будущем образ этого расстрела, вероятно, всплывет в коллективной памяти и окажет влияние на ход событий.

На сочетании воображения и чувств основано одно из самых мощных средств воздействия на общественное сознание — терроризм, соединенный с телевидением. Образ изуродованной взрывом невинной жертвы доводится телевидением буквально до каждой семьи, а изображение «подставляет» на место жертвы самого телезрителя или его близких, и это порождает целую бурю чувств. Затем уже дело техники — направить эти чувства на тот образ, который подрядились разрушить

манипуляторы (образ армии, федерального центра, исламских фундаменталистов, чеченцев и т. д.). В этой акции необходима лишь цепочка: террористический акт — телевидение — воображение — чувства — нужное поведение. Желательно при этом отключить мышление (здравый смысл), потому что террор не является реальным средством уничтожения и даже не создает значительной реальной опасности. Его цель — устрашение, т. е. создание неадекватного чувства страха.

После взрывов в Москве и Волгодонске летом 1999 г. телевидение предприняло интенсивные манипулирующие действия. В Совете Федерации показали снятую бандитами видеоленту о том, как они пытаются заложников и отрубает им головы. Тогда один из ведущих телевидения заявил: «После этого можно было ожидать, что Совет Федерации одобрит ядерный удар по Чечне». Сам этот комментарий был направлен на дестабилизацию обстановки, но здесь важно признание: идеологи знают силу воздействия телевизионных образов и пытаются с их помощью разжигать эмоции членов Совета Федерации. Ведь о преступлениях бандитов депутатам и так было хорошо известно, но после показа ленты они, как предполагалось, могли бы принять какое-то фатальное решение не на основе зрелого рассуждения, а под влиянием нахлынувших чувств.

В психологии выработана подробная классификация типов воображения: преднамеренное и произвольное, воспроизводящее и творческое, конкретное и абстрактное. У многих людей развивается воображение типа «сны наяву» — способность погрузиться в собственные фантазии, уйти от действительности. В крайних случаях это вырабатывает (вернее, усиливает) особый тип мышления — аутистическое, когда человек «отключается» от реальности. Во время тяжелых общественных кризисов это может стать массовым явлением и завидной целью для манипуляторов сознанием, когда правящий слой заинтересован в том, чтобы отвлечь как можно больше людей от активной политической позиции (например, от участия в выборах).

В небольших дозах приятные фантазии оказывают стимулирующий, побуждающий к действию эффект. Но когда человек, предаваясь несбыточным мечтам, начинает в них всерьез верить, создаваемые воображением образы становятся для него достаточными. Они заменяют реальные достиже-

ния, занимают место действия, и человек впадает в апатию, не желая и пальцем пошевелить не только для достижения желанного, но уже и для своего спасения.

Делится воображение и по типу объектов, по виду деятельности: художественное, научное, техническое, религиозное и т. д. В отличие от аналитического мышления, которое расчленяет предмет, концентрируя внимание на отдельных его сторонах, воображение дает синтетический образ — впечатление от предмета в целом. Поэтому его воздействие на сознание труднее контролировать аналитическими средствами логики. Аналитическое мышление — особый навык, вырабатываемый тренировкой. Обыденное мышление тесно связано с воображением, и их разграничение — сложная задача в психологии.

Активизация воображения во время перестройки облегчалась тем, что в качестве доводов идеологи почти исключительно применяли образы, которые мы не могли соотнести с реальностью. Это были образы иных стран («Запад») или иных исторических периодов («сталинские репрессии»).

Для понимания процессов массового сознания важно, что воображение тесно связано с имитацией — мы «воображаем себя на месте кого-то». При этом имитация часто производится произвольно и ускользает от критического самоанализа. Так, наблюдая движения танцующих, люди порой начинают повторять эти движения, хотя бы покачиванием рук или даже мысленно — при этом не отдавая себе отчета в том, что они вовлечены в имитацию. Так воображение, если его умело направлять, может привести к массовому «заражению» настроением и даже действием. Некоторые лидеры и шарлатаны («харизматические» личности) обладают искусством провоцировать такие состояния.

Активное воображение, связанное с выработкой прогноза обстановки или плана действий (в отличие от пассивных грез или воспоминаний), направлено в будущее и помещает образы в определенные, часто весьма точные временные координаты. Здесь объектом манипуляции могут быть не только создаваемые воображением образы, но и их динамика, «мысленные часы». Бывает, достаточно убедить людей, что воображаемое событие произойдет позже или раньше, чем на самом деле, чтобы достигнуть цели манипуляции сознанием — обмануть бдительность или, наоборот, спровоцировать на преждевременные действия.

Игра воображения сильно зависит от степени удовлетворения потребностей человека. Удовлетворенные потребности не разжигают воображения, а вот если человеку чего-то не хватает, в его сознании возникают образы — как недостающего предмета, так и путей к обладанию им. Искусственное изменение состояния удовлетворенности самых главных потребностей людей — сильное средство контроля над их воображением и, таким образом, над поведением людей. Умеренная нехватка какого-то ресурса пробуждает активное воображение, заставляющее действовать, разрешать проблему. Как правило, это не в интересах манипуляции сознанием. Обычно манипуляторы стремятся как можно быстрее обострить неудовлетворенность людей до стадии фрустрации — ощущения подавленности и безысходности. В этом состоянии начинает доминировать пассивное воображение — миражи, грезы, мечты. Возникает и повышенное стремление искусственно «улучшить настроение», например выпивкой.

Очень важным для манипулятора результатом фрустрации является сужение сознания — почти все внимание сосредоточивается именно на неудовлетворенной потребности, восприятие действительности резко искажается. Когда жмет ботинок, человек не думает о том, как хорошо греет его пальто. Фрустрация порождает такое упорство и упрямство, которое со стороны кажется патологической тупостью. При этом неважно, является ли неудовлетворенная потребность фундаментальной или второстепенной, а то и «наведенной». Создание «контролируемого бедствия» (например, нехватки продуктов, искусственного дефицита, каких-то необъяснимых затруднений при достижении вполне привычных целей) является одной из хорошо разработанных и часто применяемых технологий программирования поведения больших масс людей.

При сбалансированном взаимодействии мышления, воображения и чувства человек воспринимает реальность в образах, которые выстраиваются в соответствии с укорененной в сознании шкалой ценностей. Этим и определяется поведение человека. Если же манипулятор ставит перед собой задачу изменить поведение человека, заменить его «программу», надо на время исказить шкалу ценностей — заставить людей «захотеть того, чего они не хотят». Такая задача стоит, например, и перед коммерческой, и перед политической рекламой. Воображение — один из объектов, которые «обрабатываются» в ходе манипуляции ради решения этой задачи.

Все мы не раз наблюдали, как человек, «вообразив себе невесть что», ведет себя, на наш взгляд, неадекватно реальности, часто вопреки своим очевидным интересам (гораздо реже мы замечаем такие странности в нашем собственном поведении, но и это бывает). При этом и речи нет о расщеплении сознания (шизофрении), каком-либо другом психозе или воздействии психотропных препаратов, делающих воображение слишком уж ярким. Нет, речь идет о нормальном состоянии человека.

Подбираться к пониманию этого состояния стали во второй половине XX в., когда пришли к выводу, что одной из фундаментальных сторон человеческого бытия является игра. Человек играющий — такая же важная и необходимая ипостась человека, как трудящийся, борец, любящий сын и отец. В игре человек постигает возможности будущих событий с помощью фантазии, воображения. Сложность этого состояния в том, что человек находится одновременно в двух мирах — в обычной действительности и в сфере воображаемого. И бесполезно пытаться «поправить» его поведение, указав на его несоответствие реальности, — мы же не знаем его «второго мира».

Было бы просто понять эту проблему, если бы человек, как дикарь, верил в плод своего воображения, в этом случае его можно было бы разубедить. Дело как раз в том, что человек с довольно раннего возраста вовсе не смешивает воображение с реальностью, но живет в игре, в нереальном времени и пространстве полной, насыщенной жизнью и не желает «возвращаться на землю». Маленькая девочка, играющая в куклу, конечно же, не впадает в заблуждение и не принимает пластмассовую куклу за живого ребенка. Но выведению ее из игры она будет отчаянно сопротивляться.

У взрослых это не так заметно, но заставить их выйти из воображаемого мира, наверное, труднее, чем ребенка. Магия живописи основана на том, что мы видим пейзаж, изображенный на картине, не так, как мы увидели бы его в натуре. Мы знаем, что картина — это всего лишь холст, немного красок на нем и деревянная рама. Это — устройство, которое помогает нам создать иной, воображаемый мир, который в определенном смысле прекраснее реального. Мир, воображаемый с помощью картины, может быть усложненным — в нем самом может быть, например, и картина, и зеркало. Вехой в формировании современной западной цивилизации с ее разделением субъекта и объекта была картина Веласкеса «Менины»:

на ней среди прочего изображено зеркало, в котором отражается художник, пишущий картину.

Именно осознанное различие реальности и ее отображением в картине создает пространство, в котором строится богатый воображаемый мир. Напротив, смешение, совмещение реального мира (картины) с воображаемым (изображение на картине) есть патология. Один из самых тяжелых жанров фильмов ужаса связан с сюжетом, в котором человек «входит» в картину или персонажи «выходят» из нее в мир, как в повести Гоголя «Портрет».

Особенно богат и насыщен порожденный творческим воображением мир, когда игра носит коллективный характер. Умело давая пищу воображению, дирижируя игрой, политики-манипуляторы могут вовлечь в нее целые народы. При этом игра порой становится страшной, разрушительной и даже самоубийственной — и тем не менее народ может быть ею увлечен до такой степени, что бесполезно взывать к его рассудку. При этом чуть ли не каждый по отдельности согласится с разумными оценками реальной действительности. Иными словами, дело не в обмане и не в недостатке информации.

Колдовской силой обладает театральная сцена — как окно в воображаемый мир. Поэтому театр по своему воздействию на сознание занимает совершенно исключительное место. Можно сказать, что театр стоит у истоков современной европейской цивилизации, превращения племени в общество. В своем учении о театре Аристотель утверждает, что очищающее действие трагедии происходит именно в воображении — через взаимодействие эффектов страха и сострадания. Аристотель ввел понятие «катарсис» (очищение) — вызываемое трагедией в театре потрясение, которое снимает отчуждение между отдельным зрителем как личностью и другими людьми, всем родом человеческим. Для достижения этих эффектов необходимо, чтобы создаваемый перед зрителем мир был условным, надреальным. Если бы он был совершенно похож на реальность, в пределе — сливался бы со сценами страданий, которые людям доводится видеть в обыденной жизни, то эффект ограничивался бы обычными чувствами конкретного страха или сострадания.

Ле Бон уделил большое внимание воздействию театра на массовое сознание, на толпу. Он писал: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние... Ничто

так не действует на воображение толпы всех категорий, как театральные представления».

В театре, как и в неподвижной картине, воображаемый мир может быть усложнен. Затягивая сознание, особенно коллективное, в умело построенный воображаемый мир, его можно сделать полностью беззащитным — оно будет подавлено воображением. Так Гамлет, манипулируя воображением, заставил раскрыться мать и Клавдия, попросив актеров сыграть пьесу, изображающую цареубийство, — а зрители в Англии XVI в. видели этот двойной театр. Так эти зрители становились современными европейцами. И так мир подходил к тому, что сегодня называется «общество спектакля».

В отличие от шизофреника нормальный человек отдает себе отчет в том, что образы его воображения не есть реальность. Именно потому они и приобретают для него особый глубокий смысл — они как бы выявляют сущность вещей и событий. Эти образы «реальнее» фактов, они — сверхреальность. Когда человек вживается в них, с ним может произойти озарение — ему кажется, что он проникает в суть вещей. Это и оказывает мощное воздействие на его поведение, причем окружающим, не пережившим того же озарения, это поведение может казаться странным и необъяснимым. Если же озарение оказывается коллективным, возникает сильный массовый порыв или даже действия, порой кажущиеся всеобщим помешательством.

По мере усложнения общества возрастала и роль воображения — уже для того, чтобы создавать в уме мыслительные образы других людей и их намерений. Выделяясь из стада, а потом из рода и племени, человек создавал свой автономный мир и включался в общество как личность. Для этого он превращал свое лицо, обладающее исключительно подвижной мимикой, в личину — согласно возникающим культурным нормам его лицо должно было принимать соответствующее обстоятельствам выражение. Эта способность «надевать личину» обеспечивала автономность человека, не позволяла другому проникать в его душу и мысли. Так возникла маска как условие самого существования общества (об этом говорилось в главе 1). Одновременно это породило потребность вообразить то, что скрыто за маской другого человека.

В стабильный период существования общества люди не ощущают насущной необходимости составить себе образ «ис-

тинного лица» тех фигур, которые влияют на их жизнь. Маски этих фигур достаточно застывшие, а то и неподвижны (какими были, например, маски членов Политбюро ЦК КПСС в период «застоя»). Разумеется, люди знали, что перед ними — маски, но дела важных для жизни фигур этим маскам соответствовали и были предсказуемы. Ничего больше и не требовалось людям для того, чтобы программировать свое поведение.

В совершенно другом положении оказываются люди во время кризиса, когда маски важных для их жизни фигур вдруг срываются. Когда главный идеолог компартии вдруг объявляет себя рьяным антикоммунистом, секретари обкомов КПСС и ВЛКСМ начинают захватывать государственную собственность, а офицеры КГБ нанимаются в частные охранные структуры. Эта реальность порождает в воображении фантастические картины, и при общем недостатке информации этими картинками можно эффективно манипулировать — тем, кто обладает средствами манипуляции.

Еще больше расщепляется сознание, когда после первого шока люди начинают понимать, что под сорванными масками — новые маски. И переход от одной маски к другой происходит скачкообразно, без тех промежуточных состояний, которые можно наблюдать на лице человека. Так сама маска и процесс ее сбрасывания оказывает на общественное сознание завораживающее действие. Это резко увеличивает возможности для манипуляции сознанием. Поэтому политики, заинтересованные в манипуляции, даже подчеркивают, иногда с большим перебором, что они — маски.

Немецкий философ и писатель Э. Канетти, наблюдавший фашизм и оставивший огромный «труд целой жизни» трактат «Масса и власть» (1960), уделяет особое внимание проблеме маски именно как тому инструменту власти, которым она воздействует на сознание через воображение. Он пишет:

«Маска воздействует в основном вовне. Она неприкосновенна и устанавливает дистанцию. Она может, например, в танце, приблизиться к зрителю. Однако сам зритель должен оставаться там, где он находится. Застылость формы выливается в постоянство дистанции; дистанция не меняется, и в этом завораживающий характер маски.

Ибо сразу за маской начинается тайна. В острых ситуациях, то есть когда маска воспринимает-

ся всерьез, человеку не положено знать, что за ней скрывается. Она многое выражает, но еще больше скрывает. Она представляет собой раздел: скрывая за собой опасность, которую не положено знать, препятствуя установлению доверительных отношений, она приближается к человеку вплотную, однако именно в этой близости остается резко от него отделенной. Она угрожает тайной, сгущающейся за нею. Поскольку ее нельзя прочесть, как подвижное человеческое лицо, человек гадает и пугается неизвестного...

Никто не знает, что могло бы вырваться из-под маски. Напряжение между застылостью маски и тайной, которая за ней сокрыта, может достигать необычайной силы. Это и есть причина ее угрожающего воздействия... Никто не смеет ее тронуть. Смертью карается срывание маски кем-то другим. Пока она активна, она неприкосновенна, неуязвима, священна. Определенность маски, ее ясность заряжена неопределенностью. Власть ее в том и заключается, что она в точности известна, но непонятно, что она в себе таит».

Канетти излагает приемы и побуждения тех «властителей», которые используют манипуляцию сознанием как средство господства с помощью масок. Для самого властителя такого типа надо выполнять два условия: застылость его собственной маски и непредсказуемость действий. В отношении же его соратников один из принципов — регулярное их разоблачение, «срывание масок». Все это связано с важным действием в политическом театре — превращением.

Канетти пишет о правителе-манипуляторе:

«Превращения, совершаемые не им самим, ему невыносимы. Он может возносить на высокие посты людей, бывших ему полезными, однако эти осуществляемые им социальные превращения должны быть четко определенными, ограниченными и оставаться полностью в его власти. Возвышая и унижая, он дает установление, и никто не может отважиться на превращение по собственному почину. Властитель ведет нескончаемую борьбу против спонтанных и неконтролируемых превращений. Разоблачение — средство, ис-

пользуемое им в этой борьбе... социальное и религиозное явление огромной важности представляет собой запрет превращения».

И еще о властителе:

«Статичность этого типа, которому запрещено собственное превращение, хотя от него исходят бесчисленные приказы, ведущие к превращениям других, вошла в сущность власти. Этот образ определяет и представления современного человека о власти. Властитель — это тот, кто неизменен, высоко вознесен, находится в определенном, четко ограниченном и постоянном месте. Он не может спуститься “вниз”, случайно с кем-нибудь столкнуться, “уронить свое достоинство”, но он может вознести любого, назначив его на тот или иной пост. Он превращает других, возвышая их или унижая. То, что не может случиться с ним, он совершает с другими. Он, неизменный, изменяет других по своему произволу».

В ходе нынешних общественных потрясений мы наблюдали становление прекрасно организованного театра масок и превращений. Вознесение людей, обретение ими маски, последующее их разоблачение и низвержение — все это стало захватывающим зрелищем, каждый акт которого полностью парализует и разум, и волю миллионов людей. Кто такие все эти поднятые из ничего политики и олигархи? Это маски. Над ними есть одна застылая маска «властителя». И режиссеры в этом театре тщательно следят за тем, чтобы никто не превратился в нечто самостоятельное и важное, ускользающее от их контроля. Поэтому в скрыто бурлящей стране уже пятнадцать лет не появляется новых заметных и неподконтрольных фигур.

Общественное сознание не может освободиться, пока не сбросит наваждение этого театра. Пока рассудок не поставит под контроль воображение, которое рисует людям скрывающийся за маской образ могучей и вездесущей власти.

Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» пишет: «Путеводной звездой нашей деятельности должны быть не образы фантазии, а ясно усвоенные понятия. Обычно бывает обратное. При ближайшем исследовании мы убеждаемся, что в конце концов решающий голос во всех наших делах принадлежит не понятиям, не рассуждению, а именно воображению, облакающему в красивый образ то, что желало бы нам навязать».

§ 2. Манипуляция вниманием

Важнейшими мишенями, на которые необходимо оказывать воздействие при манипуляции сознанием, являются память и внимание. Задача манипулятора — в чем-то убедить людей. Для этого надо прежде всего привлечь внимание людей к его сообщению, в чем бы оно ни выразалось. Затем надо, чтобы человек запомнил это сообщение, ибо многократно проверенный закон гласит: убедительно то, что остается в памяти.

Как говорилось, сам термин «манипуляция» был перенесен в сферу сознания из области искусства фокусников. У фокусников-манипуляторов к важнейшим навыкам и умениям относится владение приемами отвлечения внимания зрителей от главного объекта. Мастер переключает внимание на специально создаваемые для этого явления с помощью слов, жестов, внешних эффектов (вплоть до огня и взрыва). В принципе так же поступают и манипуляторы сознанием. Для этого они разрабатывают сложные и даже изощренные технологии, иногда кровавые.

Внимание, концентрация психических процессов на каком-то объекте направляет и организует все эти процессы: восприятие, мышление, чувства, воображение и т. д. Сосредоточив внимание на важном объекте, человек отсеивает, отстраняет второстепенные раздражения и информацию. Это и позволяет человеку вести целесообразную психическую деятельность. Даже при чтении текста человек всегда выделяет в нем несколько центров интереса, на которых и концентрирует внимание, а пустоты между ними заполняет «упаковочным материалом», который пробегает вполглаза.

Понятно, что люди активно используют свою способность к изменению направленности внимания, к его переключению. Они переводят его, как прожектор, на те объекты, которые в данный момент посчитали более значимыми¹. Таким образом, для манипулятора возникает возможность заместить объект — увести важный объект в тень, в допороговую область, подсунув человеку служебный отвлекающий объект (имеющийся в реальности или построенный манипулятором).

Люди могут менять и сосредоточенность внимания на объекте, степень углубленности в его восприятие и осмысление —

---

¹ Для привлечения внимания особенно важны факторы узнавания, качества и живости впечатления.

в жизни человеку приходится распределять внимание. Таким образом, искусственно рассеивая внимание, распределяя его на несколько объектов, можно и без полного отвлечения внимания от важного для человека объекта значительно снизить возможности его восприятия и осмысления. Для успешной манипуляции вниманием важно также верно оценить такие характеристики аудитории, как устойчивость и интенсивность внимания. Они зависят от уровня образования, возраста, профессии, тренировки людей и поддаются экспериментальному изучению. Не менее важна и технологическая база манипулятора. Телевидение, которое оперирует одновременно текстом, музыкой и зрительно воспринимаемыми движущимися образами, обладает исключительно высокой, магической способностью сосредоточивать, рассеивать и переключать внимание зрителя. Эффективность телевидения связана с тем, что оно мобилизует периферические системы внимания, что обеспечивает большую избыточность информации в центральной интегрирующей системе. Чем больше избыточность, тем меньших усилий требует восприятие сообщения.

Аналитическое и теоретическое изучение внимания сопряжено с большими трудностями, но зато ему посвящено огромное количество опытных исследований, так что технологи манипуляции сознанием имеют неограниченный запас «раздражителей», позволяющих привлечь, переключить или рассеять внимание, а также повлиять на его устойчивость и интенсивность¹. Это касается всех способов подачи зрительной и слуховой информации, всех характеристик ее содержания и формы (вплоть до использования орфографических и логических ошибок как средства привлечения внимания). Понятно, что для целей манипуляции одинаково важны приемы привлечения и удержания внимания на убеждающем сообщении (захват аудитории) и в то же время отвлечения внимания от некоторых сторон реальности или некоторых частей сообщения — всегда предпочтительнее

---

¹ Многие эмпирические находки применяются и без хорошего теоретического объяснения. Так, давно было обнаружено, что пик внимания телезрителей возникает в тот момент, когда камера удаляется от центра события (от артиста, музыканта, оратора) и начинает медленно скользить по публике, выхватывая крупным планом то одно, то другое лицо. С помощью этого приема внимание удерживается и на главном объекте. Этот прием широко вошел в практику телевидения.

не лгать, а добиться, чтобы человек не заметил «ненужной» правды.

Исследование способов отвлечения или переключения внимания как необходимого условия успешной манипуляции проводилось в 60-е гг. в США исходя из представлений о психологической защите человека против внушения. Довольно быстро было обнаружено, что сообщение, направленное против какого-либо мнения или установки, оказывается более эффективным, если в момент его передачи отвлечь внимание получателя от содержания сообщения. В этом случае затрудняется осмысление информации получателем и выработка им контрдоводов — основа его сопротивления внушению.

В одной серии экспериментов группам студентов показывали два небольших фильма, в которых произносилась речь, убеждающая зрителя в том, что студенческие братства вредны. Один фильм изображал самого оратора, который произносил эту речь. В другом фильме та же речь давалась на фоне видеоряда, образы которого никак не были связаны с текстом. Они отвлекали внимание от содержащихся в речи доводов. В тех группах зрителей, которых содержание речи существенно не затронуло (студенты, не принадлежащие к братствам), разницы в изменении их мнения после просмотра обоих фильмов обнаружено не было. Напротив, члены студенческих братств поддались воздействию по-разному. Более внушаемы оказались те, кто смотрел фильм с образами, отвлекающими внимание.

Затем методики усложнились и стали более точными. Убеждающая словесная информация давалась группам испытуемых при отвлекающем воздействии разной интенсивности (им показывались слайды с изображением, отвлекающая внимание сила которых была различной). Оказалось, что убеждающая информация наиболее эффективна при умеренных уровнях отвлечения внимания. Психологическое сопротивление внушению сильно при отсутствии отвлечения (получатель информации проявляет при этом высокую степень подозрительности по отношению к целям оратора), но оно повышается и при слишком сильном отвлечении — чувство подозрения снова возрастает. Надо, впрочем, заметить, что этот вывод не распространяется на крайние способы отвлечения внимания через психологический шок.

Эксперименты 60-х гг. повысили эффективность манипуляции в прессе и на телевидении, дав почти количествен-

ные критерии для определения «оптимального» отвлечения читателя или зрителя от аргументов убеждающего сообщения. Газеты стали применять «калейдоскопическое» расположение материала, разбавление важных сообщений сплетнями, противоречивыми слухами, сенсациями, красочными фотографиями и рекламой. Телевидение стало по-новому компоновать видеоряд, точно подбирая отвлекающие внимание образы.

Исключительно сильным отвлекающим действием обладают уникальные события — беспрецедентные и неповторимые. По отношению к ним у человека возникает «двойное внимание» — люди, как говорится, не верят своим глазам и вынуждены все сильнее всматриваться в объект, сосредоточивая на нем свое внимание. Под прикрытием такой сенсации политики торопятся повернуть все темные дела. Более рядовым воздействием обладают непривычные события — те, которые происходят редко и к тому же привлекают внимание своими другими сторонами (убийства, катастрофы, скандалы). Иногда наоборот, жестко запрограммированные важные события могут быть использованы для отвлечения внимания от политической акции, которая в другое время вызвала бы повышенную общественную активность. Так, например, в РФ очень умело был отправлен в отставку Ельцин — 31 декабря 1999 г., когда все люди готовились встретить новый, 2000 г.

§ 3. Политический спектакль и манипуляция сознанием

Двадцатый век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. С одной стороны, сложилась наука, которая занималась этой проблемой, — социальная психология, один из краеугольных камней которой заложил Ле Бон в своем учении о толпе. Возникли и теоретические концепции, о которых говорилось ранее. Параллельно развивалась новаторская и жесткая практика «толпообразования», превращения больших масс людей в толпу и манипуляции ею. Возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций.

Особенностью политической жизни конца XX в. стало освоение политиками и даже учеными уголовного мышления в его крайнем выражении «беспредела» — мышления с полным нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели в разных частях мира заговоры и интриги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга.

Все это вместе означало переход в новую эру — постмодерн, с совершенно новыми, непривычными нам этическими и эстетическими нормами. Этот переход накладывается на более широкий фон антимодерна — отрицания норм рационального сознания, норм Просвещения. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать — он парализован. Так, отброшен принцип соизмеримости «наказания и преступления». Пример — бомбардировки Ирака, вовсе не нужные для освобождения Кувейта (не говоря уж о ракетном ударе по Багдаду в 1993 г.). Аналогичным актом был танковый расстрел Дома Советов в 1993 г. Ведь никто тогда и подумать не мог, что устроят такое в Москве. Следом — разрушение в 1995 г. Грозного, с военной точки зрения, — бессмысленное. Затем — бомбежки Югославии. Затем — Афганистан.

Это — большие спектакли, слишком сильно бьющие по чувствам. Вот случаи поменьше и поспокойнее. Например Гаити, где неожиданно устроили показательное избиение генералов, отличников боевой и политической подготовки академий США, которые всю жизнь точно выполняли то, что им приказывали начальники. Вдруг и к ним пришла перестройка — морская пехота США приехала устанавливать демократию и послала ту же уголовную толпу, что раньше забивала палками либеральных демократов, теми же палками забивать родню генералов.

Но буквально с трагической нотой это проявилось в ЮАР. В начале 90-х гг. мировой мозговой центр решил, что ЮАР нужно передать, хотя бы номинально, чернокожей элите, т. к. с нею будет можно договориться, а белые у власти все равно не удержатся. Поскольку вести идеологическую подготовку времени не было, «своих» подвергли психологическому шоку, который устранил всякую возможность не только

сопротивления, но даже дебатов. Вот маленький инцидент. Перед выборами белые расисты съехались на митинг в пригороде столицы. Митинг был вялый, ничего противозаконного в нем не было. Полиция приказала разъехаться, и законопослушные бюргеры подчинились. Неожиданно и без всякого повода полицейские обстреляли одну из машин. Когда из нее выползли потрясенные раненые пассажиры — respectable буржуа, белый офицер подошел и хладнокровно расстрелял всех в упор, хотя они умоляли не убивать их. И почему-то тут же была масса репортеров. Снимки публиковались в газетах, и все было показано по западному ТВ. Всему миру был представлен великолепный спектакль.

Расстрел белых расистов в ЮАР и избиение, по указке консула США, членов военной хунты на Гаити открыли новую страницу в истории политических технологий. Новые методы манипуляции сознанием обеспечивают надежный контроль за поведением масс, и в этих условиях уже не нужны архаичные тираны и диктаторы, даже вполне преданные мировой верхушке. Не только не нужны, но и вредны — есть риск, что в них нет-нет да и проснется патриотизм, как это не раз бывало в армиях «третьего мира». Поэтому всем «потенциальным горилам» было дано несколько знаков. Самый красноречивый из них — измывательство над Пиночетом в Великобритании.

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении общества спектакля. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена — весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Что это льется — кровь или краска? Эти женщины и дети, что упали как подкошенные в Бендерах, Сараеве или Бали, прекрасно «играют смерть» или вправду убиты? Здесь возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения людей в толпу. Ле Бон сказал о толпе, что «нереальное действует на нее почти так же, как и реальное, и она имеет явную склонность не отличать их друг от друга».

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании са-

мой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило, как показал М. Бахтин, при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают социальной инженерией. Уже 20 лет назад Ю. Любимов начал идти к этому «от театра». Он устранил рампу, стер грань. У него уже по площади перед театром на Таганке шли матросы Октября, а при входе часовой накальвал билет на штык. Актеры оказались в зале, а зрители — на сцене, все перемешалось. Сегодня эта режиссура перенесена в политику, на улицы и площади. Все уже стало частью спектакля и не могут стряхнуть с себя его очарование. Не могут выпрыгнуть за рампу, в зал. Нет рампы.

Огромную роль в смешении реальности и спектакля играет насилие. Оно занимает важное место в жизни человека современного общества — и в то же время его преувеличенный и художественно соблазнительный образ умножается средствами культуры. Американский писатель Б. Гиффорд сравнивает процесс, превращающий клубок страстей, пороков и преступлений в огромный спектакль, с тем, что видит в жизни: «Всего за три дня вокруг меня произошло вот что. Дочь моего друга, 15 лет, была изнасилована и убита выстрелом в голову в полдень в университетском городке. Мой сын с невестой, им по 20 лет, ожидали вечером автобус. К ним подошел парень с ружьем, заставил сына лечь на тротуар, затолкал девушку в машину, увез на пустырь, изнасиловал и избил. Мой старый друг 72-х лет выставил свою кандидатуру в муниципалитет, конкурируя с негритянкой. Когда он пошел к избирателям, на него напала группа громил-негров и превратила его буквально в котлету». Гиффорд задает вопрос: «Давайте различим, где реальность, а где спектакль. Видите вы разницу? Я писатель, и я разницы не вижу». И каждый день эта разница все более стирается — даже мелочами. Вот, в супермаркете, куда ходит писатель, старик, собирающий коляски на стоянке перед магазином, обнаружил в такой коляске две отрезанные руки. Просто шутка. Неизвестно даже, было ли перед этим совершено убийство или так, шутник где-то раздобыл «нежные» руки.

Структурный анализ использования воображения «человека играющего» в целях господства дал французский философ Ги Дебор в известной книге «Общество спектакля»

(1971). Он показал, что современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в атомизированном человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его знанием, искусственно сконструированным «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни — видимость, да и сама его общественная жизнь — видимость, спектакль.

При этом историческое время превращается в совершенно новый тип времени — время спектакля, время пассивного созерцания. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время. «Конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства» (как видно из самого слова, спектакль и есть нечто спекулятивное).

Ценность этой технологии для власти в том, что человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима диалога, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусственно, возник даже особый жанр и особая способность — непрерывное говорение. Человек, слушая его, просто не имеет возможности даже мысленно вступать с получаемыми сообщениями в диалог. На радио и телевидении появились настоящие виртуозы этого жанра.

Г. Дебор уделяет особое внимание тому особому ощущению «псевдоциклического» времени, которое возникает у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, благодаря которой человек вместе с другими людьми осваивает мир, а разновидностью товара, который потребляется индивидуально в стандартных упаковках. Один «пакет» спектакля «стирает» другой. Как неоднократно повторяет теоретик современного западного общества К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги», «история смысла не имеет»!

Общество спектакля — это «вечное настоящее». В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в движении «прошлое — настоящее — будущее». Настоящее понимается в неразрывной связи с прошлым и с ответственностью за будущее. Спектакль способен как бы «остановить» настоящее. Места для проявления воли человека при этом не остается, будущее запрограммировано режиссе-

ром. Как пишет Г. Дебор, это вечное настоящее «достигается посредством нескончаемой череды сообщений, которая идет по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии». Вспомним: семь лет Россия жила в спектакле, который назывался «здоровье Ельцина».

То же самое происходит с восприятием пространства: созерцатель спектакля «потребляет» его стандартные упаковки, сам оставаясь вне реальности и вне человеческих контактов. Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов. Актёрами спектакля являются политики.

М. Эдельман в книге «Конструирование политического спектакля» пишет об этом превращении политиков в символические маски актеров:

«Политические лидеры стали символами компетентности, зла, национализма, обещания будущего и других добродетелей и пороков и таким образом помогают придавать смысл беспорядочному миру политики. Наделяя образы лидеров смыслом, зрители определяют собственные политические позиции. В то же время, вера в лидерство является катализатором конформизма и повиновения. Термин, который возбуждает воображение большого числа людей и в то же время помогает организовать и дисциплинировать их, является эффективным политическим инструментом, хотя и неопределенным в последствиях его применения».

Г. Дебор отмечает и другое важное качество «общества спектакля»: «обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться».

К обману примыкает, как ритуал спектакля, обстановка секретности. Секретность становится важнейшей и узаконенной стороной жизни, так что задавать вопросы и требовать ответа становится чем-то неуместным и даже неприличным. Мы давно уже не знаем, кто, где и почему принимает важнейшие для нашей жизни решения. О чем говорил Горбачев с Папой Римским? Какое соглашение он подписал с Бушем на Мальте? Когда и зачем был взят на Западе огромный кредит?

Кто решил принять для России программу МВФ? Никаких объяснений не дается, но, чудесным образом, никто их и не просит. Мы лишь можем смотреть на сцену и гадать.

Особое внимание философов привлекла совершенно невероятным сценарием Тимишоара — спектакль, поставленный для свержения и убийства Чаушеску. Убить его посчитали необходимым, видимо, потому, что он создал недопустимый для «нового мирового порядка» прецедент — выплатил весь внешний долг, освободил страну от финансовой удавки — показал, что в принципе можно, хотя и с трудом, выскользнуть из этой петли.

Изучающий «общество спектакля» итальянский культуролог Дж. Агамбен так пишет о глобализации спектакля, т. е. объединении политических элит Запада и бывшего соцлагеря:

«Тимишоара представляет кульминацию этого процесса до такой степени, что ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. Потому что там секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевидение, показавшее без ложного стыда и фигурных листков реальную политическую функцию СМИ, смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Аушвитц и поджог рейхстага.

Впервые в истории человечества похороненные недавно трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимировать новый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И несмотря на то что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина — чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в необходимом движении ложного. Таким образом, правда и ложь становятся неразличимыми, и спектакль легитимируется исключительно через спектакль. В этом смысле Тимишоара есть Аушвитц эпохи спектакля, и так же, как после Аушвитца стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары стало невозможно смотреть на телеэкран так же, как раньше».

Но, несмотря на предупреждения, массы людей смотрят на телеэкран так же, как раньше.

Спектакль — система очень гибкая. У режиссеров нет детальных планов, какие бывают у строителя. Если на сцене совершается цепь действий по дестабилизации обстановки, то для нее не нужна ни мощная социальная база, ни большая сила — взорвать мост в миллион раз легче, чем построить. При этом точно нельзя предвидеть, по какому пути пойдет процесс, есть лишь сценарии. Но режиссеры готовы к тому, чтобы действовать по любому сценарию, и быстро определяют, какой из них реализуется.

Литература

Автономова, Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность / Н.С. Автономова. — М., 1988.

Берн, Э. Игры, в которые играют люди : психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры : психология человеческой судьбы / Э. Берн. — М., 1988.

Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990.

Войтасик, Л. Психология политической пропаганды : пер. с польск. / Л. Войтасик. — М., 1981.

Доценко, Е. Психология манипуляции / Е. Доценко. — М. : Изд-во МГУ, 1996.

Изард, К.Э. Эмоции человека / К.Э. Изард. — М., 1980.

Караулов, Ю.Н. Современная политическая метафора / Ю.Н. Караулов.

Койре, А. От мира «приблизительности» к универсуму прецизионности // Очерки истории философской мысли. — М. : Прогресс, 1985.

Короленко, Ц.П. Чудо воображения : воображение в норме и патологии / Ц.П. Короленко, Г.В. Фролова. — Новосибирск : Наука, 1975.

Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М. : Республика, 1993.

Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. — М., 1930.

Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. — М., 2001.

Лурия, А.Р. Внимание и память / А.Р. Лурия. — М., 1975.

Моль, А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. — М. : Прогресс, 1973.

Московичи, С. Век толп : пер. с фр. / С. Московичи. — М., 1996.

Почепцов, Г. Имиджелогия / Г. Почепцов. — М., 2001.

Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М. : Прогресс, 1986.

Проблемы социальной психологии и пропаганда / сост. В.Н. Колбановский, Ю.А. Шерковин. — М. : Политиздат, 1971.

Расторгуев, С.П. Анатомия причинно-следственных связей / С.П. Расторгуев. — М., 2002.

Самосознание европейской культуры XX века : мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. — М. : Политиздат, 1991.

Стили мышления и поведения в истории мировой культуры : сб. / ред. М.В. Дмитриев. — М. : Изд-во МГУ, 1990.

Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. — М. : Прогресс, 1992.

Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием : пер. с англ. / Г. Шиллер. — М. : Мысль, 1980.

Chomsky, N., *Necessary Illusions. Thought Control international Democratic Societies*, Boston, South End Press, 1990.

Edelman, M., *Constructing the Political Spectacle*, Univ. of Chicago Press, 1988.

Раздел IV

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Глава II. Массовая культура

§ 1. Толпа и ее искусственное создание

Ницше писал: «Когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой».

С конца XIX в. одной из главных проблем психологии, философии и культурологии стало массовое сознание. Мы были отделены от накопленного в этой области знания обществоведением, которое исходило из категории классового сознания. Но эти две категории друг другу не противоречат, речь идет о разных вещах. Класс — часть общества, структурированное социальное образование, соединенное устойчивой системой идеалов и интересов, занимающее определенное место в историческом процессе и процессе общественного производства и обладающее развитой культурой и идеологией. Масса (и ее крайняя, временная и неустойчивая форма — толпа) не есть часть общества, хотя и образует коллективы. В ней отсутствуют структура и устойчивые культурные системы, у нее другой «разум» и образ поведения, нежели у класса.

Можно также предположить, что феномен массы и толпы не вызывал в русской и советской культуре большого интереса потому, что эта проблематика еще не была актуальной. Жесткая сословная система старой России не давала возникнуть толпе — инерция культурных стереотипов и авторитетов была столь велика, что даже выдвинутые из общества разночинные люди и даже люди социального дна (бродяги, босьяки и т. п.) восстанавливали своеобразные общественные структуры с определенными правами и обязанностями. Обитатели ночлежки в пьесе Горького «На дне» — не толпа и не люди массы.

В советском обществе также довольно быстро возродилась сословность, да и множеством других связей общество было сильно структурировано, так что не было пространства для «толпообразования». Эта проблема стала возникать уже в ходе быстрой урбанизации в 60-е гг., что и повлекло возникновение массового человека и массовой культуры и стало одной из предпосылок крушения советского строя, сметенного искусственно возбужденной толпой.

Ле Бон в своей книге «Психология масс» перечисляет подмеченные им особенности этого короткоживущего человеческого коллектива. Приведем его тезисы из раздела «Душа толпы».

В толпе «сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты... Индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта».

Толпа — качественно новая система, а не конгломерат несвязанных единиц. В ней «нет ни суммы, ни среднего входящих в ее состав элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств».

«Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

Обычные люди, не вовлеченные в толпу, обладают здоровым консерватизмом, вытекающим из исторического опыта и способности предвидеть нежелательные последствия изменений. Эти свойства гнездятся в подсознании и действуют автоматически, на уровне интуиции. Известен эксперимент,

проведенный крупнейшим рекламным агентством США. Оно провело среди образованных людей опрос, прося высказать мнение об одном законопроекте. Одну половину спрашивали: «Полагаете ли Вы, что действующий закон следует изменить так-то и так-то?» 60 % высказались против изменения закона. Другую половину спросили: «Предпочли бы Вы, чтобы?..» — и далее следовала суть законопроекта. 70 % его поддерживали. Разница была только в том, что из формулировки было устранено выражение «изменить действующий закон». Первая реакция рассудительного человека на такое предложение — отвергнуть.

Человек в толпе обладает удивительно высокой восприимчивостью к внушению:

«В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы... Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика — в верующего, честного человека — в преступника, труса — в героя. Отречение от всех своих привилегий, вотированное аристократией под влиянием энтузиазма в знаменитую ночь 4 августа 1789 г., никогда не было бы принято ни одним из ее членов в отдельности».

«Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верования, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения... Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение... Сила чувств в толпе еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной».

«Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой».

Ле Бон много места уделяет изменчивости толпы — ее удивительной способности моментально, «все разом» реагировать на импульсы, получаемые от вожаков. Это показывает, что человек в толпе действительно обладает новым качеством, становится элементом новой системы. Он не обдумывает свои действия, а мгновенно подчиняется полученному каким-то образом сигналу. Такое поведение можно уподобить тому, как реагируют на сигнал две группы разных типов — стая рыб и, например, группа водителей, сидящих в своих автомобилях.

Стая рыб, получив сигнал через колебания воды, поворачивает вся разом, одновременно. У каждой особи нет рефлексии на сигнал, она не задерживается с переработкой информации. Группа автомобилей, стоящая у светофора, теоретически могла бы при появлении зеленого сигнала тронуться с места вся разом, одновременно — сигнал-то виден всем. Однако каждый водитель поступает осторожно и начинает двигаться только тогда, когда с места тронется стоящая перед ним машина, да еще с некоторым запасом на неопределенность поведения ее водителя. И получается, что расстояние между машинами увеличивается и задние трогаются, уже когда светофор закрылся. Водители толпы не образуют.

Дав описание толпы, Ле Бон не поднимает вопроса о том, почему не всякое скопление людей превращается в толпу, и не подчеркивает того факта, что он писал именно о толпе западных индивидов. Эту тему затем вскользь затронул Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс». Индивид, склонный стать человеком массы и влиться в толпу, — это человек, выращенный в школе определенного типа, обладающий определенным складом мышления и живущий именно в атомизированном гражданском обществе массовой культуры. Это человек, который легко сбрасывает с себя чувство ответственности. В этом ему помогают и политики, применяющие «толпообразование» как поведенческую технологию.

Фашисты пришли к власти, сумев на время превратить рассудительный немецкий народ в толпу — и она ринулась в безумный поход, забыв о совести и не думая о последствиях. В отношении молодежи фашизм сознательно разрушал традиционные отношения. Шло снятие естественных для подростков культурных норм, запретов, подчинения и уважения к старшим. Идеологи фашистов поставили задачу: создать особый стиль — так, чтобы «молодежи стало скучно в лагере коммунистов». Была выработана целая философия под названием «а мне что за дело», или стиль «бродяги и фанфарона» — говоря попросту, хулигана. Наставники молоденьких фашистов поощряли уличное насилие, ножи и кастеты. Сам фюрер заявил: «Да, мы варвары и хотим ими быть. Это почетное звание. Мы омолодим мир». Конечно, «учиться, учиться и учиться» гораздо скучнее, чем быть молодым варваром и ходить толпой, помахивая кастетами.

Контрастом толпе может служить сход сельской общины — внешне похожее скопление людей, особенно если сход готовится к насильственным действиям (например, разгрому имения помещика). Отличие в том, что сход — собрание в высокой степени структурированное системой статусов, уважения и авторитета. Это именно собрание, налагающее на каждого огромный груз ответственности.

Вот, пишет английский историк русского крестьянства Т. Шанин о крестьянских волнениях 1907 г.:

«Поджоги часто следовали теперь особому сценарию. Решение о них принималось на общинном сходе и затем, при помощи жребия, выбирались исполнители из числа участников схода, в то время как остальные присутствующие давали клятву не выдавать поджигателей... Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию... Крестьянские выступления России оказались непохожими на образ европейской жакерии, оставленный нам ее палачами и хроникерами».

Виднейший американский социолог Р. Мертон в книге «Социальная теория и социальная структура» (1968) указывает на важное значение «свободы конкуренции», которая по-

рождает несбыточные притязания, а они — склонность к преступному поведению. (Напротив, в России сельская община внутри себя была прежде всего основой солидарности, и в то же время крестьяне, борясь с помещиками за землю, вовсе не имели притязаний «жить как помещики».) Р. Мертон пишет:

«Наша идеология равенства косвенно отрицает существование неконкурирующих индивидов и групп в погоне за денежным успехом. Напротив, все имеют одинаковые символы успеха. Цели не связываются классовыми границами и могут выходить за их пределы. А существующий социальный порядок накладывает классовые ограничения на их доступность. Вот почему основная американская добродетель, “честолюбие”, превращается в главный американский порок — “отклоняющееся поведение”».

Толпа, тем более узаконенная Линчем, стала едва ли не символом Америки. Р. Мертон подмечает и другие важные условия, которые способствуют «толпообразованию». Это мифологизация общественных отношений, которая маскирует причинно-следственные связи и делает мышление суеверным (а значит, восприимчивым к внушению): «Рабочий видит вокруг себя опытных и квалифицированных людей без работы. Если у него есть работа — он чувствует себя “удачливым”, нет — он жертва “неудачи”. Рабочий почти не видит взаимосвязи между заслугами и вознаграждением».

Р. Мертон отмечает очень важное качество массовой культуры США, о котором нам как-то мало известно: «Нелюбовь к ручному труду почти в равной степени присуща всем социальным классам американского общества». Здесь надо вспомнить мысль, которую настойчиво повторял К. Лоренц, — именно ручной труд служит важным условием сохранения в сознании и культуре традиций и способности к уважению.

Наконец, буржуазное общество создало целую промышленность масс-культуры. Обладая высокими техническими возможностями, она выносит на рынок очень соблазнительный продукт, идеологическое содержание которого целенаправленно принижает человека, делает его мышление инфантильным и сильно повышает восприимчивость к внушению. Трудно найти более примитивные фильмы, чем серия Стивена Спилберга «Индиана Джонс». Когда этот герой действует в

Китае или Индии, эти фильмы, кроме того, становятся расистскими. Тем не менее в США два фильма из этой серии держат рекорд выручки за первые шесть дней проката: «Индиана Джонс и храм Страшного суда» — 42,3 млн долл. и «Индиана Джонс и последний крестовый поход» — 46,9 млн долл.

Ле Бон выдвигает одно важное положение, которое, видимо, опережало его время и, наверное, вызывало у современников удивление. Но сегодня, с развитием радио и телевидения, оно стало очень актуальным. Суть его в том, что для образования толпы не является необходимым физический контакт между ее частицами. Ле Бон пишет:

«Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы... Целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова».

Именно это мы и наблюдаем в последние десятилетия: население «развитых» стран Запада, подверженное постоянно воздействию масс-культуры и телевидения, превращается в огромную виртуальную толпу. Она не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров, но вся она не структурирована и слушает одних и тех же лидеров и пророков, не вступая с ними в диалог. Она не бежит сама бомбить Афганистан или Сербию, она лишь одобряет такие действия своих властей. Эти люди действительно разрешат уничтожить Землю без всякого злого умысла, просто «не подумав».

Арабский философ Самир Амин пишет:

«Евроцентризм заменил рациональное объяснение истории частными и перекрывающимися, порой противоречащими друг другу псевдотеориями, которые, однако, прекрасно работают, дополняя одна другую, в построении успокаивающего европейца мифа, освобождающего его подсознание от всякого комплекса ответственности».

Безответственность внушается средствами идеологии как национальная ценность! Чтобы снять возникающие иногда синдромы раскаяния, совершаются даже военные акции

типа абсурдной агрессии в Гренаду (там бригада американского спецназа численностью 6 тыс. человек «подавила сопротивление» нескольких десятков местных полицейских и получила за это 8 тыс. орденов и медалей США). В 1977 г. президент Картер сформулировал принцип, согласно которому «американцы не должны извиняться, испытывать угрызения совести и принимать на себя вину», поскольку они всегда действуют исходя из благих побуждений.

Вот парный случай, который стал важным экспериментом над массовым сознанием в разных культурах. В 1983 г. южнокорейский самолет рейса KAL-007 вошел в воздушное пространство СССР, углубился на 500 км и пересек его с севера на юг, активизировав всю систему ПВО. В конце концов, после многих предупреждений он был сбит. В СССР это вызвало тяжелое чувство — независимо от оценки действий военных. Трагедия есть трагедия. На Западе это было поводом длительной (десять лет) антисоветской кампании (именно тогда СССР и получил ярлык «империи зла»).

А в 1988 г. военный корабль США «Винсенс», находившийся в Персидском заливе, среди бела дня сбил ракетой иранский рейсовый авиалайнер с 290 пассажирами на борту. Самолет только что поднялся в воздух из гражданского аэропорта в Иране и находился над иранскими территориальными водами, даже еще не выйдя в международное воздушное пространство.

Когда корабль «Винсенс» вернулся на базу в Калифорнии, огромная ликующая толпа встречала его со знаменами и воздушными шарами, духовой оркестр ВМФ играл на набережной марши, а с самого корабля из динамиков, включенных на полную мощность, неслась бравурная музыка. Стоящие на рейде военные корабли салютовали «героям» артиллерийскими залпами.

Н. Хомский, проводя структурный анализ обоих случаев, приводит выдержки из центральных американских газет, которые буквально внушили американцам объяснение, начисто снимающее у них чувство ответственности за жизнь 290 пассажиров. Было достигнуто невозможное. Самолет, как было сказано, сбили из благих побуждений, и пассажиры «погибли не зря», ибо Иран, возможно, после этого станет чуть-чуть демократичнее и т. п.

Опасность превращения народа в толпу грозит любой культуре — через изменение типа школы, ослабление традиций и осмеяние авторитетов, воздействие рекламы, телевиде-

ния и массовой культуры, разжигание несбыточных притязаний и пропаганду безответственности. Все это — признаки тех методов и технологий «толпообразования», на которые обращали внимание изучавшие это явление философы. Если общество не осознает опасность, то стихийные механизмы защиты не справятся с таким нажимом.

Рассмотрим те изменения в общественных институтах, которые облегчают манипуляцию сознанием и целенаправленное превращение ответственных граждан в толпу.

§ 2. Разрешение аморальности

Йохан Хейзинга говорил, что учение о государстве, которое манипулирует массами — от Макиавелли и Гоббса до теоретиков нацизма, — «открытая рана на теле нашей культуры, через которую входит разрушение». Автономия государства от морали, по его мнению, — величайшая опасность, угрожающая западной цивилизации.

Внеморальность политики! Замена всеобщей («тоталитарной») этики контролем принятых в парламенте законов — credo демократии западного типа. Эта демократия устраняет из политики понятие греха, а по сути и совести («свобода совести») и заменяет их исключительно понятием права. Лозунг Хейзинга «Разрешено все, что не запрещено законом!» подчеркивает, что принцип внеморальности при этом перестает быть монополией государства, он осваивается и негосударственными организациями, и широкими массами. Тяга к аморальному насилию не убывает по мере демократизации общества.

С точки зрения нашей темы аморальность «расположена» в той части культуры, где ставятся под сомнение или отвергаются установленные общей этикой ценности, где устраняется традиция и «расковывается» мышление, так что оно готовится к тому, чтобы оправдать любое действие. Ниша аморальности, как болезнь в организме, играет, возможно, какую-то роль в развитии. Из этого очага брожения выходят вместе с социальным гноем зародыши новых идей. Целые периоды «расшатанной морали», как Возрождение в Европе, бывают предшественниками глубоких преобразований общества. Периодическому его обновлению служили в традиционном обществе карнавалы с их защищенной масками аморальностью.

Объясняя значение этой праздничной «смеховой» аморальности, М.М. Бахтин подчеркивал ее отличие от аморальности

Нового времени. Карнавал означал «дегенерацию ценностей» с их последующей «регенерацией» на заключительной стадии карнавала. Проходя через испытание праздничной аморальности, моральные ценности возрождались и «освежались». Черный юмор и аморальность нового, буржуазного общества были направлены исключительно на разрушение ценностей общества традиционного, без какой бы то ни было «регенерации». Через аморальность подрывались священные символы и общинные человеческие связи «старых режимов». Насколько эта болезнь служит развитию, пока неясно, а вот риск очевиден.

Через устранение понятия греха современное общество «раскрыло» ниши порока, превратив его в морально приемлемый бизнес. Массовой и узаконенной стала в буржуазном обществе проституция, вплоть до того, что возникают профсоюзы проституток, они получают время на телевидении для изложения своих программ. В городах США «работают» 300 тыс. малолетних проституток в возрасте от 9 до 12 лет. Одним из важных видов туризма стали секс-туры с Запада в страны Юго-Восточной Азии (в маленьком Пномпене число проституток всего за год, с 1991 по 1992 г., выросло с 6 до 20 тыс.). В Германии туристическая реклама приглашает в Шри-Ланку как в «рай педерастов».

То же самое произошло буквально на наших глазах с оборотом наркотиков. Их рынок искусственно создается, в их производство вовлечены миллионы человек. Более того, и средствами культуры, и авторитетом науки общество готовят к легализации этого бизнеса. В октябре 1994 г. в Испании состоялся Второй международный конгресс по модифицированным состояниям сознания. Речь идет о наркотиках, вызывающих галлюцинации. Главный докладчик из США пообещал, что появление новых наркотиков будет для всемирной истории более важным событием, нежели Реформация Лютера. Говорилось о «праве всех человеческих существ на использование галлюциногенов». Более того, в главной лекции на открытии конгресса утверждалось, что христианство сможет сохранить свою роль в следующем тысячелетии, только если включит как центральный элемент литургии прием галлюциногенов. Давалась и новая трактовка христианства, по которой в IV в. якобы была учреждена «фармакократическая инквизиция», запрещающая использование наркотических веществ. Конечно, можно посчитать такие конгрессы экстравагантными маргинальными собы-

тиями, но таких событий происходит множество, и они широко представлены в прессе.

Резкое расширение ниши аморальности и, в пределе, распространение ее на все общество служило тому размягчению культурного ядра, что было необходимо, согласно теории А. Грамши, для подрыва гегемонии «тирана» и установления гегемонии «манипулятора». Разрушение традиционной морали и перманентная «сексуальная революция» — важнейшее условие устранения психологических защит против манипуляция сознанием.

Как и вообще по отношению к ценностям, главное в снятии защит против манипуляции — не замена одной системы ценностей другой, столь же целостной, а именно разрушение системы, релятивизация ценностей; лишение человека нравственных ориентиров, той системы координат, в которой он мог бы различать добро и зло. Помещение человека в атмосферу аморальности отключает его систему навигации, это как включение генератора радиопомех (потому и говорят «демократия шума»).

Для создания такого положения запускаются два взаимосвязанных процесса, которые затем переходят в самовоспроизводящийся режим — в обществе поощряют «спрос на аморальность» и в то же время политическими и экономическими средствами склоняют к аморальности прессу и особенно телевидение. Возникает «индустрия аморальности», создающая и одновременно удовлетворяющая «спрос». Массовое потребление аморальности представляет собой лишь особый срез общества потребления.

Массовая «аморализация» среднего человека произошла на Западе, когда самодеятельность узкого круга аморальных художников стала профессией и была превращена в часть масс-культуры. Мозаичная культура, о которой говорилось в 4-й главе, легко оставляет место для аморальности в своих «порах», в то время как жесткая «университетская» культура выжимает антиценности в подполье, в закрытую часть, в оппозицию культуре. Возникновение мозаичной культуры тесно связано с прессой и порожденным ею целым сословием «прогрессивных» интеллектуалов, которые, будучи на деле просто поставщиками рынка аморальности, оправдывали ее свободой информации и стремлением разрушить оковы угнетения нравственностью.

Сто лет назад пресса и литература могла «аморализовать» только часть культурного слоя общества — читающую публику. Сегодня донести продукт индустрии аморальности до каждого дома взялось телевидение. Очевиден, например, эффект порнографии на телеэкране — по силе воздействия его сравнивают с эффектом от постоянного показа сцен насилия. Особенно эффективно снижает устойчивость сознания резкое изменение структуры и интенсивности «аморальности». Обычно оно и производится в тот момент, когда необходимо провести крупные манипулятивные воздействия (например, отвлечь общественное внимание от непопулярных социальных программ типа приватизации или конверсии промышленности).

Важное место в перестройке сознания в советском обществе после 1985 г. заняла сексуальная революция. Разрушая отрицательное отношение к демонстративной половой распущенности и проституции, ставшее в советском обществе важным нравственным стереотипом, пресса расшатывала «культурное ядро» общества. Внушение неприятия признанных в обществе запретов — важная часть подрыва легитимности общественного строя.

Поначалу эта пропаганда вызывала шок, особенно необъяснимым и непонятым был неожиданный поворот молодежной прессы. В 1986–1987 гг. массовая газета «Московский комсомолец» вдруг начала печатать большую серию статей, пропагандирующих оральный секс. Это казалось полным абсурдом. Потом пошли «письма читателей» (скорее всего, фальшивые), в которых девочки жаловались на своих мам, которые отнимали и рвали в клочки их любимую газету. СМИ стали узаконивать аморальное и асоциальное поведение подростков.

Юристы и психологи пишут в 1991 г.: «Подростки потеряли интерес к привычным общественным ценностям и институтам, традиционным формам проведения досуга. Они больше не доверяют миру взрослых. Не случайно стремительно растет армия ничем не занятых подростков (с 1984 г. она увеличилась в шесть раз). В пресловутых молодежных “тусовках” неминуемо наступает сексуальная деморализация несовершеннолетних девушек».

К концу перестройки началась прямая пропаганда проституции. Идеологические работники не просто оправдывали ее как якобы неизбежное социальное зло, они представляли про-

ституцию чуть ли не благородным делом, способом борьбы против социальной несправедливости. Актриса Е. Яковлева (исполнительница главной роли в фильме П. Тодоровского «Интердевочка») так объяснила, что такое проституция: «Это следствие неприятия того, что приходится “исхитряться”, чтобы прилично одеваться, вечно толкаться в очередях и еле дотягивать до получки или стипендии, жить в долгах... Проституция часто была для девочек формой протеста против демагогии и несправедливости, с которыми они сталкивались в жизни».

Проституция как форма протеста девочек против демагогии! Такая постановка вопроса, подрывавшая общепринятые культурные и моральные нормы, вызвала в обществе стресс и создавала не просто «нервозность», но и открытый конфликт поколений.

Специалисты из Академии МВД пишут в 1992 г.:

«Росту проституции, наряду с социально-экономическими, по нашему глубокому убеждению, способствовали и другие факторы, в частности, воздействие средств массовой информации. На начальном этапе содержание их материалов носило сенсационный характер. Отдельные авторы захлеб, с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проститутток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и пр... Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и молодых женщин. Примечательны в этом отношении результаты опросов школьниц в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных».

Во время перестройки началось издание большого числа книг, возводящих половую распущенность в принцип, в признак элитарности. Как пример можно привести автобиографический роман М. Арбатовой и восторженную книгу о Лиле Брик А. Ваксберга.

Интенсивность использования сексуальной темы в идеологических целях поддерживается на высоком уровне. Показательна статья в «Независимой газете» (17 июля 1999 г.)

о II Международной эротической выставке в Петербурге. В ней подчеркивается невидимая связь между ликвидацией табу и запретов в сфере эротики и политическими установками. Корреспондент «НГ» задал вопрос главному идеологу выставки, заведующему кафедрой сексологии и сексопатологии Государственной еврейской академии им. Маймонида профессору Льву Щеглову: «Какова цель выставки?» Тот ответил: «Формирование у населения эротической культуры, которая блокирует тоталитарность».

Чуть раньше в Петербурге возникла напряженность в связи с появлением в продаже видеофильма «Школьница-2». Об этом рассказала газета «Трибуна» (19 февраля 2003 г.). В анонсе на обложке кассеты говорилось: «Старшеклассница приходит в новую школу... У нее все при всем в смысле внешности. В новой школе своеобразные педагогические приемы, в чем новенькая убеждается в первый же день на переменах. Для получения достойных отметок нужно для начала сексуально удовлетворить педсостав. А потом был день рождения одноклассника, где она уже по-настоящему вливается в коллектив».

Шок вызвал тот факт, что съемки фильма проводились в конкретной школе № 193 в Гродненском переулке Центрального района. Педагоги, ученики и их родители увидели на экране знакомые кабинеты и классы, стенгазету на стене, выставку детских рисунков. Увидели парты и столы, на которых разыгрывались порнографические сцены.

Студия «SP Company» Сергея Прянишникова подготовила к юбилею Петербурга цикл порнофильмов, в которых половые акты совершаются на фоне исторических памятников — Медного всадника, Казанского собора и др. Съемки проходили открыто, на глазах прохожих, детей, милиционеров. Попытки общественных организаций протестовать ни к чему не привели. Фильмы отправили на экспертизу главному специалисту — уже упомянутому Льву Щеглову. Он заявил, что «сцены половых актов с детальной демонстрацией физических деталей» считаются жесткой эротикой, а она не запрещена. В Министерстве культуры РФ эксперты сделали лишь одно замечание — съемки на фоне православного храма Спаса на Крови могут оскорбить чувства верующих.

Но к привычным видам аморальности (порнографии, демонстративной проституции, заполнению солидных газет

эротической рекламой и т. п.) общество довольно быстро адаптируется и «не замечает их», так что действенность снижается. Однако изобретательность творцов аморальности не иссякает.

В последние два десятилетия СМИ активно пропагандируют новый вид искусства — перформанс (performance). Это сценическое представление без жесткого сценария. Оно соединяет визуальные искусства с театрализованной импровизацией. Корнями оно уходит в футуризм и дадаизм, иногда его называют хэппенинг, бодиарт, концептуальное искусство. Одной из главных концепций этого искусства как раз и является разрушение этических и эстетических норм, снятие всяческих табу. Вот пара сообщений о представлениях, вызвавших большой интерес.

С большим успехом в ряде стран был представлен перформанс «Эпизоо». Автора его называют «современным Франкенштейном». Суть спектакля в том, что обнаженный актер помещается в установленную на сцене «машину пыток». Она имеет компьютерное программирование и гидравлические устройства, которые могут растягивать рот, нос, уши и другие части тела художника, причиняя ему боль. Управлять машиной могут зрители, что приносит им большое удовольствие. Кстати, в Испании этот спектакль был устроен в церкви Св. Себастьяна — святого, которого римляне подвергли пыткам. Затем тот же автор должен был выставить чудовищные человеческие головы, изготовленные из мяса.

Зимой 1999 г. в Мадриде с большим успехом был представлен перформанс «Же-Латина». На столе лежала очень похожая на самого автора обнаженная человеческая фигура, сделанная из сладкого желе и погруженная, как в гроб, в кремный торт (в газетах были опубликованы прекрасные фотографии). Сам художник, тоже совершенно обнаженный (но в маске), большим мачете отрезал по просьбе гостей и подавал им различные части своего тела. Поначалу представители культурной элиты ели нехотя («Один вид таких вещей вызывает понос», — пожаловалась одна дама). Но потом покушали с большим аппетитом. Как сообщают газеты, детородный орган торжественно съела невеста художника. Оказывается, этим спектаклем автор хотел выразить «каннибализм современного общества».

В последние годы корпорация работников прессы сделала огромный шаг к полному искоренению чувства стыда. Бесстыдство само стало особой технологией, которая обезоруживает нормального человека, делает его еще более беззащитным против манипуляции. Сегодня мы переживаем новый качественный сдвиг — само разоблачение случаев прямой лжи усиливает влияние прессы.

Каждая очередная ложь разоблачается без слова упрека лжецам, не говоря уж о каком-то «суде чести», отставках или угрызениях совести. Во время войны в Персидском заливе ненависть к Ираку нагнетали душераздирающими кадрами: добровольцы из числа «зеленых» обмывают мылом бедных птиц, попавших в нефтяное пятно, разлитое жестокими иракцами. Вскоре после этого было опубликовано сообщение, что это были кадры из репортажа, снятого на Аляске, где на скалы сел танкер, разливший 70 тыс. т нефти. То есть громогласно было заявлено, что ведущие телеканалы всего мира сознательно фальсифицировали информацию. И что?

В 1998 г. в 14 ведущих странах мира с успехом прошел и собрал кучу премий (восемь только международных) английский документальный фильм «Стыковка» — о наркodelьцах Колумбии и маршруте доставки героина в Лондон. Блестящая работа смелых журналистов. В логово наркoбаронов в джунглях их везли с завязанными глазами под дулами автоматов. Но логово это в действительности было оборудовано в отеле, а на роль страшного «барона» был нанят пенсионер, бывший банковский служащий. Одним из лучших кадров, который «удалось» снять репортерам, была драматическая сцена, когда перед отъездом в аэропорт курьер заглатывает капсулы с героином общим весом 500 г — абсолютная ложь!

Фильм, разоблачающий «угрозу цивилизации», снятый одной из ведущих телекомпаний, был фальсификацией с начала до конца. Но обман стал узаконенным, и доверия телезрителей он не подрывает. Авторы фильма даже не подумали вернуть полученные премии. Представитель Би-би-си, уличенной в похожих, но менее впечатляющих фальсификациях в своих «документальных» сериалах, оправдывал их тем, что зритель стал очень привередливым и требует высокого качества съемок, а его при честных съемках не получить. Сама проблема правды и лжи устранена из культуры. Среднему

человеку теперь просто сообщается, кого он должен считать «плохим». А картинка, которой сопровождается сигнал, является условностью.

В 1992 г. всю западную прессу обошла фотография «сербского лагеря смерти». Это был кадр английских журналистов телекомпании ITN (Independent Television Network). Были и точные данные: изможденное лицо за колючей проволокой принадлежит боснийскому мусульманину Фикрету Аличу, он беседовал с журналистами, протягивал им руки через колючую проволоку.

Этот телекадр обсуждался в Конгрессе США и стал формальным поводом и оправданием для США, чтобы занять открытую антисербскую позицию во время войны в Боснии. В феврале 1997 г. в одном журнале в Англии вышла статья, в которой изложены обстоятельства получения этого кадра. Изображен на нем был не «лагерь смерти», а пункт сбора беженцев, расположенный в здании школы. Забор из колючей проволоки отделял школьный двор от шоссе и был установлен до войны, чтобы дети не выбегали на дорогу.

Журналисты снимали «узников-мусульман» через проволоку — а могли обойти ее и снимать просто как отдыхающих на свежем воздухе. Вход и выход за проволоку были свободными, и на других кадрах, не пошедших в эфир, видно, как «заключенные» перелезают через забор или обходят его. Эти кадры были добыты сотрудниками журнала и помещены в Интернет. Автор статьи обвинил телекомпанию в манипуляции. А та подала в суд на журнал «за клевету».

Что для нас особенно важно в этой истории? То, что тележурналисты не видят за собой никакой профессиональной и моральной вины. Да, они пустили на весь мир фотографию, которую политики затем использовали в своих целях, а западный обыватель в массе своей поверил политикам. Но сами журналисты в комментариях к кадру не употребляли слов «лагерь смерти» и не утверждали, что из-за колючей проволоки нельзя выходить. Поэтому они подали на журнал в суд за клевету.

Этот искренний и полный, органичный отход от принципов права и честности — новое явление в культуре. Это — политический постмодерн, к которому мы духовно и интеллектуально пока не готовы. История с видеокadreом о сербском «лагере смерти» для нас важна тем, что с точки зрения телекомпании в

этом кадре не было прямой лжи, а было лишь умолчание. Этот вид искажения информации открывает еще большие возможности для манипуляции, нежели прямая ложь.

§ 3. Стресс как фактор ослабления психологических защит

Один из основателей современной социологии, исследователь идеологий К. Манхейм специально отмечал, что в моменты глубоких кризисов происходит блокирование здравого смысла — способности человека разумно судить о положении дел и действовать исходя из этого суждения. Необходимость обдумывать и понимать происходящее превращается в это время в непосильную нагрузку, и человек старается уйти от этой необходимости, спрятаться в сфере иррационального. Он начинает проявлять повышенный интерес к оккультизму, изучать гороскопы, верить астрологам. Его психологическая защита против манипуляции сознанием резко ослабляется.

Создание стресса в массовом сознании — испытанный прием. Для управления Парижем якобинцы тщательно культивировали «нервозность». В 1790 г. Марат писал, что цель якобинцев — «постоянно поддерживать народ в состоянии возбуждения до того времени, когда в основание существующего правительства будут положены справедливые законы». Он отмечал, что влияние его газеты «Друг народа» обусловлено «страшным скандалом, распространяемым ею в публике».

Джон Рид, который близко наблюдал революции в России и Мексике, заметил:

«В период острых кризисов человек не всегда правильным образом реагирует на происходящие события. Люди самых трезвых суждений, которые в обычное время никогда не принимали тех или иных фактов, не получив предварительно доказательства, верили самым диким слухам, не имевшим под собой никакой почвы».

Много исследований посвящено аномально высокой внушаемости больших масс населения Германии после поражения в Первой мировой войне. Массовое обеднение и деморализация привели к патологическим изменениям общественного сознания и к необычному легковерию, которые сделали его беззащитным против самой грубой манипуляции со стороны фашистов.

Длительный эмоциональный стресс, разрушающий защитные механизмы сознания, достигается с помощью резкого обеднения больших масс населения (особенно когда для этого нет видимых объективных причин вроде войны или стихийных бедствий). В докладе ВЦИОМ со ссылками на многие исследования в разных частях мира сказано: «Среднее падение личного дохода на 10 % влечет среди затронутого населения рост общей смертности на 1 % и рост числа самоубийств на 3,7 %. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий».

Такие изменения могут служить действенным средством для того, чтобы контролировать поведение населения, парализовать его волю. В результате обеднения большинство просто не имеет ни душевных, ни физических сил, чтобы заниматься чем-либо кроме жизнеобеспечения своих семей. Средний класс — это политически активный класс и база демократии, а демократия затрудняет манипуляцию сознанием.

В отличие от крестьян, городской человек лишен автономного жизнеобеспечения, и бедность (особенно угроза голода) — мощное средство контроля за его поведением. Эту идею развил уже Мальтус на заре капитализма, и обеднение рабочих при возникновении угрозы нестабильности вошло в политический арсенал правящего класса. Одновременно Запад создавал свою массовую опору — благополучное гражданское общество, сплоченное страхом перед голодными.

На Западе и в последние десятилетия прибегают к обеднению части населения с целью повысить эффективность манипуляции поведением масс. Так, например, отреагировала правящая элита на студенческие волнения 1968 г., которые поставили под угрозу гегемонию буржуазной идеологии. Духовные запросы молодежи переросли тогда манипулятивные возможности западной «индустрии образов». Для разрешения этого противоречия было два пути: или пойти навстречу возросшим запросам, сделать общество более открытым и справедливым — или снизить, «придушить» запросы, создав социальные трудности. То есть, сдвинуться «вправо» и преобразовать часть общества в программируемую толпу. Правящие круги предпочли «придушить» запросы.

Исследования массового сознания во Франции 70-х гг. показали, что примерно треть французов в своих ценностных ориентациях сдвинулась к циничному прагматизму, нацеленному на «выживание». Исследователи назвали этот новый стиль жизни, овладевший молодыми горожанами и распространенный во всех социальных слоях, «лисий реализм». Его характеризовали как «оборонительный динамизм», основанный на страхе перед кризисом и не ставящий созидательных целей.

Аналогично, с начала 70-х гг. в США удалось внедрить в сознание масс принцип: «не ожидать слишком многого от жизни и удовлетворяться тем, что есть». Чтобы снизить притязания и бунтарский дух, попросту затруднили людям жизнь (новый экономический курс получил название «рейганомика»). Один из студенческих лидеров США сказал в 1977 г.: «В 60-е годы было нетрудно быть идеалистичным и выступать за социальные перемены и все такое. Я думаю, что сегодняшние студенты до смерти напуганы своим будущим». Показательны ответы на вопрос о главной цели при поступлении в колледж в США. Если в 1970 г. 39 % студентов назвали «Достижение финансового благополучия» в числе главных, то в 1984 г. так ответили 71 % — высокие помыслы 60-х гг. удалось из голов вытеснить.

В СССР с 1990 г. стали назревать экономические трудности, быстро ухудшавшие личное благосостояние людей. В 1992 г. они приобрели обвальный характер, и произошло массовое обеднение населения. Внушаемость людей резко повысилась, их психологическая защита дала трещину (в дополнение к той, что появилась в годы перестройки). На основании исследований, проведенных в 22 регионах России в течение 1990, 1993 и 1994 гг., директор Центра социологических исследований Российской академии государственной службы В.Э. Бойков выдвигает важный тезис: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социальную депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства». Придушившие людей! Точнее не скажешь.

Другая большая технология создания психологического стресса — утомление граждан. Оно не сводится к утомлению нуждой. К нужде добавляется опустошенность, вызванная непрерывным повторением угроз (кризиса, действий террори-

стов, войны и т. д.), пошлостью, которые нагнетаются через слова, жесты, образы и действия. Человека утомляет принижение его устремлений, осмеяние идеалов, отвлечение его к низменному. Это — сравнительно новый прием власти. Успешное утомление ведет к тупости, утрате воли.

Создание «нервозности», нагнетание угроз и страхов с целью держать население в состоянии непрерывного стресса становятся во время кризиса принципом информационной политики СМИ. Ниже в таблице показаны результаты опроса, проведенного в 1994 г. в ряде городов РФ. Оценки настроения людей после просмотра блока новостей главных каналов телевидения красноречивы.

Таблица

Чувства, испытанные респондентами при просмотре информационных телевизионных передач «Новости», «Вести», «Сегодня» и др., в % к числу опрошенных (число опрошенных 1375)¹

Варианты	%	Варианты	%
Уверенность	9,3	Неуверенность	57,2
Надежда	24,3	Разочарование	45,2
Спокойствие	7,1	Тревога	59,6
Доверие	13,8	Обман	50,8
Гордость	7,0	Унижение	50,5
Интерес	44,7	Безразличие	28,3
Бодрость	6,2	Усталость	57,9
Защищенность	3,4	Беззащитность	58,1
Бесстрашие	9,2	Страх	48,9

Одним из способов вызвать глубокий стресс является искусственное создание обстановки абсурда, которая производит на людей культурный шок. Создание ситуаций абсурда в связи с самыми обыденными нормами очень широко использовалось в перестройке. Так, в солидных театрах в пьесы стали включать постельные сцены, в печати узаконили мат, а «Московский комсомолец», газета ЦК ВЛКСМ (!), стал расписывать прелести «орального секса». Крайним выражением такого подхода стал инцидент, превращенный в большой

¹ См.: Хлопьев, А.Т. Кривые толки России / А.Т. Хлопьев // СОЦИС. 1995. № 1.

политический спектакль. В августе 1991 г., во время «путча ГКЧП», трое молодых людей подожгли в туннеле перед посольством США две БМП Советской армии и в результате несчастного случая погибли. Как установило следствие, вины военных в их гибели не было. Их посмертно награждает Президент СССР — за что? А главное — какой наградой! Им присваивают звание Героев Советского Союза с орденом Ленина в придачу! Даже присуждение им Нобелевской премии по физике было бы менее абсурдной наградой.

Еще метод создать в обществе обстановку нервозности и стресса заключается в организации общественного конфликта без всякой разумной мотивации. Сама эта необъяснимость оказывает на людей гнетущее психологическое воздействие. Показателен инцидент с трансляцией в ноябре 1997 г. на НТВ фильма М. Скорсезе «Последнее искушение Христа» — вопреки корректной просьбе Русской православной церкви воздержаться от показа фильма, который Церковь считает богохульным.

В своем заявлении Патриарх и Святейший синод просили «не провоцировать в обществе внутренний конфликт в столь непростое время» и взывали к «гражданской совести и нравственному чувству руководителей телекомпании НТВ». Примечательно, что к этой просьбе православной церкви присоединился Союз мусульман России — в его заявлении сказано более определенно: «Решение НТВ является тем Рубиконом, перейдя который компания окончательно разрывает статкинезримого джентльменского соглашения, существующего между нею и российской общественностью касательно нравственных аспектов жизни». Казалось бы, невозможно было не откликнуться на такие просьбы. Показ состоялся, причем в день, который был объявлен Днем согласия. Демонстративное решение НТВ сопровождалось глумливыми аргументами — некоторые далекие от православия деятели культуры «смотрели фильм и не нашли там ничего антихристианского». Поскольку в вопросах веры их мнение было ничтожно по сравнению с мнением Патриарха и Святейшего синода, такие объяснения лишь подлили масла в огонь конфликта.

Сильнейшим фактором стресса является открытое нарушение фундаментальных культурных табу. Так, важным в культуре является запрет на показ таинства смерти вне негласно установленного нравственными нормами ритуала. Осмысление смерти — одна из труднейших проблем чело-

веческого бытия. В течение жизни зрелище смерти дается человеку малыми «точно отмеренными» порциями и всегда производит потрясение. За тысячелетия культура вплела эти «порции смерти» в такую плотную ткань норм и процедур, что потрясения от зрелища смерти не разрушают, а укрепляют человека.

Напротив, с целью вызвать стресс и ослабить психологическую защиту людей против манипуляции сознанием идеологизированное телевидение в некоторые моменты вводит зрелище смерти в дом каждой семьи вне всяких норм, в огромных количествах и в самом неприглядном виде. В последнее десятилетие были периоды, когда на телезрителей с утра до вечера обрушивали поток образов смерти — катастрофы, похороны, убийства, морги.

§ 4. Захват и присоединение аудитории

Уже говорилось, что одной из важных операций в манипуляции сознанием является «захват» аудитории — привлечение внимания к тому сообщению, которое собирается послать манипулятор, удержание внимания на этом сообщении и завоевание доверия, устранение психологической защиты. Американский специалист по психологической войне Р. Кросмен пишет: «Задолго до того, как вы будете пытаться деморализовать, разубедить или переубедить, перед вами в качестве первой встанет задача — заставить себе поверить».

Первый шаг — установление контакта с аудиторией и, таким образом, создание канала, по которому может пройти сообщение. Для этого используется множество уловок и соблазнительных приманок. Сообщение сцепляется с чем-то привлекательным, так что эффективность приманки даже поддается количественному расчету (это видно, например, по цене телевизионного времени для рекламы, которая включается в популярный фильм или важное спортивное соревнование). Следующий этап — присоединение. Так обозначают такой контакт, который в силу положительного отношения к нему аудитории имеет тенденцию сам себя поддерживать, воспроизводиться уже без специальных больших усилий манипулятора. Различают «присоединение по...» и «присоединение к...». Первое — это контакт, который поддерживается в силу каких-то объективных признаков общности (по языку, этнической принадлежности и т. д.). Главная задача манипу-

лятора — «присоединение к...» (к каким-то ценностям, лозунгам, действиям).

Первое правило для успешного контакта — заявить о том, что отправитель сообщения входит с аудиторией в какую-то общность. Для этого выработан целый язык и манера обращения: коллеги, мужики, православные и т. д. Первые шаги по установлению контакта служат кличем «мы с тобой одной крови — ты и я!». Поэтому первый признак манипуляции — уклончивость в изложении собственной позиции, использование туманных слов и метафор. Ясное обнаружение идеалов и интересов, которые отстаивает «отправитель сообщения», сразу включает психологическую защиту тех, кто не разделяет этой позиции, а главное, побуждает к мысленному диалогу, а он резко затрудняет манипуляцию.

Наполеон как-то сказал в государственном совете: «Представившись католиком, я мог окончить вандейскую войну; представившись мусульманином, я укрепился в Египте, а представившись ультрамонтаном [иезуитом], я привлек на свою сторону итальянских патеров. Если бы мне нужно было управлять еврейским народом, то я восстановил бы храм Соломона».

Самое эффективное присоединение аудитории достигается в том случае, когда манипулятор, играя на «струнах души», добирается до архетипов коллективного бессознательного и активизирует их. Говорят, что при этом манипуляция подключается к огромным скрытым «энергетическим ресурсам» архетипов и тем самым приобретает бесплатную силу, оставаясь в то же время нераспознанной именно потому, что архетипы скрыты в бессознательном. Как говорил К. Юнг, архетипы проявляют себя «захватывающе-очаровывающим образом». Значит, при этом отключается и логическое мышление, и здравый смысл, что особенно красноречиво проявляется в возбуждении толпы или в разжигании этнических конфликтов.

Старый, испытанный еще в Великой французской революции прием захвата аудитории — представление идеологических сообщений в виде «запретного плода». Именно тогда возник «самиздат» — изготовление и распространение нелегальной и полуполигальной литературы. В СССР эта индустрия расцвела уже в 60-е гг. как средство психологической войны (к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на рус-

ском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов). Тогда в СССР даже ходил анекдот: старушка перепечатывает на машинке «Войну и мир» Толстого. Ее спрашивают: «Вы что, с ума сошли?» — «Нет, я хочу, чтобы внучка роман прочитала, а она читает только то, что напечатано на машинке».

Недавно Милослав Петрусек, декан факультета политических наук Карлова университета, президент Чешского социологического общества, опубликовал интересное исследование самиздата в Чехословакии. Думаю, если бы такому изучению подверглась продукция самиздата в СССР, результаты были бы схожи. В 1969–1989 гг. в самиздате в ЧССР выходило более 80 журналов (средний тираж 132 экземпляра), было напечатано несколько сотен литературных произведений. Изданием и распространением занималось 5 % населения страны. С властями существовал негласный уговор. «Тоталитарный режим» требовал лишь соблюдения некоторых условных формальностей, например, писать на титульном листе: «Для друзей размножил в количестве 7 экземпляров. Вацлав Гавел». А за размножение журнала Гавел уже не отвечал.

Самиздат создавал людям политическую рекламу, что сказалось в 1989 г. — интеллектуалы, вовлеченные в самиздат, сразу заняли важные посты. Самиздат послужил школой для отбора и подготовки кадров. Во время пребывания у власти Горбачева, когда началась перестройка, в ЧССР выходил самиздатский журнал «Образ друга», публикующий материалы из советской прессы. С самого начала Запад оказывал самиздату финансовую поддержку, но в те времена это скрывалось.

Какие же установки внедряли в сознание авторы-диссиденты? М. Петрусек характеризует их так:

«Самиздат справедливо разрушал мифы о национальном величии и доблести, например мифы о масштабах антифашистского сопротивления или мифы о чешском национальном характере. Самиздат касался и весьма болезненных тем (высылка немцев) и остродискуссионных вопросов (законность и историческая обоснованность возникновения самостоятельного чехословацкого государства)».

Иными словами, самиздат подрывал опоры национального самосознания.

Какова была культурная ценность изданий? Петрусек пишет:

«В первые месяцы после ноября 1989 г. предполагалось, что в государственных издательствах выйдет практически весь обществоведческий самиздат... Существуют договоры с издательствами, но книги не издаются, так как возник отчасти действительный, отчасти условный эффект негативной реакции на самиздат: вышла на поверхность тривиальная истина, что не все изданное в самиздате имеет долговременную ценность, не говоря уже о привлекательности для читателя».

Иными словами, захват аудитории в самиздате достигался не высокой ценностью материала, а искусственно созданной приманкой — запретностью текста, так что авторы, издатели и распространители обращались к диссидентским стереотипам в сознании.

Западные радиостанции, которые вели передачи на СССР с «белой» пропагандой (т. е. от своего имени), всегда утверждали о наличии у них значительного совпадения точек зрения с советской аудиторией, и дискредитация ценностей, укорененных в сознании аудитории, нарастала очень малыми порциями — чтобы не допустить утраты контакта. Более того, антисоветская пропаганда, как правило, апеллировала к реальным общественным потребностям слушателей с позиций господствующих в советском сознании ценностей — социальной справедливости, уравнительного идеала и т. д. Точно так же Горбачев начал с лозунга «Больше социализма!», а не «Да здравствует частная собственность!».

Начиная с 70-х гг. западная пропаганда стала широко использовать доверительный имидж, при котором политик обращается к гражданам на личностном уровне, как такой же «добрый парень», с теми же простительными дефектами и недостатками, с тем же простодушием и той же личной историей, что и слушатель или телезритель. Возник особый жанр «автобиографий» и телефильмов, в которых строился такой имидж (мы их видели в 90-е гг., например, фильм Э. Рязанова о том, как Наина Иосифовна жарит котлеты на кухне в ожидании прихода с работы ее мужа-президента).

Эта технология «присоединения» зрителя была основана на большой серии социально-психологических экспериментов. Так, в Англии в ходе избирательной кампании трем группам избирателей показывались три разные телевизионные программы. В одной из них логически и разумно, с обилием графиков и диаграмм излагалась программа кандидата и те блага, которые она должна принести населению. В другой давались интервью с прохожими, которые поддерживали данного кандидата и его программу. В третьей был показан телефильм, в котором кандидат представал в семейной обстановке, в домашних тапочках, помогая жене на кухне, а внуку — готовить уроки и т. д. Замеры эффективности влияния каждой телепрограммы показали, что наибольшая степень доверия к политику возникла в результате действия третьей из них. Самым эффективным для установления отношений симпатии и доверия был личный имидж.

В 70-е гг. в США была разработана технология под названием «прямая почта». Суть ее в собирании и компьютерной обработке данных о нужной аудитории, а затем рассылка политиком личных писем каждому адресату. Для адресатов с высоким статусом применяются специальные сорта бумаги, типографские наборы, даже тип чернил на подписи (обязательно синие, но разных оттенков), для массового адресата — ширпотреб. К чему же взывают политики? Что служит приманкой, заставляющей благосклонно отнестись к идеологической начинке письма? Как ни странно, приманкой служит просьба помочь деньгами.

При разработке этой технологии было сделано много находок. Например, психологи нашли, что сумма присланного в ответ взноса возрастает, если политик просит в письме конкретную сумму, причем идет от большей суммы к меньшей, а не наоборот (просит прислать 500, 250, 100 или хоть 50 долл.). Письмо из двух страниц оказывает большее воздействие, чем из одной. Рассылать письма надо сразу же после выдвижения кандидатуры, потом эффект пропадает. В 1984 г., прямо в тот день, когда Рейган объявил о выдвижении своей кандидатуры в президенты, его штаб разослал 600 тыс. компьютерных писем, в ответ на которые пришло взносов на 3 млн долл. В среднем затраты на прямую почту в 200 тыс. долл. приносят взносов

на 2 млн. Но главное — не деньги, а огромный пропагандистский успех. Пожертвование размягчает сердце американского избирателя гораздо сильнее, чем получение им таких же денег. Письма с личной подписью политика, хотя многие и подозревают в ней имитацию, эффективно «присоединяют» аудиторию к нему.

Интересны недавние исследования идеологической продукции Голливуда. Так, в серии фильмов о Рэмбо их авторы сделали неожиданный ход: они поставили контркультуру, которая в реальности была резко враждебна консерватизму, на службу консервативной политике. Рэмбо — нонконформист, с длинной гривой волос, противопоставленный бюрократическому государству. Все привлекательные для левых течений атрибуты несли под собой крайне правую идеологию, и эффект был достигнут. Этот анализ сделан на примере фильмов о Рэмбо, но подобных фильмов Запад произвел тысячи — и наводнил ими весь мир, а теперь уже и Россию.

Поскольку присоединение к манипулятору происходит при достаточной длительности контакта, то простейшим приемом восстановить психологическую защиту от манипуляции является сознательное и беспорядочное прерывание контактов с источником информации, который мы подозреваем в манипуляции. Например, достаточно время от времени прекращать смотреть телевизор на одну-две недели, как происходит «починка» сознания. После этого глаз приобретает необычную зоркость и какое-то время ты легко замечаешь, как из манипулирующих передач «торчат уши». На время телевидение теряет свое очарование.

Глава 12. Средства массовой информации

§ 1. Цели, образ действия и место в культуре средств массовой информации

Становление современного Запада тесно связано с духовным освобождением слова («свобода слова») и появлением технологической возможности массового создания сообщений (изобретение книгопечатания — прессы). Завоевавшая авторитет наука дала идеологии убедительный метод создания сообщений для прессы. Так возникли средства массовой информации. Они стали поставлять гражданам го-

товые мнения в удобной расфасовке. Английский писатель С. Батлер сказал: «Общественность покупает свои мнения так же, как покупают молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды».

Свобода слова («гласность»), а шире — свобода распространения информации, декларируется как ключевой принцип гражданского общества и либерального порядка жизни. Принятие этой идеи было культурной и духовной мутацией колоссального значения. Это и означало переход к современному западному обществу, к Новому времени — устранение всех свойственных традиционному обществу запретов (табу) и единой («тоталитарной») этики, переход от человека общинного к свободному индивиду (атому).

Разумеется, декларация свободы слова на практике не реализуется. Можно утверждать как общий тезис: с точки зрения сохранения сложных и тонких общественных структур («неатомизированного» общества) полная свобода сообщений неприемлема в принципе. Наличие этических табу, реализуемых через какую-то разновидность цензуры, является необходимым условием для того, чтобы сдерживать разрушительное действие информации. Мы знаем это на быденном уровне: полная гласность (например, возможность читать мысли друг друга) сделала бы невозможной всякую совместную жизнь людей. Человеческие связи разрываются зачастую просто от того, что «доброхоты» сообщают тебе то, что ты и так знаешь, но знаешь про себя.

Мы не можем здесь затронуть эту большую тему, заметим только, что цензура и художественные достоинства произведений культуры вообще связаны слабо. Надо задуматься над тем фактом, что великая русская литература XIX в. родилась и существовала в условиях довольно жесткой цензуры. Быть может, есть даже обратная связь — без цензуры многие писатели и режиссеры вообще ничего путного создать не могут.

Фрейд писал: «Чем суровее угнетение цензуры, тем лучше маскировка и тем изобретательнее средства, которые ведут читателя по следам того, что действительно должно ему приоткрыться». Отмена цензуры «подтачивает зубы слову». В известном смысле, установление цензуры — признак уважения к слову, признания его силы.

Следует снова оговориться: свобода слова в буржуазном обществе есть категория философская (как Свобода, Равенство и Братство Французской революции). В реальной практике эта свобода стала предоставляться только в той мере, в которой общественное мнение подчинялось манипуляции. Юридические запреты на свободу сообщений были устранены в США только в 60-е гг. XX в., когда технология манипуляции стала безотказной.

Н. Хомский приводит сведения по истории права, согласно которым до недавнего времени в США ни по закону, ни на практике не позволялись публичные выступления без разрешения местных, а иногда и федеральных властей. Только в 1964 г. Верховный суд отменил Закон о мятежах 1798 г. как «несовместимый с Первой поправкой к Конституции». Это решение было принято в связи с апелляцией газеты «Нью-Йорк Таймс», которая была наказана по суду за то, что поместила оплаченное как рекламу письмо группы защитников гражданских прав, критиковавших шефа полиции г. Монтгомери в штате Алабама. Закон о мятежах позволял объявить преступлением любую критику правительства. Теперь Верховный суд постановил, что «мятежная публикация или петиция — критика правительства — не будет считаться преступлением в Америке».

Н. Хомский приводит множество примеров, которые не вяжутся с мифическим образом «американской демократии». Так, был случай, когда в католических газетах цензура велела выкинуть абзац из послания Папы Римского (!), в котором он утверждал, что верность Богу — первейшая обязанность христианина, а верность государству — вторая.

Но практика практикой, а важна и философия. Сегодня политики вернули к жизни старый спор, который вело буржуазное (гражданское) общество с обществом христианским (средневековым) в Европе, а теперь ведет со всеми «незападными» обществами, спор о смысле языка — слова и образов. В уродливой форме этот спор породил, например, конфликт с романом Салмана Рушди «Сатанинские стихи». Иранский аятолла Хомейни усмотрел в этом романе изощренное издевательство над исламом и символически приговорил писателя к смерти. Иран неоднократно заявлял, что никто не собирается посылать убийц к писателю, который «пречется» на Западе. Но западные издательства не только

демонстративно издают роман фантастическими тиражами, но и выбрали Рушди президентом Всемирной ассоциации писателей¹.

Проблема свободы сообщений совершенно по-новому встала в городском обществе в последние десятилетия, когда средства массовой информации практически полностью вытеснили личное общение как источник сообщений, несущий новую информацию. С середины 80-х гг. в США телевидение стало основным источником новостей для 62 % американцев, газеты — для 56, радио — для 13, журналы — для 9, а прямое межличностное общение — только для 1 % (сумма составляет больше 100 %, потому что можно было называть более одного источника, что еще больше снижает значение личного общения). Таким образом, из процесса получения информации исключается диалог, который создает важнейшую защиту против манипуляции сознанием. Получатели сообщений превращаются в толпу в том смысле, что они могут лишь пассивно воспринимать сигналы от «коммуникатора-суггестора».

Во французской монографии «Психологическая война» (1954) указывается на это изменение роли прессы:

«В пропаганде речь идет уже отнюдь не о том, чтобы открыто писать в газете или говорить в радиопередаче, что именно, согласно желанию пропагандиста, индивид должен думать или чему он должен верить. Фактически проблема ставится так: заставить такого-то и такого-то думать то-то или, точнее, заставить определенную группу людей действовать определенным образом. Как этого достигают? Людям не говорят прямо: "Действуйте так, а не иначе", — но находят психологический трюк, который вызывает соответствующую реакцию. Этот психологический трюк называют стимулом. Как видим, пропаганда, таким образом, уже не имеет ничего общего с распространением идей. Речь идет теперь не о том, чтобы распространять идеи, а о том, чтобы распространять "стимулы",

---

¹ Поддерживая огонь скандала, ни газеты, ни телевидение в то же время не дали слова ни одному исламскому теологу или хотя бы своему специалисту по исламу, который объяснил бы, в чем мусульмане видят нестерпимое оскорбление. Выступают на эту тему западные писатели, и всегда со смехом: я, мол, роман читал, ничего там такого нет — ну, смешно, конечно, но ведь на то и свобода слова.

то есть психологические и психоаналитические трюки, которые вызывают определенные действия, определенные чувства, определенные мистические порывы».

Ссылаясь на данные психофизиологов, философ Ю.Г. Волков пишет в 1994 г.:

«Пропаганда теории, проповедь учения, разъяснение концепции, доктрины сегодня не в моде. Соответствующие установки, ценностные предпочтения, стереотипы поведения формируются ненавязчиво, без сопровождения философского флера, рефлексии, а как бы под воздействием точечного массажа. В ходу зрелища, театральная символика, памфлетно-детективный жанр, полуанекдот, фарс; идеология все больше ориентируется на видео, телепередачи, музыку, пение, воздействие идет не на интеллект, а на подсознание».

Средства массовой информации стали главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. А. Моль пишет о СМИ: «Они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества». Таким образом, современный человек не может уклониться от воздействия СМИ (под «культурой» А. Моль понимает все стороны организации общественной жизни, которые не даны природой в первоначальном виде).

Сегодня мало кто верит в объективность прессы, купленной «олигархами», но ведь еще недавно наша интеллигенция искренне в это верила — вот что удивительно. Ведь на Западе никто не скрывает, что СМИ служат интересам господствующей олигархии и ни на какую объективность не претендуют. Американский король прессы Г. Люс (основатель журналов «Тайм», «Лайф», «Форчун» и многих других) в своем обращении к сотрудникам журнала «Тайм» (1972) заявил: «Мнимая журналистская объективность, то есть утверждение, что автор подает факты без какой-либо ценностной оценки, являет-

ся современной выдумкой, не более чем обманом. Я это отвергаю и осуждаю. Мы говорим: “К дьяволу объективность”».

Отметим главные методические приемы, которые повышают эффективность прессы в манипуляции сознанием.

Фабрикация фактов (прямая ложь). И политики, и деятели современной прессы часто заявляют, что пресса не использует прямой лжи — это и дорого, и опасно. В разных вариантах повторяется такой афоризм: «Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду?» Л. Фразер в известном руководстве «Пропаганда» (1957) дает такую установку: «Не лги, если есть угроза разоблачения».

В 70-е гг. А. Моль писал, что прямая ложь в СМИ есть признак низкой профессиональной квалификации редактора: ее обнаружение вызывает потерю контроля над аудиторией, она становится невосприимчивой к пропаганде. Поэтому СМИ заменяют «политическую цензуру» (очевидное искажение информации) цензурой «психоаналитической» — они используют подпороговые культурные явления. Под ними в социодинамике культуры понимается постоянное искривление социокультурного пространства — такая «поляризация» в желательном направлении всех сообщений, которая не превышала бы порог восприятия радиослушателя или телезрителя. Когда он не замечает этой поляризации, у него не мобилизуется психологическая защита против манипуляции.

А. Моль пишет, что искажение реальности достигается чаще через процесс «кумуляции мелких отклонений, происходящих всегда в одном и том же направлении, чем посредством решительных, бросающихся в глаза действий». Подчеркивается также, что малые сдвиги, приводящие к «поляризации» потока сообщений, должны быть ниже порога семантической восприимчивости среднего получателя (то есть, в среднем, должны не замечаться аудиторией).

С тех пор, однако, положение изменилось. Тоталитарный контроль над СМИ малого числа олигархических групп делает разоблачение прямой лжи маловероятным. А главное, создана такая плотность потока захватывающих аудиторию сообщений и так полно отключается краткосрочная память, что разоблачение «вчерашней» лжи уже никого не интересует. Поэтому включение прямой лжи практикуется СМИ все в больших масштабах как прием недорогой, но эффективный в решении срочных задач. При этом наглая ложь оказывается

предпочтительной, потому что она разрушает всякую возможность диалога.

В общем, сегодня специалисты считают, что прямая ложь («фабрикация фактов») не применяется лишь в тех случаях, когда ее легко обнаружить. А когда разоблачение затруднено недоступностью информации или обходится оппозиции слишком дорого, пресса лжет без зазрения совести (есть такая формула: «в политике слово правда означает любое утверждение, лживость которого не может быть доказана»). Особенно легко оказывается лгать, когда ложь опирается на заложенный в подсознание стереотип.

Постановщик телевизионных спектаклей в избирательной кампании Никсона в 1968 г. Р. Эйлис так объяснял, как организован вошедший тогда в практику «телетон» — передача, в которой кандидат в прямом эфире отвечает на вопросы, задаваемые по телефону: «Проходить все будет так. Вопросы принимаются телефонистками, затем курьеры бегут с ними к столу постановщика, а отсюда их доставят в сценарную комнату, где наши люди их изорвут и напишут свои. Затем они понесут их Бадю Уилкинсону для художественного зачитания, а выступающий дает по заготовленной карточке ответ». В этой практике мало что изменилось, и ее освоили во всех демократических странах.

Основные методы фабрикации фактов были отработаны уже в ведомстве Геббельса. Они были во многом новаторскими и ставили в тупик западных специалистов. Так, фашисты ввели прием подстраховки ложных сообщений правдивыми, даже очень для них неприятными. В такой «упаковке» ложь проходила безотказно. Большое внимание уделялось провокациям с единственной целью снять «правдивый» пропагандистский фильм. Так, жителям оккупированного Краснодара было объявлено, что через город проведут колонну советских пленных и что им можно передать продукты. Собралось большое число жителей с корзинками, полными продуктов. Вместо пленных через толпу провезли машины с ранеными немецкими солдатами — и сняли фильм о радушной «встрече».

Одно из важнейших правил манипуляции сознанием гласит, что успех зависит от того, насколько полно удалось изолировать адресата от постороннего влияния. Идеальной ситуацией для этого была бы тотальность воздействия — полное отсутствие альтернативных, неконтролируемых источников информации и мнения. И дело здесь не в том, что альтернатив-

ная информация бывает достаточно, чтобы пересилить аргументы манипулятора и дать аудитории возможность сделать разумный выбор между позициями. Скорее, причина в том, что этот независимый голос, даже очень краткое его звучание, производит магический эффект — он снимает наваждение. Рушится построенная манипуляторами обстановка внушения, когда контролируемые ими пропагандисты вещают истины, в которых нельзя и усомниться — их надо впитывать. Для этого, конечно, пропагандисты должны обладать авторитетом, но он во многом создается самим манипулятором.

Сложность выполнения этого правила прежде всего в том, чтобы при тотальности контроля создать у адресата иллюзию независимости, иллюзию плюрализма каналов информации. Для этого создается видимость многообразия СМИ по типу организаций, политической окраске, жанрам и стилям — при условии, что реально вся эта система подчиняется единым главным установкам.

Если по ходу воздействия изоляция адресата нарушается (например, появляется неожиданный неконтролируемый источник информации), то чаще всего операция по манипуляции свертывается, поскольку утрата иллюзии независимости резко усиливает психологическую защиту аудитории. Лучше смириться с потерей затраченных на неудачную попытку средств, нежели усиливать жертву — дороже обойдется при следующих попытках.

Красноречивый случай разбирает Н. Хомский. В 80-е гг. в США велась интенсивная кампания по обвинению СССР в расстановке противопехотных мин в Афганистане. Выводя войска из Афганистана, советское командование передало правительству Наджибуллы карты минных полей, а Наджибулла предоставил их во все районы страны, включая те, что были под властью его противников. В связи с этим некоторые американские политики призывали умерить пыл газетной кампании, поскольку позиция СССР и Наджибуллы «могла дать им преимущества в пропаганде». Опасения были напрасны, поскольку ни одна газета об этом не сообщила (видимо, даже в СССР). Кампания была свернута по другой причине. В 1989 г. группа добровольцев, морских пехотинцев США, которых заела совесть, поехала во Вьетнам помочь снять мины, которые они сами ставили там 20 лет назад. Вернувшись, они сделали резкое заявление о том, что до сих пор во Вьетнаме

гибнет от мин много людей, а США отказываются предоставить карты минных полей. Через четырнадцать лет после окончания войны! Это — пример неожиданного сообщения, после которого надо было без комментариев прекращать акцию по обвинению СССР.

Манипуляция несовместима с диалогом и общественными дебатами. Потеря советским обществом устойчивости против манипуляции во многом объяснялась тем, что все созданные в советское время каналы социального общения (КПСС и ВЛКСМ, профсоюзы и пресса, школа и вузы) находились под контролем государства. По команде сверху во время перестройки все эти каналы начали передавать лишь те сигналы, которые побуждали к перестройке общества и его жизнеустройства. То «молчаливое большинство», которое сознательно отвергало переворот Горбачева—Ельцина, оказалось «без языка».

Но все же крупная прямая ложь («фабрикация фактов») внутри страны используется редко, поскольку в какой-то мере достоверная информация доходит до слишком большой части населения. Другое дело — непрерывная мелкая ложь со ссылкой на неопределенные источники («серая» пропаганда). Она эффективна и безопасна в силу незначительности ложных сведений и в силу очень большого их количества.

Отбор событий реальности для сообщений. Пожалуй, главное условие эффективного программирования мышления — контроль над «информационным рационом» человека. В буржуазном обществе владельцы большей части СМИ принадлежат к господствующему классу, а остальные СМИ подвергаются экономическому контролю. Для правдоподобия свободы слова оставляется небольшой сектор рынка для оппозиционной печати, которую обычно удается зажать в узкие рамки. Ей разрешается ругаться последними словами, но не выстраивать целостное, когерентное представление о реальности.

Эффективной системой СМИ является такая, что при избытии изданий и передач, разнообразии «позиций» и стилей она создает и использует одни и те же стереотипы и внушает один и тот же набор главных желаний. Различие взглядов конструируется — разрешается быть и буржуазным консерватором, и анархистом, но при условии, что основа мышления у них одинакова.

Говорят, что надмнениями господствует тот, кто определяет структуру потока информации, кто отбирает «факты» и «проблемы», превращая их в сообщения. Кто задал тот вопрос, который якобы волнует общество? Действительно ли важен этот вопрос на фоне других вопросов? Почему он задан именно так, а не иначе? СМИ не оставляют места для диалога, их хозяин мог бы заявить, как следователь: «Вопросы здесь задаю я!»

Потребитель сообщений попадает в «информационную ловушку» — в сообщениях, при всем их внешнем разнообразии, нет никакого разнообразия мнений. Собственники СМИ (на деле — информационные монополии), как говорят, «предлагают лишь одну версию действительности — свою собственную».

Изъятия фактов и проблем из реальной действительности чудовищны по своим масштабам. Например, в западных СМИ практически отсутствует серьезная информация об Азии. Из Китая, Индии и даже Японии поступают сообщения либо экзотические (лунный Новый год, каратэ, китайская кухня), либо отвратительные (секс-туризм, проказа, мафия), либо возбуждающе-политические (терроризм, религиозное насилие, публичные казни торговцев наркотиками).

Г. Шиллер посвящает целую главу своей книги «Манипуляторы сознанием» разбору одного из важнейших в идеологическом отношении журналов США — «National Geographic». Тот, кому приходилось его читать, согласится, что в техническом отношении (печать, фотографии, литературная обработка) этот журнал достиг совершенства. Он, будучи большим и почти научным журналом, завоевал массовую аудиторию (тираж около 5 млн экземпляров, около 17 млн читателей), весь культурный слой США в какой-то период жизни проходит через чтение этого журнала. Журнал готовит и множество популярных телевизионных передач. В то же время это — одно из наиболее идеологизированных изданий, в его опекунский совет входят влиятельные члены правящих семейств США.

Как же он формирует американский взгляд на мир? Вот его принцип, сформулированный главным редактором журнала, который был на этом посту 55 лет: «Журнал освещает лишь благоприятные аспекты жизни какой-либо страны или народа». Только благоприятные! И это о странах, которые были колониями, а потом стали ареной войн или неокOLONиальных захватов. Как написал американский историк этого

журнала, «читатель, полагающийся исключительно на «Geographic», получит такое же представление об окружающем мире, какое имела Мария-Антуанетта в своих апартаментах в Версале». Достаточно сказать, что в материалах о Китае, опубликованных в 1948 г., вообще не упоминалось о гражданской войне, которой была охвачена страна, а ведь уже в 1949 г. она закончилась образованием КНР — эпохальным событием общемирового значения.

Н. Хомский провел большую работу по количественному анализу отражения важных событий и проблем в информационном потоке американских СМИ (эти данные с подробнейшими таблицами собраны в несколько книг). Общий вывод, выделенный им, таков: «Фундаментальный принцип, который очень редко нарушается, заключается в том, что те факты, которые противоречат интересам и привилегиям власти, не существуют».

Стремясь достичь научной строгости, Н. Хомский находит количественную зависимость между числом и величиной сообщений и политическим интересом тех сил, что контролируют СМИ. Для этого он берет сходные случаи (проблемы). Так, он подробно изучает область «политические убийства религиозных деятелей» и сравнивает уровень отражения каждого случая в центральных американских газетах и на телевидении. За стандарт он берет убийство 19 октября 1984 г. священника Д. Попелюшко в Польше (убийцы были судимы, мотивы убийства не вполне ясны, но пресса США их посчитала политическими).

Этому убийству в газете «Нью-Йорк Таймс» было посвящено 78 статей с общей длиной колонки 1183 дюйма и 46 передач новостей главной компании телевидения США. По сравнению с информационным покрытием убийства Попелюшко самые громкие убийства 100 религиозных деятелей от рук контролируемых США правых организаций и спецслужб Латинской Америки в сумме дают около половины этого информационного потока¹. То есть «информационная важность» убийства священника в «красной» Польше была примерно в 140 раз выше «информационной ценности» аналогичного случая в зоне влияния США.

¹ Н. Хомский берет только самые громкие убийства. Кроме того, он исключает случаи убийства священников, которые сотрудничали с партизанами и вообще радикальной оппозицией и как бы являлись борцами.

Еще поразительнее этот контраст, если ввести качественные характеристики. В Сальвадоре были убиты сразу 4 монахини — гражданки США! Казалось бы, это должно было потрясти страну. Нет, пресса уделила им втрое меньше внимания, чем убийству Попелюшко (а по длине статей — 17 %). Более того, в Сальвадоре был убит архиепископ Оскар Ромеро, и как убит — прямо во время воскресной службы в кафедральном соборе столицы. Информационное покрытие в США составило около 1/5 от освещения смерти Попелюшко (который, кстати, был рядовым священником).

Помимо замалчивания «ненужной» информации и создания таким образом «виртуальной» реальности вместо отражения действительности, СМИ широко используют принцип «демократии шума» — потопление сообщения, которого невозможно избежать, в хаотическом потоке бессмысленной, пустопорожней информации. Г. Шиллер пишет: «Подобно тому как реклама мешает сосредоточиться и лишает возможности прерываемую информацию, новая техника обработки информации позволяет заполнить эфир потоками никчемной информации, еще больше осложняющей для индивида и без того безнадежные поиски смысла».

«Серая» и «черная» пропаганда. Во второй половине XX в. СМИ стали использовать технологии психологической войны. Первоначально, после Первой мировой войны, этим термином обозначали пропаганду, ведущуюся именно во время войны, так что начало психологической войны даже рассматривалось как один из важных признаков перехода от состояния мира к войне. Американский военный словарь 1948 г. дает психологической войне такое определение: «Это планомерные пропагандистские мероприятия, оказывающие влияние на взгляды, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружественных иностранных групп с целью поддержки национальной политики».

Г. Лассуэлл в «Энциклопедии социальных наук» (1934) отметил важную черту психологической войны — она «действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка». То есть, как вид воздействия на сознание психологическая война направлена прежде всего на разрушение тех связей, которые соединяют людей в данное общество как сложную иерархически построенную систему. Атомизация людей — вот предельная цель психологической войны. Если мы представляли,

например, советское общество в виде системы с разными типами связей между людьми, группами, общественными институтами, то в каждой передаче «Голоса Америки» было бы легко видеть, какой тип связей является мишенью данной передачи.

В другом руководстве (1964) говорится, что цель такой войны — «подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, когда государство становится не способным к сопротивлению». В наставлении армии США «Ведение психологической войны» вводятся определения типа операций:

«1. “Белая” пропаганда — это пропаганда, которая распространяется и признается источником или его официальными представителями.

2. “Серая” пропаганда — это пропаганда, которая не идентифицирует специально свой источник.

3. “Черная” пропаганда — это пропаганда, которая выдается за исходящую из иного источника, чем подлинный».

Психологическая война против СССР стала важной частью холодной войны, что, кстати, является важным признанием того факта, что холодная война не была метафорой. Французский журнал пишет, что с конца 60-х гг. «ЦРУ вышло за рамки обычного шпионажа, где, впрочем, не достигло больших результатов, для того чтобы начать действительно современную психологическую войну». Но здесь для нас даже важнее тот факт, что технологии «серой» и «черной» пропаганды вошли в обыденную практику СМИ и внутри собственных стран. До этого такие приемы применялись время от времени и были как бы отклонением от профессиональной этики. Выдающимся успехом «черной» пропаганды считается победа на выборах консерваторов в 1925 г. в Англии. Тогда несколько миллионов избирателей за несколько дней изменили свои намерения в результате фальшивки, которую распространила пресса (т. н. «Письмо Коминтерна»). Последующее разоблачение не имело эффекта — никто ведь не докажет, что она повлияла на избирателей, да они и сами этого не знают.

Шире всего применяются в СМИ приемы «серой» пропаганды — «информация из первых рук, высосанная из пальца». Ради них СМИ долго боролись и добились законного права «не раскрывать источник информации». Не просто обычными, но господствующими стали ссылки на «высокопо-

ставленного чиновника из кругов, близких к..., который пожелал остаться неизвестным». Таким образом, источник не идентифицируется, и никакой ответственности СМИ за ложное сообщение не несут.

«Серая» пропаганда используется всеми каналами российского телевидения практически непрерывно, а в особые периоды ее интенсивность резко возрастает. Обычно она заключается в том, что утром дается ложное сообщение из неопределенных источников («из кругов, близких к...», «из хорошо информированного источника...» и т. д.). Это должно быть такое сообщение, которое привлекает общественное внимание. Как правило, затронутое этим сообщением лицо или организация моментально его опровергают, но это опровержение начинает включаться (малыми дозами) в информационные выпуски телевидения постепенно, с опозданием. А главное, ложное сообщение передается непрерывно — даже наряду с опровержением, что только усиливает его привлекательность. Никогда не дается слова для опровержения в прямом эфире или хотя бы в виде официального заявления. Обычно «серая утка» живет всего один день, а на завтра о ней вообще не говорят ни слова. Но соотношение «эффективность/затраты» исключительно велико — такая ложь ничего не стоит и опасности судебного преследования не создает.

Вот пример «серой» пропаганды. Перед выборами в Госдуму 1999 г. по первому и второму каналу российского телевидения (они вели пропаганду против блока «Отечество», возглавляемого Е.М. Примаковым и Ю.М. Лужковым) в течение целого дня проходило сообщение, будто губернатор Петербурга В. Яковлев решил выйти из списка блока. Это была сенсация, поскольку в этом случае весь блок снимался с выборов (Яковлев был третьим в списке). Уже утром Яковлев дал официальное опровержение, о котором телевидение упомянуло лишь вечером и очень туманно.

«Серая» пропаганда такого типа, конечно, не преследует цели внедрить в сознание какую-то мысль или установку. Она создает условия для какого-то другого манипулятивного воздействия — рассеивает и отвлекает внимание, что-то стирает из краткосрочной памяти, а главное, порождает в обществе ту обстановку общей нервозности, о которой говорил еще Марат. Вот эта постоянная нервозность (стресс) и служит средством разрушения психологической защиты человека против манипуляции.

В западных, а потом и российских СМИ имели место и довольно крупные операции «черной пропаганды». Примером служит широко распространенная версия, будто Сталин в молодости был тайным осведомителем полиции. Начало ей положила публикация в журнале «Лайф» неким И. Левиным одного документа, на который СМИ поначалу ссылались, а потом перестали ссылаться и представляли свою версию как общеизвестный факт. Думаю, подавляющее большинство тех, кто слышал эту историю, уже ничего не знали о документе. Представлял он из себя якобы официальное письмо от 13 июля 1913 г. на бланке Министерства внутренних дел Российской империи начальника Особого отдела департамента полиции Еремина «начальнику Енисейского охранного отделения», куда направлялся в ссылку Сталин. В этом письме и говорилось, что Сталин стал сотрудничать с полицией после ареста в Тифлисе в 1908 г.

«Документ» этот — фальшивка средней руки, что было легко установлено и в КГБ, и в ЦРУ. Эксперты указывали на несообразности, которых могло бы и не быть, если бы фальсификаторам получше заплатили. Подпись Еремина подделана плохо. Подписано письмо фамилией без указания звания, что в официальных документах категорически не допускалось. В 1913 г. не существовало Енисейского охранного отделения, а был Енисейский розыскной пункт; начальником его был не «Милостивый Государь Алексей Федорович», а Владимир Федорович Железняков, чего Еремин не мог не знать. В документах в то время не писали «Иосиф Виссарионович», а писали «Иосиф Виссарионов» — и много других подобных деталей. Все это — мелочи, но такие мелочи, которых никак не могло быть в настоящем документе. Знали все это редакторы СМИ, решившие запустить «черную» фальшивку и в СССР? Не могли не знать — дело старое. Расчет был на то, что для своей пропаганды они могли использовать всю государственную машину СМИ, а напомнить результаты экспертизы «документа» эксперты смогли лишь в 1998 г. в маленькой газете «Московский железнодорожник».

Применение «черного пиара» стало обычным делом в нынешних избирательных кампаниях. Во время выборов губернатора Красноярского края в 2002 г. от имени кандидата С. Глазьева была выпущена и разложена по почтовым ящикам избирателей хорошо изданная листовка, в которой его расхваливали как «своего» один из известных авторитетов

преступного мира, деятель «сексуальных меньшинств» и местный раввин.

А вот более «элегантный» пример «черной» пропаганды — во время выборной кампании 1999 г. противники одного из кандидатов в депутаты Госдумы от Екатеринбурга, владельца большого универмага, в людных местах города раздавали большое число приглашений от имени хозяина посетить его магазин и купить товары со скидкой в 20 %. Подарок избирателям от богатого кандидата! Такого подарка он сделать не мог, и тягостные объяснения с разгоряченными покупателями, да и вся эта история, не улучшили его образа. СМИ постарались довести эту пикантную историю до широкой публики.

Главная функция СМИ в гражданском обществе состоит в превращении граждан в огромную, но не собранную в одном месте толпу — через массовую культуру и единый поток информации, которые «отливают умы в единообразные, стандартные формы и обеспечивают каждой человеческой единице соответствие заданной модели». Уже А. Грамши отметил, что «стандартизация образа мысли и действия достигает национального или даже континентального размаха». В этом он видел кризис гражданского общества, который мог бы быть преодолен, по его мнению, лишь через борьбу снизу за гегемонию здравого смысла. Средний обыватель верит самым нелепыми утверждениям, хотя здравый смысл по меньшей мере заставил бы его усомниться.

Континентального (а теперь уже и межконтинентального) размаха «толпообразующее» действие СМИ приобретает потому, что они образуют единую сеть, которой действительно накрывают всю массу людей, не имеющих ни времени, ни навыков для критического восприятия сообщений.

§ 2. Средства массовой информации: манипулятивная семантика и риторика

Манипулятивная семантика: изменение смысла слов и понятий. В главе 5 уже говорилось о создании нового языка современного общества, о семантике политического мифа как целенаправленной технологии изменения смысла слов. Разновидностью лжи в прессе является «конструирование» сообщения из обрывков высказывания или видеоряда. При этом меняется контекст, и из тех же слов создается совершенно иной смысл. Отдельные «крупницы» сообщения

вроде бы ложью не являются, но то целое, что слепил из них репортер или редактор, может не иметь с действительностью ничего общего. У самих газетчиков есть такая шутка. «Как вы относитесь к домам терпимости?» — спросили Папу Римского, прибывшего в одну из стран. «А разве они у вас есть?» — ответил Папа Римский. Назавтра в газетах появилось экстренное сообщение: «Первое, что спросил Папа, ступив на нашу землю: есть ли у нас дома терпимости?»

Г. Шиллер предупреждает о важности терминологии в манипуляции сознанием:

«Всем, кто борется с системой угнетения, важно понимать, какой силой обладают те, кто контролирует процесс выработки определений. Навешивание фальшивых ярлыков и искажение целей борьбы идеологических противников — типичный прием пропагандистской машины угнетателей. Поэтому первый шаг в направлении установления контроля над определениями заключается в том, чтобы попытаться не уступить крайне важной терминологической территории».

Упрощение, стереотипизация. Пресса сыграла важнейшую роль в процессе «толпообразования» в западном обществе. Человек массы, продукт мозаичной культуры, был в значительной степени создан прессой. Сами СМИ быстро стали объектом изучения в социодинамике культуры, и вскоре были обнаружены и даже математически выражены связи между простотой сообщения и его восприятием. Ведь СМИ, в отличие от высокой культуры, предназначены именно для массы. Поэтому в них были установлены жесткие ограничения на сложность и оригинальность сообщений (даже на длину слов, хотя два-три заумных слова всегда допускаются в статье в качестве «приправы» — они повышают привлекательность статьи в силу «гомеопатического» эффекта).

В общем, давно было сформулировано такое правило: «Сообщение всегда должно иметь уровень понятности, соответствующий коэффициенту интеллектуальности примерно на 10 пунктов (шкала — 100 пунктов. — *Авт.*) ниже среднего коэффициента того социального слоя, на который рассчитано сообщение» (А. Моль).

Под этим эмпирическим правилом лежит психологическое оправдание, согласно которому человек подсознательно

тяготеет к примитивным объяснениям сложных проблем. Концепцию упрощения выдвинул еще в начале 20-х гг. У. Липпман (будущий «журналист № 1» США). Он считал, что процесс восприятия — это всего-навсего механическая подгонка еще неизвестного явления под устойчивую общую формулу (стереотип). Поэтому пресса должна произвести стандартизацию явления, ставшего объектом сообщения. При этом, по его выражению, редактор должен опираться на стереотипы и рутинные мнения и «безжалостно игнорировать тонкости».

Человек должен воспринимать сообщение без усилий и безоговорочно, без внутренней борьбы и критического анализа. «Коммунизм упорно цепляется за плохое. Давайте упорно держаться за хорошее» (Дж. Фостер Даллес) — вот типичный образец упрощения. На этой основе и сложился редукционизм современных СМИ — сведение реальных общественных проблем и явлений к предельно упрощенным и легким для восприятия утверждениям.

Люди, мыслящие стереотипами, утрачивают возможность опереться на устои даже своего собственного привычного порядка, к которому они привержены — за стереотипами эти устои оказываются неразличимыми. В 1951 г. одна американская газета провела эксперимент. Ее сотрудники «составили» петицию и обратились к представителям среднего класса с просьбой ее подписать. Она гласила: «Если любая форма государственного управления становится вредной для достижения целей народа, то народ имеет право изменить или ликвидировать эту форму, создать новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его власть в такой форме, какие ему кажутся наиболее подходящими для обеспечения его безопасности и счастья». Из 112 человек 111 отказались это подписать, посчитав ее «красной» петицией, за которую их тут же уволят с работы. На деле это была часть Декларации независимости Соединенных Штатов.

Выше мы говорили, что за операцией упрощения следует семантизация, то есть поиск наиболее подходящих слов, в которые следует облечь примитивную модель. Специалисты прессы, по выражению одного из них, «создали целый ряд клише, лозунгов, эпитетов, кратких, но расплывчатых фраз, при помощи которых можно описать любую международную новость». Выработка готового сообщения становится чисто инженерной работой.

Утверждение и повторение. Упрощение позволяет высказывать главную мысль, которую требуется внушить аудитории, в «краткой, энергичной и впечатляющей форме» — в форме утверждения (как приказ гипнотизера — приказ без возражения). Как пишет С. Московичи, «утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие. Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения такой, какой она есть, без взвешивания всех “за” и “против” и отвечать “да” не раздумывая».

Опираясь на сложившийся в мозаичной культуре тип мышления «человека массы», СМИ в то же время стали важнейшим фактором укрепления этого типа мышления. Они приучали человека мыслить стереотипами и постепенно снижали интеллектуальный уровень сообщений так, что превратились в инструмент «оглупления». Этому послужил главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании — повторение.

Многократное и настойчивое повторение в СМИ одних и тех же слов, фраз и образов сразу бросалось в глаза, когда из СССР человек попадал на Запад. Это удивляло. Но это просто технология, и мы все с ней познакомились и ежедневно испытываем ее действие сегодня. С. Московичи писал в «Учении о массах»: «Грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении, на этих двух главенствующих правилах». Он приводит слова Ле Бона: «Повторение внедряется в конце концов в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы наших действий». Это в полной мере было использовано в коммерческой рекламе.

Очевидно, что повторение — один из тех «психологических трюков», которые притупляют рассудок и воздействуют на бессознательные механизмы. При злоупотреблении этим приемом стереотипы усиливаются до устойчивых предрассудков, человек тупеет. С. Московичи уделяет этому приему много внимания. Он пишет:

«Таким образом, повторение является вторым условием пропаганды. Оно придает утверждениям вес дополнительного убеждения и превращает их в навязчивые идеи. Слыша их вновь и вновь, в различных версиях и по самому разному поводу, в конце концов начинаешь проникаться ими. Они в свою очередь незаметно повто-

ряются, словно тики языка и мысли. В то же время повторение возводит обязательный барьер против всякого иного утверждения, всякого противоположного убеждения с помощью возврата без рассуждений тех же слов, образов и позиций. Повторение придает им осязаемость и очевидность, которые заставляют принять их целиком, с первого до последнего, как если бы речь шла о логике, в терминах которой то, что должно быть доказано, уже случилось...

Будучи навязчивой идеей, повторение становится барьером против отличающихся или противоположных мнений. Таким образом, оно сводит к минимуму рассуждения и быстро превращает мысль в действие, на которое у массы уже сформировался условный рефлекс, как у знаменитых собак Павлова... С помощью повторения мысль отделяется от своего автора. Она превращается в очевидность, не зависящую от времени, места, личности. Она не является более выражением человека, который говорит, но становится выражением предмета, о котором он говорит... Повторение имеет также функцию связи мыслей. Ассоциируя зачастую разрозненные утверждения и идеи, оно создает видимость логической цепочки».

Как только появляется эта видимость, облегчается захват аудитории из интеллигенции. Теперь интеллигент может с легким сердцем верить любому абсурду, потому что не протестует логика — «полиция нравов интеллигенции».

Дробление и срочность. Разделение целостной проблемы на отдельные фрагменты — так, чтобы читатель или зритель не смог связать их воедино и осмыслить проблему, — одна из особых и важных сторон упрощения. Это — фундаментальный принцип мозаичной культуры. Дроблению служит множество технических приемов: статьи в газете разбиваются на части и помещаются на разных страницах, текст или телепередача разбиваются рекламой.

Г. Шиллер дает описание этой технологии:

«Возьмем, например, принцип составления обычной телевизионной или радиопрограммы или компоновки первой страницы крупной ежедневной газеты. Общим для всех является полная разнородность подаваемого материала и абсолютное отрицание взаимосвязи осве-

щаемых социальных явлений. Дискуссионные программы, преобладающие на радио и телевидении, представляют собой убедительные образцы фрагментации как формы подачи материала. Что бы ни было сказано, все полностью растворяется в последующих рекламных объявлениях, комических трюках, интимных сценах и сплетнях».

П. Фрейре считает дробление «характерным приемом культурного подавления», который принят как специфическая форма подачи информации в США. Из США этот прием распространился на все системы СМИ, занятые манипуляцией. Г. Шиллер так объясняет эффективность этого приема:

«Когда целостный характер социальной проблемы намеренно обходится стороной, а отрывочные сведения о ней предлагаются в качестве достоверной “информации”, то результаты такого подхода всегда одинаковы: непонимание, в лучшем случае неосведомленность, апатия и, как правило, безразличие... Полное безразличие, с которым реклама относится к любым политическим или социальным событиям, врываясь в передачи независимо от того, о чем идет речь, низводит любые социальные явления до уровня ничего не значащих происшествий».

Разрывая на кусочки информацию о важном, быть может, даже трагическом событии, удается резко снизить отрезвляющее воздействие сообщения или вообще лишить его смысла.

Хаотизация потока сообщений носит в действительности лишь видимый характер, отбор событий, о которых решают дать информацию, производится определенной социальной структурой, в которую входят руководящие деятели СМИ. А. Моль пишет:

«Задача этой группы деятелей заключается в том, чтобы выделить из совокупности всего, что только есть нового, небольшое число таких элементов и фактов, которые отвечали бы известным четко сформулированным критериям... Фактически средства массовой коммуникации сами и определяют “значительность” фактов... ведь именно они подают факты в таком свете, что в сознании миллионов людей весть о замужестве иранской принцессы предстает как не менее важное событие, чем последнее крупное открытие в области атомной энергии».

СМИ «конструируют» внешне хаотический поток сообщений таким образом, чтобы создать у читателя или зрителя нужный их владельцам (шире — господствующему классу) ложный образ реальности. Критерии отбора сообщений опираются на достаточно развитые теории и математический аппарат. Для каждого сообщения оценивается уровень трудности и дистанция до индивидуума (при этих расчетах в СМИ различают 4–5 слоев глубины психики человека, на которые должны воздействовать сообщения). Из этих данных сообщению присваивается ранг значимости, исходя из которого формируется газета или программа новостей. Опытные редакторы, конечно, расчетов не ведут, они владеют этими методами интуитивно (но главное, они точно улавливают сигналы, идущие от «хозяев»).

Одним из условий успешной и как бы оправданной фрагментации проблем является срочность, немедленность информации, придание ей характера незамедлительности и неотложности сообщения. Это — один из самых главных принципов американских СМИ. Считается, что нагнетаемое ощущение срочности сообщения резко усиливает манипулятивные возможности. Ежедневное, а то и ежечасное обновление информации лишает ее какой-либо постоянной структуры. Человек просто не имеет времени, чтобы осмыслить и понять сообщения — они вытесняются другими, еще более новыми.

Г. Шиллер пишет:

«Ложное чувство срочности создает ощущение необычайной важности предмета информации, которое так же быстро рассеивается. Соответственно ослабевает способность разграничивать информацию по степени важности. Быстро чередующиеся сообщения об авиационных катастрофах и наступлении национально-освободительных сил во Вьетнаме, растратах и забастовках, сильной жаре и т. д. мешают составлению оценок и суждений. При таком положении вещей умственный процесс сортирования, который в обычных условиях способствует осмыслению информации, не в состоянии выполнять эту функцию. Мозг превращается в решето, в которое ежечасно вываливается ворох иногда важных, но в основном пустых информационных сообщений... Полнейшая концентрация внимания на происходящих в данную минуту событиях разрушает необходимую связь с прошлым».

Погрузив человека в поток «всегда срочных» сообщений, СМИ разорвали «цепь времен», создали совершенно новый тип времени — время спектакля, — в котором человек лишен исторических координат. Это важно для снятия психологических защит против манипуляции. Французский философ К. Касториadis в интервью 1994 г. сказал, отвечая на вопрос о том, каким образом это «остановившееся время» способствовало устранению смысла из всего происходящего:

«Сейчас существует воображаемое время, которое состоит в отрицании реального прошлого и реального будущего — время без действительной памяти и без действительного проекта. Телевидение создает мощный и очень символический образ этого времени: вчера сенсационной темой была Сомали, сегодня о Сомали вообще не упоминают; если взорвется Россия, к чему, похоже, идет дело, то поговорят два дня о России, а потом забудут о ней. Сегодня ничему не придается действительно высокого смысла, это вечное настоящее представляет собой суп-пюре, в котором все растерто и доведено до одного и того же уровня важности и смысла».

Представление западными СМИ странной военной операции США в Сомали в 1992 г. («Возвращение надежды») могло бы послужить прекрасной учебной задачей. Пока длилась операция, людей бомбардировали сенсационными и срочными репортажами с места событий — и ни разу не объяснили смысла всей этой затеи. Вот одна из передач западного телевидения с места событий: морские пехотинцы США подвергли интенсивному обстрелу группу «партизан» в Могадишо, которые сидели в какой-то мазанке. Никто даже не выяснял, какую группу, это было несущественно. Диктор телевидения сказал с гордостью, что «огневое превосходство американских войск было подавляющим». На деле «партизаны» не осмелились произвести ни одного выстрела и тут же подняли белую тряпку — акция с начала до конца давалась в прямом эфире.

И мы видим на экране, как гиганты из морской пехоты выводят из мазанки плененных противников — нескольких дистрофиков, некоторые из них на костылях. И диктор добавляет с тонкой иронией: «Похоже, что сомалийцам не понравилась атака американских войск, ибо голодающие дети стали кидать камни в грузовики, везущие им гуманитарную помощь». И сле-

дующим кадром — дети-скелеты, из последних сил кидающие камешки в мощные грузовики, везущие им еду. Как только США перестали «возвращать надежду», исчезновение самого слова Сомали из газет и телеэкранов произошло в один день и было абсолютным. Никакие «партизаны» и никакой голод западные СМИ уже не интересовал.

Еще более поучительным был поток информации из Никарагуа. Когда США начали большую войну против социал-демократического правительства сандинистов, Никарагуа стала одной из главных тем западной прессы. В 1990 г. народ на выборах отдал власть оппозиции, которой США обещали мир и помощь в 0,5 млрд долл. В этот период теме Никарагуа отводилась в газетах целая страница. Сандинисты передали власть — и Никарагуа вообще исчезла со страниц прессы и с телеэкранов. Полностью! Никаких известий. Кое-что попадало в мелкие газеты через иезуитов — там у них много миссионеров, кое что от студентов, которые ездили передавать собранные для школ учебники и карандаши. Пришедшие к власти демократы приватизировали всю собственность, и она досталась нескольким семьям. США обещанной помощи не дали, безработица в Никарагуа составила 80 % активного населения! И произошло то, чего никто не мог ожидать — ветераны гражданской войны, сандинисты и «контрас», объединились и с оружием в руках разъехались по кооперативам защищать их от приватизации. Народ живет на продаже кофе, что выращивают эти кооперативы. Но это — не те события, что СМИ распространяют для широкой публики.

Сенсационность. Обеспечивать фрагментацию проблем и дробить информацию так, чтобы человек никогда не получал полного, завершающего знания, позволяет использование сенсаций. Это — сообщения о событиях, которым придается столь высокая важность, что на них концентрируется и нужное время удерживается почти все внимание публики. Под прикрытием сенсации можно или умолчать о важных событиях, которых публика не должна заметить, или прекратить скандал или психоз, который уже пора прекратить — но так, чтобы о нем не вспомнили.

Сенсационность — это технология. Выработаны критерии подбора тех событий, которые можно превратить в сенсацию. Это выражено в известном афоризме: «Если собака кусает человека, это не новость, если человек кусает собаку, это новость». Рекламодатели, в том числе политические, заинтересованы, как уже было сказано выше, в высокой запоминаемости их сигнала,

хотя бы на подсознательном уровне. Поэтому они требуют от СМИ увязывать их рекламу с сообщением, которое врезалось бы в память. А. Моль пишет: «Понятно, что сообщение о рождении двухголового младенца в Чехословакии имеет много шансов сохраниться в памяти большинства читателей и читательниц. Конкретные причины этого могут быть разными, но почти все они будут непосредственно связаны с глубинными слоями психики, составляющими область психоаналитического исследования». Поэтому передачи насыщаются сенсациями.

Непрерывная бомбардировка сознания действующими на чувства сенсациями, особенно «плохими новостями» выполняет важную функцию поддержания необходимого уровня «нервозности» (о ней писал уже Марат). Эта нервозность, ощущение непрерывного кризиса, резко повышает внушаемость людей и снижает способность к осознанному восприятию. Нарушение привычной, стабильной социальной обстановки всегда повышает ситуативную внушаемость (в отличие от общей внушаемости так называют особые состояния, возникающие под действием аномальных ситуаций). Это стало предметом изучения в Европе 20-х гг., когда беззащитность против внушения наблюдалась не только у населения, терпящего социальное бедствие (как в Веймарской республике), но и в среде победителей.

Создание с помощью СМИ высокого уровня нервозности не просто ослабляет психологическую защиту против манипуляции сознанием. Поток «плохих новостей» создает у людей ощущение непрерывного бедствия, что парализует желание бороться за свои социальные права. Тут весь мир в тартарары летит, а я буду бороться за повышение зарплаты?

Вот телетайпная лента новостей за 22 июля 2002 г., взятая без всякой фильтрации. Она как две капли воды похожа на ленту новостей любого из нынешних дней. С таких лент и берут материал для информационных выпусков радиопрограмм.

18:48 Верховный суд Дагестана посадил британского боевика на семь лет.

18:33 Один из богатейших людей Британии признан виновным в убийстве.

18:22 На месте катастрофы Ми-8 обнаружены тела 11 пограничников.

18:08 В автокатастрофе в Нигерии погибли 55 человек.

- 17:51 Палестинская интифада обойдется Израилю в 5 млрд долл.
- 17:45 На Новорижском шоссе горит лес, прилегающий к автозаправке.
- 17:36 Мадрид и Рабат засекретили раздел острова Перехиль.
- 17:34 Суд отказался прекратить дело против финдиректора «Медиа-Моста».
- 17:33 ФПС сообщает об обнаружении четырех тел на месте гибели Ми-8.
- 17:18 Турецкие националисты настаивают на проведении досрочных выборов.
- 17:07 Росгидромет опроверг превышение концентрации озона в Москве.
- 16:55 В Северной Осетии начался суд над похитителем людей.
- 16:16 Акаев и Ельцин встретились на озере Иссык-Куль.
- 15:58 От наводнения и оползней в Румынии погибли пять человек.
- 14:21 Главой англиканской церкви стал защитник гомосексуалистов.
- 13:58 Ниязову не понравились кабельные телеканалы для русских.
- 13:52 Вацлав Гавел выписан из больницы.
- 13:47 Тела погибших в Ми-8 пограничников сильно обгорели.
- 13:42 Премьер Турции отказался уходить в отставку раньше срока.
- 13:20 Вода затопила Гималаи; погибли восемь непальцев.
- 13:01 ГАИ признала, что не умеет работать по новому КоАПу.
- 12:59 Опасные чеченские террористы сбежали из тюрьмы.
- 12:56 Переизбрание Саддама Хусейна назначено на октябрь.
- 12:47 Над Косово пронесся ураган; погибли двое детей.
- 12:42 В провинции Герат начались бои между пуштунами и таджиками.
- 12:34 Папа Римский вылетел в Канаду.
- 12:31 Россия запретила ввоз мяса из Монголии.
- 12:27 Банда боевиков напала на Аргун.
- 12:15 На юге Москвы из цистерны вылилась тонна соляной кислоты.

- 12:01 В Ингушетии найдены «черные ящики» Ми-8.
11:37 Лужков хочет подать в суд на Министерство культуры.
11:27 Под Москвой за взятку задержан директор НИИ.
11:15 Сегодня в Москве ожидается абсолютный рекорд жары.
11:06 Шарон доволен ликвидацией Салаха Шехады.
10:56 Из разрушенного в Петербурге дома вновь эвакуированы жители.
10:56 В Эстонии поставлен памятник воинам СС.
10:38 Установлен террорист, заминировавший машину на Ставрополье.
10:33 Снята блокада офиса Фонда Сороса в Москве.
10:20 Река Раздольная начала затапливать Уссурийск.
10:07 Под Владимиром похищен десятимесячный ребенок.
09:53 Японцы сделали Ларисе Гамовой неудачную операцию.
09:47 В Иркутске побит полувековой температурный рекорд.
09:40 ХАМАС подтвердил факт гибели Салаха Шехада.
09:33 За сутки в Москве утонули четыре человека.
09:22 В детском лагере на Алтае отравились 15 детей.
09:16 Из дисбата под Читой сбежали четверо солдат.
08:49 На Камчатке горят 17 тыс. гектаров леса.
08:48 В Ингушетии найдены тела всех погибших при падении Ми-8.
08:45 В Туве пропал пожарный-парашютист.
08:28 Суд над Виктором Тихоновым прерван из-за неявки адвоката.
08:28 Над Ханты-Мансийском треснул пассажирский лайнер Як-42.

Подготовка сенсации — кропотливая и дорогая работа, которую выполняют профессиональные специалисты. Замечательно то, что поданная в виде сенсации информация, со всеми репортажами с места события, интервью в прямом эфире и т. д., как правило, принципиально искажает происшедшее событие. Это отмечается в специальной литературе по данной теме. Но это и не важно, важен эффект, ради которого запускается сенсация. При этом зритель очарован именно тем, что он наблюдает «неожиданное», неотобранный жизненный материал, так что между ним и реальностью

нет никакого посредника. Эта иллюзия достоверности — сильное свойство телевидения.

Телевидение как особый вид СМИ заслуживает рассмотрения в отдельной главе.

Глава 13. Телевидение

§ 1. Свобода сообщений — цензура — манипуляция сознанием

Телевидение формировалось на Западе в условиях завоеванной всеми СМИ свободы информации. Вообще говоря, в самой социальной философии либерализма скрыт запрет на свободу сообщений для телевидения как разновидности «духовного наркотика», лишаящего человека свободы. Однако философия это одно, а идеология — другое. Нередко она вступает в противоречие с философией.

В идеологии неолиберализма заложено как постулат, что информация — товар, а движение товаров должно быть свободным. Аргументация проста: принципом рынка является свобода покупателя товара (потребителя) заключать или не заключать сделку о купле-продаже; свобода каждого потребителя ТВ гарантируется тем, что он в любой момент может нажать кнопку и перестать «потреблять» данное сообщение.

Известный испанский специалист по философии права, автор книги «Свобода самовыражения в правовом государстве» М. Сааведра заявил на специальных слушаниях в Сенате, что для телевидения нет другого закона, кроме закона спроса и предложения: «Рынок — царь, и рынок подчиняет своему господству информацию, культуру, развлечения и даже достоинство личностей». Естественно, он подтвердил это ссылками на свободу и демократию: «Пультот переключения телепрограмм осуществляется право голоса».

Первый довод сторонников общественного (в том числе государственного) контроля за СМИ сводится к тому, что «информационная продукция» выпускается сегодня на рынок не личностями, а крупными корпорациями (суперкомпаниями). Уже с начала 70-х гг. такие фирмы входят в список 500 крупнейших компаний США. Кроме того, с тех пор произошло сращивание этих фирм с крупнейшими банками, которые стали главными держателями акций телевизионных

компаний. На корпорации же права и свободы личностей (типа свободы слова) не распространяются. Г. Шиллер объясняет эту новую ситуацию:

«Конгломераты, которые господствуют в области производства и распространения информации — и вообще всех видов сообщений, — нельзя рассматривать, как это практикуется в Соединенных Штатах, как индивидов, на которых распространяются конституционные гарантии свободы слова и печати... Они являются прежде всего частными корпорациями, стремящимися к максимальной прибыли, чья продукция производится в соответствии с коммерческими требованиями».

Таким образом, считается неправомерным применять категорию гражданских прав к коммерческой фирме, выпускающей товар для рынка. Эта фирма должна подвергаться такому же контролю, как любой другой коммерческий товаропроизводитель. Юристы отмечают, что свобода печати — право личное, а владельцы СМИ имеют лишь право собственности.

Вторая группа доводов связана с правами (свободами) потребителя. Принципом рынка, гарантирующим свободу воли каждого участника сделки, является возможность принятия рационального решения. Это значит, что потребитель должен иметь возможность надежно знать, к каким последствиям для него приведет потребление данного продукта. Поэтому, например, так строго контролируется обозначение на упаковке товаров всех ингредиентов, особенно тех, которые могут оказать побочное, нежелательное воздействие или являются источником опасности при неправильном употреблении. Отсутствие таких сведений рассматривается именно как нарушение свободы потребителя — и за достоверным сообщением таких сведений следит целая система государственного контроля (то есть разновидности цензуры этих сообщений).

Очень жестко контролируется рынок тех продуктов, которые меняют поведение потребителя, делая его «зависимым» от продукта. Эта зависимость лишает потребителя свободы, лишает его возможности принимать рациональные решения. К таким продуктам относится, например, алкоголь, рынок которого нигде (кроме, наверное, РФ) не является свободным.

Крайним выражением этого свойства некоторых продуктов являются наркотики — они до сих пор почти повсеместно запрещены к продаже. А как же свобода, «не хочешь — не нюхай»? Дело в том, что человек, начав нюхать, быстро становится зависимым от наркотика и утрачивает свободу. Значит, продажу этого продукта государство запрещает с помощью насилия, часто весьма грубого.

К какой же категории продуктов относится «товар» телевидения? Сегодня, после двадцати лет интенсивных и всесторонних исследований, ответ на этот вопрос не вызывает никаких сомнений. Телепродукция — это «товар» сродни духовному наркотику. Человек современного городского общества зависим от телевидения. То есть, гипнотизирующее воздействие телевидения таково, что человек частично утрачивает свободу воли и проводит у экрана гораздо больше времени, чем того требуют его потребности в информации и развлечении.

Как показали замеры середины 80-х гг., средняя американская семья проводила у телевизора более 7 часов в сутки и ради этого жертвовала многими занятиями и видами деятельности (чтение, посещение театров, спорт, встречи с друзьями и т. д.). К концу 90-х гг. привязанность американцев, особенно детей, несколько снизилась, но оставалась очень высокой (дети США проводят у телевизора в среднем 21 час 38 минут в неделю). Многолетние наблюдения за разными категориями телезрителей показали, что очень большая часть их действительно «зависима» от экрана в буквальном смысле слова. В 1977 г. одна американская газета провела эксперимент: она предложила выбранным наугад 120 семьям по 500 долл. за то, чтобы они в течение месяца не смотрели телевизор. 93 семьи (78 %) отвергли это предложение.

Как и в случае наркотиков, человек, потребляя современную, освобожденную от этического контроля телепрограмму, не может рационально оценить характер ее воздействия на его психику и поведение. Более того, поскольку он становится «зависимым» от телевидения, он продолжает потреблять его продукцию даже в том случае, если отдает себе отчет в ее пагубном воздействии (как и многие наркоманы прекрасно понимают вред наркотиков).

Отсюда в рамках постулатов рыночной экономики и либерального общества следует, что продукция телевидения не может поставляться на рынок (в эфир) бесконтрольно. Государ-

ство обязано, защищая свободу потребителя, накладывать на этот рынок ограничения, попросту говоря, цензуру. Если оно этого не делает, то оно по какой-то причине становится соучастником одной стороны, что, по определению, является коррупцией. Обычно суть этой коррупции заключается в том, что ТВ «платит» государству, оказывая ему политическую поддержку средствами манипуляции общественным сознанием.

Подходя к проблеме с точки зрения интересов потребителя, Г. Шиллер усиливает приведенный выше тезис: «Производство культурно-коммуникационной индустрии нуждается в еще большем общественном контроле и проверке, чем обычные потребительские товары... И горе тому обществу, чья социальная политика не учитывает это важнейшее обстоятельство».

В целом за последние полвека преобладал процесс освобождения СМИ от контроля («свобода подавляла ответственность»). Сегодня показалось бы немыслимым заявление, сделанное в 1948 г. директором Комиссии по свободе печати США Р. Леем: «Концепция ответственности, доведенная до логического завершения, подразумевает выделение явно вредной категории безответственных массовых коммуникаций, которая не должна находиться под защитой самой свободы».

§ 2. Пещерные люди XXI в.

Самую сильную метафору, объясняющую роль ТВ в наше время, в «эпоху *видеократии*», предложил в IV в. до н. э. Платон. В седьмой книге «Республики» он дал такую поэтическую аллегория. Вот она, в кратком и бедном изложении:

В пещере, куда не проникает свет, находятся прикованные цепями люди. Они в этом плену давно, с детства. Заспиной у них, на возвышении, горит огонь. Между ними и огнем — каменная стена, на которой, как в кукольном театре, шарлатаны двигают сделанные из дерева и камня фигурки людей, зверей, вещей. Двигают и говорят текст, и их слова эхом, в искаженном виде, разносятся по пещере. Прикованные так, что они могут смотреть только перед собой, пленники видят огромные тени от фигурок на стене пещеры. Они уже забыли, как выглядит мир, свет на воле, и уверены, что эти тени на стене, это эхо и есть настоящий мир вещей и людей. Они живут в этом мире.

И вот, один из них ухитряется освободиться от цепей и карабкается наверх, к выходу. Дневной свет ослепляет его, причиняет ему тяжелые страдания. Затем, мало-помалу он осваивается и с удивлением всматривается в реальный мир, в звезды и солнце. Стремясь помочь товарищам, рассказать им об этом мире, он спускается обратно в пещеру.

Далее Платон рассуждает о том, как может произойти их встреча.

Пробравшись к товарищам, беглец хочет рассказать им о мире, но в темноте он теперь ничего не видит, еле различает мелькающие на стене тени. «Вот, — рассуждают пленники, — этот безумец покинул пещеру и ослеп, потерял рассудок». И когда он начинает убеждать их освободиться от цепей и подняться на свет, они убивают его как опасного помешанного.

Если же, освоившись в темноте, он рассказывает им о том, как выглядит реальный мир, они слушают его с удивлением и не верят, ибо его мир совершенно не похож на то, что они много лет видят своими глазами и слышат своими ушами. Если же, в лучшем случае, они следуют за ним к выходу, ушибаясь о камни, то клянут его, а взглянув на солнце, стремятся назад, к привычным и понятным теням, которые им кажутся несравненно более реальными, чем мир наверху, который они не могут разглядеть при режущем глаза свете.

Платона мучило это свойство человеческой природы — предпочитать яркому свету истины и богатству реального мира фантастический мир театра теней. Но никогда его аллегория не сбывалась с такой точностью, как сегодня. ТВ создает для человека такой театр хорошо сделанных теней, что по сравнению с ним реальный мир кажется как раз серой тенью, причем гораздо менее истинной, чем образы на экране. И человек, с детства прикованный к телевизору, уже не хочет выходить в мир, полностью верит именно шарлатанам, которые манипулируют фигурками и кнопками, и готов «убить товарища, убеждающего его выйти на свет». Как сказал устами героя фильма «Заводной апельсин» режиссер Стэнли Кубрик, сегодня «краски реального мира человек признает реальными только после того, как увидит их на экране».

Этот фильм 1976 г. был запрещен к показу в Великобритании — исключительно по идейным соображениям. Это — западный вариант «Преступления и наказания», но без той надежды, которую давал Достоевский. В фильме показано общество, в котором нет ни покаяния, ни искупления, ни прощения. Фильм — страшное обвинение, приговор и преступникам, и жертвам, и всему способу их жизни. Хулиган, осужденный за убийство, не проходит через страдание тюрьмы, а «исправляется» с помощью науки: ему дают психотропные средства и заставляют смотреть фильмы насилия, чтобы создать против него устойчивые условные рефлексy. И только «через экран» до него доходит смысл крови, которой он просто не замечал в своей реальной жизни.

В 1996 г. в Риме вышла книга «Молодежь-людоед. Антология экстремального ужаса», которая привлекла интерес культурологов. Это — рассказы 10 молодых писателей (от 23 до 35 лет). С целью преодолеть скуку современного западного города, они создают новый тип литературы ужасов с описанием изощренных пыток и убийств. Что же привлекло внимание специалистов (они говорят о «культурной мутации»)? Тот факт, что это новое поколение писателей принципиально описывает лишь мир, воспринятый через экран телевизора, а не через личный опыт или чтение. Виртуальная реальность телевидения как источник художественного воображения — имитация имитации! В этой литературе возникает и новый язык, за основу которого берется калейдоскоп образов телевизионной рекламы, информационных выпусков и клипов. Таким образом, телевидение как механизм отчуждения человека от жизни создает свою «вторую производную».

Телевидение — это и особая технология, и особый социальный институт. Его работники — чуть ли не особое сословие. Характер его воздействия на зрителя определяется этим целым, а не особенностью техники.

Сегодня, как говорилось, зависимость людей от телевидения стала почти всеобщей. У некоторых категорий (особенно у детей и подростков) эта зависимость развивается настолько, что наносит ущерб даже физическому здоровью. Сначала врачи и педагоги, а теперь уже и политики рекомендуют родителям за дверью своих жилищ забывать о демокра-

тии и действовать авторитарно, заботясь прежде всего о благе детей.

Американский исследователь воздействия телевидения на сознание пишет о трагическом случае:

«Некоторые дети могут быть настолько поглощены телевидением, что теряют связь с реальным миром. Агентство Юнайтед Пресс сообщило, что вор, который ворвался в один дом, убил отца троих детей возраста девяти, одиннадцати и двенадцати лет. Преступление не было замечено до того, как десять часов спустя полиция, вызванная соседями, вошла в квартиру и нашла трех детей, смотрящих телевизор всего лишь в нескольких метрах от окровавленного трупа своего отца. После этого сообщения в университете штата Небраска было проведено национальное исследование, где детям был задан вопрос, что они бы себе оставили, если бы им пришлось выбрать между своим отцом и телевизором. Свыше половины выбрали телевизор»¹.

Можем считать, что наличие создаваемых ТВ цепей, пусть невидимых, является установленным фактом, и тезис о свободе ТВ от общественного контроля вытекает не из требований демократии, а из интереса заинтересованных групп. Этот интерес тщательно скрывается, следовательно, он противоречит интересам большинства. То есть, тезис о свободе ТВ является сугубо антидемократическим. Мы пока не говорим о том, какое содержание вкладывает в свой театр теней контролирующая ТВ группа, какие доктрины внедряет она в сознание прикованных цепями пленников. Проблема в том, что вредоносны эти цепи сами по себе.

Возникает заколдованный круг: наркотизирует, приковывает человека как раз то ТВ, которое хочется смотреть и смотреть — ТВ «высокого класса». «Скучное» ТВ (каким было оно, например, в советское время) тем и хорошо, что человек потребляет его не больше, чем ему действительно надо для получения информации, знаний или развлечения.

---

¹ Cross, D. W. Mediaspeak. How Television Makes Up Your Mind. N. Y.: Mentor Books, 1983. P. 221.

§ 3. Телевидение как технология разрушения сознания

Выше говорилось об учении Антонио Грамши, создавшего новую теорию революции. Он учил, что для подрыва общественного строя надо действовать не в лоб, не штурмуя базис общества, а через надстройку — силами интеллигентов, совершая «молекулярную агрессию» в сознание и разрушая «культурное ядро» общества. Важным условием успешной манипуляции является разрушение психологической защиты человека, тех устоев, на которых держится его способность к критическому восприятию информации.

В революции «по Грамши» телевидение стало главным оружием. Больше того, теория Грамши положена в основу современной рекламы. Ведь в принципе задачи схожи — убедить человека купить ненужную вещь или выбрать в парламент явного мошенника. А сегодня оказалось, что соединение этих двух типов рекламы умножает силу «молекулярной агрессии». Так небольшая профессиональная группа — творческие работники телевидения — превращаются в особую спецслужбу, устанавливающую контроль над сознанием массы обывателей.

Запад сделал большой скачок в интеллектуальной технологии манипуляции. Специалисты и эксперты, советующие политикам, освоили новые научные представления, на которых основана «философия нестабильности». Они научились быстро анализировать состояния неопределенности, перехода порядка в хаос и возникновения нового порядка.

Политэкономический смысл тех «цепей», что привязывают к телеэкрану пещерных людей XXI в., в рыночном обществе лежит на поверхности. Говорят, что сейчас главным является рынок образов. Во все времена вещи как символы играли важную роль в представлении человека («по одежке встречают»). Сейчас набор вещей, выражающих статус человека, расширился. Например, автомобиль сегодня есть прежде всего не средство передвижения, а образ, который «представляет» его владельца.

Рынок образов диктует свои законы, и их продавец (телекомпания) стремится приковать внимание зрителя к своему каналу. Если это удастся, он берет плату с остальных продавцов, которые рекламируют свои образы через его канал — телевиде-

ние «продает свою аудиторию». Эта «продажа аудитории» представляет собой огромный и быстро растущий рынок. В США в 1987 г. расходы на рекламу составили 109,7 млрд долл., а уже в 1992 г. 168,7 млрд долл.

На Западе реклама дает 75 % дохода газет и 100 % доходов телевидения (в США реклама занимает около 1/4 эфирного времени). Даже немногие оставшиеся государственными каналы в большой степени финансируются за счет рекламы (во Франции два государственных канала зависят от рекламы на 66 %; наиболее независимо телевидение ФРГ). В конце 80-х гг. на американском телевидении плата за передачу 30-секундного рекламного ролика во время вечернего сериала составляла в среднем 67 тыс. долл., а во время популярных спортивных состязаний — 345 тыс. долл. В 2000 г. показ 30-секундного ролика во время финального матча чемпионата США по американскому футболу стоил 1,5 млн долл.¹

Соединение телевидения с рекламой придает ему совершенно новое качество. В рекламе «молекулярная» потребность предпринимателя в продвижении своего товара на рынке соединяется с общественной потребностью буржуазии в консолидации общества (обеспечении своей культурной гегемонии). Именно этот кооперативный эффект сочетания потребностей вызвал взрывное развитие рекламы как особой культуры и индустрии.

Сам по себе ранний капитализм, основанный на конкуренции, вовсе не был связан с рекламой. Напротив, как замечает М. Вебер в исследовании протестантской этики, конкуренция в «экономике спроса и предположения» должна была быть основана лишь на добротном качестве товара, а не на умении соблазнить покупателя. Поэтому торговцам строго запрещалось устраивать витрины красивее, чем у конкурентов. Реклама стала экономически необходимой при возникновении общества потребления и «экономики предложения», когда товар было нельзя продать, не создав искусственно потребность.

---

¹ О самом этом ролике писали как о шедевре манипуляции. На нем изображено чудо — популярный актер, который уже несколько лет как парализован после падения с лошади, встает на ноги и идет. При помощи компьютерной техники его голова «приставлена» к телу дублера. Инвестиционная компания, заказавшая рекламу, надеялась таким образом потрясти зрителей и выгодно продать свои акции.

Мы не будем углубляться в сложную природу рекламы и отметим лишь интересующую нас сторону. В современном буржуазном обществе идеологическая роль рекламы намного важнее, чем информационная. Реклама создает виртуальный мир, построенный по «проекту заказчика», с гарантированной культурной гегемонией буржуазных ценностей. Это — наркотизирующий воображаемый мир, и мышление погруженного в него человека становится аутистическим. В общем, такие люди образуют общество спектакля в чистом виде — они знают, что живут среди вымышленных образов, но подчиняются его законам.

В США в течение 10 лет (начиная с 1986 г.) велось организованное Фондом Карнеги большое исследование подростков в возрасте от 10 до 14 лет. Доклад, опубликованный в октябре 1995 г. впечатляет во многих отношениях, но здесь нас интересует один вывод: «Телевидение не использует своих возможностей в воспитании и дает пищу самым отрицательным моделям социального поведения... Пассивное созерцание рекламы может ограничить критическое мышление подростков и стимулировать агрессивное поведение».

Это действие рекламы, как уже говорилось, резко усиливается, когда она увязывается с, казалось бы, достоверными сообщениями информационных выпусков. Возникает синергизм двух типов сообщений, и сознание людей расщепляется. Воображаемые образы рекламы по контрасту убеждают зрителя в правдоподобности известий, а теперь уже «заведомо истинные» известия усиливают очаровывающий эффект рекламы: бесстрастный репортаж создает инерцию «доверия», которое распространяется на идущую вслед за ним рекламу, а реклама, возбуждающая эмоции, готовит почву для восприятия идей, заложенных в «бесстрастном» репортаже. Против обеих этих вещей по отдельности может устоять сознание, но оно беззащитно против их комбинации. Поэтому увязка рекламы и последних известий на телевидении — вопрос большой политики.

С другой стороны, реклама, разрывающая ткань целостного художественного произведения (например, кинофильма), резко снижает его благотворное воздействие на сознание человека. В начале 90-х гг. в Италии коммунисты добились запрещения прерывать рекламой кинофильмы категории «высокохудожественные». Принятие закона сопровождалось

тяжелым правительственным кризисом, это было одно из самых острых за те годы политических столкновений. Удаление рекламы с экрана всего на полтора часа — вопрос принципиальной важности, существенно изменивший положение в обществе. Уже этого времени в сочетании с оздоравливающим воздействием неразрушенного фильма достаточно для «починки» сознания.

Реклама влияет на всю культурную политику телевидения. Часто указывают на тот очевидный факт, что телевидение в своей «охоте за зрителем» злоупотребляет показом необычных, сенсационных событий. Конечно, уже этим телевидение искажает образ реальности. Однако важнее другое: самый легкий способ привлечь зрителя, а значит и рекламодателя, — обратиться к скрытым, подавленным, нездоровым инстинктам и желаниям, которые гнездятся в подсознании. Если эти желания гнездятся слишком глубоко, зрителя надо развратить, искусственно обострить нездоровый интерес. Один западный телепродюсер сказал об этом откровенно: рынок заставляет меня искать и показывать мерзкие сенсации; какой мне смысл показывать священника, который учит людей добру — это банально; а вот если где-то священник изнасиловал малолетнюю девочку, а еще лучше мальчика, а еще лучше старушку, то это вызовет интерес, и я ищу такие сенсации по всему свету. А свет велик, и такого материала для ТВ хватает.

Особо выгодным товаром оказываются для ТВ именно образы, запрещенные для созерцания культурными запретами. Перечень таких образов все время расширяется, и они становятся все более разрушительными. Простая порнография и насилие уже приелись, поиском оставшихся в культуре табу и художественных образов, которые бы их нарушали, занята масса талантливых людей. Вот, недавно телесериал «Бруксайд», отснятый коммерческим четвертым каналом британского ТВ, получил «замечание» Совета по контролю качества телепрограмм (есть такой Совет в Англии). Ради привлечения зрителя режиссер, как сказано в замечании, «без всякой необходимости» показал сцену инцеста — полового акта брата и сестры. Дело усугублялось еще и тем, что для этого были приглашены очень привлекательные актеры, играющие обычно положительных героев (Джон Сэндфорд и Элен Грейс). Как же оправдывался режиссер? Мы, сказал он,

включили сюжет с инцестом, потому что это позволяет «атаковать последнее табу». Лучше не скажешь.

Таким образом, уже рынок, независимо от личных качеств телепредпринимателей, заставляет их развращать человека. Если это совпадает и с политическими интересами влиятельной социальной группы, то ТВ становится мощной разрушительной силой. Что же мы знаем о разрушении культурных устоев с помощью ТВ? Прежде всего, ТВ интенсивно применяет показ того, что люди видеть не должны, что им запрещено видеть глубинными, неосознанными запретами. Когда человеку это показывают (а запретный плод сладок), он приходит в возбуждение, с мобилизацией всего низменного, что есть в душе. Набор таких объектов велик, обычно упирают на порнографию. Но скажем о таинстве смерти. Смерть, как уже говорилось, — важнейшее событие в жизни человека и должна быть скрыта от глаз посторонних. Культура вырабатывает сложный ритуал показа покойника людям. Одно из главных обвинений в адрес ТВ — срывание покровов с акта смерти. Это сразу пробивает брешь в духовной защите человека, и через эту брешь можно внедрить самые разные установки.

На частом показе смерти настаивают рекламодатели. Специалисты по рекламе, следующие принципам школы фрейдизма, считают, что зрелище смерти, удовлетворяющее «комплекс Танатоса», сильнее всего возбуждает внимание и интерес зрителей. А. Моль отмечает, что это мнение очень распространено среди редакторов прессы и телевидения: «Смерть является несомненной ценностью, так как человек с удовольствием узнает, что кто-то умер, в то время как он сам продолжает жить»¹.

В то же время люди чувствуют, что манипуляция образом смерти разрушает культуру. Поэтому здесь — область важного, хотя обычно скрытого общественного конфликта. Верх берет то одна, то другая сторона. Знаменитый фотограф

---

¹ Средняя парижская газета («Комба») в среднем помещала в 70-е гг. 87 сообщений о смерти в день. Редакторы пользуются количественными методами подсчета «ценности» сообщения о смерти. Так, «высокопоставленный чиновник» обладает ценностью, равной 0,5 от ценности смерти; загадочное убийство без видимых причин равно по ценности 2 смертям. Значит, загадочное убийство высокопоставленного чиновника имеет ранг 4,5. Если же это затрагивает национальное чувство, ценность резко повышается.

Запада, который выставил высокохудожественные снимки смертной агонии своего отца, был негласно изгнан из общества. Не так давно застрелился французский фотограф, автор лучшего снимка десятилетия: маленькая девочка в Сомали бредет к пункту питания, а в двух шагах за ней вприпрыжку — гриф — дожидается, когда она упадет. Во Франции фотографа спросили, отнес ли он девочку к пункту питания. Нет, сказал фотограф, я только гонец, приносящий вам вести. Его французы, по сути дела, казнили.

В самих США ТВ буквально гоняется за любой возможностью показать «смерть в прямом эфире». Вот сообщение: судья Балтиморы дал разрешение на видеозапись казни в газовой камере осужденного Джона Таноса. Крупная система платного телевидения тогда считала, что трансляция казни в прямом эфире принесет прибыль в 600 млн долл. Потом был суд над звездой футбола О. Симпсоном — он обвинялся в зверском убийстве жены и ее приятеля. Процесс, на который истрчено 3 млн долл., стал национальным шоу. Судья разрешил телетрансляцию, хотя получил 15 тыс. писем протеста. Ожидался невероятный спрос на открытку с фотографией казни. Адвокатам не давали проходу на улицах и в магазинах — просили автографы.

А 1 мая 1998 г. на всей территории США были прерваны детские передачи, чтобы показать в прямом эфире самоубийство человека на улице Лос-Анджелеса, который узнал, что болен СПИДом. Это был великолепный спектакль: сначала он поджег свою машину, в которой запер собаку, потом вылез оттуда в горящих брюках с ружьем, потом выстрелил себе в голову, залив кровью всю улицу. Все это снимали с вертолетов. По всей стране дети вынуждены были смотреть эту сцену, что вызвало протесты родителей. Телевизионные компании, надо отдать им должное, принесли родителям извинения.

Не вполне объяснена цель, но надежно установлен факт: ТВ западного общества формирует «культуру насилия», делает преступное насилие приемлемым и даже оправданным типом жизни для значительной части населения. ТВ резко преувеличивает роль насилия в жизни, посвящая ему большое время. Оно представляет насилие как эффективное средство решения жизненных проблем и создает мифический образ сильника как положительного героя. Эксперты ТВ говорят, что, показывая «спектакль» насилия, они якобы отвлекают

от насилия реального: когда человек возвращается в жизнь, она оказывается даже лучше, чем на экране. Мол, «создается культура насилия, которая заменяет реальность насилия» (это так называемая «гипотеза катарсиса»).

Психологи же утверждают, что культура насилия не заменяет, а узаконивает реальность насилия. Более того, в жизни акты насилия изолированы, а ТВ создает насилие как систему, что оказывает на психику гораздо большее воздействие, чем реальность. Психолог Э. Фромм считает, что показ насилия ТВ — попытка компенсировать страшную скуку, овладевшую лишенным естественных человеческих связей индивидом. Он «испытывает пассивную тягу к изображению преступлений, катастроф, кровавым и жестоким сценам — этому хлебу насущному, которым ежедневно кормят публику пресса и телевидение. Люди жадно поглощают эти образы, ибо это самый быстрый способ вызвать возбуждение и тем облегчить скуку без внутреннего усилия. Но всего лишь малый шаг отделяет пассивное наслаждение насилием от активного возбуждения посредством садистских и разрушительных действий». ТВ становится «генератором» насилия, которое выходит с экрана в жизнь. Во всяком случае, для части населения это надежно подтверждено.

Важная причина — свойства тех образов, которые человек получает через ТВ. Он жадно глотает их, чтобы защититься от тоски, эти образы легко потребляются, но из них выхолощена суть, это огромный поток штампов. Они обладают гипнотическим действием и формируют суррогат мнения, но подавляют всякую творческую, духовную активность человека. В результате, как и в случае наркотиков, человек должен потреблять все большее количество и все более сильных и грубых образов — пока он не будет разрушен как личность или не перейдет к другому способу отвлечения.

Десять лет назад средний класс США нашел такое развлечение — обмен женами на уик-энд. Но сегодня это уже пресно. И возник новый бизнес под жаргонным названием *snuff* (что-то вроде «понюхать»). Людей похищают, чтобы затем пытаться их до смерти в подпольных студиях, где на хорошей аппаратуре записывают видеофильм: пытку, агонию, смерть. Эти кассеты идут по очень высокой цене, и бизнес цветет (по российскому телевидению прошел испанский фильм «Диссертация» на эту тему молодого режиссера А. Аменабара). В Англии, по сведениям Скотленд-Ярда, распространением видеофильмов только

о пытках детей заняты около 4 тыс. продавцов. Но это — совершенно логичный этап той спирали «фиктивного» насилия, которую развернуло ТВ.

Буржуазное общество сотворило нового человека и создало новый язык — рациональный, порвавший связь с традицией и множеством глубинных смыслов, которые за века выросли на слова. Сегодня телевидение, как легендарный Голем, вышло из-под контроля (эта аллегория тем более поразительна, что в иудейской легенде раб Лев оживил Голема, написав у него на лбу слово «Эметх» — «Истина». То же самое слово буквально написано на лбу у телевидения). Оружие, которым укрепилось западное общество и которым оно разрушает своих соперников, разрушает и «хозяина».

Запад втягивается в то, что философы уже окрестили как «молекулярная гражданская война» — множественное и внешне бессмысленное насилие на всех уровнях, от семьи и школы до верхушки государства. Справиться с ним невозможно, потому что оно «молекулярное», оно не организовано никакой партией и не преследует никаких определенных целей. Даже невозможно успокоить его, удовлетворив какие-то требования. Их никто прямо и не выдвигает, и они столь противоречивы, что нельзя найти никакой «золотой середины». Насилие и разрушение становятся самоцелью — это болезнь всего общества.

§ 4. Телевидение и создание реальности

В США проведено большое число исследований того, как телевидение влияет на человека. Ответ уже не вызывает сомнений: ТВ никакой не «гонец, приносящий вести». Оно активно формирует «вести» — создает фиктивную реальность. Как выразился известный американский продюсер политических программ телевидения Д. Хьюитт, «я не люблю излагать новость — я люблю делать ее» (вот другое подобное изречение: «Речь идет не о том, чтобы «вещать истину», а о том, чтобы «творить истину»). Более того, само присутствие «глаза» ТВ при событиях активно влияет на них — формирует «реальную реальность».

Президент Американского общества газетных редакторов Лорен Гилюне, выступая в 1993 г., сказал:

«Репортажи новостей по телевидению всегда породили сомнение, реально ли то, что в них представлено. Природа визуальных средств информации — развлекать, драматизировать, создавать сны наяву для

массового зрителя — влияет на содержание информации. Мир фантазии смешивается с миром факта. Для многих людей то, что появляется на экране телевизора, становится реальностью».

Почему Гилионе заговорил об этом в своей речи «Журналист завтрашнего дня»? Потому, что создание фиктивной реальности прямо связано с манипуляцией сознанием. Вот его гуманистический вывод: «Настоящие журналисты должны будут противиться давлению манипуляторов, диктаторов, “изобретателей”, стремящихся размыть границу между действительностью и фантазией».

Исследователь американских СМИ Р. Харрис пишет:

«У телезрителя порой формируется ошибочное представление, что сцены насилия, которые он видит на экране телевизора, являются нормой [реальной жизни]. На события, не содержащие элементов насилия, средства массовой информации могут вовсе не обратить внимания, а о важных проблемах, которые нельзя преподнести эффектно, где нет конфликтующих сторон и отсутствует яркая личность, будут упоминать лишь вскользь».

Поговорим сначала о создании фиктивной реальности — того искаженного образа действительности, о котором говорил Платон. Поскольку человек действует в соответствии со своим восприятием реальности (то есть ее образом), то телевидение, способное этот образ создать, становится средством программирования поведения человека.

Очень большой материал дал опыт телерепортажей о судебных процессах. В США создан канал ТВ, который передает только из зала суда. Он стал исключительно популярен. Вспомним суд над звездой футбола, кумиром США О. Симпсоном. Этот суд всколыхнул страну, а потом расколол ее по расовому признаку: большинство негров считали, что Симпсон не виновен в убийстве белой жены и ее друга, а белые считали, что виновен.

Анализ показал, что ТВ именно «конструирует реальность» — все участники суда над Симпсоном «работали на объектив». То впечатление, которое спектакль оказывал на страну, бумерангом действовало и на суд. Даже судья, когда делал заявление, поворачивался лицом к телекамере.

Выявилось различие двух зрелищных искусств — театра и ТВ. Драма на сцене, независимо от числа трупов в финале, производит эмоциональное очищение зрителя — катарсис, который освобождает от темных импульсов и желаний. Телесуды (и над Симпсоном, и другие) не только не производят катарсиса, но, напротив, оставляют «липкий осадок злобы, подозрений, цинизма и раскола».

Поразительный вывод о том, какую роль играет ТВ как важнейший инструмент информации и культурного воздействия на человека, состоит в том, что ТВ обладает свойством устранять из событий правду. Именно глаз телекамеры, передающий событие с максимальной правдоподобностью, превращает его в «псевдособытие», в спектакль. Кассеты с записью суда даже не могут считаться документом истории — они искажают реальность. Объектив камеры действует таким образом, что меняет акценты и «вес» событий и стирает границу между истиной и вымыслом.

Видный юрист пишет, что объектив телекамеры, дающий крупным планом лицо обвиняемого, прокурора, судьи, служит как бы протезом глаза телезрителя, который приближает его на запретное расстояние и создает мерзкое ощущение мести. Эта способность ТВ не имеет никакого отношения к демократическому праву на информацию, это — право глядеть в «замочную скважину». По определению этого юриста, присутствие телекамеры в зале суда создает особый жанр порнографии, и телесуд не может не быть неприличным спектаклем. Зал суда с телекамерой — это особый сценарий, действующий по своим законам и фабрикующий свою «правду».

Присутствие ТВ оказывает такое воздействие, что экс-премьер и сенатор Италии Андреотти согласился предстать перед судом, если процесс будет передаваться в прямом эфире. Он уже знал об эффекте камеры. Прецедент был в 1986 г. в Нанте (Франция), где обвиняемые, тайно получив оружие, захватили заложниками весь суд, но не стали скрываться, а поставили условием пригласить на процесс ТВ. И автоматически превратились из преступников в героев захватывающего телесериала.

Если телевидение не отражает, а создает реальность, значит, его нельзя сравнивать с безобидным зеркалом, на которое неча пенять. ТВ деформирует нас самих. Пресса полна сообщений о прямом воздействии ТВ на реальные события,

на «создание» человеческих трагедий. Особенно в этом отличились передачи нового жанра — задушевных откровенных разговоров (*talk show*). Ради сенсации ведущие с ТВ лезут к людям в душу, вытягивают перед телекамерой скрытые грехи, семейные тайны, похороненные в глубине памяти гадости, — а после этого у жертв наступает и раскаяние, и злоба, случаются даже убийства.

Целая серия (более 70) исследований в США показала, что все большее число людей, особенно детей и подростков, оказываются неспособны различить спектакль и реальную жизнь. Это — эмоционально неустойчивые дети, продукт городского стресса и нездорового досуга. В США 1,5 млн школьников — «пограничные» дети, которые не могут сосредоточиться на объяснении учителя. Эти дети отвечают на сигналы ТВ, как лунатики. ТВ прямо ведет их к насилию, к которому они вовсе не предрасположены ни душевно, ни социально. Но и вполне нормальные дети и подростки не могут устоять против программирующего действия телевидения. Примеры диких выходов даются в газетах ежедневно, и речь идет именно о массовом явлении. Вот несколько газетных сообщений.

Барселона. *Трое подростков, посмотрев ТВ, воспроизвели восхитивший их трюк. Поздно вечером они натянули через улицу ленту и наблюдали, как она перерезала горло мотоциклисту. Он умер на месте.*

Лондон. *Два 6-летних мальчугана полностью разрушили дом своих соседей, чтобы повторить телепередачу и получить премию. В детской передаче показан построенный в телестудии дом, который требуется разрушить самым оригинальным способом. Дети-победители получают ценные призы.*

Осло. *Группа 5–6-летних детей на лужайке недалеко от дома забила насмерть одну из подружек. Она в игре представляла ту черепашку-нинзя, которую в последней передаче все били.*

Валенсия. *20-летний юноша, переодевшись черепашкой-нинзя, ворвался в соседний дом и зарезал супружескую пару и их дочь.*

Нью-Йорк. *Малолетние приятели, посмотрев вместе средний боевик, наказали такого же малолетнего сына хозяев квартиры за то, что он отказался*

стащить для них конфеты из шкафа. Они подержали его за руки за окном 12-го этажа, требуя уступить. Поскольку он был уже в шоке и не отвечал, они разжали руки. Его маленький брат прыгал и плакал рядом, но помочь ничем не мог.

Таких сообщений поступает все больше и больше. И во всех случаях речь идет о совершенно нормальных детях из среднего класса. Они просто уже живут в «обществе спектакля» и не могут отличить жизнь от того, что видят на телеэкране. Они — жертвы свободы сообщений. Разумеется, не только дети поддаются прямому воздействию телевидения на поведение. В начале 80-х гг. в США 63 % опрошенных осужденных заявили, что совершили преступление, подражая телевизионным героям, а 22 % переняли из передачи телевидения «технику преступления».

Однако самый сильный удар «телевизионное насилие» наносит по детям. В середине 70-х гг. на американском телевидении сцены насилия показывались со средней интенсивностью 8 эпизодов в час. Но это именно в среднем, а самая высокая частота показа таких сцен обнаружена в детских мультфильмах. Социальному «заражению» под действием телеэкрана дети начинают подвергаться уже с дошкольного возраста. Этому посвящены большие исследования психологов Стэнфордского университета под руководством А. Бандуры, которые положили начало целой научной области.

А. Бандура сначала изучал «заражение» при наблюдении сцен насилия в обыденной жизни: в присутствии ребенка кто-то (взрослый или другой ребенок) ведет себя крайне агрессивно, бьет кукол, калечит искусственных животных и т. д. Как пишет другой известный психолог, профессор Корнеллского университета У. Бронфенбреннер, после наблюдения таких сцен «без всякого к тому побуждения абсолютно нормальные, хорошо адаптированные дошкольники начинают вести себя агрессивно. Причем они не только проделывают все, что увидели, но и дополняют “комплекс активности” собственной фантазией».

Затем А. Бандура заменил реальные сцены насилия сценами, увиденными по телевидению (в специально сделанных «лабораторных» фильмах, а также в художественных или документальных фильмах). Было проведено огромное коли-

чество экспериментов с людьми разного возраста (детьми, подростками, студентами и взрослыми), и сделан надежный вывод: сцены насилия на телеэкране вызывают сильные агрессивные импульсы.

При этом вид страданий жертвы насилия лишь усиливает интенсивность агрессивной реакции телезрителя. Иными словами, эти эксперименты опровергли отмеченную выше «гипотезу катарсиса», согласно которой виртуальные сцены насилия вытесняют агрессивные импульсы. По поводу выводов А. Бандуры фирмы, производящие телевизоры, сделали коллективное заявление с попыткой поставить эти выводы под сомнение. Но этим только подлили масла в огонь и стимулировали много новых исследовательских проектов, которые подтвердили результаты этих выводов (так, большие исследования были проведены в 80-е гг. в Англии).

У. Бронфенбреннер заключает свою главу, подчеркивая связь воздействия телевидения с индивидуализмом как фактором, повышающим психологическую незащищенность подростков:

«Образующийся моральный и эмоциональный вакуум вынужденно заполняется телеэкраном с его ежедневной проповедью меркантильности и насилия... Стоит отметить, что из всех шести стран, где проводились исследования, лишь одна превосходит Соединенные Штаты по степени склонности детей к антисоциальному поведению, причем эта страна ближе всех стоит к нам с точки зрения традиций англосаксонского индивидуализма. Речь идет об Англии, родине ансамблей "Битлз" и "Ролинг Стоунз", нашем основном конкуренте в области бульварных сенсаций, юношеской преступности и насилия».

Откуда у ТВ такая сила в манипуляции сознанием? Первое важное свойство телевидения — его «убаюкивающий эффект», обеспечивающий пассивность восприятия. Сочетание текста, образов, музыки и домашней обстановки расслабляет мозг, чему способствует и умелое построение программ. Насколько человек становится зависим от такого зрелища, говорит большая серия скандалов в США, связанных с разоблачением махинаций в популярных телевизионных шоу-викторинах (типа «Что? Где? Когда?»). Институт Гэллапа провел опрос телезрителей и выяснилось, что 92 % зрителей знали

об этих махинациях, но при этом 40 % «хотели смотреть телевикторины, даже зная, что они фальсифицированы».

Человек может контролировать, «фильтровать» сообщения, которые он получает по одному каналу, например, через слово и через зрительные образы. Когда эти каналы соединяются, эффективность внедрения в сознание резко возрастает — «фильтры» рвутся. Так получилось с комиксами: любой, самый примитивный текст легко заглатывался, если сопровождался столь же примитивными рисунками. Комиксы стали первым мощным жанром, формирующим сознание «масс». ТВ умножило мощностю этого принципа. Текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, если дается на фоне видеоряда — образов, снятых «на месте событий». Критическое осмысление резко затрудняется, даже если видеоряд не имеет никакой связи с текстом. Неважно! Эффект вашего присутствия «в тексте» достигается.

Известны случаи, когда цель передачи достигалась при полном противоречии текста видеоряду. Так, в 1970 г. сеть Си-би-эс (США) показала фильм об успехах КНДР, снятый австралийским репортером-коммунистом У. Бэрчеттом. Но вместо авторского комментария был дан другой, противоположный по смыслу текст диктора телекомпании — и фильм воспринимался как радикально антикоммунистический.

Редакторы телевидения это знают, и чуть не в половине сообщений информационных программ используются обрывки видеозаписей из архива. Иногда при монтаже даже не убирают дату съемки видеокadra, и бывает, что актуальный репортаж «из горячей точки» сопровождается видеозаписью многолетней давности. Вот, в 1996 г. между США и Китаем возникла напряженность в связи с Тайванем. Антикитайские комментарии ведущих западного телевидения и образы американских авианосцев (якобы готовых к защите Тайваня) стали сопровождаться кадрами, сильно бьющими по чувствам, — зрелищем смерти. Ведущий предупреждает: сейчас мы покажем сцену, которая может быть слишком тяжелой для ваших нервов. Массы телезрителей притикают к экрану. Да, сцена тяжелая — расстрел торговцев наркотиками в КНР. Они стоят на коленях, им стреляют в затылок. В левом углу внизу видна дата — 1992 г. Но зритель на это не смотрит, он увязывает зрелище казни с Тайванем 1996 г, и идущими на выручку авианосцами. А иногда на экране показывают вооб-

ше посторонний сюжет, не имеющий никакого отношения к тексту: какие-то автомобили, верблюды, городские толпы.

Множественность каналов информации в телевидении придает ему такую гибкость, что одно и то же слово может восприниматься по-разному, так что одному и тому же тексту можно придавать разное содержание (это, кстати, позволяет обходить нормы законов о телевидении, объектом которых является прежде всего текст). Американский профессор О'Хара в книге «Средства информации для миллионов» пишет об умелом дикторе: «Его сообщение может выглядеть объективным в том смысле, что оно не содержит одобрения или неодобрения, но его вокальное дополнение, интонация и многозначительные паузы, а также выражение лица часто имеют тот же эффект, что и редакторское мнение».

Огромную манипулятивную силу придает телевидению ощущение достоверности увиденного, эффект присутствия телезрителя на месте событий, даже его соучастия в событии. Благодаря этому телевидение нагнетает нервозность (о которой писал Марат). Для этого служит технический трюк, который должен имитировать реальность! Он описан в учебниках телерекламы и телерепортажа. Это *reality show* (имитация реальности). На Западе его постоянно применяют в полицейских роликах, чтобы имитировать сфабрикованную задним числом съемку поимки бандитов или дорожной катастрофы. При этом зрителя и не обманывают, будто это натурная съемка, но сильнейшее эмоциональное воздействие от иллюзии достоверности достигается.

Этот прием был введен в практику радио немецкими фашистами — они специально инсценировали всяческие «накладки», чтобы создать образ бесхитростных неуклюжих людей. Оказалось, что это примитивный, но действенный способ «захвата аудитории»¹. В отношении телевидения давно обна-

¹ Сейчас почти на всех каналах центрального телевидения РФ ведущие программ новостей применяют такой прием продемонстрировать свою искренность и милую наивность. Когда в программе идет эпизод, показывающий трогательную или смешную сцену (девочка звонит по телефону Президенту, в Таиланде слониха родила забавного слоненка и т. д.), то ведущий, переходя к следующему эпизоду, «не успевает» стереть с лица улыбку. Дескать, он тоже смотрел на экране эту сцену и — ничто человеческое ему не чуждо — она его растрогала или позабавила, и он от души улыбался, хотя обязан быть серьезным.

ружено, что искажения на экране телевизора, вызванные работой оператора в реальных условиях, не только не снижают силы воздействия на зрителя, но даже наоборот — создают ощущение большей подлинности репортажа.

В стиле *reality show* делались телерепортажи о войне в Чечне. Вот тропинка вдоль разрушенного дома. По этой тропинке бегут какие-то люди, за ними следует камера. Камера дергается, люди выпадают из кадра, сбивается фокусировка. Все так, будто оператор в страшном волнении под огнем снимает реальность. Создается мощный эффект присутствия, мы как будто вброшены в страшную действительность Чечни. Но камера дергалась и сбивалась с фокуса рукой оператора только для того, чтобы создать иллюзию боевой обстановки.

Технические возможности телевидения позволяют лепить образ объекта, даже передаваемый в прямом эфире. Французский телекритик пишет: «С телевизионным изображением можно сделать все, как и со словом. Поставьте интервьюируемого так, чтобы камера смотрела на него снизу, и любой человек сразу примет спесивый, чванный вид. Смонтируйте кадры по своему усмотрению, вырежьте немного здесь, добавьте кое-что там, дайте соответствующий комментарий... и сможете доказать миллионам людей что угодно». Нередки и прямые фальсификации¹.

Выше говорилось об устранении рампы и беззащитности человека в «обществе спектакля». «Устранение рампы» есть нарушение важнейшего культурного табу, запрещающее впускать в мир «потустороннее». Рампа (или рама картины) — это та меловая черта, которая отделяет нашу земную жизнь от созданного фантазией художника ее образа, ее призрака. Эта черта не разрешает ему спускаться к нам, а нам — подниматься в этот призрачный мир. Всякое такое смешивание миров, выходы в мир персонажей картин и портретов, наше вхождение туда всегда представлялось в кошмаре художника встречей с сатанинским началом. Но «Портрет» Гоголя или театр Любимова были лишь прелюдией. Беззащитным оказался человек перед экраном телевизора.

«Странные» войны 90-х гг. приводят к еще более тяжелому выводу: многие кровавые спектакли изначально ставятся как

---

¹ Газета «Фигаро» пишет: «Би-би-си передавала прямой репортаж об одной забастовке. Кажется, что может выглядеть более безупречно правдиво? Так вот, все забастовщики были заменены актерами-профессионалами».

телевизионные. Ни «Буря в пустыне», ни полет ракеты «Томагавк» к сербскому мосту через Дунай были бы не нужны, если бы они не могли быть показаны по телевидению. Все эти акции были тщательно подготовленными сценами, цель которых — именно их телетрансляция в каждый дом, в каждую семью. В этом смысле замечательна акция по бомбардировке американской авиацией Триполи в 1986 г. («превентивная акция против возможного нападения ливийских террористов»)¹.

Падение ракет на город было приурочено точно к началу вечерних информационных выпусков телевидения США. Таким образом, телевидение могло сразу сообщить об акции и тут же соединиться со своими репортерами в Триполи, чтобы зрители могли в прямом эфире наблюдать взрывы американских бомб и ракет в «логове врага». Это была первая в истории бомбежка, организованная в назначенный момент как телевизионный репортаж, — в большой степени ради этого репортажа.

§ 5. Телевидение и манипуляция сознанием в политике

Американский исследователь СМИ Р. Макнейл в книге «Машина манипулирования народом» писал уже в 1968 г.: «Телевидение явилось причиной таких коренных изменений в средствах политического информирования общества, подобных которым не происходило со времени основания нашей республики. Ничто до распространения телевидения не вносило таких чудовищных перемен в технику убеждения масс».

В действительности дело не только в телевидении, а в том, что оно стало технической основой для применения сложных доктрин манипуляции сознанием. Прежде всего, речь идет о создании целой индустрии телевизионной политической рекламы. Почему телевидение в политике оказалось средством внушения гораздо более эффективным, нежели печать и радио? Потому: что была обнаружена, хотя и не вполне еще объяснена удивительная способность телеэкрана «стирать» различие между правдой и ложью. Даже явная ложь,

---

¹ Само название этой акции — образец новояза. Мимо нас тогда прошла интересная дискуссия экспертов по международному праву: выходило, что бомбардировка столицы Ливии могла рассматриваться или как агрессия (к этому склонялся Совет Безопасности ООН), или как международный терроризм — третьего не дано.

представленная через телеэкран, не вызывает у телезрителя автоматического сигнала тревоги — его психологическая защита отключена.

Вот данные крупного исследования психологов, заказанного Би-би-си. Видный английский политический комментатор Робин Дэй подготовил два варианта выступления на одну и ту же тему. Один вариант был с начала до конца ложным, другой — верным. Оба варианта были переданы тремя видами сообщений: напечатаны в газете «Дейли Телеграф», переданы по радио Би-би-си, показаны в телепрограмме «Мир завтра». Читателей, радиослушателей и телезрителей попросили ответить, какой вариант они считают правдой. Ответили 31,5 тыс. человек — для подобного исследования это огромное число. Различили правду и ложь 73,3 % радиослушателей, 63,2 % читателей газеты и только 51,8 % телезрителей. Вывод: по самой своей природе ТВ таково, что правда и ложь в его сообщениях практически неразличима. Как сказал руководитель проекта, «умелый лжец знает, что надо глядеть в глаза собеседника».

Надо подчеркнуть, что разница между ТВ, газетой и радио гораздо больше, чем кажется из цифр. Эксперимент был поставлен так, чтобы испытуемые опирались исключительно на свой разум — они не получали никакой «подсказки» от ведущего телепрограммы ни мимикой, ни интонацией. Большинство зрителей оценивает правдоподобность сообщения сходу — они «угадывают» правду и ложь, не рассуждая. В предельном случае, если бы правда и ложь были бы абсолютно неразличимы, то число телезрителей, принявших сообщение за правду, было бы равно числу телезрителей, принявших его за ложь — 50 % и 50 %. В эксперименте 48,2 % (т. е. 100 — 51,8) телезрителей приняли ложь за правду. Но это значит, что такое же число людей приняло правду за правду не потому, что разобрались в сообщении, а случайно — как орел или решка. То есть, правду сознательно различили только 3,6%. Напротив, среди радиослушателей «угадали — не угадали» 53,4 %, а *сознательно* различили правду 46,6 %, то есть, практически половина. Это большая величина (у читателей она несколько меньше, 28 % — но все же почти треть).

Та аномальная сила внушения, которой обладает телевидение, может послужить симптомом для обнаружения более фундаментальной проблемы — изменения типа сознания и

мышления при переходе человечества к новому способу получения информации, не с листа, а с экрана. Независимо от типа культуры, все развитые общества Нового времени принадлежат к цивилизации книги. Точнее, к цивилизации чтения текста, изданного типографским способом. Именно чтение напечатанного на бумаге текста задает ритм и структуру мыслительного процесса в культурном слое всех стран и соединяет всех в связанную этими сходными структурами мышления цивилизацию. Этот тип чтения и соответствующий ему тип мышления — не простой продукт биологической эволюции мозга. Они появились только на заре Нового времени в результате появления книгопечатания и широкого распространения печатного текста. Возник новый способ чтения — через диалог читателя и текста.

Когда рукописную книгу читал человек Средневековья (обычно коллективно и вслух, нараспев) это не было диалогом — читатель, как пилигрим, шел по тексту к той истине, которая была в нем скрыта. Один философ сказал: «Так монахи на утренней молитве ожидают зари, которая осветит чудесный витраж собора». Текст был лабиринтом, почти иконой, — расписан художником, без знаков препинания. С ним нельзя было спорить, его можно было только комментировать. Типография дала новый тип книги, читать ее стали про себя, перечитывая, размышляя и споря с автором. Читатель стал соавтором, чтение — творчеством.

Сегодня главным носителем текста стал экран — ТВ или компьютера. Возник огромный избыток информации («шум») и огромная скорость, создавшие новый тип чтения без диалога, чтения-потребления. Текст на экране построен как поток «микрособытий», и это привело к кризису «макротекста», объясняющего мир и общество.

Но вернемся к вопросу о том, что произошло при широком использовании политической рекламы через телевидение. Глубина изменений и общества, и типа власти видна из того, что из общественной жизни была устранена сама проблема политического выбора через столкновение идей. Если раньше политика предполагала наличие программы, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь все это заменено конкуренцией образов, имиджем политиков, причем эти имиджи создаются по законам рекламного бизнеса. Формула

такова: «если ты не принимаешь меня таким, каков я есть на самом деле, я стану таким, каким ты хочешь меня видеть». Литература полна описаниями того, как политики, желающие охватить разнородные и даже противостоящие группы избирателей, готовят несколько рекламных роликов с совершенно различными, несовместимыми имиджами.

Таким образом, телевидение на Западе устранило демократию как таковую, ибо демократия означает осмысление проблемы и разумный выбор в виде политических идей. Американский исследователь К. Блюм, анализируя кампанию Р. Рейгана 1984 г., отметил: «Тот, кто в конце XX в. сохранил убеждение, что политика должна строиться на идеях, наверное, никогда не смотрит телевизор». Теперь для политиков важен сам факт появления на телеэкране, внедрение их образа в подсознание людей. Часто их выступления перед телекамерами вообще не несут никакого содержания, а не то что идей. Политики, например, тщательно избегают ситуаций, в которых они вынуждены были бы обнародовать свои ценности (идеалы, принципы, критерии выбора решений) — они «заменяют ценности котировкой». Они продают свой образ¹.

Телевидение персонифицирует социальные и политические противоречия, представляет их не как столкновение социальных интересов и соответствующих программ, а как столкновение лидеров. Программная риторика вытесняется личностной, политические дебаты становятся театром с хорошей режиссурой. Те, кто наблюдает эти дебаты на телеэкране, входят в роль зрителя и утрачивают свободу воли и ответственность гражданина, делающего выбор. Политические консультанты, которые выступают как режиссеры этих спектаклей, сами могут вообще не иметь никаких идеологических пристрастий и выступают как специалисты по маркетингу. Нередко после одной избирательной кампании они получают контракт от политических противников «их» кандидата.

Создание телевизионного образа как главной технологии политической борьбы имело для культуры и в целом для общества страшные последствия. Говорят, что «имидж господствует над речью», — произошла смена языка в политике. Язык

---

¹ Впервые возможности телевидения для политической рекламы были использованы в США в 1952 г. в избирательной кампании Д. Эйзенхауэра. В 1960 г. Дж. Кеннеди нанял для своей кампании целое рекламное агентство.

стал таким, что политик может полчаса гладко говорить, но после этого невозможно кратко повторить основное содержание его речи. Из политики устраняется сама категория противоречия, конфликта.

Телевидение превратило политический язык (дискурс) из конфликтного в соглашательский — политик, создавая свой имидж, всегда обещает «сотрудничать со всеми здоровыми силами». Таким образом, из политики устранена всякая диалектика. Язык тесно связан с системой ценностей и, как считается, возникновение особого телевизионного языка привело к глубокому кризису самой категории ценностей в политике. Переход от диалектического языка к «соглашательскому» означал катастрофическое обеднение и упрощение политической жизни. Сегодня на Западе для среднего университетского профессора совершенно недоступен тот политический язык, которым владел грамотный рабочий начала XX в.

Во время перестройки и реформы в СССР, а затем РФ, телевидение определенно приняло манипулятивную семантику и риторику — язык, стиль, эстетику, темп и построение программ. Оно постоянно и последовательно сокращало время, а потом и ликвидировало познавательные, рассудительные передачи, восстанавливающие здравый смысл людей. Оно ввело в практику непонятные, нервирующие, порой кажущиеся безумными заставки (глаз, шестерни, падающие со стула клоуны, дерущиеся Деды-Морозы и т. д.). Ткань передач стала разрываться рекламой, так что даже художественные произведения утратили свою восстанавливающую сознание силу (важные в советском телевидении передачи лучших спектаклей драматических театров вообще исчезли). В целом телевидение взяло на себя роль силы, подрывающей способность людей к рациональному логическому мышлению, стало инструментом обскурантизма. Эфир заполнили астрологи и предсказатели — в масштабах, совершенно не соответствующих реальному распространению этих суеверий в российском обществе начала 90-х гг. Телевидение внедряло эту субкультуру в массовое сознание.

Телевизионные политтехнологии, как и в коммерческой рекламе, широко используют воздействие на подсознание, нанося при этом тяжелый ущерб и сознанию, и нравственности. Так, во время выборной кампании 1999 г. в РФ прокремлевские СМИ устроили жесткую атаку на Е.М. Примакова. Они

представляли его больным, дряхлым человеком, сравнивали с Брежневым в его последние годы. С. Доренко совершил недопустимую даже с точки зрения права акцию — продемонстрировал в своей программе операцию на бедре, подобную той, которую перенес Примаков. Это разрушило тот мифологический образ, который создавал себе Примаков как политик. В подсознании зрителей он превратился из героя в простого смертного, подверженного недугам.

При этом Доренко показал *кровь*, вид которой обладает сильнейшим воздействием на подсознание. А. Цуладзе в книге «Политическая мифология» пишет:

«И хотя на экране была кровь не Примакова, а другого пациента, зрителям доказывали, что с Примаковым врачи делали то же самое. И кровь у него такая же. В символической реальности кровь на телеэкране была кровью Примакова. Таким образом, “пролитая” Доренко “кровь Примакова” привела к демифологизации образа лидера ОВР, потере им своей магической притягательности для избирателей. Древние народы казнили вождей, которые получали ранения, т. е. проливали свою кровь. Считалось, что они утрачивают магическую силу. Современные избиратели “убили” кандидата в президенты, отказав ему в доверии, — рейтинг Примакова к концу 1999 г. опустился до 5 %».

В международной политике телевидение стало главным средством проникновения США в информационную среду других стран с целью влиять на общественное сознание в своих интересах. Новые технические средства и новые принципы международного права затрудняют создание «железных занавесов» для защиты сознания своих граждан. Г. Шиллер утверждает как постулат: «Для успешного проникновения держава, стремящаяся к господству, должна захватить средства массовой информации». Конечно, этот постулат по-разному оценивается захватчиками и жертвами захвата. Так, премьер-министр Гайаны заявил: «Нация, чьи средства массовой информации управляются из-за границы, не является нацией».

Один из отцов «холодной войны» Джон Фостер Даллес в свое время сказал: «Если бы я должен был избрать только один принцип внешней политики и никакой другой, я провозгласил бы таким принципом свободный поток информации». Доктрина

этого свободного потока тщательно разрабатывалась несколько лет до и после Второй мировой войны и была в уже готовом виде включена в концепцию «холодной войны». Впервые она была выдвинута на международном уровне в феврале 1945 г. на Межамериканской конференции по проблемам мира и войны в Мехико, потом «продавлена» через ЮНЕСКО и ООН. Она стала важным оружием США в «холодной войне» — прежде всего для консолидации лагеря своих союзников в борьбе против Империи зла. Параллельно расширялся «полусвободный» поток информации, ориентированный на интеллигенцию стран «советского блока».

Доктрина свободного потока информации стала обоснованием «культурного империализма» США. Она сразу была отвергнута странами социалистического лагеря, а потом и большим числом стран «третьего мира» и неприсоединившихся стран (так, в 1973 г. резкую оценку этой доктрине и практике ее применения дал президент Финляндии Урхо Кекконен). Однако на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. Западу удалось «уломать» руководство СССР. Перестройка устранила все препоны, она органично включила поток информации из США в свою программу.

Техническое качество американских телепрограмм, большие усилия психологов по их «подгонке» к вкусам и комплексам конкретного зрителя делают их ходовым товаром, так что «человек массы» всех стран мира сегодня посчитал бы себя обделенным и угнетенным, если бы он был лишен доступа к этой телепродукции. Пользуясь этим, США добиваются заключения соглашений, по которым экспортируемая из США телепродукция идет «в пакете» — без права отбора. Таким образом, страны-импортеры лишаются возможности отсеивать сообщения с сильным манипулятивным воздействием. О масштабах экспорта можно судить по Латинской Америке, в страны которой США поставляют по 150 тыс. программ ежегодно. Эти программы составляют от 40 до 90 % национального телевидения (достаточно сказать, что объем информационных сообщений о жизни США намного превышает объем сообщений о жизни своей страны).

Литература

MacDonald, J.F. *One Nation Under Television*, N. Y., Pantheon Books, 1990.

Богомолова, Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н.Н. Богомолова. — М.: Изд-во МГУ, 1991.

Бурдые, П. О телевидении и журналистике : пер. с фр. / П. Бурдые. — М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Грачев, Г. Манипулирование личностью : организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Грачев, И. Мельник. — М., 1999.

Гусев, Д. Уши машут ослом / Д. Гусев, О. Матвейчев [и др.]. — Пермь, 2002.

Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. — М., 2000.

Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2000 ; ЭКСМО, 2003.

Кара-Мурза, С.Г. Идеология и мать ее наука / С.Г. Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2002.

Лайнбарджер, П. Психологическая война : пер. с англ. / П. Лайнбарджер. — М., 1962.

Лебон, Г. Психология масс / Г. Лебон. — М., 2000.

Лисичкин, В.А. Третья мировая информационно-психологическая война / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. — М., 1999.

Массовая информация и коммуникация в современном мире. — Ч. 1. — М. : ИНИОН, 1989.

Массовая информация и коммуникация в современном мире. — Ч. 2. — М. : ИНИОН, 1991.

Моль, А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. — М. : Прогресс, 1973.

Московичи, С. Век толп / С. Московичи. — М., 1996.

О'Дей, Б. Планирование политических кампаний : шаг за шагом к победе на выборах : пер. с англ. / Б. О'Дей. — М., 1999.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. — М., 1991.

Почепцов, Г. Психологические войны / Г. Почепцов. — М. ; Киев, 2000.

Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М. : Прогресс, 1986.

Расторгуев, С.П. Информационная война / С.П. Расторгуев. — М. : Радио и связь, 1998.

Рисс, К. Геббельс : Адвокат дьявола / К. Рисс. — М., 2000.

Телелабиринты : Буржуазное ТВ сегодня. — М., 1986.

Техника дезинформации и обмана / ред. Я.Н. Засурский. — М. : Мысль, 1978.

Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — М., 2001.

Феофанов, О.А. США : реклама и общество / О.А. Феофанов. — М. : Мысль, 1974.

Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. — М., 2001.

Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. — М. : Прогресс, 1992.

Цуладзе, А. Политическая мифология / А. Цуладзе. — М., 2002.

Шерковин, Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов / Ю.А. Шерковин. — М. : Мысль, 1973.

Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием : пер. с англ. / Г. Шиллер. — М. : Мысль, 1980.

Юнг, К.-Г. Собр. соч. Психология бессознательного : пер. с нем. / К.-Г. Юнг. — М. : Канон, 1994.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы стоим перед выбором цивилизационного масштаба. Один из путей, который открыт перед нами — принять новую для нашей культуры технологию господства над людьми и контроля за их поведением через манипуляцию общественным сознанием. Те, кто не хотят такого исхода, могут найти в этой книге некоторые ориентиры. Есть фундаментальные, инерционные структуры, которые надо защищать, если мы не желаем пристать к берегу манипулятивного общества. Эти структуры далеко еще не сломаны, их сохранение зависит от «молекулярной» поддержки всех нас, от массового пассивного сопротивления.

Речь прежде всего идет о школе университетского типа — так, как ее сформировала наша культура. Это школа, воспроизводящая народ и сложившийся у нас тип культуры. Она не дает следующему поколению стать людьми массы. Она затрудняет и замену нашей культуры на мозаичную культуру человека массы. Школу ломают, но сломать ее трудно, она слишком ушла корнями в народ. Однако капля камень точит, и без сознательного сопротивления всех нас школу сломают.

Очень важным бастионом нашей культуры была, конечно, наша наука. К несчастью, ее через «молекулярное» сопротивление не защитит, слишком это нежный цветок, для него нужна поддержка государства. Наука наша спасется, видимо, только в виде семян в замерзшей земле. Пригреет солнце, и они взойдут, но плоды мы увидим не скоро. В ближайшие годы придется нам искать путь почти без науки, действовать грубее, с большими ошибками и потерями. Будем платить за свою безответственность.

Другой общий вывод — всегда и везде, и на людях, и в мыслях, противодействовать атомизации, превращению в «индивида». Сегодня речь не об идеале соборности или народности, а о сохранении человеческих связей как средства защиты своей личности. При том давлении, которое оказывается на наше сознание, мы можем устоять как личности, только опираясь на душевную поддержку собратьев. Каждый акт сохранения, создания или восстановления человеческой

связи — это выгрызание кусочка пространства у манипуляторов. Подадим ли рубль нищему или просто обменяемся с ним взглядом, пошутим ли с торговкой на рынке, уступим ли место в метро или поругаемся с обидевшим нас родственником — все это укрепляет нашу психологическую защиту против манипуляция. Важно, чтобы во всех этих связях был диалог. Чтобы это были связи не человек-вещь, а человек-человек. Тут нет никакой сентиментальности, никакой проповеди доброты, только трезвый и даже циничный расчет.

И в каком-то смысле противоположный совет — всячески избегать потери своего «Я» и соединения в толпу. Опасность толпотворения сегодня не в физическом собирании в массу. Толпа образуется как раз, когда мы изолированы и соединены через телевизор. Когда между нами нет душевного прямого контакта и нет диалога, а есть гипнотическое действие из одного центра — как на рок-концерте или на стадионе, слушающем фюрера. В эти толпы лучше не ходить. Сказано ведь в Библии: «Не ходите на собрания нечестивых». Казалось бы, почему же не пойти? Мы думаем, что сознание наше крепко, но речи «нечестивых» проникают в подсознание. Где же у нас такие собрания? Там, где вещают манипуляторы, с которыми ты не можешь вступить в диалог. Не страшны дебаты, пусть даже оскорбительные, страшен вкрадчивый голос с экрана или из динамика, которому ты не можешь задать вопрос или возразить.

Наконец, нужно принимать, почти насильно, как лекарство, укрепляющие культурные средства — все то, что несет в себе традиционное знание и символы. Прочитать «Тараса Бульбу» или томик пословиц, послушать знакомые песни и романы — это сегодня не удовольствие, а лечение. Впрочем, любая хорошая литература или музыка полезны, все сегодня читается другими глазами.

Это — самые общие мысли, но из книги можно сделать и кое-какие более ограниченные выводы. Первый из них я бы выразил так: принять как догму, что СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации. Главное в их сообщениях — идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой. Но в качестве «легенды» прикрытия, приманки они дают и нужную нам информацию. Мы без нее не можем, и приходится заглатывать, что дают. Задача — научиться выплевывать максимум отравы, не жевать ее и не держать даже во рту. Для этого

надо встать в позицию интерпретатора, исходить из принципов герменевтики. То есть изначально не принимать поток сообщений за чистую монету, а каждый раз спрашивать себя: «Что за этим стоит? Зачем нам это сообщают?» Так встает проблема диагностики — отделения зерен от плевел. Пусть веялка наша плоха, разделение очень грубое, много потерь зерна, много остается грязи. Все равно, даже грубый фильтр очень полезен. Удивительно, как много отсеивается просто оттого, что в голове вертится контролирующий вопрос. Достаточно положиться на интуицию, на чувство. Почуешь, что из сообщения «торчат уши» — оно в подсознание не войдет, а уж предупрежденное сознание его проверит.

Какими симптомами и признаками скрытой манипуляции может воспользоваться наше сознание и интуиция? В общем, они представлены в разделах книги. Напомню главные.

Язык. Как только политик или диктор начинает говорить на птичьем языке, вворачивая малопонятные словечки вроде «ваучера» или «секвестра» — значит, идет манипуляция (возможно, «вторичная», когда и сам говорящий является марионеткой манипуляторов). Если бы говорящий желал, чтобы его сообщение было понято и осмыслено, а не заучено или внушено, то он сделал бы его доходчивым и построил в форме диалога. В нашей жизни, за исключением чисто профессиональных сфер вроде науки и техники, нет проблем, которые нельзя было бы изложить на доступном языке. Непонятные слова имеют целью или подавить слушателя фальшивым авторитетом «эксперта», либо выполняют роль шаманского заклинания и призваны оказать гипнотизирующий эффект. Бывает также, что они — прикрытие самой наглой лжи.

В общем, язык — важнейшее диагностическое средство, даром и врачи его смотрят.

Эмоции. Если политик или диктор начинает давить на чувства, пахнет подвохом. Тут лучше временно «очерстветь» и не поддаваться на его дрожащий голос или блеснувшую на глазах слезу. Политика есть политика, эмоции там — как грим. Что значит «пожалеть больного президента»? Он или президент — или больной. Мы видим, что политики, независимо от состояния их здоровья, бывают абсолютно безжалостны к простому человеку, они действуют, как машина. Слушая сообщения, приукрашенные эмоциями любого типа (хотя бы слезливой жалостью к раненому солдату), мы и сами долж-

ны для начала воспринимать их как счетная машина — независимо от чувств, на которых пытаются играть. Мы должны в уме быстро просчитывать интересы, а чувства — это их дешевая приправа. Всегда надо иметь в уме свои интересы (свои — значит тебя, твоих потомков, твоего народа), а также попытаться представить себе, каковы интересы говорящего или его хозяина. Особенно надо быть начеку, когда тебя хотят разозлить, уязвить, оскорбить. Это неспроста и не ради собственного удовольствия репортера или телеведущего. Если на это идут, значит, надо на время отключить твой разум и сосредоточить твое внимание на их гримасах. Нельзя поддаваться, надо смотреть бесстрастно и пытаться понять, что они прячут за этой дымовой завесой.

Сенсационность и срочность. Это — технология общего действия, обеспечивающая шум и необходимый уровень нервозности, подрывающей психологическую защиту. Однако иногда создание искусственного фона сенсационности служит какой-то конкретной цели, чаще всего для отвлечения внимания. Обычно сенсация не стоит выеденного яйца — то слониха в Таиланде родила, то певицу обокрали. С чего бы сообщать это захлебывающимся голосом? Тут уж каждый должен выработать чувство меры — сравнивать важность сообщения с нашими реальными проблемами. Вообще, те политики и информаторы, которые злоупотребляют этими атрибутами сообщений, просто должны мысленно заноситься в список штатных манипуляторов, и к ним всегда надо относиться с недоверием. Ах, нам только что сообщили! Ах, мы вас будем держать в курсе дела! Да что такого вы сообщили? Завтра сами же об этом забудете. Одними «черными ящиками» замучили — трещат о них после каждой катастрофы, а когда их к всеобщей радости найдут — молчок. Зачем тогда о них говорить?

Повторение. Повторение — главное средство недобросовестной пропаганды. Потому оно и служит хорошим признаком ее наличия. Если вдруг начинают ежедневно мусолить одну и ту же тему или употреблять одни и те же словесные комбинации — дело нечисто. Повторение действует на подсознание, а его мы контролируем плохо. Следовательно, надо стараться зафиксировать сам факт повторения какого-то штампа в сознании, и тогда будет как бы включена сигнализация. А, опять завели почему-то ту же песенку — значит,

держи ухо востро. Например, периодически наши реформаторы поднимают плач по разделению Единой энергетической системы РФ, но никогда не объяснят толком, зачем им это нужно. Тут — заведомая ставка на внушение, поскольку никаких разумных доводов не существует.

Дробление. Если политик или помогающее ему СМИ действительно желает объяснить гражданам какую-то проблему и получить их сознательную поддержку в каком-то вопросе, то он всегда изложит эту проблему в целостном виде, хотя бы и кратко. Проблему можно уподобить организму — у нее есть предыстория («родители»), она возникает и развивается, обретает «семью и потомков» — связанные с нею или порожденные ею проблемы. Когда она будет разрешена («умрет»), начнется новый цикл, жизнь следующего поколения — будущее. Политик, который манипулирует нашим сознанием, представляет нам вместо целостной проблемы ее маленький кусочек, да и его дробит на части — так, чтобы мы осмыслить целое и сделать выбор не могли. Мы должны верить ему, как жрецу, который владеет всем знанием.

Взять ту же проблему приватизации земли. Ее старательно представляют как чисто экономическую проблему — это как поставить ларек на рынке или убрать его. Уже такое усечение вопроса — надежный признак манипуляции, других бы и не надо. Всякий политик, который вначале не предупреждает, что собственность на землю предопределяет тип бытия народа (а значит, и тип самого народа и его культуры), должен сразу рассматриваться как манипулятор. Другое дело — предупредил, а потом скажи: но я, мол, сейчас затрону только маленький кусочек проблемы, экономический. Но и экономический раздел очень велик, и его сначала надо очертить весь, а потом переходить к купле-продаже. Никакой вопрос нельзя принимать как искренне поставленный, если не дана его предыстория. Почему в России никогда не было частной собственности на землю? Почему крестьяне требовали национализации? Какие силы конкретно столкнулись в этом вопросе сегодня?

Изыятие из контекста. Это признак, родственный предыдущему. Изымая проблему из реального контекста, не говоря о важных внешних факторах, манипулятор загоняет нашу мысль, нашу работу по толкованию его сообщения в нужный ему узкий коридор. Поэтому как только возникают

подозрения, что политик или его пропагандист умалчивает о внешнем обрамлении проблемы, внутренний голос должен нас предупредить — манипуляция! Возьмем ту же проблему купли-продажи земли. На недавней международной конференции криминалистов, посвященной наркобизнесу и отмыванию денег, в главном докладе в особом разделе сказано, что лучший способ отмыwania денег — покупка земли. Далее сказано прямо, что мировой наркобизнес ждет закона о свободной продаже земли в России — единственной большой стране, где сельское хозяйство разорено, государство коррумпировано и земля пойдет по дешевке. Можно ли игнорировать этот «внешний фактор» и даже не упоминать о нем? Только в том случае, если политик или СМИ, поднимающие вопрос о продаже земли, участвуют в большой программе манипуляции.

Тоталитаризм источника сообщений. Поскольку возможно более полное устранение несогласных источников информации и мнений — важнейшее условие успеха манипуляции, отсутствие реального диалога есть верный признак манипулятивного характера сообщений. Зная это, манипуляторы стараются купить или вырастить в собственном коллективе подсадных уток, которые якобы «спорят» с манипулятором. Но если проблемы слишком жгучие, то манипуляторы предпочитают не дать зародиться самой мысли, что возможен диалог и сравнение точек зрения. Поэтому лучше уж обойтись без подсадных уток — надежным приемом полного затыкания рта оппоненту. Так что когда «независимое» телевидение сообщает какую-то важную установку и при этом не дает слова или хотя бы полслова серьезному противнику этой установки — оно пытается манипулировать сознанием. Сейчас тоталитаризм источника информации есть верный признак манипуляции. Иногда этот тоталитаризм нарушается в связи с частными и тщательно контролируруемыми противоречиями между отдельными кликами, но при этом главные проблемы нашей жизни все равно не поднимаются — за этим строго следят. Да и в мелочах отсутствие стороннего комментария, который не составляет никакого труда получить, есть признак манипуляции.

Тоталитаризм решения. Еще более наглядным и связанным с предыдущим признаком является тоталитаризм самой формулы решения, которое внушается аудитории. Иного не дано! Коней на переправе не меняют! Альтернативы пере-

стройке нет! Когда слышатся такие речи, можно в уме спокойно ставить галочку: «манипулятор». Сама суть жизненного процесса в том, что мы идем по извилистому пути, и на каждом шагу — перекресток, разветвление пути. И мы делаем выбор, каждый раз его обдумывая. Часто эта работа по принятию решения делается так быстро, что мы ее не замечаем, но она делается. Когда выбор сложный и при нем возникает противоречие интересов, альтернативы должны быть явно обнародованы. Когда же нам говорят, что выбора нет, что «реформе» нет альтернативы, то это манипуляция, доведенная до уровня гротеска. Беда в том, что соучастниками в ней стали слишком многие, так что на общественное мнение оказывает давление большая армия «вторичных манипуляторов».

Смешение информации и мнения. Это — настолько грубый прием манипуляции, что в европейских законах против него введены даже ограничительные нормы. Человек, который приготовился узнать факты, с трудом может защититься от внушаемого ему вместе с фактами мнения об этих фактах. Тебе говорят, что в метро Токио кто-то разбрызгал отравляющее вещество зарин — и тут же подпускают мнение, что это сделали сектанты. А назавтра уже говорят: «сектанты, которые разбрызгали отравляющее вещество зарин...» Натренировать сознание так, чтобы в любом сообщении автоматически разделять информацию и мнение, не очень сложно. Когда поток мнения идет слишком густо, разум должен подавать сигнал: внимание, манипуляция!

Прикрытие авторитетом. Когда как довод в поддержку какого-то чисто идеологического или политического утверждения привлекается авторитет и уважение, завоеванные в совершенно иной, не связанной с этим утверждением сфере, то это — типичная манипуляция¹. Разве французский киноактер Депардьё со своим симпатичным толстым носом может иметь для нас какой-нибудь авторитет при выборах президента? С точки зрения здравого смысла — нет. Он, приезжая в Москву агитировать за Ельцина, эксплуатирует наши чувства и подсознание. Когда А.Д. Сахаров, который всю жизнь в

---

¹ Тут, впрочем, опять надо вспомнить гл. 3. В идеократическом государстве похожие акции имеют ритуальный, а не манипулятивный смысл. Артисты, писатели и ученые одобряют политику государства как представители своих цехов, корпораций, а вовсе не как участники дебатов по вопросу, который отражает общественное противоречие.

закрытом институте изучал слабые взаимодействия в ядре атома, внушает нам мысль, что СССР должен разделиться на 150 государств, и при этом напоминает, что он — академик, то это грубый прием манипуляции. Никакого авторитета в вопросе государственного устройства ни его запас знаний, ни его жизненный опыт ему не дают. Использование им авторитета ученого — подлог. Да, Ростропович хорошо играет на виолончели, так мало кто умеет. Но когда он берет в руки автомат, чтобы защитить демократию или пасть жертвой советской военщины и, усталый, засыпает в кресле, «не выпуская из рук оружия», то это — спектакль, который не должен нас растрогать.

Активизация стереотипов. Всегда должно вызывать подозрение, если взывающий к нам политик или деятель СМИ настойчиво обращается к нашим стереотипам, будит наше чувство какой-то общности, подчеркивая наше отличие от «них» — других. Стремление отправителя сообщений «стереотипизировать наше поведение», то есть добиться, чтобы мы воспринимали информацию и отвечали на нее в соответствии с нормами поведения определенной общности — верный признак манипуляции.

Когда соучастница Гайдара Элла Памфилова вдруг начинает пускать слезу по поводу тяжелой судьбы «наших отцов», это — дешевая эксплуатация нашего стереотипа сыновей. Когда подручные Гусинского на НТВ, пособляющие клану, «отделяющему Чечню», вдруг начинают душевно сострадать «нашим мальчикам» в Чечне, это должно сразу насторожить разумного человека. Всегда, услышав в обращении явную или скрытую апелляцию к каким-то укорененным в нас чувствам или установкам, полезно быстро пробежать в уме ипостаси своего «я» и прикинуть, на какую из них давит обращающийся ко мне идеолог. Тогда легче будет понять, на какую автоматическую реакцию он рассчитывает и к чему незаметно клонит. Как только мы пытаемся это осознать, исчезает автоматизм и начинается процесс рассуждения. Толчок к нему — обнаружение признака манипуляции.

Некогерентность высказываний. Это — важнейший признак, и он довольно легко выявляется даже интуитивно. Стоит только чуть-чуть быть настороже, как начинаешь ощущать: что-то тут не так. Концы с концами не вяжутся! Если в одной фразе проклинают советский строй за то, что пересохло

озеро Арал, а в следующей его же проклинаят за то, что пытался перебросить часть воды из сибирских рек в озеро Арал, то эти рассуждения некогерентны и нас просто дурят. Очень часто некогерентность есть следствие предварительной манипуляции, жертвой которой и стал данный оратор, но это не так уж важно — «вторичные» манипуляторы столь же вредны, хотя вина их идет по другой статье. Польза «вторичных», однако, в том, что у них некогерентность бывает более выпуклой, более вопиющей, потому что они сами ее уже не замечают.

Особым случаем надо считать одновременную подачу СМИ противоречащих друг другу сообщений. Это — признанная, нескрываемая нестыковка, которая должна просто сбить с толку людей, растрепать их мысли, из ничего создать отвлекающую проблему.

Кстати, выявлять нестыковки в утверждениях политиков и СМИ — хороший и увлекательный интеллектуальный спорт. Уж если приходится смотреть телевизор и читать газеты, стоит им заниматься. Очень быстро глаз натренируется, и становится даже смешно смотреть, как пыжится манипулятор связать концы с концами в очередной идеологической утке. Упражнения на выявление некогерентности укрепляют системность мышления и охраняют ту университетскую культуру, которую дала нам школа. Это — важный способ противостоять накату мозаичной культуры.

* * *

Перейдем ко второй стороне нашей проблемы — правилам поведения, которые должны снизить нашу уязвимость к воздействию манипуляторов.

Первое правило — прочувствовать и осознать, что мы живем в ином обществе, нежели раньше. Мы попали в джунгли, где за нами (за нашим сознанием) идет охота. Тяжело это и непривычно, но вести себя надо в соответствии с реальностью, а не нашими пожеланиями и старыми привычками. Перед нами не ежик в тумане, не заяц и даже не добрый волк из «Ну, погоди!», а черепашки-ниндзя. И мы для них — ничто, общность, которую нет смысла эксплуатировать. Если эти черепашки окончательно овладеют ключами к нашему сознанию, они превратят нас не в слуг, не в пролетариев, не в рабов, а подведут к пропасти — и мы сами в нее прыгнем.

Что бы нам ни говорили, исходя из самых умных теорий и ссылаясь на самых умных экономистов, мы должны опираться, как на скалу, на один безусловный и абсолютно надежный факт: здесь, на этой холодной земле, с этим же самым «негодным, пьющим, ленивым и т.д.» народом, без всяких кредитов МВФ мы имели страну с второй по силе экономикой и несокрушимой обороной. То плачевное состояние, в котором мы сегодня находимся, вызвано не стихийными бедствиями, не вторжением злых инопланетян, а действиями вполне конкретных людей и групп. В нашей беде нет ничего сверхъестественного или природного — только человеческое.

Произвести изменения, в результате которых большинство народа лишено почти всех средств к жизни, и изъяты у большинства богатствами завладело очень небольшое меньшинство (причем завладело, разрушив при этом хозяйство), можно было только благодаря ошибочному выбору и ошибочным решениям большинства. Эти ошибки были им совершены в результате большой программы манипуляции общественным сознанием с множеством прямых подлогов и обманов. Ни в какой правовой системе эта манипуляция не может быть узаконена и оправдана. О морали и говорить нечего. Проблема теперь — только в целесообразности той или иной линии поведения. Поэтому лучше остановить интервенцию в наше сознание. Какие для этого приемы может использовать каждый в отдельности и те организации, в которых люди собираются для спасения? Перечислим кратко то, что прямо или косвенно было обсуждено в книге.

Сокращение контактов. Надо поменьше бывать в зоне контакта с манипулятором или потенциальным манипулятором. Мы не можем совсем «не ходить на собрания нечестивых», но надо хотя бы ходить поменьше. В действительности разнообразия информации на разных каналах телевидения нет никакого — так незачем и переключать телевизор с одной программы на другую в надежде получить какую-то иную крупницу знания. Эта крупница того не стоит. Нужная информация так или иначе до нас дойдет. Лучше избегать и соблазна побыть в «театре скандалов», который разыгрывают перед нами манипуляторы. Трудно бороться с соблазнами, но надо стараться. Не следует уповать на свою устойчивость — сигналы телевидения действуют в нужном ему направлении независимо от того, как мы к ним относимся в нашем сознании. Хоро-

шо было Одиссею слушать сирен — он приказал товарищам привязать его к мачте. А им-то надо было грести и управлять парусом. Если бы он не залил им уши воском — так бы все и пропали.

Уход от захвата. Важный этап в манипуляции — захват аудитории, ее «присоединение». Как сказано в одном учебнике, «успех манипуляции невозможен без создания союзника в душевном мире адресата». Пока захват не произошел, ему можно успешно сопротивляться — тогда и последующие усилия манипулятора пропадают даром, а вы даже можете за ними наблюдать отстраненно и с пользой для себя. Эффективен такой простой прием, как прерывание контакта, уход на время. Всякая операция захвата имеет свой сценарий, свой ритм. Если во время сеанса гипноза «жертва» вдруг скажет: «Я тут отлучусь ненадолго, а вы пока продолжайте», — все усилия гипнотизера пойдут насмарку. Если вдруг телевидение или митинговые политики устраивают большой накат и давят на психику, полезно на время «выйти» из этой обстановки, успокоиться, подумать — а потом «вернуться». Очарование спадает, и дальнейшие стадии манипуляции кажутся даже странными — потому что вы оказались «неприсоединенными».

Если есть возможность, то полезно прервать словоизлияния манипулятора вопросами, которые резко нарушают его сценарий. Вопросами типа «скажите прямо, куда вы клоните?» Этот вопрос заставляет манипулятора переходить к сути дела, не завершив «присоединение» аудитории и, следовательно, не лишив ее способности критически воспринимать сообщения. Или же манипулятору придется игнорировать вопрос, что может вызвать недовольство и укрепит психологическую защиту. Даже ловкого манипулятора сбивает с толку человек, который выглядит непонятливым и все переспрашивает. В общем, любой способ нарушить программу манипуляции полезен, чтобы ее затруднить и снять наваждение.

Изменение темпа. В программе манипуляции очень важен темп. Манипулятор достигает успеха, когда он опережает процесс мобилизации психологических защит аудитории. Поэтому такое большое значение придается сенсационности и срочности. Кавалерийская атака на слушателя и зрителя! С этого ритма надо стараться манипулятора сбить, нельзя позволить ему навязать его темп нашему сознанию — они не должны войти в резонанс. Этот прием отражен в народной

мудрости: «Утро вечера мудренее!» Это значит, что полезно прервать контакт, дать сырым мыслям, чувствам и впечатлениям «отлежаться» — а потом начать «на свежую голову». Надо навязывать ходу манипуляции рваный и вязкий ритм, сходу отвергать нагнетаемую обстановку срочности. На самом деле срочность эта всегда бывает ложной, искусственно созданной. Нельзя этому давлению поддаваться, нельзя сходу принимать оценки, которые нам навязывают. Известное «тугодумие» крестьян в большой мере объясняет их замечательную устойчивость против манипуляции.

Отсеивание шума. Манипуляция успешна в условиях «демократии шума», когда человека бомбардируют потоком ничемных сообщений, и он не может сосредоточиться на той проблеме, по которой он должен выработать точку зрения. Не может сосредоточиться — вынужден хвататься за подsunутую ему трактовку. Устойчивость против манипуляции снижается, если одновременно с сообщением, которое внушает какую-то идею, на сознание человека воздействуют «помехой». Отсюда вывод: получив сообщение, в котором может быть скрыта идеологическая «контрабанда», надо отфильтровать шумы, которые служат помехами при обдумывании именно этого сообщения. Лучше на время вообще вырваться из потока сообщений, чтобы обдумать одно из них. Потеря невелика, этот поток не иссякнет, и ничего действительно важного нас не минует.

Непредсказуемость. Легче всего манипулировать сознанием человека, мышление которого отвечает четкому и строгому алгоритму. Если же оно петляет, следует необычной логике и приводит к парадоксальным выводам, подобрать к нему ключ трудно. Манипуляторы Запада с большим трудом находили подход к дикарям, китайцам, африканцам. Негры уже два столетия живут в США, но до сих пор «одомашнены» в малой степени. В общем, эффективным способом ухода от захвата и воздействия манипулятора является создание искусственной непредсказуемости твоей реакции (источников информации, способа ее переработки, логики умозаключений, темпа взаимодействия, типа высказываний и т. д.). Как сказал К. Кастанеда, «когда ты непредсказуем, ты неуязвим».

Конечно, это непростое дело, но кое-какие приемы можно выработать. Например, можно постараться сознательно

задерживать или вообще блокировать автоматические реакции — не позволять играть на своих стереотипах. Ах, ты меня хочешь разжалобить песенкой «мы, русские люди...»? При чем здесь русские? Я вот работаю, а зарплату мне не заплатили — это как? Какая разница, русский я или чуваш? Выход из коридора навязываемых тебе стереотипных реакций, «смена поля» нарушает программу манипуляции. По реакции автора сообщений (хотя бы проигранной в мыслях) будет видно, может ли он закончить свою мысль как разумную — или выстраивает манипулятивную конструкцию. Честного политика и собеседника этим не собьешь, ибо его мысль когерентна, у него образ русского не войдет в противоречие с образом работника.

Отключение эмоций. Большинство стереотипов, которые используют манипуляторы, сильно окрашены эмоционально. Раскачать чувства — для манипулятора половина успеха. Поэтому общим правилом можно считать такое: увидев, что идеологи почему-то давят на какое-то твое чувство, следует на время сознательно притупить это чувство. Воспринять сообщения бесстрастно, как автомат, а потом на холодную голову обдумать их наедине с собой, без подсказки. Это может показаться цинизмом, но полезно поставленную проблему сначала «проиграть» вообще вне морального контекста — как военные планируют свои бомбардировки. «Проиграть», а потом уже включать моральные ограничения и предпочтения. Очень часто на чувствах играют для того, чтобы переключить эмоции, канализировать их на абстрактного или специально подсунутого козла отпущения, увести внимание от главного действующего лица. Иной такой козел даже рад своей роли, такой уж у него темперамент. Да и оплачивают, наверное, неплохо.

Полезный прием проверки адекватности чувства, которое в тебе разбередили пропагандисты, заключается в том, что ты подставляешь вместо «врага» или «спасителя» какую-нибудь другую фигуру, не такую одиозную или привлекательную. Сохраняется это чувство? Если нет, значит с проблемой оно не связано, а внушено с целью манипуляции.

Диалогичность мышления. Манипуляторы стараются превратить нас в потребителей идей, во внимающее ухо и расширенный зрачок. Нас лишили всякого открытого диалога, ибо он снимает наваждение. Диалог разрушает манипуля-

цию. У нас пока что один выход — перенести диалог на «молекулярный» уровень, даже вести его как мысленный диалог. Но не принимать ни одного утверждения без вопросов. Надо делать усилия, чтобы найти зацепку для вопроса даже в самом «круглом» утверждении, и помнить, что свойство нашего ума — уходить от трудных вопросов, «заметать их под ковер». Поэтому во многих ответственных профессиях введено что-то вроде обязательного перечня вопросов, которые при выполнении сложной операции надо вслух задать — и вслух ответить, как это бывает у пилотов самолета¹. Если мы научимся «говорить сами с собой», то наше мышление наверняка выйдет из колеи, предусмотренной манипуляторами, оно станет непредсказуемым. Может быть, мы станем похожи на сумасшедших, но сумасшедшими манипулировать невозможно, их умозаключения парадоксальны с точки зрения заданного алгоритма.

Создание контекстов. Поскольку один из главных приемов манипуляции — втиснуть проблему в искусственно построенный контекст (часто это ложный контекст), то и защитным средством будет неприятие предложенной постановки вопроса, замена навязываемого контекста иными, выстроенными независимо от потенциального манипулятора. Вот, нам говорят: «В СССР отсутствовала категория прав человека, а на Западе присутствовала». Не будем спорить насчет категории, а спросим хотя бы себя: «Ну и что, что отсутствовала? В одинаковом ли контексте находились СССР и Запад?» Сам собой начинается в воображении процесс построения контекстов, и довольно быстро идеологема прав человека начинает выглядеть неадекватной реальности. Ведь сами говорят: казарменный социализм. Какие же могут быть в казарме «права человека»? В ней «права и обязанности бойца».

Почему же казарменный? Нам нравилось жить в казарме? Да нет, жизнь загнала, «холодная война» с несравнимым по ресурсам противником. На деле-то мы жили даже не в казарменном, а в окопном социализме. Может быть, во время войны все равно было бы лучше жить не в окопе или казарме, а на даче? Нет, не лучше. Безопаснее в окопе или хоть неда-

---

¹ Приходилось слышать, что у опытных пилотов бывали аварии оттого, что они становились самоуверенными и пренебрегали этим правилом — и забывали совершить какое-то необходимое действие при посадке.

леко от окопа, в казарме. Вот сейчас мы живем на даче, питаемся с наших шести соток. Миллион лишних смертей в год имеем, и с правами человека выходит похуже, чем в окопе.

То же утверждение можно поставить в иной, исторический контекст. Да, Запад говорит о правах человека, а мы не говорили. Ну и что? Когда Запад о них заговорил? При сенаторе Маккарти? При Муссолини и Гитлере? При Лютере и Кальвине? При Миттеране, залившим кровью Алжир? Нет, заговорил буквально вчера, при президенте Картере. Ну, так у нас еще было время, у каждой цивилизации свой исторический возраст. Мы помоложе Запада, не надо торопиться, подрастем еще. Поспешишь — людей насмешишь.

Создание альтернатив. Манипулятор, пресекая диалог, представляет выгодное ему решение как не имеющее альтернативы — иначе начинаются размышления, рассуждения. В общем, пиши пропало. Такое условие надо сразу отметить. Как это иного не дано? Быть такого не может! Стоит только разрешить самому себе прикинуть в уме разные варианты решения, как вся постройка манипуляции рушится — и сразу видны корыстные намерения. Вот, выполняя программу разрушения «империи зла», раздули проблему депортации целых народов — крымских татар, чеченцев. Переселить целый народ, какой ужас! Преступление века! Даешь «Закон о репрессированных народах»!

На весь этот крик разумный человек должен был бы спросить: «Господа хорошие, а как надо было поступить в 1944 году с крымскими татарами, воевавшими на стороне немцев?» Пусть бы Сахаров прямо ответил: «Расстрелять все 20 тысяч служивших у немцев мужчин-татар по закону военного времени». Ответили бы так? Нет, просто свернули бы всю кампанию манипуляции. Потому что даже в самом воспаленном уме промелькнула бы мысль, что для крымских татар как народа лишиться практически всех молодых мужчин означало бы исчезновение с лица земли.

Так же можно предложить тем, кто ратует за продажу земли: «Зачем так кипятиться? Во всех странах фермеры арендуют землю. Давайте просчитаем такой вариант — при нынешних компьютерах это плевое дело. Аппетиты наших деревенских стариков-землевладельцев можно ограничить законом, пусть берут за аренду 10 % урожая, заодно и подкормятся». Подсчитают — прослезятся. Но зато всем будет видно, что не о фермерах болит душа у энтузиастов продажи земли.

Просто назвав вполне реальные альтернативы, можно пресечь манипуляцию. Если нельзя назвать их вслух, то надо представить их в уме — тогда хотя бы ты лично защитишь себя от манипулятора.

Включение здравого смысла. Это вещь для образованного человека непростая, но при некотором усилии доступная. Когда слышишь страстные речи, то лучше пропустить мимо ушей красивые фразы и ухватить только главный довод. Потом допустить, что он верен, и подумать, соответствует ли здравому смыслу то решение проблемы, которое предлагает пламенный оратор. «А как бы сделал я?» — вот первый вопрос.

Как ни странно, чаще всего оказывается, что сам бы ты так не сделал. Вспомним хотя бы «военный переворот» августа 1991 г. Объявился ГКЧП, пускает по всем каналам телевидения «Лебединое озеро». С другой стороны, Ельцин с Поповым призывают народ на баррикады. Арестовали нашего президента Горбачева! Давайте все умрем за него на баррикадах — или свергнем проклятую диктатуру (чью?). А почему сразу баррикады? Что бы сделал я? Сначала бы позвонил в Форос и узнал, в чем дело, почему такая буза? Форос не отвечает? Телефон занят? Есть много других способов связаться. А уж потом — баррикады. На деле уже во второй половине дня 19 августа, без всякой дополнительной информации многим людям стало ясно, что весь этот переворот — спектакль. Но этих «многих» все же было ничтожное меньшинство. А большинству внушили самые нелепые толкования происходящего. И до сих пор многие верят, что жена Пуго застрелилась из-за того, что Янаеву не дали стать президентом СССР.

Поиск корня проблемы. Манипуляция во многом сводится к тому, что людям предлагают такую трактовку проблемы (противоречия), которая уводит от сути. Люди шумят, волнуются, может быть даже пришибут какого-нибудь стрелочника, но вреда заказчику манипуляции не принесут. Лучше всего, конечно, чтобы ложную трактовку дали «представители» самой страдающей стороны в противоречии, например, в случае социального противоречия, профсоюзы. Профсоюзные боссы сегодня так трактуют наши социальные беды: «Рыночным ценам — рыночную зарплату!» А что рыночная зарплата при отсутствии спроса на рабочую силу может быть равна нулю, об этом они «забывают». Но если профсоюзных

боссов нанять дорого, то манипуляторы обходятся просто скромными тружениками телевидения.

Еще Достоевский говорил, что надо доходить до последних вопросов. Это значит, надо сразу отвергать предложенную трактовку и начинать ставить вопросы самому, шаг за шагом углубляясь. Тогда быстро приходишь к той сути, от которой как раз тебя отводят пламенные защитники народа — как отводит летчик ракету от самолета, выпуская тепловую ловушку.

В книге в виде учебных задач приведен ряд примеров того, как при переходе на чуть-чуть более глубокие уровни трактовки проблемы она предстает в совсем ином свете. При желании можно набрать множество таких примеров. Вспомним хотя бы, как нам много лет представляли чуть ли не как главную социальную проблему невыплату зарплаты. И все так в это уверовали, что когда после года задержек людям вдруг выплачивали часть, все были счастливы и шли голосовать за добрую власть. Это все равно как по совету раввина ввести в дом козла. Потом, когда он разрешит тебе козла выгнать — какое счастье! Добившись «выплаты» люди уже забывают спросить о главном: почему же так абсурдно низка покупательная способность моей зарплаты? Даже если принять, что производство упало вдвое — почему моя реальная зарплата уменьшилась в пять-шесть раз? Почему чиновник, который всегда и везде получал зарплату примерно в два раза выше, чем такой работник как я, вдруг стал получать в триста раз больше?

Включение памяти, проекция в будущее. Память и предвидение — основа психологической защиты против манипуляции, потому-то они и являются одним из главных объектов разрушительных действий. Манипуляторы применяют целый ряд технологий, чтобы вытравить у нас чувство исторического времени, они помещают нас в «вечное настоящее», они навязывают нам особое, замкнутое время спектакля. Вырваться из лап манипулятора — значит вырваться из этого заколдованного временного круга.

Каждый раз надо делать усилие и восстанавливать память о той проблеме, которую ставят перед тобой манипуляторы. Если нет сил и времени, чтобы что-то прочесть, навести справки, спросить знающих людей, то лучше уж не верить предлагаемому тебе мифу, а попытаться связать те факты, которые ты наверняка знаешь. Поразительно, например, как сумели

идеологи перестройки на голом месте создать «миф Столыпина» — так, что он стал кумиром либеральной интеллигенции (одно время 40 % опрошенных интеллектуалов считали его самым великим деятелем России — ставили выше Петра I). Достаточно широко известно, что приватизация земли по Столыпину провалилась, что она привела Россию к революции, что столыпинские переселенцы в Сибири как раз и составляли основу партизанских отрядов, изгнавших Колчака и т. д. Нет, ради вспыхнувшей вдруг любви к столыпинской реформе наша интеллигенция отказалась от Льва Толстого и А.В. Чаянова.

Пожалуй, внедрение в умы «мифа Столыпина» можно считать блестящей операцией, настолько мало для него было оснований. Ведь очевидно даже без дополнительного чтения, что заметного слоя «фермеров», которые бы стали опорой буржуазно-помещичьего строя, как предполагалось в плане реформы Столыпина, создать не удалось. Россия осталась крестьянской и даже более крестьянской, нежели была до реформы, реформа только озлобила общину и возбудила в ней ненависть к мироедам (то есть поедателям общины). Чему же тут радоваться и что прославлять?

Вырываясь из «вечного настоящего», из навязанного нам спектакля, мы должны опереться на здравый смысл языка. Что посеешь, то и пожнешь. Это пока цветочки — ягодки будут впереди. Язык напоминает нам о связи времен — а телевидение нашептывает, что будущего нет. Что у нас одна великая забота — даст ли МВФ транш в марте или не даст. Ах, все-таки даст! Ах, не даст! А так все хорошо — ВВП Российской Федерации вырос на 4 %. А сколько мальчиков родилось в 2001 г.? А сколько мальчиков придет в армию в 2010 г.? А что будет в 2015 г.?

Смена языка. Наконец один из главных принципов защиты от манипуляции — отказ от языка, на котором потенциальный манипулятор излагает проблему. Не принимать его язык, его терминологию, его понятия! Пересказать то же самое, но другими словами, избегая всяких идеологических категорий. Пересказать пусть грубо и коряво, но в абсолютных понятиях, которые можно перевести в совершенно земные, осязаемые образы — хлеб, тепло, рождение и смерть. Если все десять лет реформы идет вымирание населения, если в русских областях почти прекратилась рождаемость, если кре-

стьяне вынуждены были вырезать более половины крупного рогатого скота и почти всех овец, то называть это «путем к нормальной экономике» не позволяет здравый смысл.

Так и не надо мыслить в таких категориях. Надо говорить именно об изменениях в их осязаемой натурной форме. Говорят, у нас был «казарменный социализм», и, дескать, поэтому его надо было разрушить. Это странно слышать для рассудительного человека. При чем здесь социализм? Какая разница, как назвать? Назови хоть горшком. Ведь факт, что у нас было определенное жизнеустройство, и мы можем весьма точно описать его в абсолютных понятиях: чем питались люди, как одевались и обогревались, чем болели и чего боялись. В совокупности это и было строем жизни. В нем были недостатки, были и достоинства, чему отдать предпочтение — дело вкуса. Мы — рабы слов. Так не надо, чтобы словами еще и командовал берущий нас за глотку манипулятор.

Но главный совет — думать. И думать усиленно, трудно, как землекоп копает тяжелую глину.

Научное издание

Кара-Мурза Сергей Георгиевич
ВЛАСТЬ МАНИПУЛЯЦИИ

Компьютерная верстка
Е. Костраменкова

Корректор
А. Греков

ООО «Академический Проект»
Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
Федеральной службы по надзору в сфере защиты
прав потребителей и благополучия человека
№ 77.99.60.953.Д.003959.04.08 от 22.04.08.

По вопросам приобретения книги просим обращаться

*в ООО «Трикта»:
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aproject.ru
www.aproject.ru*

Подписано в печать 02.04.09.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура QuantAntigua. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 3000 экз.
Заказ № 212.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

КНИГА — ПОЧТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСКО-КНИГОТОРГОВАЯ ФИРМА
«ТРИКСТА»

предлагает заказать и получить по почте книги
следующей тематики:

- ▶ психология
- ▶ философия
- ▶ история
- ▶ социология
- ▶ культурология
- ▶ учебная и справочная литература
по гуманитарным дисциплинам
для вузов, лицеев и колледжей

Прислав маркированный конверт с обратным адресом,
Вы получите каталог, информационные материалы
и условия рассылки.

Наш адрес:

111399, Москва, ул. Мартеновская, 3,
ООО «Трикста», служба «Книга — почтой».

Заказать книги можно также
по тел.: (495) 305-37-02, факсу: 305-60-88

или по электронной почте:

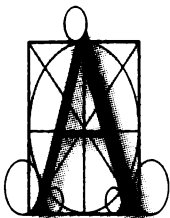
e-mail: info@aproject.ru

Просим Вас быть внимательными и указывать полный
почтовый адрес и телефон/факс для связи.

С каждым выполненным заказом Вы будете получать
информацию о новых поступлениях книг.

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАКАЗОВ!

В.А. Воронцов

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: ШОКИ БЕЗ ТЕРАПИИ ЭПОХИ ЕЛЬЦИНА

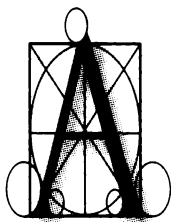
Многие страницы новейшей истории России еще не описаны, но уже вольно или невольно начинают стираться из памяти россиян. Даже профессионалы с трудом вспомнят о том, что такое «черный вторник» или «черный четверг». Получить об этом объективную информацию студентам и школьникам, интересующимся историей своей страны, практически негде. Еще труднее найти правдивые сведения о таких событиях эпохи Ельцина, как шоковая терапия, денежные реформы, секвестр, девальвации рубля, секвестр бюджета, дефолт 1998 года, ползучая приватизация, скандалы с фирмой «Нога» и крупнейшим банком Америки, загадочная история с фирмой «Мабетекс», «дело писателей», и о многом другом.

Обо всем этом впервые подробно, с цифрами и фактами, рассказано в предлагаемой читателям книге, автором которой является профессор В.А. Воронцов — единственный в истории ельцинской эпохи советник всех 11 сменивших друг друга правительств России с 1991 по 2000 год.

Книга, предназначенная широкому кругу читателей, интересующихся новейшей историей России, содержит не только ценную фактологию о прошлом, но и проливает свет на причины многих событий в настоящем и будущем нашей страны.

Несомненно, представленные фактические данные могут стать серьезным подспорьем для преподавателей истории в вузах и школах, поскольку в ней собраны воедино многие значимые события 90-х годов.

В.В. Цыганов

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ
МЕНЕДЖМЕНТ: МЕХАНИЗМЫ
УПРАВЛЕНИЯ И БОРЬБЫ
В БИЗНЕСЕ И ПОЛИТИКЕ:
Словарь-справочник**

Рассмотрен предмет и метод информационного менеджмента, механизмы управления и борьбы в политике и экономике. Механизмы и архетипы информационного менеджмента позволяют решать задачи информационного управления и борьбы на разных уровнях — от межличностных отношений до организаций, предприятий и крупномасштабных систем. В частности, показано, что информационный менеджмент может использоваться для обеспечения глобальной стабильности — регулирования потребления природных ресурсов странами «золотого миллиарда» и численности населения развивающихся стран. Для адаптации государств и обществ к изменениям используется антиолигархический и антиимперский информационный менеджмент. Рассмотрены механизмы безопасного демонтажа проблемных централизованных систем (в частности, олигархической системы, а также имперской системы глобального центра капитала). Дана классификация антиолигархических и антиимперских информационных войн. Приведен словарь терминов, используемых в информационном менеджменте.

В книге всесторонне исследуются методы и формы манипуляции общественным сознанием, имеющей своей целью «зомбирование», роботизацию человека. Автор считает, что уже в настоящее время деятельность по манипуляции общественным сознанием «изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты», в особенности читателя и телезрителя. Занимая позицию неприятия технологий такого рода, автор утверждает, что именно через отношение к манипуляции сознанием (законна ли она и имеет ли моральные оправдания) определится цивилизационный и культурный выбор новой России: «это не выбор президента, партии и даже политического строя. Речь идет о выборе жизнеустройства».

ISBN 978-5-8291-1154-0

9 785829 111540